

"Марианна и неизвестный из Тосканы"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Жюльетта Бенцони

Мариана и неизвестный из Тосканы

ПРАВО СИЛЬНОГО

Глава I. СТРАННОЕ СВИДАНИЕ

Внезапно Наполеон прекратил хождение из угла в угол и остановился перед Марианной. Съежившаяся, с закрытыми глазами, в глубоком кресле у огня молодая женщина с облегчением вздохнула. Даже смягченные толстым ковром, эти мерные шаги болезненно действовали ей на нервы и отдавались в голове. Слишком богатый впечатлениями вечер настолько опустошил ее, что только непрерывная мигрень позволяла ей считать себя живой. Сказалось возбуждение при ее первом появлении на сцене театра Фейдо, пережитый страх и особенно непостижимое появление в ложе человека, которого она считала убитым, затем такое же необъяснимое его исчезновение. Было от чего свалиться и более крепкому организму!

Не без усилия она открыла, глаза и увидела, что император с озабоченным видом глядит на нее, заложив руки за спину. Был ли он действительно взволнован, или просто недоволен? Каблук его изящного башмака с серебряной пряжкой уже почти просверлил ковер нежной окраски, тогда как тонкие вздрагивающие ноздри и стальной блеск серых глаз предвещали бурю. И Марианна невольно задала себе вопрос: любовник, император или судебный следователь стоит перед ней? Ибо за десять минут, после того как он примчался вихрем, не было сказано ничего существенного, а молодая женщина догадывалась, какие вопросы ждут ее. Тишина комнаты, только что казавшаяся мирной и успокаивающей, с ее зелено-голубыми драпировками, яркими цветами и прозрачным хрусталем, приобрела какую-то неуверенность. И действительно, внезапно она взорвалась от сухих слов:

— Ты абсолютно уверена, что не стала жертвой галлюцинации?..

— Галлюцинации?..

— Да-да! Ты могла увидеть кого-нибудь похожего на... этого человека, но не обязательно его. Все-таки было бы слишком странно, если бы английский дворянин мог свободно разгуливать по Франции, посещать театры, даже войти в ложу князя так, что его никто не заметил! Моя полиция лучшая в Европе!

Несмотря на страх и усталость, Марианна с трудом удержала улыбку. Это было именно так: Наполеон больше недоволен, чем озабочен, и только потому, что репутация его полиции находилась под угрозой. Один Бог знает, сколько иностранных шпионов могло беспрепятственно прогуливаться по этой прекрасной Франции!.. Она хотела было попытаться убедить его в этом, но решила, что лучше не восстанавливать против себя грозного Фуше.

— Сир, — начала она с усталым вздохом, — я знаю так же хорошо, как и вы, может быть, лучше, как бдителен ваш министр полиции, и не чувствую никакого желания вменять ему это в вину. Но одно достоверно: человек, которого я видела, был Франсис Кранмер и никто иной!

Наполеон сделал раздраженный жест, но тут же взял себя в руки, присел рядом с Марианной и спросил удивительно мягким тоном:

— Как можешь ты быть уверенной? Ведь ты же сама говорила мне, что плохо знала этого человека?

— Лицо того, кто разрушил одновременно и вашу жизнь, и воспоминания, не забывается. К тому же правую щеку человека, которого я видела, пересекал длинный шрам, а у лорда Кранмера в день нашей свадьбы его не было.

— Что же доказывает этот шрам?

— То, что я кончиком шпаги рассекла ему щеку, чтобы заставить драться! — тихо сказала Марианна. — Я не верю в сходство вплоть до следа раны, о которой здесь знаю только я. Нет, это был он, и отныне я в опасности.

Наполеон рассмеялся и полным внезапной нежности жестом привлек к себе Марианну.

— Что за глупости ты говоришь! Mio dioce amor! Что может тебе угрожать, когда я люблю тебя?.. Разве я не император? Или ты не уверена в моем могуществе?

Словно по мановению волшебной палочки страх, только что сжимавший сердце Марианны, разжал свои когти. Она вновь обрела необыкновенное ощущение безопасности, надежное покровительство, которое один он мог ей обеспечить. Он прав, говоря, что никто не может до нее добраться, когда он здесь. Но... ведь он скоро уедет. Словно испуганный ребенок, она припала к его плечу.

— Я доверяю только вам... только тебе! Но ты скоро покинешь меня, покинешь Париж, оставишь меня в одиночестве.

Она смутно надеялась, что он вдруг предложит ей уехать с ним. А почему бы ей не поехать, ей тоже, в Компьен?

Конечно, новая императрица приедет через несколько дней, но разве не может он спрятать ее в каком-нибудь городском доме, неподалеку от дворца?.. Она уже готовилась высказать свое желание вслух, но увы, он выпустил ее из объятий, встал и бросил быстрый взгляд на стоявшие над камином золоченые часы.

— Я не буду долго отсутствовать. И затем, вернувшись во дворец, я приглашу Фуше. Он получит строгий приказ в отношении этого дела. В любом случае он перероет весь Париж в поисках Кранмера. Ты дашь ему завтра точные приметы.

— Герцогиня де Бассано говорила, что заметила в ложе некого виконта д'Обекура, фламандца. Может быть, под этим именем скрывается Франсис.

— Хорошо, виконта д'Обекура отыщут. И Фуше даст мне подробный отчет обо всем! Не терзайся, carissima mia, даже издалека я позабочусь о тебе. А теперь я должен тебя покинуть.

— Уже! Неужели я не могу удержать тебя хотя бы еще на одну ночь?

Марианна тут же пожалела о своих словах. Раз он так торопился оставить ее, зачем было ей унижаться, умоляя его не уходить? В глубине ее сердца демоны ревности вырвались на свободу, словно и не было никогда уверенности в его чувствах... Разве не на встречу с другой женщиной уезжает он вскоре? Полными слез глазами она следила, как он подошел к дивану, поднял и натянул свой брошенный при входе серый сюртук. Только одевшись, он взглянул на нее и ответил:

— Я надеялся на это, Марианна. Но, вернувшись из театра, я нашел целую гору депеш, на которые необходимо дать ответ до отъезда. Представляешь ли ты, что, уезжая сюда, я оставил

в моей приемной человек семь?

— В такой час? — недоверчиво протянула Марианна.

Он стремительно вернулся к ней и, проворно схватив за ухо, потянул к себе.

— Запомни, девочка: посетители официальных дневных аудиенций не всегда бывают самыми важными! И я принимаю по ночам гораздо чаще, чем ты можешь себе представить. Теперь прощай!

Он нагнулся и легким поцелуем коснулся губ молодой женщины, но она не ответила на него... Выскользнув из кресла, она подошла к туалетному столику и взяла свечу.

— Я провожу ваше величество, — сказала Марианна с чуть-чуть преувеличенным почтением. — В такой час все слуги спят, кроме портье.

Она уже открыла дверь, чтобы первой выйти на площадку, но он удержал ее.

— Посмотри на меня, Марианна! В тебе пробудилось желание, не так ли?

— Я не посмела бы себе позволить такое, сир!.. Разве я уже не очастливлена сверх меры тем, что ваше величество смогло найти несколько минут такого драгоценного времени в столь важный период его жизни, чтобы вспомнить обо мне? А я всего лишь его покорная служанка.

Официальный реверанс не получился. Наполеон помешал, отобрал и поставил в сторону свечу, заставил встать Марианну, крепко прижал ее к себе, затем рассмеялся.

— Черт возьми, да ты мне устраиваешь сцену? Ты ревнива, любовь моя, и это тебе к липу! Я уже говорил, что ты достойна быть корсиканкой! Видит Бог, как ты хороша при этом! Твои глаза сверкают, словно изумруды на солнце!

Ты умираешь от желания сказать мне какую-нибудь гадость, но не смеешь, и это приводит тебя в ярость! Я ощущаю, как ты дрожишь...

Говоря это, он перестал смеяться. Марианна увидела, как он побледнел и сжал челюсти, и поняла, что им снова овладело желание. Внезапно он прижался к шее молодой женщины и стал покрывать быстрыми поцелуями ее плечи и грудь. Теперь уже его охватила дрожь, тогда как Марианна, откинув голову назад и закрыв глаза, слушала, как неистовствует ее сердце, наслаждаясь каждой его лаской. Ее охватила дикая радость, рожденная как гордостью, так и любовью, при мысли, что ее власть над ним осталась непоколебимой. В конце концов он взял ее на руки и отнес к кровати, где и положил без особых церемоний. Через несколько минут шедевр Леруа, чудесное белое платье, совсем недавно ослепившее весь Париж, лежало на ковре кучкой изорванного и ни к чему больше не пригодного шелка. Но Марианна, задыхаясь в объятиях Наполеона, видела только бледно-зеленую ткань балдахина над головой.

— Я надеюсь, — прошептала она между двумя поцелуями, — что те, кто ожидает вас в Тюильри, не найдут, что время идет слишком медленно... и они не так уж важны для вас?

— Курьер от царя и посол от папы, дьяволенок! Ты довольна?

Вместо ответа Марианна крепче обняла за шею своего возлюбленного, оплела ногами его бедра и со вздохом удовлетворения закрыла глаза. Минуты, подобные этим, вознаграждали за все тревоги, огорчения и ревность. Когда она, как сейчас, ощущала его неистовство в

пароксизме страсти, это всегда успокаивало ее ревность. Невозможно, чтобы Австриячка, эта Мария-Луиза, которую он скоро положит в свою постель на место Жозефины, могла возбудить в нем подобную любовь. Ведь она просто перепуганная дуреха, которая должна молить Бога о милости каждую минуту путешествия, приближавшую ее к исконному врагу Габсбургов. Наполеон должен казаться ей Минотавром, презренным выскочкой, на которого ей следовало смотреть с высоты своей царственной крови или безвольно покориться, если она была, как шептались в салонах, заурядной девицей, лишенной как ума, так и красоты.

Но когда часом позже Марианна увидела через окно вестибюля своего портье, закрывающего тяжелые ворота за императорской берлиной, к ней мгновенно вернулись ее сомнения и опасения, — сомнения, ибо она увидит вновь императора только женатым на эрцгерцогине, опасения, так как Франсис Кранмер — под своим именем или чужим — разгуливает по Парижу в полной свободе. Ищейки Фуше могли помочь ей, только напав на его след. А это требовало времени, Париж так велик!

Продрогнув в накинутом второпях кружевном пеньюаре, Марианна взяла светильник и поднесла к себе с неприятным чувством одиночества. Шум увозившей Наполеона кареты доносился издали грустным контрапунктом с еще звучавшими в ее ушах словами любви. Но, несмотря на всю проявленную им нежность и категоричность обещаний, Марианна была слишком тонкой натурой, чтобы не услышать шелест переворачиваемой страницы ее жизни и, как бы ни была сильна связывавшая ее с Наполеоном любовь, то, что было, уже не вернется.

Войдя в свою комнату, Марианна с удивлением обнаружила там кузину. Закутавшись в бархатную душегрейку, в надвинутом на лоб чепчике, м-ль Аделаида д'Ассельна, стоя посередине комнаты, с интересом, но не выказывая никакого удивления, рассматривала брошенные на ковре остатки знаменитого платья.

— Как вы тут оказались, Аделаида? Я думала, вы давно спите.

— Я всегда сплю вполглаза, к тому же что-то подсказало мне, что вы будете нуждаться в обществе после отъезда «его»! Вот это мужчина, который умеет разговаривать с женщинами!.. — вздохнула старая дева, бросив на пол кусок отливающего перламутром атласа. — Я понимаю, что это доводит вас до безумия! То же самое было со мной, это я вам говорю, когда он был лишь маленьким генералом, невзрачным и тщедушным. Но могу ли я узнать, как он воспринял внезапное воскрешение вашего покойного супруга?

— Скверно, — сказала Марианна, роясь в разоренной постели в поисках ночной рубашки, которую Агата, ее горничная, вернувшись из театра, должна была положить на одеяло. — Он не совсем уверен, что мне это не почудилось.

— А... вы не сомневаетесь?

— Конечно, нет! Для чего бы мне вдруг понадобилось вызывать дух Франсиса, когда он находился в пятистах лье от меня и я его считала мертвым? Моя бедная Аделаида, к несчастью, нет: это был точно Франсис... и он улыбался, глядя на меня, улыбался такой улыбкой, что меня охватил ужас! Один Бог ведает, что он приберет для меня!

— Поживем — увидим! — спокойно заметила старая дева, направляясь к застеленному кружевной скатертью столику с сервированным для Марианны холодным ужином, к которому, впрочем, не прикоснулись ни она, ни император.

С невозмутимым видом Аделаида откупорила бутылку шампанского, наполнила два бокала, сразу осушила один, снова наполнила его, а другой отнесла Марианне. После чего она

вернулась за своим, подцепила с блюда крылышко цыпленка и уместилась на краю кровати, пока ее кухня укладывалась.

Удобно устроившись на подушках, Марианна согласилась взять бокал и со снисходительной улыбкой посмотрела на м-ль д'Ассельна. В аппетите Аделаиды было что-то сказочное. Количество пищи, которое могла проглотить эта маленькая женщина, худая и хрупкая, просто пугало. На протяжении дня она непрерывно что-нибудь грызла, что несколько не мешало ей, когда приходило время, с энтузиазмом садиться за стол. Все это, впрочем, не прибавляло ей ни грамма веса и ни на йоту не умаляло ее достоинство.

Безусловно, странного серого существа, озлобленного и сварливого, которого Марианна обнаружила однажды ночью в салоне, в момент когда оно хотело поджечь дом, больше не существовало. Оно уступило место женщине почтенного возраста, с хорошими манерами, чей позвоночник вновь обрел естественную прямизну. Хорошо одетая, с благородной сединой в волосах, завитых по старинной моде в локоны, выглядывающие из-за кружева чепца или бархата шляпки, экс-революционерка, преследуемая полицией Фуше и отправленная под надзор в провинцию, вновь стала знатной, благородной девицей Аделаидой д'Ассельна. Но сейчас, с полужакрытыми глазами, с трепещущими от наслаждения крыльями выдающегося носа, она дегустировала цыпленка и шампанское с видом кошки-лакомки, забавлявшим Марианну, несмотря на ее теперешнюю угнетенность. Она не была особенно уверена, что заговорщица окончательно угасла в ее кухне, но такой, какой она была, Марианна очень любила Аделаиду.

Чтобы не нарушить ее гастрономическую сосредоточенность, она медленно пила содержимое бокала, ожидая, когда старая дева заговорит, ибо она догадывалась, что у той есть что сказать. И действительно, оставив от крыла одну косточку и выпив шампанское до последней капли, Аделаида утерла губы, открыла глаза и озарила кухню глубоким, полным удовлетворения взглядом.

— Мое дорогое дитя, — начала она, — я считаю, что в данный момент вы подходите к вашей проблеме не с той стороны. Если я правильно поняла, неожиданное воскрешение вашего покойного мужа повергло вас в большое смятение, и с тех пор, как вы опознали его, вы живете в постоянном страхе вновь увидеть его. Это действительно так?

— Конечно! Но я не пойму, к чему вы клоните, дорогая. Неужели, по-вашему, я должна радоваться при появлении человека, которого я справедливо покарала за его преступление?

— Мой Бог... да, до некоторой степени!

— И почему же?

— Да потому что, если этот человек жив, вы больше не убийца и вам нечего бояться, что английская полиция вас сцапает, если предположить, что она посмеет во время войны обратиться с подобным ходатайством к Франции!

— Меня больше не пугает английская полиция, — улыбаясь, сказала Марианна. — Кроме того, что мы находимся в состоянии войны, покровительства императора достаточно, чтобы я не боялась ничего в мире! Но в одном смысле вы правы. В конце концов, ведь приятно сознавать, что твои руки больше не обгажены кровью.

— Вы в этом уверены? Остается очаровательная кухня, которую вы так ловко уложили...

— — Безусловно, я не убила ее. Если Франсис смог спастись, я готова поспорить, что Иви Сен-

Альбэн тоже жива.

К тому же у меня больше нет никаких оснований желать ей смерти, потому что Франсис для меня всего лишь...

— ..супруг, надлежащим образом освященный Церковью, моя дорогая!.. Вот почему я говорю, что вместо того, чтобы волноваться и пытаться избавиться от вашего призрака, вы должны смело выступить против него. Если бы я была на вашем месте, я сделала бы все на свете, чтобы встретить его. Итак, когда гражданин Фуше придет лицезреть вас завтра утром...

— Откуда вы знаете, что я жду герцога Отрантского?

— Я никогда не привыкну называть его так, этого расстригу! Но в любом случае он не может не прийти завтра...

Да не смотрите на меня так!.. Ну конечно, приходится подслушивать, когда тебя интересует что-нибудь.

— Аделаида! — вскричала шокированная Марианна.

М-ль д'Ассельна протянула руку и ласково похлопала ее по плечу.

— Не будьте такой благонамеренной! Даже я, одна из д'Ассельна, могу подслушивать под дверь! Знали бы вы, как это иногда может быть полезно. Так на чем я остановилась со всем этим?

— На визите гер... министра полиции.

— Ах да! Итак, вместо того чтобы умолять его наложить лапу на вашего прелестного супруга и отправить его в Англию с первым попавшимся фрегатом, наоборот, попросите доставить Франсиса к вам, чтобы вы смогли ознакомить его с вашим решением.

— Моим решением? Я должна принять решение?.. Но какое? — вздохнула Марианна, ничего не понимая.

— Да, безусловно! Я просто удивляюсь, как вы об этом еще не подумали. Когда вы будете принимать министра, попросите его, между прочим, узнать, что случилось с вашим святым человеком, крестным отцом, этим непоседой Готье де Шазеем! Вот в ком мы будем нуждаться в самое ближайшее время!.. Еще когда он был ничтожным священником, он уже пользовался большим доверием у папы. И вам не кажется, что для того, чтобы аннулировать брак, папа может быть полезен? Вы начинаете понимать, не правда ли?

Да, Марианна начала понимать. Идея Аделаиды была такой простой, такой блистательной, что она удивилась, как ей раньше это не пришло в голову. Вполне возможно, что расторгнуть ее брак будет легко, поскольку он не был безупречным и заключен с протестантом. Тогда она будет свободной, совершенно и чудесно свободной, раз с нее сняли обвинение в убийстве мужа. Но по мере того, как в ее памяти всплывала миниатюрная, но полная достоинства фигура аббата де Шазея, Марианна чувствовала, как ее охватывает тревога.

Каждый раз, когда на заре осеннего дня она в отчаянии смотрела с набережной Плимута на исчезающий вдаль небольшой парусник, она думала о своем крестном отце! Вначале с сожалением, однако и с надеждой, а по мере того, как шло время, с некоторым беспокойством. Что скажет Божий человек, такой непримиримый в вопросах чести, так слепо преданный

своему изгнанному королю, найдя крестницу в облике Марии-Стэллы, оперной певицы и любовницы узурпатора? Сможет ли он понять, сколько пришлось Марианне перенести страданий и неприятностей, чтобы дойти до этого... и от этого быть счастливой? Конечно, если бы она догнала аббата на Барбикене в Плимуте, ее судьба сложилась бы совершенно иначе. Она, безусловно, получила бы по его рекомендации убежище в каком-нибудь монастыре, где в молитвах и размышлениях постаралась бы забыть и искупить то, что никогда не переставала называть справедливой экзекуцией... но, если она часто и с сожалением вызывала в памяти доброту и нежность своего крестного, Марианна откровенно признавала, что она ничуть не сожалела о том образе жизни, который он предложил бы вдове лорда Кранмера. В конце концов Марианна поделилась с кузиной одолевавшими ее сомнениями.

— Я буду бесконечно счастлива отыскать моего крестного, кузина, но не кажется ли вам, что это выглядит слишком эгоистично: разыскивать его только ради расторжения брака? Мне кажется, что император...

Аделаида захлопала в ладоши.

— Какая прекрасная мысль! Как я раньше об этом не подумала? Император, конечно, император, — вот выход, — затем, изменив тон:

— Император, который приказал генералу Радэ арестовать папу; император, который держит его пленником в Савоне; император, которого его святейшество в превосходной булле «*Quum memorandum...*» 1 так мастерски отлучил от Церкви в прошедшем июне, — и это император, который нужен нам, чтобы представить папе прошение о разводе... тогда как ему самому не удалось расторжения собственного брака с несчастной Жозефиной!

— Это правда, — промолвила сраженная Марианна. — Я забыла. И вы полагаете, что мой крестный?..

— Вы будете иметь развод в руках, едва он попросит!

Я в этом ничуть не сомневаюсь! Найдем дорогого аббата и... кривая вывезет: вперед к свободе!

Внезапный энтузиазм Аделаиды склонил Марианну отнести за счет шампанского ее восторженный оптимизм, но нельзя было отрицать, что старая дева права, и при данном стечении обстоятельств никто, кроме аббата Шазей, не смог бы помочь... хотя неприятно было осознать, что Наполеон не всемогущ. Но удастся ли быстро отыскать аббата?..

Ударом иссохшего пальца Фуше захлопнул крышку табакерки, опустил ее в карман, затем с подлинным изяществом XVIII века пощелкал по муслиновому галстуку и накрахмаленным оборкам рубашки.

— Если этот аббат де Шазей вращается в окружении Пия VII, как вы считаете, он должен находиться в Савоне и, я думаю, что нам не составит труда найти его и препроводить в Париж. Что же касается вашего супруга, похоже, что дела обстоят менее удачно.

— Неужели это так трудно? — живо откликнулась Марианна. — Разве он и виконт д'Обекур не одно и то же лицо?

Министр полиции встал и, заложив руки за спину, стал медленно прохаживаться по салону. Его хождение не было таким нервным и импульсивным, как у императора. Оно было спокойным, задумчивым, и Марианна невольно задумалась, почему мужчины испытывают такую необходимость мерить ногами комнату, когда их втягивают в обсуждение чего-либо. Не

Наполеон ли ввел это пристрастие в моду?

Аркадиус де Жоливаль, самый дорогой, верный и незаменимый Аркадиус, тоже был в этом грешен.

«Ходячие» размышления Фуше оборвались перед портретом маркиза д'Ассельна, гордо царившим над желто-золотой симфонией салона. Герцог посмотрел на него, словно ожидал ответа, затем в конце концов повернулся к Марианне и окинул ее мрачным взглядом.

— Вы в этом так уверены? — сказал он медленно. — Нет никаких доказательств, что лорд Кранмер и виконт д'Обекур одно и то же лицо!

— А я это хорошо знаю. Но я хотела бы по меньшей мере увидеть его, встретить...

— Еще вчера это было бы просто. Смазливый виконт, квартировавший до сих пор в отеле Плинон на улице Гранж-Бательер, после своего приезда усердно посещал салон мадам Эдмон де Перигор, для которой он привез письмо от графа Монтрона, ныне пребывающего в Анвере, как вам, без сомнения, должно быть известно.

Марианна сделала утвердительный знак, но нахмурила брови. Ее охватило сомнение. Со вчерашнего дня она была уверена, что Франсис и виконт д'Обекур — одно лицо. Она цеплялась за это предположение, словно хотела доказать себе, что не стала жертвой галлюцинации.

Но как представить себе Франсиса у племянницы Талейрана? М-м де Перигор, хотя и урожденная княжна Курляндская и самая богатая наследница в Европе, проявила себя более чем дружески по отношению к Марианне даже тогда, когда простая лектриса г-жи де Талейран звалась м-ль Малерусс. Конечно, Марианна не знала, сколь велики связи ее подруги, которую она, впрочем, не так уж усердно посещала, но молодой женщине казалось, что если бы лорд Кранмер вошел в салон Доротеи де Перигор, какой-нибудь таинственный голос обязательно предупредил бы Доротею.

— Значит, в Анвере, — сказала она наконец, — виконт д'Обекур познакомился с графом Монтроном? Но это не доказывает, что он оттуда родом. Между Фландрией и Англией существуют очень тесные отношения.

— С этим я готов согласиться, но я спрашиваю себя, мог ли сосланный граф Монтрон, находящийся под надзором императорской полиции, набраться смелости стать гарантом замаскированного под фламандца англичанина, то есть шпиона. Не слишком ли велик риск? Заметьте, я считаю Монтрона способным на все, но с условием, чтобы это принесло ему выгоду, а, если память мне не изменяет, человек, за которого вы вышли замуж, видел в вас только внушительное приданое, немедленно, кстати, промотанное им. Исходя из этого, я не верю в любезность Монтрона, не подкрепленную финансовой приманкой.

С этим стройным логическим рассуждением Марианне пришлось, хотя и с сожалением, согласиться. Итак, Франсис, может быть, не прячется под именем фламандского виконта, но он был в Париже, это уж точно. Она тяжело вздохнула и спросила:

— У вас нет сведений о прибытии какого-нибудь судна контрабандистов из Англии?

Фуше кивнул и продолжал:

— Неделю назад, ночью, английский куттер приставал к острову Хеди, чтобы забрать оттуда одного из ваших хороших друзей, барона де Сен-Юбера, с которым вы познакомились в

каменоломнях Шайо. Разумеется, я узнал об этом, только когда куттер отдал концы, на то, что он забрал кого-то, не значит, что он раньше не высадил кого-нибудь другого, прибывшего из Англии.

вернуться

1

«Хотя и достойный упоминания...» (лат.).

— Как знать? Разве что...

Марианна замолчала из-за внезапно промелькнувшей мысли, заставившей заблестеть ее зеленые глаза. Затем она продолжала, только тише:

— Скажите, а Никола Малерусс по-прежнему в Плимуте? Ему, может быть, известно кое — что, касающееся движения подобных судов.

Министр полиции сделал ужасную гримасу и изобразил шутливый реверанс.

— Сделайте одолжение, моя дорогая, поверьте, что я гораздо раньше вас подумал о нашем необыкновенном Блэке Фише... Но сейчас я не знаю, где точно находится этот достойный сын Нептуна. Уже с месяц, как он исчез.

— Исчез? — возмутилась Марианна. — Один из ваших агентов! И вас это не беспокоит?

— Ничуть. Потому что, если бы он был пойман или повешен, я бы уже знал об этом. Блэк Фиш исчез — «значит, он должен раскрыть что-нибудь интересное. Он идет по следу, вот и все! Да не огорчайтесь так! Черт побери, мой друг, я кончу тем, что поверю, будто вы испытываете подлинную привязанность к вашему» дядюшке «.

— Поверьте без колебаний! — сухо оборвала она. — Блэк Фиш был первым, кто протянул мне руку дружбы, когда я оказалась в беде, не думая получить что-нибудь взамен. Я не могу это забыть!

Намек был не завуалирован. Фуше закашлялся, прочистил нос, взял щепотку табака из черепаховой табакерки и, чтобы кончить с этим, заявил другим тоном, меняя тему разговора:

— Во всяком случае» вы, рассуждаете правильно, моя дорогая, а я послал по следу вашего призрака в голубом моих лучших сыщиков: инспектора Пака и агента Дегре. В настоящее время они проверяют всех иностранцев, живущих в Париже.

После легкого колебания Марианна, чуть покраснев, спросила, стыдясь своего упрямства:

— Разве... они не пошли к виконту д'Обекуру?

Фуше оставался безучастным. Ни один мускул не дрогнул на его бледном лице.

— Они именно с него и начали. Но со вчерашнего вечера виконт со своим багажом покинул отель Плинон, не сказав, куда он направляется... а вы не представляете себе, до какой степени обширны владения его величества императора и короля!

Марианна вздохнула. Она поняла. Если сейчас Франсиса не обнаружили, найти его будет так же трудно, как иголку в стоге сена... И однако, надо было за любую цену отыскать его... Но к кому обратиться, если Фуше признал себя побежденным?

Словно прочитав мысли молодой женщины, министр криво улыбнулся, склоняясь при прощании над протянутой ему рукой.

— Не будьте такой пессимисткой, дорогая Марианна, вы все-таки достаточно знаете меня, чтобы сомневаться в том, что, какие бы ни были трудности, я не люблю признавать себя побежденным. Поэтому, не повторяя слова господина де Калона Марии-Антуанетте: «Если это возможно — значит, сделано, невозможно — будет сделано», я удовольствуюсь более скромным — посоветую вам надеяться.

Несмотря на успокаивающие слова Фуше, несмотря на поцелуи и обещания Наполеона, Марианна провела последующие дни в меланхолии, окрашенной плохим настроением. Ничто и никто ей не нравился, а сама себе — еще меньше. Мучимая днем и ночью тысячами демонами ревности, она задыхалась среди изящной обстановки своего особняка, где металась, как зверь в клетке, но выйти наружу боялась еще больше, потому что сейчас она ненавидела Париж.

В ожидании императорской свадьбы столица суежилась в приготовлениях.

Повсюду постепенно появлялись гирлянды, флажки, фонарики, плошки. На всех общественных зданиях черный австрийский орел непринужденно соседствовал с золочеными орлами империи, заставляя ворчать старых гвардейцев Аустерлица и Ваграма, тогда как с помощью неисчислимого количества ведер воды и крепких метел Париж совершал свой парадный туалет.

Событие летало над городом, трепетало в лабиринтах его бесчисленных улиц, распевало в казармах, где репетировали фанфары, так же, как и в салонах, где переговаривались скрипки, переполняло лавки и магазины, где императорские портреты господствовали над морями шелков и кружев и горами съестных припасов, сбивало с ног портных и ставило на колени парикмахеров, задерживало зевак на набережных Сены, где готовились фейерверки и иллюминации, и, наконец, будило жажду в сердцах гризеток, для которых император вдруг перестал быть непобедимым богом войны, чтобы превратиться в довольно хорошую имитацию волшебного принца.

Безусловно, такая атмосфера праздника была живой и радостной, но для Марианны вся эта суматоха, организованная вокруг свадьбы, которая ранила ее сердце, — угнетающей и постыдной. Видя Париж... Париж, готовый приветствовать радостными криками, готовый склониться и мурлыкать, как ручной кот, у ног ненавистной Австриячки, молодая женщина чувствовала себя вдвойне обманутой... Поэтому она предпочла оставаться у себя, ожидая бог знает чего. Может быть, перезвона колоколов и артиллерийский салют, которые возвестят ей, что несчастье непоправимо и ее неприятельница вступила в город?

Двор уехал в Компьен, где эрцгерцогиня ожидалась 27 — го или 28 — го, но в салонах приемы следовали один за Другим. Приемы, на которые Марианна, отныне одна из самых известных женщин Парижа, получала массу приглашений, но ни за что в мире не согласилась бы пойти даже к Талейрану, особенно к Талейрану, так как она боялась тонкой иронической улыбки вице — канцлера императора. Поэтому Марианна и оставалась упорно дома под ложным предлогом простуды.

Орельен, портье особняка д'Ассельна, получил строгие инструкции: кроме министра полиции и

его посланцев, а также м-м Гамелен, хозяйка не принимает никого.

Фортюнэ Гамелен, со своей стороны, резко осудила такое поведение. Креолка, всегда жаждущая наслаждения и развлечений, нашла просто смешным заточение, на которое обрекла себя ее подруга из-за того, что возлюбленный уехал заключать брак по расчету. Через пять дней после знаменательного представления она пришла снова пожуричь свою подругу.

— Можно подумать, что ты вдова или отвергнутая! — возмущалась она.. — Именно в то время, когда ты находишься в самом завидном положении: ты — обожаемая, всесильная возлюбленная Наполеона, но отнюдь не рабыня. Этот брак освобождает тебя в известной степени от гнета верности. И, черт возьми, ты молода, невероятно красива, ты знаменита... и Париж полон соблазнительных мужчин, которые только и мечтают разделить с тобой одиночество! Я знаю по меньшей мере дюжину безумцев, без памяти влюбленных в тебя! Хочешь, чтобы я их назвала?

— Это бесполезно, — запротестовала Марианна, которую слишком свободная мораль бывшей «щеголихи» коробила, но и забавляла. — Это бесполезно, ибо у меня нет желания быть с другими мужчинами. Если бы я этого хотела, мне было бы достаточно ответить на одно из этих писем, — добавила она, указывая на небольшой секретер розового дерева, где громоздились полученные послания, которые каждый день вместе с многочисленными букетами приносили курьеры.

— И ты их даже не вскрываешь?

Фортюнэ устремилась к секретеру. Вооружившись тонким итальянским стилетом вместо разрезного ножа, она распечатала несколько писем, бегло пробежала содержимое, искала подписи и в конце концов вздохнула:

— Как грустно видеть это. Несчастливая, половина императорской гвардии влюблена в тебя. Посмотри только: Канувиль... Тробриан... Радзивилл... даже Понятовский. Вся Польша у твоих ног. Не считая других! Флао, сам красавчик Флао мечтает только о тебе. А ты остаешься здесь, в углу у камина, вздыхаешь, глядя на низкое небо, бегущие тучи и дождь, в то время как его величество скачет к своей эрцгерцогине. Слушай, знаешь, о ком ты заставила меня вспомнить? О Жозефине.

Именем разведенной императрицы, которая была для Фортюнэ не только соотечественницей, но и старинной приятельницей, удалось все-таки пробить укрывавшую Марианну стену плохого настроения. Она неуверенно взглянула на подругу.

— Почему ты это говоришь? Ты видела ее? Что она делает?

— Я видела ее вчера вечером! И по правде говоря, на нее еще больно смотреть. Вот уже много дней прошло, как она должна была покинуть Париж. Наполеон пожаловал ей титул герцогини Наваррской и поместье, которое вместе с огромным участком земли находится у Эвре... присоединив, разумеется, сдержанный, но непоколебимый совет уехать туда до свадьбы. Но она зацепилась за Елисейские поля, куда недавно вернулась, как за последний якорь спасения.

Дни проходят один за другим, а Жозефина еще в Париже.

Но все равно она уедет. Тогда зачем тянуть?

— Мне кажется, что я могу понять ее, — ответила Марианна с печальной улыбкой. — Разве не жестоко вырвать ее из своего дома и, словно ставшую ненужной вещь; отослать в другую,

незнакомый?

Почему бы не оставить ее в Мальмезоне, который она так любит?

— Слишком близко от Парижа. Особенно при прибытии дочери императора Австрии. Относительно того, чтобы понять, — добавила Фортюнэ, подойдя к зеркалу и любуясь страусовыми перьями на своей гигантской шляпе, — то я не уверена, что ты смогла бы! Жозефина хватается за тень того, чем она была... но она уже нашла утешение для своего разбитого сердца.

— Что ты хочешь сказать?

М-м Гамелен разразилась смехом, дав возможность засверкать своим белоснежным острым зубкам, после чего бросилась в кресло рядом с Марианной, обдав ее густым ароматом розы.

— А то, что должна сделать ты, моя красавица, что сделала бы любая разумная женщина в таком случае: она завела любовника!

Слишком ошеломленная новостью, чтобы ответить что-нибудь связное, Марианна довольствовалась тем, что широко раскрыла глаза, чем доставила удовольствие болтливой креолке.

— Не строй такую возмущенную мину] — вскричала та. — По-моему, Жозефина совершенно права. Из-за чего осуждать себя на одинокие ночи, которые, впрочем, большей частью были ее уделом в Тюильри. Она потеряла трон, но обрела любовь. Одно компенсирует другое, и, если хочешь знать мое мнение, это только справедливо!

— Возможно. И кто это?

— Холостяк лет тридцати, мощный, блондин, сложенный как римское божество: граф Ланселот де Тюрпен-Криссэ, ее камергер, что совсем удобно.

Марианна не смогла удержать улыбку, скорее припомнив свое девическое чтение, чем от словоохотливости подруги.

— Итак, — медленно произнесла она, — королева Гиневра обрела наконец счастье с рыцарем Ланселотом?

— Тогда как король Артур готовится развлекаться с пышной Герминой, — закончила Фортюнэ. — Как видишь, в романах не всегда пишут правду. Стоит ли так убиваться! Слушай, я тебе помогу!

Фортюнэ повернулась к секретеру, но Марианна жестом остановила ее.

— Нет. Это бесполезно! Я не желаю выслушивать нелепости первого встречного красавца. Я слишком люблю его, понимаешь?

— Одно другому не мешает, — упорно настаивала Фортюнэ. — Я обожаю Монтрона, но если бы я была обязана хранить ему верность с тех пор, как его выслали в Анвер, я бы сошла с ума.

Марианна давно уже отказалась от мысли примирить подругу со своей точкой зрения. Фортюнэ была наделена пылким темпераментом и, судя по всему, больше любила саму любовь, чем мужчин. Среди ее неисчислимых любовников последним оказался банкир Уврар, не такой

красивый, как неотразимый Казимир де Монтрон, но компенсировавший этот недостаток громадным состоянием, в которое маленькие зубки м-м Гамелен с наслаждением вгрызались... Однако пора было кончать с этим, и Марианна вздохнула:

— Несмотря на свадьбу, я не хочу изменять императору. Он непременно узнает об этом и не простит меня, — добавила она быстро, надеясь, что Фортюнэ сможет понять этот аргумент. — И потом, хочу напомнить тебе, что у меня есть где-то законный супруг, который может возникнуть с минуты на минуту.

Весь энтузиазм Фортюнэ испарился, и она неожиданно серьезно спросила:

— Есть какие-нибудь новости?

— Никаких. Просто вчера Фуше проговорился, что еще ничего не нашли... и даже этот виконт д'Обекур остается неуловимым. Я считаю, однако, что наш министр ищет добросовестно... Впрочем, Аркадиус, со своей стороны, дни и ночи рыщет по Парижу, все закоулки которого знакомы ему не хуже, чем профессиональному полицейскому.

— Все-таки это очень странно...

В этот момент, словно материализованный словами Марианны, в дверях салона показался с письмом в руке Аркадиус де Жоливаль, грациозно приветствуя дам. Как всегда, его элегантность была безупречной: оливково-зеленой с серым симфонии костюма придавала большой эффект белоснежная батистовая рубашка, над которой выступало смуглое личико мыши с живыми глазами, черными усами и бородкой писателя-импресарио и незаменимого компаньона Марианны.

— Наша подруга сказала мне, что вы проводите время в парижских трущобах, однако у вас такой вид, словно вы пришли с бала, — шутливо заметила Фортюнэ.

— Как раз сегодня я был, — ответил Аркадиус, — не в тех мрачных местах, а у Фраскатти, где лакомился мороженым, слушая болтовню милых девушек. И я избежал большой беды, когда мадам Рекамье разлила ананасный шербет, едва не запачкав мои панталоны.

— По-прежнему ничего? — спросила Марианна, чье напряженное лицо являло резкий контраст с веселыми минами ее собеседников.

Но Жоливаль, похоже, не заметил тревожную нотку в голосе молодой женщины. Бросив небрежным жестом письмо к уже лежавшим на секретере, он принялся рассматривать сардоникс с гравировкой, который он носил на левой руке.

— Ничего, — беззаботно проговорил он. — Человек в синем костюме словно улетел с дымом, как дух в персидских сказках. Зато я видел директора театра Фейдо, моя дорогая! Он удивлен отсутствием новостей от вас после памятного вечера в понедельник.

— Я сообщила ему о своей болезни, — с досадой оборвала его Марианна. — Этого ему достаточно.

— К несчастью, он другого мнения! Поставьте себя на его место: он находит звезду первой величины, этот человечина, а она вдруг исчезает, едва засияв. Нет, в самом деле, он строит относительно вас такие планы, причем чем дальше, тем больше насыщая их австрийским духом: он предполагает выдать «Похищение из сераля», затем концерт, составленный исключительно из Lieder 2 и...

— Об этом не может быть и речи! — нетерпеливо воскликнула Марианна. — Скажите этому человеку прежде всего, что я не вхожу в состав постоянной труппы Комической Оперы. Я только участница представления в зале Фейдо.

— Это ему хорошо известно, — вздохнул Аркадиус, — тем более что поступили и другие предложения и он знает об этом. Пикар хотел бы видеть вас в Опере, в знаменитых «Бардах», которые так нравятся императору, а Спонтини, в свою очередь, ссылаясь на ваше итальянское происхождение, настойчиво просит выступить с итальянцами в «Севильском цирюльнике» Паэзиелло. Наконец, в салонах...

— Хватит! — раздраженно оборвала Марианна. — Сейчас я и слышать не хочу разговоры о театре. Я не в состоянии заниматься постоянной работой... и в дальнейшем ограничусь, пожалуй, только концертами.

— Мне кажется, — вмешалась Фортюнэ, — лучше оставить ее в покое. Она до того издергана...

Она встала, сердечно обняла подругу, затем добавила:

— Ты в самом деле не хочешь прийти ко мне сегодня вечером? Уврал приведет женщин и... несколько интересных мужчин.

— Право же, нет! Кроме тебя, я не хочу никого видеть, особенно людей веселых. Будь здорова!

В то время как Аркадиус провожал м-м Гамелен до кареты, Марианна бросила на пол подушку и, устало вздохнув, села на нее против огня. Ее знобило. Может быть, представляясь больной, она и в самом деле заболела? Но нет, это только ее сердце, угнетенное сомнениями, беспокойством и ревностью, было больным. Снаружи наступала ночь, холодная и дождливая, настолько соответствовавшая ее настроению, что она даже с каким-то удовлетворением смотрела на темневшие из-за золоченых занавесей окна. Какой смысл говорить с ней о работе? Подобно птицам, она могла по-настоящему петь только с легким сердцем. Кроме того, она не имела желания попасть в тесные, зачастую очень жесткие рамки оперного персонажа. Да и может быть, у нее не окажется подлинного актерского призвания? Сделанные предложения не прельщали ее... хотя, возможно, одно отсутствие любимого человека вызывало у нее отвращение ко всему.

Теперь ее взгляд поднялся к большому портрету над камином, и снова молодая женщина ощутила озноб.

В темных глазах изящного офицера ей вдруг почудилась какая-то ирония, окрашенная презрительной жалостью к сидящему у его ног разочарованному существу. В теплом свете свечей маркиз д'Ассельна, казалось, вырос из туманной глубины холста, чтобы пристыдить дочь за то, что она недостойна его, впрочем, как и самой себя. И такой явственной была речь портрета, что Марианна покраснела.

вернуться

2

Песен (нем.).

Словно против своей воли молодая женщина прошептала:

— Вы не сможете понять! Ваша любовь была для вас такой естественной, что разлучившая вас смерть показалась, без сомнения, логическим продолжением и даже воплощением этой любви в более превосходной форме. Я же...

Легкие шаги Аркадиуса по ковру прервали защитительную речь Марианны. Несколько мгновений он созерцал молодую женщину, черным бархатным пятном выделявшуюся на сияющем убранстве салона, может быть, более очаровательную в своей меланхолии, чем в блеске радости. Близость огня придала ее щекам теплую окраску и зажгла золотые отражения в зеленых глазах.

— Никогда не следует оглядываться назад, — сказал он тихо, — и советоваться с прошлым. Ваше царство — будущее.

Он быстро подошел к секретеру, взял принесенное им письмо и протянул его Марианне.

— Вы должны прочитать хотя бы это! Когда я пришел, его передал вашему портье до самых глаз забрызганный грязью курьер, утверждавший, что оно срочное... Курьер, который должен был совершить длинный переход в плохую погоду.

Сердце Марианны пропустило один удар. Может быть, наконец, это новости из Компьена? Схватив конверт, она посмотрела на написанный незнакомым почерком адрес, затем на черную печать без всякого рисунка.

Нервным движением она сломала ее и развернула лист, на котором находилось несколько строк без подписи:

«Горячий поклонник синьорины Марии-Стэллы будет вне себя от радости, если она согласится встретиться с ним в этот вторник, двадцать седьмого, в замке Де-Брен-сюр — Вель, глубокой ночью. Местность называется Ляфоли 3, и это полностью соответствует просьбе того, кто будет ждать.

Осторожность и сдержанность...»

Текст казался странным, свидание — еще больше. Не говоря ни слова, Марианна протянула письмо Аркадиусу.

Она следила, как он пробежал глазами по строчкам, затем удивленно поднял брови.

— Любопытно, — сказал он. — Но, взвесив все, абсолютно ясно.

— Что вы хотите сказать?

— Что эрцгерцогиня отныне топчет землю Франции, что император действительно должен проявлять большую сдержанность... и что деревня Де-Брен-сюр-Вель находится на дороге из Реймса в Суассон. В Суассон, где новая императрица должна сделать остановку как раз двадцать седьмого вечером.

— Итак, по-вашему, это письмо от «него»?

— А кто другой мог бы предложить вам такое свидание в подобной местности? Я думаю, что...

— Аркадиус заколебался, не решаясь произнести тщательно замаскированное имя, затем продолжал, — что он хочет дать вам последнее доказательство его любви, проведя какое-то время с вами в тот самый момент, когда прибудет женщина, на которой он женится по

государственным соображениям. Это и должно развеять все ваши тревоги и страхи.

Но Марианну не надо было больше уговаривать. С порозовевшими щеками, со сверкающими глазами, вся целиком охваченная страстью, она думала только о той минуте, теперь близкой, когда она окажется в объятиях Наполеона... Аркадиус прав: он даст ей там, несмотря на окружающие его предосторожности, великолепное, чудесное доказательство любви!

— Я поеду завтра, — заявила она. — А вы прикажите Гракху приготовить мне лошадь.

— Но почему не карету? Погода отвратительная, а ехать туда около тридцати лье.

— Так лучше сохранить тайну, — улыбнулась она. — Всадник привлечет меньше внимания, чем карета с кучером.

Я превосходно держусь в седле, вы же знаете?

— Я тоже, — в тон ей ответил Жоливаль. — Так что я скажу Гракху, чтобы он оседлал двух лошадей. Я буду сопровождать вас.

— Какой смысл? Вы не верите, что...

— Я считаю, что вы молодая женщина, что на дорогах не всегда спокойно, что Брен — небольшое селение и что нам назначено свидание глубокой ночью в незнакомом мне месте. Не думайте, что я сомневаюсь в... том, кого вы знаете, но я не покину вас, пока не передам в надежные руки.

После чего я отправлюсь спать на постоянный двор.

Тон его был безоговорочный, и Марианна не настаивала. Тем более что общество Аркадиуса будет совсем не лишним в поездке, которая потребует не меньше трех дней.

Однако она не могла избавиться от мысли, что все это слишком сложно и гораздо проще было бы императору взять ее с собой в Компьен и поместить, как она того хотела, в каком — нибудь загородном доме. Правда, если верить сплетням, Полина Боргезе была с братом в Компьене и при ней находилась ее любимая фрейлина, та Кристина де Мати, которая до Марианны пользовалась благосклонностью Наполеона.

«Что это со мной делается? — вдруг подумала Марианна. — Я везде вижу соперниц. Действительно, Я Слишком ревнива. Надо лучше следить за собой».

Сильный стук входной двери прервал безмолвный монолог Марианны. Это была Аделаида, вернувшаяся из комитета призрения, где она проводила почти все вечера не столько, по мнению Марианны, из сострадания к неимущим, сколько из желания побывать в обществе и завести новые знакомства. И в самом деле, м-ль д'Ассельна, любопытная как сорока, приносила каждый раз целый ворох анекдотов и наблюдений, которые доказывали, что она уделяла внимание не только благотворительности.

Марианна поднялась, опираясь на предложенную Аркадиусом руку, и улыбнулась ему.

— Вот и Аделаида, — сказала она. — Идемте ужинать и слушать свежие сплетни.

Глава II. СЕЛЬСКАЯ ЦЕРКВУШКА

Около полудня следующего дня после отъезда Марианна и Аркадиус де Жоливаль спешили

перед постоянным двором «Золотое солнце» в Брене. Погода была ужасная: с самого рассвета непрерывный дождь заливал окрестности, и двое всадников, несмотря на их плотные кавалерийские плащи, настолько промокли, что им срочно требовалось убежище. Убежище и немного тепла.

Выбравшись накануне, они, по совету Аркадиуса, ехали с возможной быстротой, чтобы ознакомиться с местностью заранее, до этого странного свидания. Они заняли две комнаты в этой скромной, единственной здесь деревенской гостинице, затем расположились в низком, почти без посетителей, зале и занялись: одна — бульоном, другой — подогретым вином. На них никто не обращал внимания, настолько велико было возбуждение в обычно таком спокойном местечке на берегу Веля. Потому что вскоре, через час... может быть, два, новая императрица французов проедет через Брен, направляясь к Суассону, где она должна поужинать и заночевать.

И несмотря на дождь, все жители, в праздничных одеждах, находились снаружи, среди гирлянд и мало-помалу гаснувших плашек. Перед красивой церковью возвышался обтянутый французскими и австрийскими флагами помост, на котором влиятельные люди этой местности вскоре займут с зонтиками места, чтобы приветствовать новоприбывшую, а из открытых дверей старинного здания доносилось пение местного хора, репетировавшего «С благополучным прибытием», которым он будет приветствовать вереницу карет.

Все это придавало пейзажу яркий и радостный вид, удивительно контрастирующий с мрачностью погоды. Марианна сама чувствовала себя более грустной, чем обычно, хотя к плохому настроению и примешивалось неудержимое любопытство. Скоро она тоже выйдет на дождь, чтобы попытаться увидеть вблизи ту, кого она не могла не называть соперницей, дочь врага, которая посмела похитить у нее любимого человека только потому, что родилась на ступеньках трона.

Вопреки обыкновению Аркадиус был так же молчалив, как и Марианна. Облокотившись на отполированную поколениями посетителей толстенную доску стола, он углубился в созерцание пара, исходившего от темного вина в фаянсовой кружке. У него был такой отсутствующий вид, что Марианна не могла удержаться, чтобы не спросить, о чем он думает.

— О вашем сегодняшнем свидании, — со вздохом ответил он. — Я нахожу его еще более странным с тех пор, как мы прибыли сюда... настолько странным, что спрашиваю себя, действительно ли император назначил его вам?

— А кто же другой? Кто может быть кроме него?

— Вы знаете, что представляет собой замок Ляфоли?

вернуться

3

Lafolie (фр.) — безумие.

— Конечно, нет. Я никогда здесь не бывала.

— — А я был, но так давно, что все забыл. Хозяин гостиницы освежил мою память, когда я сейчас заказывал это питье. Замок Ляфоли, моя дорогая, место, безусловно, интересное, вы

можете увидеть его отсюда... однако, мне кажется, слишком суровое для любовного свидания.

Говоря это, достойный дворянин указал за окно на возвышавшийся среди заросшего лесом плато на другом берегу Веля величественный абрис полуразрушенной средневековой крепости. Укрытые серым плащом дождя, почерневшие от времени стены являли собой мрачное зрелище, которое не могла смягчить нежная зелень окружающих их деревьев.

Охваченная странным предчувствием, Марианна нахмурила брови.

— Эта феодальная лачуга? И это тот замок, куда я должна отправиться?

— Этот и никакой другой. Что вы об этом думаете?

Вместо ответа Марианна встала и взяла лежавшие на столе перчатки.

— Там вполне может быть западня вроде той, в которую я уже попадала. Припомните обстоятельства нашей первой встречи, дорогой Аркадиус... и ласки, изведенные в лапах Фаншон — Королевской Лилии в каменоломнях Шайо. Идемте, прошу вас, приведите лошадей. Мы сейчас же отправимся осмотреть это любопытное любовное гнездышко... Конечно, желательно, чтобы я ошибалась...

Но на самом деле она не особенно хотела этого, ибо, когда прошла радость первых минут, она от самого Парижа находилась в странном состоянии духа. На протяжении всей дороги, в любом случае приближавшей ее к возлюбленному, Марианна не могла избавиться от сомнений и беспокойства, возможно, из-за того, что пресловутое письмо было написано не «его» рукой и место свидания находилось прямо на пути эрцгерцогини. Правда, последнее обстоятельство стало известно, когда в Суассоне она услышала, что предусмотренная протоколом встреча императорской пары состоится двадцать восьмого в Понтарше, в каких-нибудь двух с половиной лье от Суассона по Компьенской дороге и совсем недалеко от Брена. Прошедшей ночью у Наполеона было достаточно времени подготовиться к встрече с ее свитой.

В данный момент сама мысль о действии помогала ей выбраться из бездны нерешительности и волн тревоги, в которых она пребывала вот уже неделю. Пока Аркадиус пошел за лошадьми, она вытащила из-за пояса благоразумно захваченный из Парижа пистолет. Это был один из тех, что ей подарил сам Наполеон, зная ее умение владеть оружием. Она хладнокровно проверила заряд. Если Фаншон — Королевская Лилия, шевалье де Брюслар или кто-нибудь из их мрачных приспешников ждет ее за старыми стенами Ляфоли, будет чем поприветствовать...

Она хотела выйти из-за стола, стоявшего перед единственным в зале окном, когда на другой стороне улицы кое-что привлекло ее внимание. Большая черная берлина, без гербов, но запряженная тройкой серых красавцев, остановилась против кузницы. Нагнувшись рядом с закутанным в большой зеленый плащ кучером над копытом одной из лошадей, кузнец, без сомнения, осматривал ослабевшую подкову. В этом зрелище не было ничего необычного, однако оно пробудило интерес в молодой женщине. Ей показалось, что кучер знаком ей...

Она попыталась разглядеть, кто находится в берлине, но видны были только два неясных, определенно мужских силуэта. Внезапно она вскрикнула: один из мужчин на мгновение нагнулся к окошку, видно, чтобы посмотреть, где кучер, и за стеклом отчетливо промелькнул бледный профиль под черной треуголкой, настолько врезавшийся в сердце Марианны, что она, ни секунды не колеблясь, узнала его.

Император!

Но что он делал в этой берлине? Уже направлялся на свидание в Ляфоли? Тогда почему он ждал, пока поправят подкову? Это показалось Марианне таким странным, что ее внезапная радость при виде его моментально угасла. Ей хорошо было видно, как там, в карете. Наполеон нахмурил брови и нетерпеливым жестом потребовал поспешить. Он спешит, очень спешит... но куда?

У Марианны не было времени задуматься над этим вопросом. Кузнец отошел в сторону, кучер взобрался на свое сиденье и хлопнул бичом. Лошади с места взяли в галоп, и берлина умчалась. В один момент Марианна выскочила наружу и нос к носу столкнулась с Аркадиусом, который привел лошадей.

Не говоря ни слова, Марианна вскочила в седло, ударом кулака надвинула до бровей шляпу, хорошо удерживавшую тугую массу ее заплетенных волос, затем, пришпорив лошадь, бросилась вслед за берлиной, уже исчезавшей в фонтанах воды и грязи. Аркадиус машинально последовал за ней, но, сообразив, что они удаляются от Ляфоли, прибавил скорости, чтобы догнать молодую женщину.

— Послушайте!.. Куда мы так мчимся?

— За этой каретой, — бросила Марианна, борясь со встречным ветром. — Я хочу узнать, куда она едет.

— Зачем?

— Там император.

Жоливаль какое-то время переваривал эту новость, затем, резко нагнувшись, схватил за повод лошадь Марианны и с удивительной в таком щуплом теле силой приостановил бешеный галоп.

— Вы сошли с ума? — яростно закричала Марианна. — Что вам взбрело в голову?

— Вам очень хочется, чтобы его величество заметил преследование? Это нетрудно по такой прямой дороге. Напротив, если мы поедem по тропинке, которую вы видите справа, мы срежем дорогу до Курселя, где будем значительно раньше императора.

— А что такое Курсель?

— Да это следующая деревня. Но, если я не ошибаюсь, император просто спешит навстречу своей невесте и не собирается нигде задерживаться.

— Вы думаете? О, если бы я была уверена в этом.

Молодая женщина вдруг сильно побледнела. Ужасная ревность последних дней, которая было отпустила ее, вновь вернулась, более горькая и более жгучая. Перед страдающим взглядом он печально улыбнулся и покачал головой.

— Но... вы же уверены в этом! Будьте откровенны перед самой собой, Марианна. Вы знаете, куда он направляется, и вы хотите увидеть... увидеть прежде всего «ее», а затем понаблюдать, как же пройдет первое свидание.

Марианна сжала зубы и отвернулась, направляя лошадь к узкой тропинке. Лицо ее стало замкнутым, но она призналась:

— Да, вы правы, но никто и ничто не помешает мне сделать это.

— Я и не сомневаюсь. Идите, раз уж вам хочется, но вы не правы. В любом случае вы будете страдать, причем совершенно бесполезно!

Снова в галоп, не обращая внимания на грязь и удвоивший свою силу дождь, оба всадника помчались по тропинке.

Она проходила почти рядом с Велем, несшим свои грязно-серые, взбухшие от проливных дождей воды между безлюдными берегами. С каждой минутой погода делалась все хуже. Еще недавно мелкий, теперь дождь лил как из ведра с наводящего тоску продырявленного неба. Но дорога над рекой оказалась действительно короче, и вскоре показались первые домики Курселя.

Когда Марианна и Аркадиус выбрались на дорогу, они заметили приближающуюся берлину, несущуюся с большой скоростью, вздымая колесами настоящие волны, — Пойдемте, — сказал Аркадиус, — здесь нельзя оставаться, если не хотите, чтобы вас заметили.

Он попытался увлечь ее под защиту находившейся совсем рядом небольшой церкви, но Марианна сопротивлялась. Она во все глаза смотрела на мчавшуюся карету, охваченная страстным желанием остаться здесь, показаться ему, поймать взгляд властелина, чтобы прочесть в нем... собственно, что? Но у нее уже не было времени предаваться размышлениям.

Возможно, из-за плохо подкованной лошади берлина на полном ходу отклонилась в сторону и задела передним левым колесом ступени придорожного распятия у въезда в Курсель. Колесо отлетело, и Марианна невольно вскрикнула, но мастерство кучера сделало буквально чудо.

Резко свернув, он удержал лошадей и остановил карету.

Двое мужчин тотчас выскочили из нее: один высокий, в необычном, особенно для такой погоды, головном уборе, другой — слишком знакомый, и оба — в высшей степени разозленные. Марианна увидела, как высокий показал на церковь и они побежали под дождем.

— Идем, идем, — торопил Аркадиус, схватив Марианну за руку, — иначе вы окажетесь нос к носу с ним.

Очевидно, они хотят укрыться здесь, пока кучер отыщет каретника.

На этот раз она уступила. Жоливаль стремительно увел ее за церковь, чтобы не быть на виду. Здесь росло несколько деревьев. Лошадь привязали к одному из них. Раз уж император остановился здесь, спутник Марианны прекрасно понимал, что о дальнейшем пути не может быть и речи. К тому же молодая женщина обнаружила узкую боковую дверь.

— Войдем в церковь, — предложила она. — Мы сможем видеть и слышать, оставаясь невидимыми.

Они проникли в небольшой придел, где сырой, холодный воздух с сильным запахом плесени свинцовой тяжестью лег на их промокшие плечи.

— Да мы здесь подхватим смертельную простуду! — пробурчал Жоливаль, на что Марианна не сочла нужным ответить.

В помещении царил полутьма. Церковь оказалась запущенной. Многие разбитые стекла

заменяла промасленная бумага. В углу лежала груда обломков разбитых статуй, возле нее две — три сомнительные скамейки, кафедра для проповедей, и все это было густо затянуто паутиной. Но большая полуоткрытая дверь перед амвоном позволяла видеть, что происходит в самом храме, куда именно спешно прибыли император и его спутник. Пронзительный, нетерпеливый и такой знакомый голос нарушил тишину зала:

— Мы подождем здесь. Ты думаешь, они еще далеко?

— Определенно, нет, — ответил другой, высокий, интересно одетый детина-с темными завитыми волосами, который старался укрыть под плащом громадную треуголку с пышным султаном из перьев. — Но зачем ждать здесь, под этими мрачными сводами, где вдобавок к дождю, промочившему нас снаружи, мы получим благословение от дырявой крыши. Разве нельзя найти убежище на одной из этих ферм?

— Пребывание в Неаполе не пошло тебе на пользу, Мюрат, — пошутил император. — Ты уже боишься нескольких капель воды?

— Я боюсь не за себя, а за мой костюм. Эти перья совсем потеряют вид, и я буду иметь честь приветствовать императрицу похожим на ощипанную курицу.

— Если бы ты одевался проще, этого не случилось бы.

Бери пример с меня!

— О, сир, вы — я всегда вам это говорил — вы одеваетесь слишком простонародно, и негоже предстать перед австрийской эрцгерцогиней в одеянии буржуа.

Эта необычная дискуссия об одежде позволила Марианне полностью обрести контроль над собой. Сердце перестало безумно биться, и ее ревность приглушило чисто женское любопытство. Итак, перед ней знаменитый Мюрат, зять императора и неаполитанский король? Несмотря на великолепный синий с золотом костюм, видневшийся из-под большого черного плаща, и высокий рост, она нашла, что лицо его, слишком вызывающее, выглядело, однако, заурядным. Может быть, он самый великий кавалерист империи, но в таком случае ему никогда не следует показываться без своей лошади. Один он выглядел как-то неукомплектованно. Между тем Наполеон объяснил:

— Я хочу сделать сюрприз эрцгерцогине, я уже говорил тебе об этом, и показаться ей без всякой пышности, так же, как я хочу увидеть и ее в простом дорожном костюме.

Мы выйдем на дорогу, когда покажется кортеж.

Тяжелый вздох, такой сильный, что его услышала Марианна, показал, что думает Мюрат об этом проекте, затем он покорно добавил:

— Подождем?..

— Полно! Не делай такую мину! Все это невероятно романтично! И я напому тебе, что твоя жена рядом с Марией-Луизой! Разве ты не рад снова увидеть Каролину?

— Разумеется! Но мы уже слишком давно женаты, чтобы неожиданная встреча могла так обрадовать. И к тому же...

— Замолчи! Ты ничего не слышишь?

Все находившиеся в церкви: и наблюдатели, и наблюдаемые — напрягли слух. Действительно, издали доносился своеобразный шум, похожий на приближающуюся все ближе и ближе грозу.

— В самом деле, — с явным облегчением сказал Мюрат. — Это уж наверняка кареты! Впрочем...

И неаполитанский король мужественно покинул укрытие, добрался до дороги, затем побежал обратно, крича:

— Вон первые гусары эскорта! Ваша супруга прибывает, сир!

В следующий момент Наполеон присоединился к нему, тогда как влекомая непреодолимым любопытством Марианна подошла к дверям церкви. Не было ни малейшего риска, что ее заметят. Все внимание императора приковалось к предшествуемой сине-розово-голубыми всадниками веренице карет, приближавшейся хорошим аллюром, и это ранило Марианну в самое сердце. Теперь ей стало ясно, с каким пылом он ожидал ту, от которой надеялся получить наследника, эту дочь Габсбургов с традиционно необходимой королевской кровью. Стараясь унять пронзившую ее боль, она вспомнила его развязные слова: «Я женюсь на брюхе...» Какая насмешка! Все в поведении ее возлюбленного — разве не говорили, что он готов научиться танцевать ради своей невесты, — просто кричало о нетерпении, с каким он ждал встречи с будущей женой, особенно эта романтическая эскапада в компании с его зятем. У него не хватило выдержки потерпеть до следующего дня, до официальной встречи, назначенной в Понтарше.

Теперь Наполеон вышел на середину дороги, и синие гусары останавливали лошадей перед этой знакомой фигурой с возгласами: «Император! Император здесь!» Услышав это, немедленно появился г-н де Сейсель, камергер. Но Наполеон не хотел никого ни видеть, ни слышать. Не обращая внимания на усиливавшийся дождь, он, как юноша, подбежал к запряженной восьмеркой лошадей большой карете и открыл дверцу, не ожидая, пока это сделают для него. Марианна увидела, что внутри находятся две женщины. Одна из них вскрикнула и склонилась в глубоком поклоне.

— Его величество император!

Но Наполеон, это было ясно, видел только ее спутницу: крупную розовощекую блондинку с круглыми голубыми глазами навывкате, у которой был довольно испуганный вид. Ее грубо вырезанные губы вздрагивали, хотя она и пыталась улыбаться. На ней был зеленый бархатный плащ и ужасная шляпа с пучком разноцветных перьев попугая, похожим на метелку.

Находясь в нескольких шагах от эрцгерцогини, Марианна пожирала ее глазами, испытывая жестокую радость, обнаружив, что если она и не безобразна, то по крайней мере ничем не отличается от других. Конечно, у Марии-Луизы был свежий цвет лица, но голубые глаза — невыразительны, а в знаменитой габсбургской губе под длинноватым носом — ничего привлекательного. А как убого она одета!

И затем, для юной девицы она действительно была слишком пухлой. Лет через десять она превратится в толстуху, ибо уже сейчас в ней ощущалась тяжеловесность.

Молодая женщина с нетерпением ждала реакцию Наполеона, который, стоя в воде, созерцал свою супругу. Безусловно, он испытывал разочарование, сейчас он поприветствует ее согласно протоколу, поцелует руку и вернется наконец в свою отремонтированную карету... Но нет!.. Его радостный голос возвестил:

— Сударыня, я бесконечно счастлив увидеть вас!

После чего, не обращая внимания на летящие, как от мокрого пуделя, брызги, он вскочил на подножку, обнял пышную блондинку и осыпал ее поцелуями, вызвав кривую улыбку у другой дамы, сразу же не понравившейся Марианне миловидной женщины, довольно полной, с великоватой головой и короткой шеей, чей язвительный взгляд противоречил выражению простодушия на ее лице.

Без сомнения, это была знаменитая Каролина Мюрат, сестра Наполеона и одна из самых злобных склочниц режима. Спутник императора обнял ее, после того, впрочем, как приложился к руке эрцгерцогини, и тут же ретировался в карету без гербов, тогда как сияющий Наполеон расположился напротив женщин и крикнул стоявшему навтыжку около кареты камергеру:

— А теперь живо в Компьен! И без остановок!

— Но, сир, — запротестовала королева Неаполя, — нас ждут в Суассоне, где именитые граждане приготовили встречу, ужин...

— Они поедят свой ужин без нас! Я желаю, чтобы мадам уже сегодня вечером была у себя! В путь!

Получив такую отповедь, Каролина прикусила губу и укрылась в своем углу, а карета тронулась. Полными слез глазами Марианна еще успела заметить восхищенную улыбку, с которой Наполеон смотрел на свою невесту. Раздалась резкая команда, и вслед за эскортом восемьдесят три кареты кортежа проследовали одна за другой мимо церкви. Опершись плечом о сырой камень готического свода, Марианна смотрела на проезжавшую вереницу, но ничего не видела, погрузившись в такую болезненную протрацию, что Аркадиусу пришлось легонько встряхнуть ее, чтобы привести в себя.

— Что будем теперь делать? — спросил он. — Следует вернуться в гостиницу. Вы промокли... да и я тоже.

Но молодая женщина окинула его диким взглядом.

— Мы поедим в Компьен, мы тоже. — Однако... для чего? — удивился Жоливаль. — Я боюсь, что вы задумали какое-нибудь безрассудство. Дался вам этот кортеж!..

— Я хочу ехать в Компьен, говорю вам, — настаивала Молодая женщина, топая ногой. — И не спрашивайте меня зачем, я и сама не знаю. Единственное, что я знаю, — это что мне необходимо туда ехать.

Она так побледнела, что Аркадиус нахмурил брови. Слово жизнь полностью покинула ее, оставив безучастное тело.

Совсем тихо, пытаясь избавить ее от ледящей, парализующей боли, он напомнил:

— А... как же с сегодняшним свиданием?

— Оно не интересует меня больше, раз это не он назначил его. Вы слышали? Он направился в Компьен. Но не для того же, чтобы вернуться сюда. Сколько отсюда до Компьена?

— Около пятнадцати лье!

— Вот видите! Теперь в седло и поедем кратчайшим путем! Я хочу быть в Компьене раньше их.

Она уже бежала к деревьям, где были привязаны лошади. Следуя за ней, Аркадиус еще пытался образумить молодую женщину:

— Не безумствуйте, Марианна. Вернемся в Брен, и предоставьте мне сходить посмотреть, кто вас будет ждать этой ночью.

— Это меня не интересует, говорю вам! Когда же вы поймете, что во всем мире только одно существо имеет для меня значение? К тому же эта встреча может быть только западней! Теперь я уверена в этом... Но я не обязываю вас следовать за мной! — бросила она жестоко. — Я прекрасно смогу ехать одна.

— Не говорите глупости! — пожав плечами, заметил Аркадиус.

Чуть пригнувшись, он протянул молодой женщине скрещенные руки, чтобы она оперлась носком и села в седло.

Он не корил ее за черную меланхолию, ибо понимал, как тяжелы для нее эти минуты. Просто ему больно было видеть, как она набивает себе шишки при встрече с неизбежностью, с которой не в силах бороться ни она, ни кто-либо другой.

— Едем, раз вы считаете это необходимым! — сказал он только, садясь, в свою очередь, в седло.

Ничего не ответив, Марианна сжала каблуками бока своей лошади. Животное помчалось бешеным аллюром по идущей над водой дороге. Курсель, где только несколько физиономий высунулось на шум, вновь погрузился в тишину заброшенности. Злополучная берлина, снабженная новым колесом, тоже исчезла.

Несмотря на получившуюся задержку, Марианна и Аркадиус успели к выезду из Суассона как раз вовремя, чтобы увидеть проезжавшую императорскую карету, без остановки промчавшуюся мимо изумленных и, в известной степени, возмущенных супрефекта муниципального совета и военных властей, которые ждали несколько часов под дождем ради единственного удовольствия увидеть своего императора, проскользнувшего у них под носом.

— Но почему все-таки он так спешит? — процедила сквозь зубы Марианна. — Что вынуждает его быть в Компьене?

Неспособная дать приемлемый ответ на этот вопрос, она хотела, после того как на почтовой станции заменили лошадей, двигаться дальше, когда увидела, что императорская карета внезапно остановилась. Дверца распахнулась, и королева Неаполя, — Марианна узнала ее по украшавшим плащ страусовым перьям, — спрыгнула на дорогу. С возмущением на лице она решительным шагом направилась к следующей карете. Подбежавший камергер откинул ступеньку, и Каролина Мюрат с видом королевы в изгнании уселась внутри, а кортеж возобновил движение.

Марианна обратила к Аркадиусу вопрошающие глаза.

— Что это может значить?

Не отвечая на ее вопрос, Аркадиус, чтобы как-то скрыть смущение, нагнулся и сделал вид, что поправляет подпругу.

— Да наберитесь же мужества сказать мне правду, Аркадиус. Вы думаете, он хотел остаться один с этой женщиной?

— Возможно, — благоразумно согласился Аркадиус. — Если только это не один из капризов королевы Неаполя, которыми она так прославилась.

— В присутствии императора? Никогда не поверю. В, галоп, мой друг, я хочу видеть, как они будут выходить из кареты.

И бешеная скачка сквозь ледяные потоки воды, грязь, бьющие по лицу обвисшие ветви деревьев продолжалась.

Въезжая затемно в Компьен, изнеможенная и окоченевшая от холода Марианна дрожала так, что зуб на зуб не попадал, но держалась в седле благодаря огромной сил. воли. Все тело болело, словно ее исхлестали бичами. Но ни за что на свете она не призналась бы в этом!..

Выигрыш во времени, который они получили над кортежем, оказался ничтожным, так как на всем бесконечном пути, кроме отдельных участков густого леса, громахание восьмидесяти трех карет почти беспрерывно долетало до ушей молодой женщины.

Теперь, проезжая по иллюминированным улицам, украшенным флагами от сточных канав до коньков крыш, Марианна беспомощно моргала, как ночная птица, внезапно брошенная на свет. Дождь перестал. Город облетела весть, что император сегодня вечером привезет свою невесту, ожидавшуюся только завтра. Поэтому, несмотря на позднее время, много жителей находилось на улицах и в различных заведениях. Громадная толпа уже бурлила у решеток большого белого замка. А он сиял в ночи, как гигантская колония светлячков. Во дворе маршировал полк гренадеров гвардии, готовясь к выходу, чтобы осуществить службу порядка. Через несколько минут рослые солдаты в косматых шапках, образуя проход, рассекут толпу, как могучий таран, которому никто не сможет воспрепятствовать. Марианна машинально стяхнула воду, капавшую с полей ее шляпы.

— Когда солдаты выйдут, — сказала она, — мы бросимся вперед, чтобы проскочить через просвет. Я хочу добраться до решетки.

— Это чистое безумие, Марианна! Нас раздавят, растопчут. Эти люди и не подумают уступить вам место.

— Они даже не заметят этого. Пойдите привяжите лошадей и присоединяйтесь ко мне. Надо спешить.

Действительно, когда Аркадиус бегом повел лошадей к воротам большой, ярко освещенной харчевни, все колокола города начали перезвон. Должно быть, кортеж въехал в Компьен. Одновременно громовой приветственный возглас взлетел к небу. Ворота замка отворились, пропуская мощную колонну гренадеров с ружьями наперевес, которые шли вперед строгим строем, рассекая толпу и образуя двойную шпалеру для проезда карет. Марианна бросилась вперед...

Жоливаль за ней. Используя отступление толпы, ей удалось, проскользнув за спинами гренадеров, пробраться до решетки замка. Раздавались, правда, возмущенные возгласы, и даже тумачи посыпались на неистового юношу, осмелившегося претендовать на первое место, но она не ощущала ничего. К тому же первые гусары ураганом влетели на площадь, на полном ходу осаживая покрытых пеной лошадей.

Толпа в один голос взревела:

— Да здравствует император!..

Марианна взобралась на низкий фундамент позолоченной решетки, ухватившись за мокрое железо. Между ней и большим крыльцом, на котором выстраивались лакеи в зеленых ливреях, держащие факелы с трепещущим в холодном воздухе пламенем, не было ничего, кроме обширного пустого пространства. В одно мгновение окна и террасы замка заполнились избранной публикой, один оркестр расположился на галерее близко к воротам, другой на площади, а третий прямо в окнах служебной пристройки.

Повсюду трещали и брызгали огнем факелы. Стоял невероятный шум, усиливавшийся мощным громом барабанов.

Между рядами гренадеров, пажей, берейторов, офицеров и маршалов показалась летящая карета, за ней другая, третья... Сердце Марианны готово было выскочить из-под мокрого сукна ее костюма. Расширившимися глазами она смотрела, как на устланном ковром широком крыльце появились, под большим треугольным фронтоном, в платьях со шлейфами дамы, чьи диадемы играли многоцветными огнями, и мужчины в богатых, красных с золотом или синих с серебром, костюмах. Она заметила даже несколько австрийских офицеров в парадной белой форме, усыпанной орденами. Где-то пробило десять часов.

Тогда, среди великого смятения и приветственных кликов, показалась наконец карета восьмериком, которую Марианна уже так хорошо знала. Горнисты на галерее протрубили «Славу Империи», в то время как карета на крыльях всеобщего энтузиазма пронеслась через широко распахнутые ворота и описала полную изящества дугу. Стремглав бежали лакеи, факельщики опустили на брусчатку двора, тогда как крыльцо укрылось атласом и парчой склонившихся в глубоком реверансе придворных дам. Глазами, полными слез, которые она не могла больше удерживать, Марианна увидела, как Наполеон спрыгнул на землю, затем, весь сияя, повернулся к сидящей в карете и с нежными предосторожностями внимательного влюбленного заботливо помог ей спуститься. Порыв внезапной ярости осушил глаза Марианны, когда она увидела, что эрцгерцогиня пунцово-красного цвета и ее нелепая шляпа с перьями попугая сильно сбита набок. Кроме того, поза у нее была какая-то странная, довольно-таки принужденная.

Стоя, Мария-Луиза была на полголовы выше своего жениха. Они составляли удивительно неподходящую пару: она, со своей тяжеловесной германской изнеженностью, он, с бледным цветом лица, римским профилем и неукротимой жизненной силой, которой был обязан средиземноморской крови. Единственное, пожалуй, что не бросалось в глаза, — это разница в возрасте, ибо широкие плечи Марии-Луизы лишали ее всей прелести ранней молодости. Однако не похоже было, чтобы оба замечали это. Они смотрели друг на друга с таким восхищенным видом, что у Марианны внезапно появилось желание умереть. Как же мог этот человек, совсем недавно обладавший ею с такой страстью, как будто искренне клявшийся, что она одна царит в его сердце, смотреть теперь на эту высокую рыжую телку с видом ребенка, впервые получившего рождественский подарок? В бешенстве молодая женщина вонзила ногти себе в ладони и заскрипела зубами, чтобы не взвыть от боли и злобы.

А там новоприбывшая раздавала поцелуи женщинам императорской семьи: очаровательной Полине, с трудом удерживавшейся от смеха при виде пресловутой шляпы, мудрой Элизе со строгим профилем Минервы, темноволосой красавице — королеве Испании, грациозной блондинке — королеве Гортензии, чье белое шелковое платье, нежно сиявший жемчуг и безупречное изящество вызывали в памяти образ ее матери и ужасно диссонировали с

власяницей Марии-Луизы.

На время Марианна забыла о себе, задавшись вопросом, какими могли быть подлинные чувства кроткой дочери Жозефины перед лицом этой женщины, посмевавшей прийти, чтобы занять трон, еще теплый после ее матери? Не было ли это совершенно бесполезной жестокостью Наполеона, обязавшего ее присутствовать здесь, чтобы встречать иностранку на пороге французского дворца? Бессмысленно, но вполне в духе императора. Уже не раз Марианна замечала, как его естественная доброта сменялась каким-то нечеловеческим равнодушием.

— Вы позволите мне наконец проводить вас в теплую гостиницу? — раздался рядом с ней дружеский голос Аркадиуса. — Или вы желаете провести ночь, вцепившись в эту решетку? Больше не на что смотреть.

Вздвигнув, Марианна увидела, что и в самом деле, кроме карет, слуг и убирающих упряжь конюших, во дворе никого не было, а окна закрыты. На площади толпа неохотно отступала от ограды, медленно, словно отлив на море... Она повернула к Аркадиусу лицо с еще не просохшими слезами.

— Вы считаете меня сумасшедшей, не так ли? — прошептала она.

Он ласково улыбнулся и по-братски обнял за плечи молодую женщину.

— Я считаю, что вы молоды, удивительно... убийственно молоды! Вы бросаетесь на все, что может вас поранить, в ослеплении обезумевшей птицы. Когда вы станете старше, вы научитесь уклоняться от стальных капканов, которые так умело расставляет жизнь на дорогах человеческих, чтобы калечить и убивать, вы научитесь закрывать глаза и уши, чтобы по меньшей мере охранять ваши заблуждения и душевный покой. Но сейчас слишком рано...

Гостиница «У большого оленя» была переполнена, когда Марианна и Жоливаль проникли туда, а хозяин, который метался взад-вперед, как встревоженная курица, даже и слушать их не захотел. Возмущенному Аркадиусу пришлось схватить его на полном ходу за оббитое вокруг шеи полотенце и остановить твердой рукой.

— К чему такая спешка, друг мой! На все свое время, и я буду вам признателен, если вы выслушаете меня. Прибывшая сюда госпожа, — добавил он, указывая на Марианну, которая усталым жестом сняла шляпу и освободила волосы, — как вы можете убедиться, выбилась из сил от усталости, промокла и проголодалась. И поскольку она выполняет важную миссию его величества, будьте любезны сейчас же найти ей место для отдыха, где она сможет поесть и обсушиться, будь это хоть ваша собственная комната.

По лицу бедного малого, удерживаемого тонкими, но словно железными пальцами Аркадиуса, пробежали все цвета радуги. Слова «его величество» исторгли из его груди стон.

Он в отчаянии всплеснул своими короткими руками и взглянул на молодую женщину полными слез глазами.

— Но у меня больше нет своей комнаты, князь! Я вынужден был отдать ее адъютанту герцога де Ровиго. В данный момент мадам Робино, моя супруга, готовит мне постель в буфетной. Я не могу решиться предложить ее госпоже... или я должен сказать: ее сиятельству? — закончил он со страхом, вызвавшим улыбку у Жоливаля.

Очевидно, добряк лихорадочно спрашивал себя, не была ли эта очаровательная брюнетка

какой-нибудь малоизвестной сестрой императора. У них, Бонапартов, такая большая семья!

— Говорите просто госпожа, но найдите что-нибудь.

В тот момент, когда Робино подумал, что не проще ли будет упасть в обморок, чтобы избежать необходимости выполнить требование, какой-то австрийский офицер в изящном светло — коричневом мундире ландвера, уже некоторое время с возрастающим интересом вглядывавшийся в прекрасное бледное лицо Марианны, приблизился и, слегка щелкнув каблуками, поклонился молодой женщине. А она с закрытыми глазами прислонилась к стене, совершенно равнодушная к ведущимся переговорам.

— Позвольте мне представиться: князь Клари унд Алдринген, чрезвычайный посол его величества императора Австрии! Я занимаю две комнаты в этой гостинице: пусть сударыня окажет мне милость согласиться...

Восклицание Робино одновременно с чопорным поклоном Жоливаля прервали его слова.

— Боже! Монсеньор уже вернулся? И я не встретил монсеньера! Разве монсеньор не должен ужинать во дворце?

Австрийский князь, высокий мужчина лет тридцати с тонким, умным лицом под густой шапкой светлых волос, весело рассмеялся.

— Очень жаль, дорогой хозяин, но вам придется поискать, чем накормить меня. Я не ужинал во дворце, потому что никто не будет там ужинать.

— Неужели повар по ошибке проткнул себя шпагой? — улыбнулся Жоливаль.

— Все нет. На самом деле двор собрался в большом зале, ожидая приглашения к столу, когда Дюрок объявил, что их величества удалились в свои апартаменты... и что ужина не будет. Но теперь я благословляю это неожиданное возвращение, которое я только что проклинал, раз оно позволяет мне, сударыня, быть вам чем-то полезным.

Последние слова, разумеется, адресовались Марианне, но она осталась бесчувственной к их любезному содержанию и даже не поблагодарила. Из разговора австрийца она уловила только одну деталь, и возникшее в ней подозрение было таким сильным, что она не смогла удержаться от вопроса.

— Их величества удалились? Это не значит, я думаю, что...

Она не посмела закончить. Клари снова рассмеялся.

— Боюсь, что да. Как будто император, едва приехав, спросил у кардинала Феша, действительно ли он женат... или по меньшей мере делает ли эрцгерцогиню его женой заключенный в Вене брак по доверенности...

И тогда император сказал... императрице, что он будет иметь честь нанести ей визит в ее апартаментах через некоторое время, достаточное, чтобы принять ванну.

Грубость того, что скрывалось за этими учтиво-ироническими словами, заставила смертельно побледнеть Марианну.

— Таким образом... — начала она внезапно охрипшим голосом, заставившим австрийца

взглянуть на нее с удивлением, а Аркадиуса — с беспокойством.

— Таким образом... их величества удалились, а я здесь к вашим услугам, сударыня... Однако как вы побледнели!

Вы плохо чувствуете себя? Эй! Робино, пусть ваша жена сейчас же проводит мадам в мою, комнату, она лучшая в доме. Мой Бог!

Его испуганное восклицание было оправданным. Внезапно утратив последние силы от невольно нанесенного ей удара, Марианна пошатнулась и упала бы, если бы Жоливаль вовремя не подхватил ее. Минутой позже, на руках у Клари, освободившего Жоливаля от слишком, пожалуй, тяжелой для него ноши, предшествуемая мадам Робино в шелковом платье и муслиновом чепчике, вооруженной большим медным подсвечником, потерявшая сознание Марианна поднималась по хорошо навощенной лестнице гостиницы «У большого оленя».

Когда после сразившего ее пятнадцатиминутного блаженного беспомыслия Марианна пришла в себя, она увидела перед собой мышеподобного Аркадиуса и высокую, румяную, с выбивающимися из-под чепчика темными локонами женщину. Заметив, что она открыла глаза, дама перестала натирать ей виски уксусом и с удовлетворением констатировала, что «теперь все пойдет на лад».

По правде говоря, Марианна, не считая того, что она очнулась, не чувствовала себя так уж хорошо, даже наоборот. Ее бросало то в жар, то в холод так, что зубы стучали, виски словно зажали в тиски. Тем не менее, вспомнив услышанное, она попыталась вскочить с кровати, на которой лежала полностью одетая.

— Я хочу ехать! — начала она, дрожа до такой степени, что едва можно было разобрать, что она говорит. — Я хочу вернуться домой, немедленно.

Положив ей руку на плечи, Аркадиус заставил ее снова лечь.

— Об этом не может быть и речи! Вернуться в Париж верхом и в такую погоду? Да вы умрете в пути, моя дорогая. Я не могу считать себя светилом медицины, но кое в чем разбираюсь и, глядя на ваши пылающие щеки, готов утверждать, что у вас лихорадка.

— Что за важность! Я не могу оставаться здесь! Разве вы не слышите?.. Эта музыка... пение... взрывы петард!

Разве вы не слышите, как радуется этот полубезумный от счастья город тому, что император уложил в свою постель дочь самого злейшего врага?

— Марианна! — простонал Аркадиус, испуганный блуждающим взглядом своей спутницы. — Умоляю вас...

Молодая женщина разразилась нервным смехом, который больно было слушать. Оттолкнув Аркадиуса, она вскочила с кровати, подбежала к окну и, с яростью отбросив занавески, прикинула к нему. По ту сторону мокрой пустой площади освещенный дворец возвышался перед ней, как вызов, этот дворец, внутри которого Наполеон держал в своих объятиях Австриячку, обладал ею, как обладал Марианной, шептал ей, может быть, те же слова любви... В пылающем мозгу молодой женщины ярость и ревность смешались, с лихорадкой и зажгли поистине адское пламя.

Беспощадная память возвращала ей каждое любовное движение ее возлюбленного, каждое его

выражение... О, если бы проникнуть за эти наглые белые стены! Узнать бы, за каким из этих закрытых окон совершалось преступление любви, в котором сердце Марианны было искупительной жертвой!

— Mio doice amor! — бормотала она сквозь зубы. — Mio doice amor!.. Неужели он говорит ей это тоже?

Аркадиус побаивался, как бы Марианна в порыве отчаяния не начала кричать, но не решался подойти к ней и тихонько шепнул ошеломленной хозяйке:

— Она очень больна! Найдите доктора... быстро!

Не ожидая повторения, женщина, шурша накрахмаленными юбками, исчезла в коридоре, а Жоливаль потихоньку, шаг за шагом, подошел к Марианне. Она даже не заметила его. Она стояла, натянутая, как тетива лука, пожирая расширившимися глазами величественное белое здание, и вдруг ей показалось, что его стены стали стеклянными, что она могла видеть ужасной силой ясновидения, рожденной пароксизмом ревности, все... вплоть до глубины той самой комнаты, где под необъятным пурпурно-золотым бархатным пологом тело цвета слоновой кости сжимало в страстном объятии другое — пухлое, бело-розовое. И Марианна, терзаемая и распинаемая, забыла обо всем окружающем, отдаваясь созерцанию любовной сцены, которую ей легко было представить, ибо совсем недавно она переживала то же самое. Подкравшийся Аркадиус услышал ее лихорадочный шепот:

— Как ты можешь дарить ей такие же поцелуи, как и мне?.. Ведь это же твои губы! Неужели ты ни о чем не помнишь, скажи?.. Ты не можешь... ты не можешь любить ее так, как любил меня! О нет... умоляю тебя... не держи ее так!.. Прогони ее... Она принесет тебе несчастье! Я знаю, я чувствую! Вспомни сломанное у распятия колесо! Ты не можешь Любить ее... Нет, нет... Нет!

Она коротко вскрикнула, и это был крик агонии. Внезапно она опустилась перед окном на колени, сотрясаясь от отчаянных рыданий, в какой-то мере снимавших опасное нервное напряжение, так испугавшее Аркадиуса.

Когда он решился коснуться ее, она не противилась. С бесконечной нежностью и осторожностью сиделки он поднял ее, едва касаясь опершегося о него дрожащего тела, и медленно довел до кровати. Она подчинилась, как измученное дитя, без всякого сопротивления, слишком поглощенная своей болью, чтобы реагировать на что-либо. Сам готовый заплакать, видя такие страдания, Жоливаль кончал укладывать Марианну на кровать, когда дверь отворилась перед м-м Робино, которая привела доктора. Увидев, что упомянутый доктор был не кто иной, как лейб-медик императора Корвисар собственной персоной, Аркадиус не особенно удивился. День, подобный сегодняшнему, способен отучить человека удивляться, к тому же ничего необычного не было в том, что императорский доктор оказался в гостинице, битком набитой важными персонами.

Его появление принесло большое облегчение.

— Я заглянул сюда, — сказал он, — выпить кружку пунша с друзьями, когда услышал хозяйку, во весь голос звавшую врача. Следовавший за ней по пятам князь де Клари засыпал ее вопросами. Это он сообщил мне, кто заболел. Вы можете сказать, что делает здесь и в таком состоянии синьорина Мария-Стэлла?

Строго поглядывая на продолжавшую рыдать Марианну, врач со скрещенными на груди руками всей своей одетой в черное тяжеловесной фигурой совершенно подавил Аркадиуса. Жоливаль был слишком утомлен для долгих объяснений, особенно с такой могучей натурой. Он

удовольствовался беспомощным жестом.

— Она — ваша пациентка, — пожимая плечами, сказал он, — вы уже должны немного узнать ее, доктор. Она любой ценой решила ехать.

— Этого нельзя было позволить.

— Интересно, как бы вы это сделали? Мы поехали за кортежем эрцгерцогини еще до Суассона, представляете себе?

Когда Марианна узнала, что произошло во дворце, с ней случился нервный припадок.

— Всю эту дорогу, и под проливным дождем! Но это же форменное безумие! Что касается того, что произошло во дворце, то не из-за чего терзаться. Праведное небо!

Истерика из-за того, что его величество захотел немедля воспользоваться заключенной сделкой?

Пока мужчины вели этот разговор, м-м Робино с помощью служанки быстро раздела беспомощную Марианну и уложила ее в постель, согретую большой медной грелкой.

Рыдания постепенно утихли, но сжигавшая молодую женщину лихорадка, похоже, прогрессировала с каждой минутой. Однако рассудок ее немного прояснился. Потрясший ее бурный припадок отчаяния снял, слишком большое умственное напряжение, и теперь она в состоянии прострации, с полузакрытыми глазами, слушала громовой голос Корвисара, бранившего ее за то, что она отважилась часами ехать верхом под холодным проливным дождем.

— Мне кажется, у вас есть карета и превосходные лошади? Какая же муха вас укусила, что вы проделали такой путь верхом, да еще в такую погоду?

— А мне нравится ездить верхом! — упрямо возразила Марианна, решив ничего не говорить об ее истинных побуждениях.

— Вот полюбуйтесь! — ухмыльнулся врач. — Как вы думаете, что скажет император, когда узнает о вашем подвиге, и что...

Рука Марианны стремительно выскользнула из-под одеяла и легла на руку Корвисара.

— Но он не узнает об этом! Доктор, прошу вас ничего не говорить ему! Впрочем... вероятно, это ничуть не заинтересует его величество.

Корвисар вдруг громко расхохотался.

— Мне ясно: вы не хотите, чтобы император узнал, но если бы вы были уверены, что его разгневает ваша проделка, вы немедленно послали бы меня рассказать ему? Ну, ладно, успокойтесь, я все расскажу ему и он будет в ярости.

— Я ничуть в это не верю! — раздраженно сказала она. — Император...

— ..занят попыткой завести наследника! — грубо оборвал ее врач. — Дражайшая моя, я не понимаю вас: вы же знаете, что такой род... деятельности неизбежен, поскольку император женился только для этого.

— Он мог бы не так спешить! Зачем уже сегодня вечером он...

— ..взял эрцгерцогиню в свою постель? — закончил Корвисар, решивший, похоже, играть в «бессвязные речи» 4. — Да потому что он торопится, вот и все. Он женат, хочет наследника и сразу берется за дело. Вполне естественно!

— Но ведь он фактически еще не женат!.. Подлинная свадьба должна состояться через несколько дней в Париже.

А этой ночью императору полагалось...

— ..отправиться спать в Шантийи, я знаю! Это всего-навсего небольшой прокол в брачном контракте. И нет никаких оснований доводить себя до такого состояния. Черт возьми! Посмотрите на себя в зеркало, именно сейчас, когда вы больше похожи на мокрого пуделя, чем на знаменитую певицу, и бросьте взгляд на эту здоровую, полную девушку, которой не откажешь в свежести и которая должна принести всем нам наследного принца. У ваших ног все мужчины, или почти все! Вплоть до этого австрийца, который, едва приехав, толчется у лестницы, ожидая новостей о вас! Итак, предоставьте императору заниматься своим супружеским ремеслом. Это не повредит вашему любовнику, простите за откровенность.

вернуться

4

Вроде нашего «испорченного телефона».

Марианна не ответила. Зачем? Ни один мужчина не понял бы ее в эту минуту, и, действительно, этого невозможно было требовать, ибо оно противно самой природе мужчин. Она не была настолько наивной, а Фортюнэ Гамелен достаточно скромной, чтобы вообразить, что она была первой женщиной, затронувшей сердце властелина Европы. Наполеон обожал свою первую супругу и постоянно изменял ей. Такова сущность мужчины: потребность в переменах, непреодолимая склонность к полигамии, даже когда он страстно влюблен. Однако попытка пофилософствовать на эту тему не успокоила глухую боль в сердце Марианны. Неужели внешний вид, телосложение женщины, которую он обнимал, имели так мало значения в его глазах? В таком случае почему его выбор пал на нее, Марианну? До какой степени затронула она глубочайшие фибры его души? Какое место занимает между памятью о Жозефине, светловолосой Марии Валевской, в которую, как говорят, он безумно влюбился в Варшаве, ч Другими возлюбленными?

Решив, что она уснула, Корвисар осторожно задернул занавески кровати и, сопровождаемый Аркадиусом, направился к выходу. Он передал ему микстуру, прописал горчичники и отдых в тепле. Марианна услышала, как он шептал на пороге:

— Истерика прошла, а простуда, по-моему, ничем не грозит. Естественно, она будет немного подавлена, но в данном случае я рассматриваю это как положительный фактор. По крайней мере она будет вести себя спокойно.

Угревшись под одеялами, Марианна вдруг с удивлением обнаружила, что улыбается. Спокойно?.. Она?.. О каком спокойствии может быть речь, когда она ощущает, как в ней кипят свежие боевые силы, закаленные, может быть, на огне лихорадки? Она не была женщиной, готовой долго жаловаться на свою судьбу. Она любила борьбу, и этой ночью, брачной для

другой, она открыла для себя новый смысл существования: неприязнь, прежде всего неприязнь, неистовая, всеобъемлющая, близкая к ненависти, которую она испытывала теперь к этой белой с розовым Австриячке.

Затем, вполне естественно, необходимо вступить в борьбу с ней, оценив возможности ее влияния на рассудок, сердце и чувства Наполеона.

А почему бы не попытаться ответить ударом на удар ее ветреному возлюбленному?.. Почему не испытать на нем самое лучшее средство, заложенное дьяволом в женском арсенале: эту ревность, которая за одну неделю так ее измучила? Она уже достаточно знаменита. Весь Париж знает ее имя, голос, даже ее лицо. Она имела в своем распоряжении все средства заставить говорить о себе с тех пор, как Фуше стал в некотором роде ее слугой, вплоть до газетных статей и хитроумных сплетен Фортюнэ. Если ее имя начнут часто упоминать вместе с именем другого мужчины, как прореагирует на это император? Интересно узнать!.. «Вся императорская гвардия влюблена в тебя!»— сказала Фортюнэ. И Корвисар отметил, что почти все мужчины увлечены ее красотой. Глупо было бы не использовать это и не попытаться проникнуть в тайны сердца Наполеона.

Но, конечно, речь идет только о видимости, а не о подлинной измене.

Когда Аркадиус вошел на цыпочках в комнату, чтобы посмотреть, все ли в порядке, она внезапно устремила на него зеленый огонь своих глаз.

— Этот австриец... этот князь, он что, еще здесь?

— Да... конечно! Он настоятельно просил меня подняться посмотреть, не нуждается ли вы в чем-нибудь, а в данный момент он подвергает доктора пристрастному допросу. А почему вы спрашиваете о нем?

— Потому что он проявил большую любезность, а я не поблагодарила его, как надлежит. Сделайте это за меня, Аркадиус, и скажите, что завтра я буду рада принять его.

Очевидно, Жоливаль не ожидал такой просьбы. Он сделал большие глаза.

— Конечно, я сделаю это, но...

Марианна не дала ему закончить. Она зарылась поглубже в постель и, демонстративно зевнув, повернулась к нему спиной.

— Спокойной ночи, друг мой. Идите отдыхать, вам это необходимо. Уже слишком поздно.

Действительно, в ближайшей церкви пробило полночь.

И желание спать у Марианны совсем не было притворным.

Бившаяся в ее жилах лихорадка мало-помалу приносила оцепенение, предшествующее милосердному забвению сна. Завтра она примет австрийца, будет любезна с ним.

Может быть, он даже будет рад предложить ей свою карету для возвращения в Париж? В Париж, где Марианна почувствует себя значительно увереннее перед битвами, которые она надеялась выиграть у двух людей, завладевших ее жизнью: битву за свободу — с Франсисом Кранмером, битву за любовь — с Наполеоном.

Укрепившись этой мыслью, Марианна закрыла глаза и погрузилась в беспокойный, полный бессвязных сновидений сон. Однако, странное дело, ни император, ни Франсис в них не появились. Когда в разгар одного мучительного кошмара Марианна отбивалась в зеленом аду от тянущихся к ней серебристых щупальцев лиан, чьи венчики превращались в чудовищные пасти, она хотела кричать, но ни один звук не мог сорваться с ее губ.

И чем яростнее она защищала свою жизнь, тем больше усиливалось ощущение удушья. Вдруг зеленые джунгли стали расти, поднялись до головы и едва покрыли ее, как превратились в поглотившие ее волны бушующего океана. У Марианны иссякли все силы, она начала тонуть, когда в зеленоватой глубине возникла чья-то рука, которая увеличивалась, увеличивалась и, взяв ее в теплое объятие, вдруг вынесла на свежий воздух. Из-за сверкающего горизонта появилась фигура мужчины. Марианна тотчас узнала Язона Бофора. Она заметила также, что он смотрит на нее со смесью жалости и гнева.

— Почему вы до такой степени любите всякие передряги? — спросил он. — Почему?.. Почему?..

Голос удалялся, слабел до шепота, а закутанная в черный плащ фигура закружилась, захваченная вихрем, и превратилась в улетающую к пурпурному небу птицу.

Марианна с криком проснулась, вся в слезах. Свет в комнате был потушен, и она освещалась только ночником. Снаружи больше не доносилось ничего, кроме монотонного шума дождя, бившего по стеклам и брусчатке мостовой.

Марианну охватила дрожь. Она вся взмокла, но температура заметно упала.

Чувствуя, что среди влажных простыней снова не уснет, она встала, сбросила их, стянула прилипшую к телу рубашку, нагишом завернулась в одеяла и, скользнув под громадную красную перину, растянулась прямо на матрасе. Она даже не взглянула в сторону сверкающего белизной дворца. Пережитый странный сон вызвал у нее чувство раскаяния. Она уже давно не вспоминала американца. И ей вдруг показалось, что она легче перенесла бы свои теперешние испытания, если бы он был здесь, ибо несмотря на все, что их разделяло, ей нравилась окружающая его атмосфера спокойной силы, склонности к приключениям и битвам, даже холодной логики реалиста, так оскорбившей ее вначале.

С горькой улыбкой она подумала, что единственным мужчиной, с которым, может быть, ей действительно понравилось бы возбудить ревность Наполеона, был именно Язон. Но увидит ли она его когда-нибудь? Кто может сказать, в какой точке земного шара плывет сейчас его новый красивый корабль, корабль, даже имени которого она не знает...

Лучше будет попытаться больше не думать об этом.

Впрочем, для того, что она задумала, прекрасно подойдет австрийский князь... или кто угодно из ее поклонников.

Тяжело вздохнув, Марианна наконец вновь уснула.

Но на этот раз ей снился большой корабль с белыми парусами, мчавшийся по вспененному морю. Корабль с носовой фигурой, повторявшей соколиный профиль Язона Бофора.

Глава III. ИМПЕРСКАЯ СВАДЬБА

Следующим вечером Марианна вернулась домой в карете князя Клари унд Алдринген, оставив

Аркадиуса де Жоливаля заниматься лошадьми. Она еще не пришла в себя после ужасного приступа лихорадки, явившегося следствием быстрой езды, однако оставаться в Компьене было выше ее сил. Один вид дворца стал для нее таким невыносимым, что она готова была уехать хоть верхом и под дождем, лишь бы избавиться от гнетущей атмосферы города, где с самого рассвета шли толки о беспрецедентном нарушении Наполеоном протокола.

Видя ее волнение, Аркадиус пораньше приступил к поискам кареты, но, по правде говоря, ему не пришлось идти дальше двора гостиницы. Леопольду Клари, которого император удерживал при себе до прибытия новой супруги, следовало как можно скорее попасть в Париж и вручить послу, князю Шварценбергу, несколько депеш от своего монарха.

Узнав, что очаровательная певица, чья красота так восхитила его накануне вечером, ищет карету, чтобы вернуться в Париж, пылкий австриец пришел в восторг.

— Скажите мадемуазель Марии-Стэлле, что все мое имущество и я сам в ее распоряжении, полностью! Пусть она пользуется этим, как ей угодно!

Часом позже Марианна покидала Компьен в обществе молодого дипломата, тогда как Жоливаль в довольно мрачном настроении направился на конюшню. Откровенно говоря, верный ментор Марианны был просто в замешательстве.

Внезапная симпатия, проявленная молодой женщиной к этому австрийцу, даже имени которого она еще вчера не знала, казалась ему совершенно необъяснимой. Все настолько походило на обычное поведение подопечной, что он невольно спрашивал себя, что же кроется в

самом деле за этим.

А в это время карета Клари мчалась по мокрому лесу снова под дождем, направляясь в Париж. Дождь опять пошел ночью, и ничто не предвещало, что он собирается прекратиться... Унылое грязно-серое небо низко повисло над землей, но никто из сидевших в карете не замечал этого. Утомленная Марианна, закутавшись в большой черный плащ, который Жоливаль принес утром, и прислонившись к плотной суконной обивке, невидящими глазами смотрела на дождь, перебирая в памяти вчерашние события. Вновь она видела восхищенное лицо Наполеона, когда он открыл дверцу кареты и обнаружил пухлые щеки эрцгерцогини под нелепыми перьями ара. Вновь она видела, с какой нежностью он протянул ей руки, помогая выйти из кареты в Компьене. Дождь тоже способен вызывать призраки. У сегодняшнего их было только два, все время одни и те же... Что касается Клари, то он молчаливо созерцал тонкий профиль своей бледной от усталости спутницы, синеву под зелеными глазами, на которую отбрасывали такую волнующую тень длинные черные ресницы, наконец, совершенную красоту ее рук, особенно той, что без перчатки, подобно белому цветку, покоилась на темной ткани плаща. И дипломат не мог скрыть удивления при виде явного аристократизма этой певицы. Незначительная итальянка, простая артистка театра с осанкой герцогини, с руками королевы? А как грустна, как загадочна, словно в глубине ее сердца скрывалась роковая тайна!

Тут что-то не так! Предполагаемая тайна интриговала его так же, как волновала красота певицы.

Это побуждало его соблюдать в отношении спутницы невероятную сдержанность. За все двадцать лье, что они проехали друг против друга, он обращался к ней, только чтобы удостовериться, не холодно ли ей и не желает ли она остановиться, замирая от восторга, когда в ответ она улыбалась ему.

И Марианна по достоинству оценила такое поведение и была признательна ему за это. Впрочем, не было никакой необходимости, чтобы он словами выразил впечатление, которое она произвела на него. Серые глаза молодого человека достаточно красноречиво говорили то, о чем молчали губы.

Когда через заставу Сен-Дени въехали в Париж, ночь уже давно наступила, но Клари все не спускал глаз с Марианны, даже когда ее лицо стало только светлым пятном в темноте кареты. Он сгорал от желания узнать, где живет его прекрасная спутница, но, верный принятой им линии поведения, удовольствовался заявлением:

— Наш путь пройдет мимо посольства. Прошу вашего разрешения, сударыня, покинуть вас там. А карета отвезет вас, куда вы пожелаете.

Его взгляд был так красноречив, что Марианна поняла немой вопрос и лукаво улыбнулась.

— Благодарю вас, князь, за вашу любезность. Я живу в особняке д'Ассельна на Лилльской улице... и буду счастлива принять вас там, если у вас появится желание навестить меня.

Карета остановилась перед австрийским посольством, расположенным на перекрестке улиц Мон-Блан 5 и Прованс.

Порозовев от волнения, дипломат склонился к протянутой руке и прижал ее к губам.

— Уже завтра я буду рад предложить вам свои услуги, сударыня, поскольку вы настолько добры, что разрешили мне это. Желаю вам полного выздоровления!

Марианна снова улыбнулась, ощутив дрожь его губ на своей руке. Отныне она уверена в своей власти над ним, и эту власть она использует, как ей будет угодно. Поэтому домой она приехала с хорошим зарядом оптимизма. Там она нашла Аделаиду в компании с Фортюнэ Гамелен.

Расположившись в музыкальном салоне, женщины оживленно болтали, когда вошла Марианна. Очевидно, они не ждали, что она приедет, и с изумлением смотрели на нее.

М-м Гамелен первая пришла в себя.

— Послушай, откуда ты взялась? — вскричала она подбегая, чтобы обнять подругу. — Ты разве не знаешь, что тебя ищут уже вторые сутки?

— Меня ищут? — спросила Марианна, снимая плащ и бросая его на позолоченную раму большой арфы. — Но кто? И зачем? Вы же прекрасно знали, Аделаида, что у меня дела в провинции.

— Вот именно! — с возмущением воскликнула старая дева. — Вы проявили в отношении меня удивительную сдержанность, мотивированную, впрочем, тем, что вас вызвали из Парижа оказать услугу императору. Но вы можете представить мое удивление, когда вчера сюда приехал посланец этого самого императора и потребовал вас от имени его величества.

Марианна как подкошенная упала на банкетку у пианино и подняла на кузину ошеломленный взгляд.

— Посланец императора?.. Вы говорите, что он меня потребовал? Зачем?

— Чтобы петь, конечно! Разве вы не певица, Марианна д'Ассельна? — со злобой бросила

Аделаида, вызвав улыбку у Фортюнэ.

По всей видимости, в новой жизни Марианны аристократической деве больше всего не нравилось одно: что ее кузина должна петь ради существования. Чтобы прервать атаку Аделаиды, креолка присела на банкетку и ласково обняла подругу за плечи.

— Я не знаю, чем ты занималась, и не спрашиваю о твоих секретах, — сказала она. — Но одно достоверно: вчера главный церемониймейстер официально пригласил тебя в Компьен, чтобы петь там сегодня перед двором...

— Перед двором, в самом деле? Или перед императрицей... ибо она уже императрица, ты знаешь? Самая настоящая императрица, хотя и до свершения свадебных церемоний, а именно... с прошедшей ночи.

— Что ты хочешь сказать? — спросила м-м Гамелен, обеспокоенная этой внезапной вспышкой.

— Что Наполеон взял той ночью Австриячку к себе в кровать! Что они спали вместе, ты слышишь? Он не мог дожидаться ни гражданского брака, ни благословения кардинала! Она ему так понравилась, что он не мог удержаться, — так мне сказали! И он смеет... он смеет приказывать мне явиться петь перед этой женщиной! Мне, еще вчера бывшей его возлюбленной!

— И всегда остающейся его возлюбленной, — спокойно поправила Фортюнэ. — Мое дорогое дитя, уясни себе хорошенько, что в том, чтобы свести лицом к лицу любовницу и законную супругу, для Наполеона нет ничего ни оскорбительного, ни даже просто ненормального. Могут тебе напомнить, что он много раз выбирал себе красоток среди лектрис Жозефины, что наша императрица вынуждена была неоднократно аплодировать мадемуазель Жорж, которой, кстати, Наполеон подарил бриллианты, приводившие в восхищение его жену, и что перед твоим появлением не было ни одного приличного концерта при дворе без Грассини. У нашего корсиканского величества есть что-то от султана. И у него явно появилось желание наблюдать тайком за твоим поведением перед лицом Венки. Но с него хватит и Грассини.

— Грассини?

— Ну да, Грассини. Посланец Дюрока имел приказ: на случай, если великой Марии — Стэллы не окажется дома, доставить ко двору эту певицу на подхвате. Тебя не было здесь, так что необъятная Джизепина должна сегодня петь в Компьене. Заметь, на мой взгляд, это в определенном смысле лучше: ведь речь идет о дуэте с ужасным Кресантини, любимым кастратом его величества. Ты возненавидела с первого взгляда это размалеванное чучело, а Грассини обожает его. Скажу больше, она восхищается им, как доверчиво восхищается всем, чему оказывает честь Наполеон, а он наградил Кресантини орденом Почетного легиона!

— Я невольно спрашиваю себя: за что? — рассеянно сказала Марианна.

вернуться

5

Теперешняя шоссе д'Антен.

Фортюнэ расхохоталась, разрядив своим смехом атмосферу.

— Вот это и забавней всего! Когда Грассини задали этот вопрос, то она вполне серьезно ответила: «Вы забываете о перенесенных им страданиях!»

Аделаида, забыв размолвку, эхом ответила на смех креолки, но Марианна ограничилась улыбкой. Она размышляла и, взвесив все, не сочла себя недовольной тем, что отсутствует при дворе. Она не могла представить себя делающей реверанс перед «другой» и подающей реплику для любовного дуэта некоему подобию мужчины, который без своего исключительного голоса был смешон и жалок.

К тому же она была слишком женщиной, чтобы не надеяться на озабоченность Наполеона в связи с ее отсутствием. В сущности, так даже лучше. Когда тот, кого она любит, увидит ее снова, она будет рядом с мужчиной, способным возбудить в нем некоторую тревогу, допуская, что она обладает реальной властью вызвать ее. Она невольно улыбнулась при этой мысли, что вызвало у Фортюнэ разочарованное замечание.

— Самое приятное, Марианна, это то, что тебе можно говорить о чем угодно, совершенно не привлекая твоего внимания. О чем ты еще думала?

— Не о чем, а о ком. И конечно, о нем! Садитесь, пожалуйста, вы обе, я расскажу вам, что я делала эти два дня. Только ради Бога, Аделаида, организуйте мне чего-нибудь, я умираю от голода.

Набросившись с удивительной для такой, еще вчера вечером больной женщины энергией на обильный ужин, словно по волшебству доставленный Аделаидой из кухни, Марианна рассказала свое приключение, позаботившись умолчать обо всем, что было печальным или прискорбным. Она повествовала о своей безрассудной вылазке с горьким юмором, который не заставил смеяться ее слушательниц. Фортюнэ выглядела даже слишком мрачной, когда она закончила.

— Но в конце концов, — заметила она, — возможно, то свидание было важным? Ты могла хотя бы послать туда Жоливалю.

— Я знаю, но мне не хотелось разлучаться с ним. Я чувствовала себя такой несчастной, такой покинутой. И затем, я остаюсь при убеждении, что это была западня.

— Тем более нужно было в этом убедиться. А если там ждал твой... муж?

Воцарилась тишина, и Марианна поставила обратно бокал, из которого собиралась пить, но так неловко, что отбила ножку. При виде того, как она внезапно побледнела, Фортюнэ пожалела о своих словах.

— Но это только предположение, — добавила она ласково.

— Которое вполне могло подтвердиться! И все-таки я не могу себе представить, для чего он мог бы вызвать меня туда, в полуразрушенный замок, и, признаюсь, я даже не думала о нем. Скорее о тех людях, которые уже однажды похитили меня. Что же теперь делать?

— Прежде всего, и немедленно, поставить в известность Фуше и ожидать. Какова бы ни была причина попытки завлечь тебя, ловушка или действительно свидание, ясно как Божий день, что что-то снова затевается. Однако в любом случае — позволь поздравить тебя.

— С чем?

— С завоеванием австрийца. Наконец-то ты решилась следовать моим советам, и я восхищена этим. Увидишь, насколько легче переносить неверность мужчины, когда под рукой есть другой.

— Не торопись так, — смеясь, запротестовала Марианна. — Я ничуть не собираюсь отдать князю Клари место заместителя, а просто хочу показаться вместе с ним. Видишь ли, меня больше всего интересует в нем его австрийское происхождение. Мне кажется забавным водить на поводке соотечественника нашей новой правительницы!

Фортюнэ и Аделаида дружно рассмеялись.

— А она действительно так безобразна, как поговаривают? — оживленно спросила м-ль д'Ассельна, не переставая лакомиться приготовленными для ее кухни цукатами.

Полузакрыв глаза, Марианна помолчала, словно пытаясь лучше представить себе лицо «самозванки».

Пренебрежение искривило нежную дугу ее рта в улыбку, отразившую подлинную суть ее женственности.

— Безобразна? Не то чтобы... Честно говоря, я не смогу сказать вам точно, какова она. Она... ничем не выделяется среди других!

— Бедный Наполеон, — лицемерно вздохнула Фортюнэ. — Он не заслужил этого! Ничем не выделяющаяся среди других женщина для него, который любит только исключительное!

— Это французы, если вы хотите знать мое мнение, не заслужили этого! — вскричала Аделаида. — Габсбургка не принесет им ничего, кроме горя.

— Но их вид не подтверждал этого, — заметила Марианна. — Вы бы слышали их приветственные крики на улицах Компьена!

— В Компьене может быть, — задумчиво ответила Фортюнэ. — Они не избалованы грандиозными придворными спектаклями, за исключением охоты. Но что-то подсказывает, что Париж не будет таким пылким. Прибытие этой Австриячки вызовет энтузиазм разве что в непримирившихся салонах, которые видят в ней Немезиду Корсиканца и ангела-мстителя Марии — Антуанетты. Но народ далек от восхищения. Ведь он поклонялся Жозефине и отнюдь не любит Австрию. И я не верю, что это изменится из-за угрызений совести.

В следующий понедельник, 2 апреля, глядя на заполнившую площадь Согласия толпу, Марианна подумала, что Фортюнэ имела достаточные основания для своих слов. Это была празднично одетая толпа, нарядная, беспокойная, но нельзя было назвать ее радостной. Ожидая прибытия свадебного кортежа своего императора, она растянулась на всю длину Елисейских полей, сгрудилась между угловыми штандартами площади, прижалась к стенам мебельного склада и Морской гостиницы, однако в ней не ощущалось радостного возбуждения большого праздника.

Погода все-таки разгулялась. Приводивший в отчаяние непрерывный дождь, навсегда, казалось, обосновавшийся во Франции, на рассвете внезапно прекратился. Весеннее солнце разогнало тучи и ярко сверкало на хорошо вымытом небе, на голубизне которого вырезались набухшие почки каштанов. Это дало возможность пышному расцвету соломенных и украшенных цветами шляпок на головках парижанок, фраков нежных тонов и светлых панталон на их спутниках.

Марианна улыбнулась при виде этой ярмарки изящества.

Похоже, что парижане решили показать новоприбывшей, как во Франции умеют одеваться.

Расположившись с Аркадиусом в своей карете, остановленной перед одной из лошадей Марли 6, Марианна рассматривала праздничные украшения. Флаги и плоски были повсюду, вплоть до рук телеграфа г-на Шаппа, установленного на крыше Морской гостиницы. Тюильрийские решетки позолотили заново, из фонтанов било вино, и, чтобы каждый мог принять участие в императорской свадьбе, под деревьями королевского подворья в тени больших полосатых красно-белых тентов раскинулись гигантские бесплатные буфеты. Все вокруг обширной площади, вплоть до кадок с апельсиновыми деревьями, увешанными яркими плодами, было полностью готово к вечерней иллюминации. Скоро, когда свадебная церемония будет происходить в большом квадратном зале Лувра, верные подданные императора смогут здесь съесть по желанию: 4800 паштетов, 1200 языков, 1000 седел барашка, 250 индюшек, 360 каплунов, столько же цыплят, около 3000 колбас и множество иных яств.

— Сегодня вечером, — вздохнул Жоливаль, деликатно втягивая в себя понюшку табака, — их величества будут править опьяневшей и обожравшейся толпой.

Марианна промолчала. Эта атмосфера ярмарки развлекала ее и в то же время раздражала. Почти везде на Елисейских полях виднелись шесты с призами на верхушках, всевозможные аттракционы, открытые сцены для театральных представлений, гигантские шаги и другие развлечения, с помощью которых парижане со вчерашнего дня пытались забыть, что им навязали нежелательную императрицу. Повсюду, как возле их кареты, так и вокруг других, приехавших сюда, слышались оживленные пересуды, позволявшие узнать подлинное настроение парижан. Ни для кого не было больше секретом то, что произошло в Компьене, и все знали, что сейчас Наполеон поведет к алтарю женщину, с которой он уже неделю спал, хотя гражданский брак был заключен только накануне в Сен-Клу.

Наступил полдень, и пушка гремела уже добрых полчаса. В самом конце еще почти девственно чистой перспективы Елисейских полей, окаймленных нежной зеленью каштанов, солнечные лучи отвесно падали на гигантскую триумфальную арку из дерева и раскрашенного полотна, построенную с великим трудом, чтобы закрыть далеко не законченный монумент во славу Великой Армии. И под весенним солнцем она имела довольно приличный вид, эта «заместительница», с развевающимися знаменами, прибитыми плотниками наверху, с горельефами по бокам и с надписью, которая провозглашала: «НАПОЛЕОНУ И МАРИИ-ЛУИЗЕ ГОРОД ПАРИЖ». Этот наивный энтузиазм забавен, подумала Марианна, когда известно, сколько требований и всевозможных волнений сопровождало строительство арки. Правда, в этом и заключалась пикантность ситуации. Но видеть рядом имена Наполеона и Марии-Луизы не доставляло ни малейшего удовольствия Марианне.

вернуться

6

Скульптуры Гильома Кусту на площади Согласия в Париже.

На всем пути следования императорского кортежа трепетали алые перья на высоких меховых шапках гренадеров гвардии, сменявшиеся черными киверами с зелено-красными султанами стрелков. Над Парижем порхала песня, непрерывно повторяемая рассредоточенными повсюду оркестрами. Это была «Где может быть лучше, чем в лоне семьи...» 7, и она быстро набила

Марианне оскомиனு. Выбор ее в день, когда Наполеон сочетался браком с племянницей Марии-Антуанетты, был более чем странным... Да еще аккомпанировавшие ей пушечные выстрелы...

Вдруг рука Аркадиуса в светлой замшевой перчатке коснулась руки Марианны.

— Не двигайтесь, а главное — не оборачивайтесь резко, — прошептал он. — Но я хотел бы, чтобы вы осторожно посмотрели на карету, которая пристраивается рядом с нашей. Внутри ее сидят женщина и мужчина.

Как и я, вы легко узнаете женщину, но мужчина мне не знаком. Добавлю, что у него надменное лицо, очень красивое, несмотря на пересекающий левую щеку шрам, тонкий, как лезвие шпаги...

Ценой большого усилия Марианне удалось остаться неподвижной, однако Жоливаль почувствовал, как задрожала ее рука. Она сделала вид, словно длительное ожидание свадебного кортежа ей наскучило. Затем, очень медленно, очень естественно она повернула голову ровно настолько, чтобы соседняя карета попала в поле ее зрения. Это был желтый с черным кабриолет, совершенно новый и очень элегантный, на котором виднелось клеймо Келлера, мастера-каретника с Елисейских полей. В нем находились две osoby.

В пожилой женщине, превосходно одетой в черный бархат с мехом куницы, Марианна без особого удивления узнала своего старого врага — Фаншон — Королевскую Лилию, но ее спутник сразу же приковал к себе взгляд молодой женщины, и ее сердце забилося с переборами, — не от неожиданности, а от неприятного ощущения, близкого к отвращению.

Именно таким представляла она Франсиса Кранмера по описаниям Жоливаля.

На этот раз никаких сомнений: это был точно он, а не призрак, родившийся в ее взволнованном из-за страха перед премьерой воображении. Перед Марианной снова предстали слишком уж безукоризненные черты с застывшим выражением вечной скуки, упрямый лоб, немного тяжеловатый подбородок в складках высокого муслинового галстука, безупречное изящество сильного тела, избавленного до сих пор от полноты благодаря интенсивным занятиям спортом. Костюм его являл собой дивную серо-голубую симфонию, прорезавшуюся темной нотой черного бархатного воротника.

— Очевидно, они следили за нами, — прошептал Жоливаль. — Готов присягнуть, что они здесь только из-за нас! Посмотрите-ка, как этот человек смотрит на вас! Это он, не так ли?.. Это... ваш муж?

— Да, это он, — признала она удивительно спокойным тоном, если учесть бушевавшую у нее в груди бурю.

Надменный, исполненный презрения взгляд Марианны скрестился со стальным блеском глаз Франсиса и устоял.

Она с удовлетворением обнаружила, что, находясь лицом к лицу с ним, вполне реальным, поселившийся в ней после его появления в театре мучительный страх рассеялся. Она ничего так не боялась, как опасности неопределенной, скрытой и ускользающей. Неизвестность парализовала ее, тогда как бой с открытым забралом позволял ей мобилизовать все свои силы. У нее было больше чем достаточно природной храбрости, чтобы безбоязненно встречать врага при любых обстоятельствах.

Она даже бровью не повела в ответ на насмешливые улыбки Франсиса и его спутницы. Она не удивилась, встретив их вместе и увидев одетой, как герцогиня, ужасную старуху из таверны «Железный человек». Аркадиус уже давно описывал ей всевозможные перевоплощения бывшей пансионерки «Оленьего павильона». Она знала ее как беспринципную, очень опасную, хорошо вооруженную особу, готовую на все: своеобразную самку Протея, так что Марианна не была бы особенно удивлена, встретив ее в одном из залов Тюильри. Но она не собиралась обсуждать свои дела в присутствии Фаншон. Хотя и не знала, каким чудом Франсис установил связь с Дезормо и до какой степени доверился ей в том, что касалось их прежних взаимоотношений.

Марианна была достаточно самолюбива, чтобы не смириться со вторжением в ее личную жизнь женщины, заклеянной рукой палача. И поскольку с существами подобного рода никогда нельзя предугадать, какова будет их реакция, молодая женщина решила отступить, как ни велико было ее желание покончить раз и навсегда с лордом Кранмером.

Она уже нагнулась, чтобы приказать Гракху-Ганнибалу, который важничал в новой ливрее на своем сиденье, развернуться и отвезти ее домой, когда дверца отворилась и появился Франсис. С шляпой в руке, он поздоровался с дерзко притворным уважением:

— Могу ли я надеяться, что мои знаки нижайшего уважения будут благосклонно приняты королевой Парижа? — спросил он непринужденно.

Франсис улыбался, но улыбка не затрагивала его окаменевших глаз, которые в упор смотрели на молодую женщину, сильно побледневшую под сиреновой шелковой шляпкой с белой вуалью, так гармонизировавшей с ее изящным туалетом.

Быстрым движением руки она удержала Аркадиуса, уже бросившегося, чтобы оттолкнуть незваного гостя.

— Оставьте, друг мой! Это мое дело.

Затем строгим голосом, в котором только легкая хрипота выдавала ее чувства, она спросила:

— Что вам угодно?

— Я уже сказал: засвидетельствовать мое почтение я немного поговорить, если вы согласны.

— Я не согласна, — надменно оборвала его Марианна. — Если вы полагаете, что у вас есть что сказать мне, напишите господину де Жоливалю, который взял на себя мою корреспонденцию и прием посетителей. Он сообщит, когда я смогу принять вас. Посреди толпы не ведут переговоров. Мой адрес...

— Я знаю ваш адрес и я польщен, что вы предпочитаете очарование беседы с глазу на глаз, но я напомню вам, дорогая, — в голосе Франсиса звучала насмешка, — что нигде не чувствуешь такого уединения, как среди большой толпы, а эта увеличивается с каждым мгновением... Она уже настолько нас сжала, что выбраться отсюда не представляется возможным, пока она не рассосется. Боюсь, что волей-неволей вам придется вытерпеть мое присутствие. Так не лучше ли будет поговорить о наших делах?

Толпа действительно стала такой плотной, что карета, как, впрочем, и другие, приехавшие на площадь, не могла сдвинуться с места. Раздающиеся со всех сторон голоса, сливающиеся вместе со звуками оркестров в сплошной шум, не мешали, однако, вести разговор. Франсис, продолжавший стоять против дверцы, засунул голову внутрь кареты и кивнул в сторону

Жоливаля.

— Если этот дворянин будет настолько добр, что уступит мне на некоторое время место рядом с вами... — начал он.

Но Марианна сухо оборвала его, продолжая держать за руку своего друга.

— Мне нечего скрывать от виконта де Жоливаля, который знает обо мне все и для меня больше, чем друг.

Можете говорить при нем.

— Большое спасибо! — ответил Франсис со злой улыбкой. — Вам-то, возможно, нечего скрывать от него, но я не могу сказать того же о себе. Впрочем, — добавил он, снова надевая шляпу и легким ударом надвигая ее поглубже, — если вы не хотите, чтобы мы побеседовали по доброй воле, что ж, я даю вам не больше часа, чтобы пожалеть об этом.

Ваш слуга, дорогая.

Более сильное побуждение, чем ее воля, бросило Марианну вперед, когда он повернулся, чтобы уйти. Несмотря ни на что, надо покончить с этим немедленно.

— Остановитесь!

Она умоляюще посмотрела на Аркадиуса и слегка пожала ему руку.

— Оставьте меня поговорить с ним несколько минут, Аркадиус. Я думаю, что это предпочтительней. Во всяком случае, он не может больше ничего мне сделать.

Жоливаль со вздохом стал выбираться из бархатистой глубины подушек.

— Хорошо, я выйду! Но я не буду спускать с вас глаз.

При малейшем движении, при малейшем зове я тут вместе с Гракхом.

Он отворил дверцу с другой стороны и спустился вниз, в то время как Франсис поднялся в карету. Лорд Кранмер рассмеялся.

— Я вижу, что ваш друг действительно питает ко мне предубеждение, которому я обязан только вашей откровенностью, дорогая. Право слово, он принимает меня за бандита с большой дороги.

вернуться

7

Любимая песня Марии — Антуанетты.

— С моим мнением здесь не считаются! — очень резко ответил Аркадиус. — Но знайте, сударь, хотя бы, что не в вашей власти заставить меня изменить его.

— А это и не входит в мои намерения, — пожав плечами, бросил англичанин. — Кстати, если

вы боитесь соскучиться, дорогой господин, кто вам мешает пойти составить компанию даме, которая меня сопровождает? Я знаю, что она просто жаждет встретиться с вами! Взгляните, она улыбается вам...

Марианна машинально посмотрела на желтую с черным карету и увидела, что действительно при виде Жоливаля Фаншон заулыбалась так приветливо, насколько это позволяла ее внешность. Тот только фыркнул что-то и проскользнул вперед, чтобы немного поболтать с Гракхом, но не спускать глаз с сидящих в карете. Тем временем Марианна сухо заметила:

— Если, как вы говорите, вы настаиваете на «беседе» со мной, милорд, вы могли бы обойтись без нападок на моего самого верного друга. Я не знаю никого, кроме вас, кто имел бы такую склонность к сомнительным связям. И, употребляя это выражение в отношении той дамы с королевской лилией, я проявляю излишнюю снисходительность.

Ничего не ответив, Франсис тяжело упал на зеленые бархатные подушки рядом с молодой женщиной, которая инстинктивно отодвинулась, желая избежать его прикосновения. Несколько мгновений она имела возможность любоваться его неподвижным профилем в прерываемой только его немного убыстренным дыханием тишине.

Не без тайного удовлетворения Марианна подумала, что это, вероятно, память об ударе шпаги, пронзившей ему грудь, но это было слишком мелкой компенсацией за огорчение от сознания того, что он остался жив. Какое-то время она с любопытством, словно дело шло о постороннем, изучала человека, которого любила, в которого верила, как в самого Бога, которому с такой радостью поклялась в послушании и верности... В первый раз после ужасной ночи она вновь оказалась наедине с ним. А сколько перемен произошло!

Она была тогда совсем ребенком, безжалостно принесенным в жертву человеку без совести и сердца. А теперь любовь императора сделала ее сильной, надежно защищенной... На этот раз уже она будет диктовать свою волю.

Она отметила, что Франсис, наоборот, внешне совсем не изменился, за исключением, пожалуй, появившегося на губах выражения горького скептицизма вместо скуки. Лорд Кранмер был так же прекрасен, несмотря на тонкий шрам, который пересекал щеку и только придавал романтическую окраску совершенству его благородных черт. И Марианна удивилась тому, что после такой пылкой любви она испытывает к этому великолепному образчику мужской породы только близкую к отвращению антипатию. Поскольку он упорно молчал и только внимательно разглядывал сверкавшие носки своих лакированных сапог, она решила открыть огонь. Надо кончать с этим и кончать побыстрее, ибо одно его присутствие создавало гнетущую атмосферу в тесном пространстве кареты.

— Вы желали говорить со мной, — сказала она холодно, — так будьте любезны начать. У меня нет никакого желания тянуть эту встречу до бесконечности.

Он с сонным видом взглянул на нее и двусмысленно улыбнулся.

— Почему бы и нет? Разве не восхитителен момент, когда супруги вновь встречаются после такой долгой разлуки ..и особенно после того, как поверили, что разлучены навсегда?

Разве вы не счастливы, дорогая Марианна, вновь увидеть рядом с собой человека, которого вы любили?.. Ибо вы любили меня, дорогая... скажу даже, что вы были без ума от меня в блаженный день нашей свадьбы. Я снова вижу ваши расширившиеся влажные глаза, когда милейший аббатик...

Терпение Марианны быстро лопнуло.

— Довольно! — оборвала она его. — Ваша наглость действительно поразительна! Неужели у вас настолько ослабел рассудок, что вы забыли те милые обстоятельства, которые сопровождали нашу свадьбу? Вам надо напомнить, как, едва дав перед Богом клятву всю жизнь нежно любить и защищать меня, вы поспешили заняться карточной игрой и проиграть не только оставшиеся у вас крохи, но и солидное состояние, которое я вам принесла... и ради которого вы на мне женились? И поскольку этого было еще недостаточно, вы посмели бросить на зеленое сукно любовь, которую я действительно так наивно к вам испытывала, стыдливость юной девушки, мою невинность, мою честь, наконец. И у вас хватает бесстыдства посмеиваться над этой ночью, когда вы сломали мою жизнь, словно дело идет об одном из тех веселых приключений, о которых мужчины любят рассказывать вечерами за бутылкой старого бренди.

Лорд Кранмер недовольно повел плечами и повернулся, встретив сверкающий взгляд Марианны.

— Если бы вы не были такой дурочкой, — пробурчал он, — это в самом деле осталось бы просто веселой историей. Это вы из всего сделали драму.

— Вот как! Не потрудитесь ли объяснить, что я, по-вашему, должна была делать? Очевидно, принять заместителя, присланного вами?

— Не доходя до конца! Всякая женщина, настоящая женщина, сможет найти слова, чтобы заставить мужчину надеяться на все, но и потерпеть подольше. Этот дурак был без ума от вас...

— Вздор! — бросила Марианна, чувствуя, как ее пронзило внезапное желание увидеть Язона Бофора. — Он встретил меня в тот день впервые.

— И вы думаете, что этого недостаточно, чтобы пожелать женщину? Надо было услышать, как он воспевал ваши прелести, очарование вашего лица, сияние ваших глаз. «Если существуют сирены, — говорил он, — леди Марианна может быть только их королевой...» Господи! — загремел Франсис с внезапной яростью. — Вы могли с ним делать все, что захотели бы! Он был готов отдать вам все в обмен на час любви! Может быть, даже за один поцелуй. Вместо этого вы разыграли трагедию, выгнали человека, в руках у которого было все наше состояние...

— «Наше состояние», — съязвила Марианна.

— Ваше, ваше, если это так важно! Достаточная причина, чтобы самоотверженно защищать его или хотя бы попытаться оттяпать часть его...

Марианна перестала слушать. Зачем? Ей уже была знакома полная аморальность Франсиса, и ее не удивила его духовная испорченность, толкавшая его на подобную непристойность: упрекать ее за то, что она не сумела обмануть Язона и забрать у него выигрыш... Вдруг память воскресила последние мгновения, проведенные с Язоном в ее спальне в Селтоне. Тот поцелуй, — она не ответила на него, — но он все-таки был, и с величайшим удивлением Марианна обнаружила, что, несмотря на охватившее ее тогда возмущение, она после всего еще ощущает его резкий и нежный, незнакомый и волнующий вкус. То был ее первый поцелуй в жизни... нечто незабываемое!

Марианна, закрывшая при этих воспоминаниях глаза, неохотно открыла их. О чем говорит сейчас Франсис?

— Слово чести... Да вы не слушаете меня?

— А вы меня больше не интересуете! Я не собираюсь терять время, объясняя вам, как должны вести себя заботящиеся о своей чести люди, и если вы хотите знать мои самые сокровенные мысли, то должна сказать, что просто не понимаю, как у вас хватило наглости подойти ко мне. Я полагала, что убила вас, Франсис Кранмер, и если сам дьявол, ваш хозяин, воскресил вас, для меня вы мертвец и навсегда им останетесь!

— Я согласен, что такое положение наиболее удобно для вас, но дело заключается в том, что я живой и собираюсь им остаться.

Марианна пожала плечами и отвернулась.

— Тогда оставьте меня и постарайтесь забыть, что однажды Марианна д'Ассельна и... Франсис Кранмер были соединены узами брака. По крайней мере, если вы хотите остаться хотя бы живым, я уже не говорю: свободным.

Франсис с любопытством посмотрел на молодую женщину.

— В самом деле? По-моему, я различил угрозу в вашем голосе, дорогая. Что вы имеете в виду?

— Не представляйтесь глупей, чем вы есть на самом деле. Вы это знаете прекрасно: мы находимся во Франции, вы — англичанин, враг империи. Мне достаточно взмахнуть рукой, сказать одно слово, и вас арестуют. И тогда заставить вас исчезнуть будет детской забавой. Вы думаете, что император откажет мне в вашей голове, если я попрошу ее у него? Будьте же хоть раз честным игроком. Признайте свой проигрыш, удалитесь и не ищите больше встречи со мной. Вы же хорошо знаете, что не можете ничего мне сделать.

Она говорила тихо, но твердо, с большим достоинством.

Она не любила хвастать своим влиянием на властелина Европы, но в данном случае необходимо было сразу поставить все на свои места. Пусть Франсис навсегда исчезнет из ее жизни, и когда-нибудь она сможет простить его. Но вместо того чтобы задуматься, как это следовало бы, над ее словами, лорд Кранмер принялся хохотать... и Марианна почувствовала, что ее твердая убежденность немного поколебалась.

Она очень сухо спросила:

— Могу я узнать, что смешного в моих словах?

— Что... о, моя дорогая, вы просто неподражаемы!

Честное слово, вы считаете себя императрицей! Должен ли я напомнить, что это не на вас, а на несчастной эрцгерцогине женился Бони?

Ирония Франсиса вместе с оскорбительной кличкой, которой пользовались англичане, упоминая Бонапарта, пробудили гнев Марианны.

— Императрица или нет, а я докажу, что не только не боюсь вас, но и не позволю безнаказанно оскорблять меня!

Она живо наклонилась вперед, чтобы позвать Аркадиуса, который должен был находиться подле кареты. Она хотела попросить его обратиться к одному из полицейских, чьи черные фигуры в длинных сюртуках и круглых шляпах, с солидными дубинками в руках, виднелись повсюду среди парадной толпы. Но у нее даже не нашлось времени открыть рот...

Франсис схватил ее за плечо и грубо отбросил в глубь кареты.

— Сидите смирно, дурочка! Кроме того, что вы напрасно потратите время, вы же видите, что мы осаждены этой толпой. Никому не удастся ни войти, ни выйти из кареты. Даже если бы я хотел уйти, я не смог бы.

Действительно, толпа так плотно обступила карету, что прямо у окошек начиналось волнуемое море человеческих голов. Чтобы не быть раздавленным, Аркадиусу пришлось взобраться на козлы к Гракху. Издалека доносились, господствуя над окружающим шумом, словно раскаты грома, неясные звуки музыки. Может быть, наконец дает о себе знать кортеж? Но у Марианны пропал всякий интерес к событиям этого дня. В этой карете, хотя и ее собственной, она вдруг почувствовала, что задыхается. Ей стало плохо, но она не могла определить источник недомогания. Может быть, присутствие этого ненавистного человека? Он отравляет все вокруг себя.

Стряхнув руку, которую он задержал на ее плече, она бросила на него полный ненависти взгляд.

— А вы ничего не дождетесь! Вы выйдете из этой кареты напрямиком в Венсен или Форс.

В ответ Франсис расхохотался, и Марианна вновь ощутила пробежавшую по ее телу дрожь.

— Если бы вы любили игру так, как люблю ее я, — начал он с беспокоящей нежностью, — я поспорил бы с вами, что из этого ничего не выйдет.

— Кто же мне может помешать?

— Вы сами, моя дорогая! Кроме того, что донос ничего не даст, так как обвинения будут сразу же сняты, когда вы меня выслушаете, у вас больше не будет ни малейшего желания арестовывать меня.

Марианна боролась с охватывающим ее предательским страхом, пытаясь поразмыслить. Как он самоуверен! Неужели чужое имя, под которым он скрывался, придавало ему столько уверенности?

Что ей как-то сказал Фуше? Что виконт д'Обекур бывал у Доротеи де Перигор? Но этого недостаточно, чтобы защитить его от когтей вышеупомянутого Фуше, постоянно выслеживающего шпионов или всевозможных заговорщиков... Тогда?.. О Боже, если бы только она смогла рассеять охватившую ее тревогу!

И снова насмешливый голос Франсиса вернул ее к действительности. В его журчании слышалась вызывающая дрожь мягкость.

— Вы знаете, что пробуждает во мне раскаяние? Вы восхитительно прекрасны, моя дорогая. Поистине, надо не быть мужчиной, чтобы не желать вас. Гнев вам к лицу. Он заставляет сверкать эти великолепные зеленые глаза, трепетать эту чудную грудь...

Его взгляд ценителя ощупал дивное лицо с переливающимися тенями от розовой обивки, погладил высокую изящную шею, гордую грудь, полуоткрытую в обрамлении из кружев и шелка. Это был взгляд жадный и грубый, взгляд барышника на красивую молодую кобылу...

Он оценивал и раздевал одновременно, являя желание такое обнаженное, такое примитивное, что щеки Марианны порозовели. Словно загипнотизированный этой красотой, такой близкой,

англичанин нагнулся, готовый вот-вот схватить ее. Она прижалась к подушкам и сквозь зубы пригрозила:

— Не приближайтесь! Не трогайте меня! Иначе я закричу, вот увидите! Я закричу так громко, что эта толпа расступится.

Он вздрогнул и взял себя в руки. В его взгляде, таком пылком мгновение назад, появилось скучающее выражение. Он сел на прежнее место с другой стороны кареты, уместился в углу, закрыл глаза и вздохнул.

— Жаль!.. Особенно жаль, что такие сокровища приберегаются на радость одному только Бонн! Или у него есть заместители? Говорят, что добрая половина мужчин в этом городе влюблена в вас.

— Вы перестанете? — возмутилась Марианна. — Скажите же наконец то, что вы собирались, и покончим с этим.

Чего вы хотите?

Он прикрыл один глаз, взглянул на нее и улыбнулся.

— Правила вежливости требуют, чтобы я ответил:

«Вас!», и это было бы одновременно справедливостью и истиной, но мы об этом еще поговорим позже... на досуге.

Нет, у меня в этот момент заботы гораздо более низменные: мне нужны деньги.

— Снова! — вскрикнула Марианна. — И вы воображаете, может быть, что я их вам дам?

— Я не воображаю, — я уверен в этом! Деньги всегда играли важную роль в наших взаимоотношениях, дорогая Марианна, — цинично заявил он. — Я женился на вас из-за вашего состояния. Правда, я слишком быстро промотал его, и это глубоко печалит меня, но, поскольку вы по-прежнему моя жена и, видимо, купаетесь в золоте, мне кажется вполне естественным просить его у вас.

— Я больше не жена вам, — сказала Марианна, чувствуя, как усталость превозмогает в ней гнев. — Я певица Мария-Стэлла... а вы виконт д'Обекур!

— Ах, вы все знаете! В сущности, я даже восхищен этим. Теперь вам должно быть ясно, какое положение я занимаю в парижском обществе. Меня многие ценят.

— Вас станут ценить иначе, когда я покончу с вами! Все узнают, что вы английский шпион.

— Может быть, но в таком случае узнают также и вашу подлинную личность, и, поскольку вы являетесь моей женой, вполне законной, вы вновь станете леди Кранмер, англичанкой... и почему бы не шпионкой?

— Никто вам не поверит, — пожал плечами, сказала Марианна, — а что касается денег...

— Вы сделаете все возможное, чтобы достать пятьдесят тысяч ливров, и как можно быстрее, — оборвал ее Франсис, нисколько не волнуясь. — В противном случае...

— В противном случае? — надменно спросила Марианна.

Лорд Кранмер не спеша пошарил в одном Из своих карманов, вытащил сложенный вчетверо листок желтой бумаги, развернул его, положил на колени молодой женщины и заключил:

— В противном случае с завтрашнего дня весь Париж будет засыпан подобными бумажками.

Залетевший в открытые окна легкий ветерок шевелил листок с напечатанным крупным шрифтом текстом, который привел Марианну в отчаяние:

ИМПЕРАТОР В РУКАХ ВРАГА! ПРЕКРАСНАЯ ЛЮБОВНИЦА НАПОЛЕОНА, ПЕВИЦА МАРИЯ-СТЭЛЛА — В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ УБИЙЦА-АНГЛИЧАНКА НА СОДЕРЖАНИИ ПОЛИЦИИ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА...

На мгновение Марианне показалось, что она сходит с ума.

Глаза закрыла красная пелена, в то время как из глубины души вздымалась буря такой ярости, какой она никогда не испытывала, и эта ярость заглушила отвратительный страх.

— Убийца! — вскрикнула она. — Я никого не убивала. Увы, вы живы!

— Читайте дальше, дорогая, — сладеньким голосом начал Франсис, — вы увидите, что в этом пасквилие ничто не преувеличено. Вы подлинная убийца моей нежной кузины Иви Сен — Альбэн, которую вы умело оглушили тяжелым канделябром после того, как уверовали, что перед вами мой труп. Бедная Иви! Ей повезло меньше, чем мне, оставшемуся благодаря моему другу Стэнтону в этом мире. А она была такой хрупкой, такой деликатной. К несчастью для вас, прежде чем испустить дух, она пришла в себя... буквально на несколько мгновений, как раз чтобы успеть обвинить вас. В Англии за вашу голову назначена премия, милая Марианна!

У молодой женщины язык прилип к гортани. Она совершенно выпустила из виду ненавистную Иви и, встретив Франсиса живым, даже не подумала о его кузине. К тому же до сего дня она рассматривала дуэль и то, что за ней последовало, как своего рода Божий суд... Но, несмотря на весь ужас положения, она держала себя с достоинством.

— Мы находимся не в Англии, а во Франции... Я полагаю, однако, что вы прибыли сюда, чтобы увезти меня и получить премию?

— Право, должен признаться, что я думал и об этом какое-то время, — не смущаясь, ответил лорд Кранмер. — Времена тяжелые. Но, встретив вас так хорошо устроенной в самом сердце французской империи, я изменил направление моих мыслей. Вы сможете дать мне гораздо больше, чем несколько жалких сотен гиней.

На этот раз Марианна промолчала. Она исчерпала до последнего предела свои возможности сопротивления и безвольно смотрела на желтый листок, где она обвинялась в преднамеренном хладнокровном убийстве прелестной, кроткой кузины ее супруга, которого она безумно ревновала. Написавшая его опытная рука ничего не оставила на волю случая, поэтому и грязь, в которую ее собирались окунуть, была такой отвратительной и гнусной.

— Наконец, — сказал Франсис, словно не замечая ее молчания, — я задумал похитить вас. Я назначил вам свидание в принадлежащих одному другу развалинах и надеялся, что вы приедете туда, но что-то вызвало ваши подозрения, чему я, кстати, очень рад... Тесным же необходимостью, я вообразил, что Бони заплатит кругленькую сумму, чтобы получить в целости и сохранности свою прекрасную наложницу, но это был немного поспешный и, как следствие, неверный расчет... Есть гораздо лучшие возможности!

Итак, это он ждал ее в Ляфоли. Марианна восприняла его слова равнодушно. Она была за гранью здравого смысла и четких ощущений. Совсем близко от кареты раздались пронизывающие залитый солнцем воздух звуки фанфар, которым аккомпанировал рокот барабанов, словно рождавшийся в глубинах самого Парижа и распространявшийся со скоростью и силой грома. Свадебный кортеж должен был вот-вот появиться, но, озабоченная своими собственными проблемами, Марианна перестала обращать внимание на шум снаружи и растущее возбуждение толпы. Слишком уж разящим был контраст между празднично одетыми, смеющимися, взволнованными людьми и дуэлью, более жестокой, может быть, чем в Селтоне, сценой для которой стала ее карета.

— Вот и кортеж. Поговорим позже! Поговорим позже, ибо в таком шуме это невыносимо, — заметил Франсис, усаживаясь поудобнее с видом человека, которому предстоит закончить начатое. — Мы продолжим нашу беседу, когда этот поток схлынет!

В самом деле, сверкающая река с удивительной игрой красок залила Елисейские поля и величественно катилась к Тюильри под пение меди, барабанный бой, выстрелы пушки и возгласы «Да здравствует император».

Громадная площадь, до того забитая, что яркие краски костюмов сливались в сплошную сероватую массу, словно вспучилась. Отовсюду доносились голоса, комментирующие порядок кортежа.

— Польские рейтары впереди!

— Ну, поляки! Во красавцы! Небось кое-кто вспоминает Марию Валевскую!

Действительно, красно-сине-бело-золотые, с трепещущими белоснежными плюмажами на конфедератках, с бело-красными вымпелами, пляшущими на кончиках их длинных пик, солдаты князя Понятовского дефилировали в безукоризненном порядке, безошибочно управляя мощными белыми лошадьми, привыкшими скакать по всем дорогам Европы.

Затем следовали пурпурные с золотом егеря Гюйо вперемешку с мамелюками, принесшими со своими сверкающими кинжалами, смуглой кожей, белыми тюрбанами и седлами из шкуры пантеры неистовые и горячие краски Востока.

После них драгуны во главе с графом де Сен-Сюльпис, темно-зеленые с белым, чьи великолепные усы выглядывали из-под сияющих на солнце касок с длинными черными гривами. И наконец, зеленое, красное и серебряное: почетная гвардия, предшествовавшая длинной веренице из тридцати шести роскошных позолоченных карет, в которых расположились высшие офицеры двора и члены императорской семьи.

В поразительном калейдоскопе красок, который составляли императорский штаб, маршалы, адъютанты, конюшие, Марианна, как во сне, узнала Дюрока, раззолоченного, как иконостас, Массену, Лефевре, Бернадотта, не раз встречавшегося ей у Талейрана. Она увидела Мюрата, туго затянутого в алый мундир, горящий позолотой, с подбитой соболем венгеркой на плече, сверкающей фейерверком под бриллиантовым аграфом. Он чуть не лопался от гордости, но вызывал восхищение, ибо с ловкостью бывалого кавалериста укрощал великолепного вороного жеребца, явно едва объезженного. Народ сопровождал его приветственными криками, деля свой энтузиазм между ним и принцем Евгением в пышном мундире гвардейских стрелков, весело улыбавшимся на белой лошади. Из привязанности к императору, своему приемному отцу, вице — король Италии в этот день снова занял положенное ему по чину место во главе императорской гвардии.

Марианна узнала также усыпанных драгоценностями сестер императора: брюнетку Полину, восхитительную, насмешливую, всю в белом; блондинку Каролину в нежно-розовом платье, поглядывавшую на толпу величественным взглядом, не соответствовавшим ее свежему круглому лицу; Элизу, принцессу де Пьомбино, строгую и прекрасную, как камень.

В карете, впереди императорской, молодая женщина заметила королеву Гортензию, дочь Жозефины. Сопровождаемая супругой Жозефа Бонапарта, темноволосой королевой Испании Юлией и герцогом Вюрцбургским, укрытая своим жемчугом, который она очень любила и который так шел ей к лицу, она дарила толпе очаровательную, но с оттенком грусти улыбку. Марианна подумала, что она больше похожа на прекрасную пленницу, влекомую в повозке победителя, чем на счастливую приглашенную на царственную свадьбу.

Безусловно, в мыслях Гортензии большее место занимала мать, высланная с ее горем в далекое Наваррское поместье.

За всеми этими экипажами следовала запряженная восьмеркой белых лошадей большая, полностью позолоченная карета, украшенная императорской короной, но совершенно пустая. Это была оставленная без дела карета императрицы, ибо супружеская пара решила показаться в одном экипаже. Сразу же за этим позолоченным монументом ехала полуоткрытая коляска, в которой находились Наполеон и Мария-Луиза... и Марианна сделала большие глаза, в то время как приветственные возгласы толпы заметно поутихли. Ни Париж, ни Марианна не могли себе представить того, что они увидят.

В коляске, помахивая рукой каким-то неловким заученным движением, Мария-Луиза с немного простоватым видом улыбалась, раскрасневшаяся под тяжелой алмазной короной, в великолепном платье из затканного серебром тюля — очередном шедевре Леруа. Что касалось сидящего рядом с ней Наполеона, то он настолько отличался от своего обычного облика, что пораженная Марианна сразу же забыла о Франсисе.

Привыкшая к строгой простоте его мундиров полковника егерей или гренадеров, к его черным или серым фракам, Марианна не могла поверить, что странный персонаж, который улыбался и делал ручкой из коляски, был любимый ею человек. Одетый под испанца, в коротких штанах и коротком плаще из усыпанного алмазами белого атласа, он каким-то чудом удерживал на голове в равновесии диковинное сооружение из черного бархата и белых перьев, восьмикратно опоясанное рядами алмазов.

Эта шляпа уже одна заслуживала памфлета: она походила на плод дилетантской импровизации и отдавала Ренессансом, что было, по мнению Марианны, совершенной нелепостью и абсолютно не гармонировало с бледным лицом и строгим профилем нового Цезаря. Как он мог согласиться так выглядеть и как...

Громкий хохот оборвал нить ее мыслей. Возмущенная, но в глубине души довольная возможностью разрядить свой гнев и разочарование, Марианна повернулась к Франсису, который, откинувшись на подушки, без малейшего стеснения смеялся во все горло.

— Могу ли я узнать, что вы нашли смешного? — сухо спросила она.

— Да ведь... ох, нет! Моя дорогая, только не говорите, что вы не находите безумно забавным маскарад Бони! Он настолько смешон, что делается даже величественным! Действительно, можно смеяться до слез... что я и делаю! Я... Я никогда не видел ничего более комичного! О! Это неслыханно... неслыханно!..

Тем более разъяренная, что в глубине души она должна была признать, что он прав, что этот

ошеломляющий костюм, несмотря на украшающие его драгоценности, подошел бы какому — нибудь вояке-щеголю, а не окруженному грозowymi тучами Зевсу, Марианна с трудом удержала охватившее ее дикое желание броситься на Франсиса, ногтями разодрать его дерзкое лицо и заставить смолкнуть оскорбительный смех. Было бы у нее сейчас в руках любое оружие, и она использовала бы его без малейших колебаний, как тогда ночью в Селтоне! Она страстно желала, чтобы Наполеон появился перед врагом в строгом и простом величии своего военного одеяния, поразив его ужасом или по меньшей мере внушив ему спасительную боязнь перед нападением на нее, Марианну, его признанную возлюбленную... Так нет, чтобы жениться на этой большой краснолицей деве, ему понадобилось нарядиться, как фавориту Генриха III!..

Однако надо любой ценой прекратить этот смех, оскорблявший самое дорогое для нее: любовь, единственное, что ей осталось в мире.

Внезапно, так сильно побледнев, что, казалось, в ее лице не осталось ни одной капли крови, Марианна выпрямилась и с головы до ног смерила взглядом продолжавшего безумно хохотать Франсиса.

— Убирайтесь! — Она повысила голос. — Нам нечего больше говорить друг другу. Выйдите из моей кареты, пока я не вышвырнула вас, и мне наплевать на все гадости, которые вы замышляете против меня! Мне все безразлично, вы слышите? Можете везде разбрасывать ваш пасквиль, я не предприму ничего, чтобы вам помешать! Делайте что хотите, только убирайтесь! Я не хочу видеть вас больше! И знайте, что вы не получите ни су!

Она почти кричала и, несмотря на шум на площади, головы стали оборачиваться к ним. Франсис Кранмер перестал смеяться. Он схватил Марианну за руку, сжимая ее до боли.

— Успокойтесь немедленно, — прошипел он, — и перестаньте говорить глупости. Это ни к чему не приведет, вы не избавитесь от меня!

— А я не боюсь вас. Раз вы мне угрожаете, то перед Богом клянусь, что убью вас. Вы слышите, лорд Кранмер, я убью вас, и на этот раз никакая человеческая медицина вам не поможет! И вы достаточно знаете меня, чтобы не сомневаться, что я это сделаю.

— Я уже просил вас успокоиться! Я понимаю, почему вы так возбуждены. Вы все еще надеетесь на свою значительность, не так ли? Вы убеждаете себя, что он вас так любит, что защитит даже от клеветы, что его могущество укроет вас от любой опасности? Но взгляните же трезво на него! Он вот-вот лопнет от радости, от удовлетворенного тщеславия! Для него пережитые им минуты — вершина жизни! Подумайте только: он, корсиканский дворянчик, сочетается браком с одной из Габсбургов!

Вся эта роскошь, доходящая до смешного выставка драгоценностей имеют одну цель: ослепить ее! И теперь она будет как угодно вертеть Наполеоном, ибо он надеется получить от нее сына, который сможет продолжить его династию! А вы еще думаете, что он решится вызвать недовольство драгоценной эрцгерцогини ради защиты убийцы? Не составит большого труда узнать через шпионов в Англии, что вас действительно разыскивает полиция за убийство беззащитной женщины, и тогда? Поверьте, девизом Наполеона на это время наверняка будет: «Никаких скандалов!»

По мере того как он говорил, Марианну охватывало горькое разочарование. Тем более жестокое, что подсознательно она признавала его правоту. В эти минуты все великое доверие, которое она сохраняла к могуществу ее любви и ее влиянию на Наполеона, дало трещины и

рассыпалось прахом, чтобы больше не вернуться. Конечно, она знала, что нравится ему, что он любил ее страстно, но не больше...

Любовь, которую женщина из плоти и крови вызывала в императоре, не могла соперничать с любовью, испытываемой им к своей империи и своей славе. Он любил Жозефину, и тем не менее коронованной супруге пришлось спуститься по ступенькам трона, уступая место розовой австрийской телке. Он любил полячку, она носила под сердцем его ребенка... и все же Мария Валевская вынуждена была удалиться, в разгар зимы отправиться в свою далекую Польшу, чтобы там произвести на свет плод этой любви... Что стоит Марианна с ее очарованием и всепоглощающей любовью перед лицом той, от кого он ожидал наследника его славы и империи?.. Марианна с горечью вспомнила, как он говорил ей беззаботным тоном: «Я женюсь на брюхе!» Теперь это «брюхо» было для него дороже самой великой в мире любви.

Полными слез глазами она следила за удаляющимся в солнечном сиянии, сверкающим двойным силуэтом новобрачных, которые на повороте к мосту словно плыли по океану голов... Голос Франсиса дошел до нее, как из глубины сна, — вкрадчивый, убеждающий.

— Будьте же благоразумной, Марианна, и удовольствуйтесь вашей собственной властью... властью, которую было бы просто глупо компрометировать из-за нескольких сотен экю! Что значит пятьдесят тысяч ливров для королевы Парижа?.. Бони отдаст их вам на следующей неделе.

— У меня их нет! — отрезала Марианна, яростно вытирая кончиком пальца готовую скатиться слезу.

— Но они будут... скажем, через три дня. Я сообщу вам, где и как передать их мне.

— А кто поручится, если я дам их вам, что я буду избавлена от ваших гнусностей?

Франсис потер руки и окинул собеседницу довольным взглядом.

— Я обещаю, что вы будете в полной безопасности... если я в один прекрасный день снова не окажусь в нужде.

Всегда можно сочинить новый текст...

— Который рано или поздно будет обнародован? В таком случае нам не о чем говорить, я не согласна. Все равно вы нападете на меня, да еще в такой день, когда у меня не будет денег! Нет. Делайте что хотите, но вы не получите пятьдесят тысяч ливров!

Говоря это, Марианна уже наметила план. Сегодня вечером она пойдет повидать Фуше, или даже императора, если будет возможно. Она скажет об угрожающей ей опасности, и если никому не удастся воспрепятствовать распространению пасквиля, она уедет куда глаза глядят, не важно куда, ведь между ней и императором слишком большая дистанция, чтобы просить его заниматься ее делами. Она уедет... в Италию, например, где ее голос позволит ей заработать на жизнь и где, может быть, она сможет найти своего крестного и добиться расторжения этого ужасного брака. Наконец, вновь став Марианной д'Ассельна, — она обратила внимание, что ее девичья фамилия не упоминалась в пасквили, возможно, из боязни отрицательной реакции высшего французского дворянства, — она, может быть, сможет немного приблизиться к Наполеону... Снова голос лорда Кранмера вернул ее к действительности.

— Ах, я забыл! — начал он насмешливо-любезным тоном. — Зная стремительность вашего противодействия и несносную привычку исчезать, не оставляя адреса, я позволил себе

дополнительную предосторожность, обезопасив себя особой, этой старой сумасшедшей, которая служит вам одновременно и матерью, и компаньонкой, но, по-моему, просто ваша кухня.

Сердце у Марианны неистово забилося, а горло сдавила невидимая рука.

— Аделаида? — прошептала она. — Но при чем же...

— Она... играет, я бы сказал, значительную роль.

Если бы вы лучше знали меня, дорогая, вам было бы известно, что я не из тех, кто начинает игру, не имея надежных козырей в руке. В данный момент мадемуазель д'Ассельна, которую от вашего имени вызвали к вам, должна находиться в укромном местечке под внимательным наблюдением нескольких преданных друзей. И если вы хотите увидеть ее живой...

Пронзившая сердце Марианны боль невольно подтвердила величину ее привязанности к кухне. Она закрыла глаза, чтобы удержать слезы, ибо ни в чем не хотела проявить перед этим человеком свою слабость. Презренный! Он дерзнул захватить милую старую деву, такую добрую, такую преданную! И Марианна теперь поняла, каковы взаимоотношения, связывающие Кранмера с Фаншон и ее шайкой. Представив себе Аделаиду в руках этого отребья, она почувствовала, как в ней поднимается волна отвращения и негодования. Она достаточно хорошо знала их холодную жестокость, полнейшее отсутствие совестливости, ненависть, с которой они преследовали все, что в какой-то степени касалось императорского режима.

— Вы посмели! — вне себя вскрикнула она. — Вы посмели сделать это и надеетесь с помощью такой гнусности заставить меня согласиться? Но я найду ее. Я знаю, где логовище ужасной старухи, которая наблюдает за нами с такой отвратительной улыбкой.

— Возможно, вы и найдете ее, — безмятежно ответил Франсис, — но предупреждаю: если засаленные сюртуки ищек Фуше появятся во владениях моей милой Фаншон, они найдут там труп!

— Вы не посмеете дойти до этого!

— Почему бы и нет? Зато, если вы проявите понятливость, если, как я надеюсь, вы мирно поладите со мной, обещаю вернуть ее вам в отличном состоянии.

— Как я могу верить словам подобного...

— Негодяя, я знаю, — закончил Франсис. — Мне кажется, у вас нет выбора. Начинать искать пятьдесят тысяч ливров, в которых я так нуждаюсь, милая Марианна. И я обещаю не обращаться к вам за финансовой помощью... скажем, целый год! А теперь...

Он оторвался наконец от бархатных подушек, овладел рукой, которую оцепеневшая Марианна даже не подумала защитить, и прижал ее к губам. Только одно мгновение ощущала молодая женщина это прикосновение. Ее тонкая рука выскользнула из обтянутых замшей пальцев Франсиса.

— Я ненавижу вас! — сказала она бесцветным голосом. — О, как я ненавижу вас!

— Не вижу в этом никакого неудобства, — ответил он со злой усмешкой. — У некоторых женщин ненависть имеет более приятный вкус, чем любовь. Я получу мои деньги?

— Получите, но берегитесь! Если с головы моей кухни упадет хоть волосок, во всей Европе вы не найдете убежища от моей мести. Клянусь именем моего отца! И пусть я сама погибну на эшафоте, но раньше я убью вас .. этими руками!

Она подняла прямо к лицу лорда Кранмера свои затянутые в сиреневые перчатки руки. Улыбка на губах Франсиса угасла. В сверкающем изумрудом взгляде было столько холодной решимости, столько сконцентрированной ярости, что он вздрогнул. Залившая это прекрасное лицо бледность и так ясно выраженное бесконечное страдание коснулись, очевидно, самых тайных струн эгоистичной души англичанина. Видимо, он хотел что-то сказать, но, передумав, повел плечами с раздражением человека, желающего избавиться от нежелательного бремени. И только спустившись на землю, он пробурчал, не глядя, на молодую женщину:

— Если вам желательно получить от меня удовлетворение, это ни для кого не является запретным. И... советую вам избавиться от привычки говорить громкие слова и делать благородные жесты! От них на лье несет балаганом.

Он удалился, отпустив эту ядовитую стрелу, на которую у Марианны уже не хватило духу ответить. Да и зачем? Сквозь неудержимо льющиеся слезы она видела, как он сел в кабриолет, не отвечая на вопросы своей напарницы, взял вожжи и стал разворачивать упряжку. А свадебный кортеж уже исчез за разводным мостом Тюильри, и толпа теперь растекалась к развлечениям, кондитерским и буфетам под открытым небом, оркестрам и фонтанам, в которых вместо воды появилось вино. Но Марианна ничего этого не видела.

Охваченная отвратительным чувством поражения и бессилия, она оставалась неподвижной, сжимая в руках блестящую ручку зонтика, со щеками, залитыми слезами, медленно падавшими на кружева платья, не думая о том, что надо позвать Аркадиуса или приказать уехать. Все ее мысли были прикованы к ее несчастной кухне и тому, что она могла вынести в руках бандитов Фаншон — Королевской Лилии.

Но как только Жоливаль заметил, что лорд Кранмер покинул карету, он спустился вниз и присоединился к Марианне.

— Святое небо! Что с вами случилось? — вскричал он, увидя ее превратившейся в статую отчаяния. — Что сделал с вами этот человек? Почему вы не позвали меня?

Посмотрев на него полными слез глазами, она расправила скомканный желтый листок и протянула ему.

— Читайте, — едва промолвила она. — Завтра это прочтет весь Париж, если я откажусь дать требуемую сумму. Более того... чтобы заставить меня быть сговорчивей, он похитил Аделаиду. Я в его руках, Аркадиус, и он не выпустит меня! Он прекрасно понимает, что император ни за что не согласится быть замешанным в скандале, увидеть свое имя рядом с именем убийцы.

— Убийцы? Да в этом нет ни слова правды!

— Увы. Защищаясь, я невольно убила Иви Сен-Альбэн. Английская полиция разыскивает меня.

— Ах!..

Аркадиус тяжело опустился на сиденье. Марианна со страхом заметила, как он побледнел, и у нее промелькнула мысль, не оставит ли ее и он на произвол судьбы... Но Жоливаль только достал из кармана громадный батистовый платок и, обняв рукой Марианну за плечи, стал по — братски вытирать непрерывно катившиеся слезы.

Сильный запах одеколона наполнил карету.

— И сколько хочет этот... джентльмен? — спросил он спокойно.

— Пятьдесят тысяч ливров... в течение трех дней. Он даст мне знать, где и как передать их ему.

Аркадиус восхищенно присвистнул.

— Черт возьми! У него недурной аппетит! Насколько я понимаю, это только начало! Он не остановится на такой счастливой дороге, — добавил он, пряча в карман платок.

— Вы думаете, что он предъявит и другие требования?

Это и мое мнение, но он обещал, если я заплачу, не трогать меня один год и... вернуть в целости и сохранности Аделаиду.

— Как это любезно с его стороны! Мне кажется, вы не собираетесь проникнуться к нему доверием?

— Ни на секунду, но у нас нет выбора. Он удерживает Аделаиду и знает, что я сделаю все, чтобы сохранить ей жизнь. Если я пушу полицию по его следу, он безжалостно убьет ее! Если бы не это, мы уже были бы на пути к дому герцога Отрантского.

— ..который не смог бы принять вас, ибо он присутствует на свадьбе императора. К тому же ничто не говорит за то, что он сумел бы воспрепятствовать появлению этой гадости. Труднее всего бороться с пасквилями. Они появляются каждый день. Нет, я спрашиваю себя, не сможем ли мы сами найти мадемуазель Аделаиду. Я знаю не так уж много мест, где Фаншон могла бы ее спрятать, ибо вы прекрасно понимаете, что она в ее руках!

— Может быть, в каменоломнях Шайо?

— Категорически нет! Дезормо не сумасшедшая! Она прекрасно знает, что это уютное местечко больше не является для нас тайной. Нет, она должна была поместить ее в другом месте, но придется действовать так осторожно, чтобы, не привлекая внимания, убедиться в этом, потому что я думаю, так же как и вы, впрочем, что англичанин без колебаний покончит с пленницей, как он пригрозил вам. Я надеюсь только, что он выдержит срок договора и мы получим ее, отдав выкуп.

— А... если он не сделает это? — с ужасом спросила Марианна.

— Вот почему мы должны попытаться открыть, где он прячет ее. В любом случае, как вы сказали, у нас нет выбора. Нам нужно сначала заплатить. Затем...

Он замолчал. Марианна увидела, как сжались его челюсти под короткой черной бородкой. Ее вдруг пронзило ощущение несгибаемой воли, такой же, как у Франсиса, скрывавшейся в этом невысоком человеке, любезном и хрупком, в изысканном изяществе которого проглядывало даже что-то женственное.

— Затем? — подсказала она.

— Использовать любую отсрочку для нападения. Надо поставить лорда Кранмера в такие условия, чтобы он не был в состоянии вредить нам.

— Вы хорошо знаете, что у меня только одно желание: расторгнуть мой брак, чтобы обрести

право стать самой собой.

— Этого будет, без сомнения, недостаточно.

— Итак?

— Итак, — начал Жоливаль с величайшей нежностью, — в случае, если император не сможет подарить вам его голову, я думаю, нам нужно будет самим добыть ее.

Хладнокровно излагая этот смертный приговор, Аркадиус нагнулся вперед и постучал тростью в окошечко за кучером.

— Эй, Гракх!

Появилось круглое лицо юного возницы.

— Господин виконт?

— В Тюильри, мой мальчик!

Этот адрес поразил Марианну, обдумывавшую предложение ее друга. Она вздрогнула.

— В Тюильри? Зачем?

— А разве вы не должны встретиться там с князем Клари, который обещал провести вас на большую галерею Лувра, чтобы наблюдать за выходящей из капеллы императорской парой?

— Вы серьезно думаете, — возмутилась Марианна, — что я хочу увидеть этот... маскарад?

Аркадиус громко рассмеялся, разрядив обстановку.

— Я вижу, что вы по достоинству оценили усилия его величества императора и короля в части одежды, но от этого зрелище ничего не потеряет и...

— ..и не лучше ли будет честно признаться, что вы хотите избавиться от меня! Что вы собираетесь делать, Аркадиус?

— Ничего особенного. Хочу съездить в одно место и надеюсь, что вы предоставите мне карету, в которой теперь совершенно не нуждается.

— Возьмите ее, только прежде отвезите меня домой.

Гракх, мы возвращаемся, — распорядилась Марианна, в свою очередь постучав по стеклу.

Ей хотелось выпытать у Жоливаля, какова цель его поездки, но она знала по опыту, что он был очень скрытным и заставить его говорить, когда он решил молчать, невозможно.

Карета Марианны сделала полуоборот, чтобы вернуться на мост Согласия. Толпа, такая густая при прохождении кортежа, понемногу рассеялась. По набережной и по бульвару парижане направлялись к дворцу Тюильри, где сейчас на балконе императорская чета давала возможность своему народу восхищаться ею. Но Марианна не имела ни малейшего желания видеть ее, эту пару, такую раздражающую, полную несоответствия. Если бы Наполеон женился на принцессе, отвечавшей его собственным критериям, Марианна, будучи аристократкой, испытала бы при этом некое удовольствие, несмотря на адские муки оскорбленной любви... но

эта крупная блондинка с коровьими глазами?.. Как он мог смотреть на нее с такой радостью, такой гордостью, сквозившей в каждом его движении? Да и сам народ чувствовал это. Может быть потому, что перед его тысячеглазым взором стоял образ привлекательной, изысканной, всегда безукоризненно элегантной Жозефины, он проявил перед новоприбывшей энтузиазм по заказу. Робкие приветственные возгласы раздавались лишь кое-где. Впрочем, сколько было среди присутствующих, приветствующих Марию-Луизу, тех, кто семнадцать лет назад глазел на этой же площади, как слетела голова Марии-Антуанетты? А эта новая Австриячка, жалкое подобие тогдашней ослепительной принцессы, разве может внушить парижской публике что-нибудь, кроме недоверия и тревоги?

В то время когда карета проезжала по мосту, с некоторыми трудностями из-за проводившихся на нем работ в связи с распоряжением императора установить на нем восемь статуй погибших на полях сражений генералов, затем направлялась к Лилльской улице, объезжая здание Законодательного Корпуса, чей греческий фасад был еще в строительных лесах, Марианна и Аркадиус не обменялись ни словом.

Но когда карета остановилась у обновленного подъезда особняка д'Ассельна, Марианна, принимая предложенную руку, не могла удержаться от вопроса:

— Вы уверены, что я не должна сопровождать вас... в этой столь срочной поездке?

— Совершенно уверен, — невозмутимо ответил Аркадиус. — Будьте благоразумны и ожидайте меня в тепле у камина... и особенно постарайтесь не волноваться! Может быть, мы не так уж беспомощны, как воображает милорд Кранмер.

Ободряющая улыбка, поклон, легкий прыжок — и виконт де Жоливаль исчез в карете, тут же покотившей по улице. Пожав плечами, Марианна поднялась по ступеням и вошла в вестибюль через открытую лакеем дверь. Благоразумно ожидать... не волноваться... Жоливалю легко давать подобные советы, а вот ей было тягостно войти в этот дом, где она не встретит Аделаиду, дорогую, невыносимую и восхитительную Аделаиду с ее неизменным голодом и бесконечными разговорами.

Молодая женщина не успела спросить себя, чем она займет время до возвращения Жоливаля. Она только поднялась по большой мраморной лестнице, чтобы направиться в свою комнату, как увидела идущего навстречу строгого и торжественного в пышном парике и темно-зеленой ливрее дворецкого Жерома. Марианна недолго любила Жерома, который никогда не улыбался и, казалось, всегда был готов вытряхнуть из рукава несколько неприятных новостей.

Но Фортюнэ, отыскавшая его, утверждала, что человек, столь благовоспитанный и к тому же мрачный, придает дому особый колорит.

И сейчас вытянутое, словно лезвие ножа, лицо дворецкого было форменным монументом скуки и печали, когда он поклонился.

— Господин Констан ожидает госпожу в музыкальном салоне, — прошептал он с таким видом, словно дело шло о каком-то неприличном секрете. — Он уже изнемогает от нетерпения.

Внезапный порыв радости охватил Марианну. Констан!

Верный камердинер Наполеона, поверенный интимных тайн, хранитель того, что отныне стало для Марианны чем-то вроде потерянного рая! Разве это не лучший ответ, который судьба могла дать ей на сегодняшнюю тревогу и вчерашние страхи? Присутствие Констан у нее означало, что, несмотря на торжественность дня, Наполеон все-таки думал о ней, одинокой, и

что Австриячка не так уж покорила его, как сообщают парижские сплетни. Марианна с насмешкой посмотрела на своего дворецкого.

— Визит господина Констан — великолепная новость для меня, Жером. И совершенно не обязательно делать такую многозначительную мину, сообщая мне об этом. Надо улыбаться, Жером, когда докладываешь о друге, улыбаться... Вы знаете, что это такое?

— Не особенно хорошо, госпожа, но я постараюсь осведомиться об этом.

Глава IV. ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ МАДАМ ГАМЕЛЕН

Расположившись по возможности удобнее, Констан терпеливо, как и подобает северянину, ожидал Марианну. Сидя в углу у камина, положив ноги на подставку для дров и скрестив руки на животе, он, похоже, даже задремал. Звук быстрых шагов молодой женщины по плиткам вестибюля вырвал его из сладостной дремоты, а когда Марианна вошла в музыкальный салон, он был на ногах и почтительно приветствовал ее.

— Господин Констан! — воскликнула она. — Как жаль, что вам пришлось ждать! Это такое редкое удовольствие — видеть вас... особенно в такой день! Я считала, что никакая человеческая сила не будет в состоянии оторвать вас от дворца!

— Для приказов императора не существует ни праздников, ни других торжественных обстоятельств, мадемуазель Марианна. Он приказал... и я тут! Что касается ожидания, то не беспокойтесь. Я получил большое удовольствие, спокойно отдыхая после всех этих волнений в вашем уютном жилище.

— Значит, он все же подумал обо мне! — начала Марианна, сразу растрогавшись, ибо эта радость пришла слишком скоро после того, что ей пришлось вынести на площади Согласия.

— Однако... я полагаю, что его величество довольно часто думает о вас! Как бы то ни было, — добавил он, жестом отказываясь от приглашения сесть, — теперь мне надо выполнить поручение и поскорее возвратиться во дворец.

Он направился к клавесину и взял лежавший на нем портфель.

— Император поручил мне передать вам это, мадемуазель Марианна, с наилучшими пожеланиями. Тут двадцать тысяч ливров.

— Деньги? — воскликнула молодая женщина, залившись краской. — Но...

Констан не позволил ей запротестовать.

— Его величество подумал, что у вас могут быть в эти дни финансовые затруднения, — сказал он улыбаясь. — К тому же это только гонорар, ибо его величество нуждается в ваших услугах и вашем таланте послезавтра...

— Император хочет, чтобы я пришла...

— В Тюильри, петь во время большого приема, который будет там дан. Вот ваше приглашение, — добавил он, достав из кармана блеснувшую золотом карточку и протягивая ее Марианне.

Но она не взяла ее. Скрестив руки на груди, она медленно подошла к смотревшему в сад окну.

В бассейне из серых камней играла вода фонтана, оживляя улыбающиеся глаза оседлавшего дельфина амура. Марианна некоторое время созерцала его, не произнося ни слова. Обеспокоенный ее молчанием, Констан приблизился.

— Почему вы ничего не говорите? Вы придете?

— Я... у меня нет никакого желания, Констан! Быть обязанной петь перед этой женщиной, сделать перед ней реверанс... я не смогу никогда?

— Однако это необходимо! Император и так уже был очень недоволен вашим отсутствием в Компьене, и госпожа Грассини почувствовала на себе его плохое настроение. Если вы на этот раз обманете его ожидания, последует вспышка гнева.

Мгновенно обернувшись, Марианна вскричала:

— Его гнев? Неужели он не понимает, что испытываю я, видя его рядом с этой женщиной? Я только что была на площади Согласия, я видела его около нее, сияющего улыбкой, торжествующего, настолько очевидно счастливого, что мне стало плохо. В угоду ей он дошел до смешного! Этот вычурный костюм, этот ток...

— Ох, этот проклятый ток, — смеясь, сказал Констан, — ну и задал же он нам работу! Мы потратили добрых полчаса, чтобы придать ему подходящее положение, но... охотно готов признать, что это не удалось.

Хорошее настроение Констана, представленная им небольшая сценка немного успокоили расхоловшиеся нервы Марианны, но страдания молодой женщины не ускользнули от взгляда императорского камердинера, и он продолжал более серьезным тоном:

— Что касается императрицы, мне кажется, что вы должны смотреть на нее, подобно всем нам, как на некий символ продолжения династии. Я искренне считаю, что украшающий ее рождение ореол представляет в глазах императора куда большую ценность, чем сама ее особа!

Марианна пожала плечами.

— Полноте! — возразила она. — Мне передавали, что на другой день после той знаменитой ночи в Компьене он сказал одному из своих приближенных, потягивая его за ухо: «Женитесь на немке, друг мой, это лучшие в мире женщины: нежные, добрые и свежие, как розы!» Говорил он это или нет?

Констан отвел глаза и медленно пошел за своей шляпой, которую оставил на одном из кресел у входа. Он повертел ее между пальцами, затем поднял глаза к Марианне и улыбнулся ей с легкой грустью.

— Да, он сказал так, но это было не чем иным, как выражением своего рода облегчения. Подумайте, ведь он знал об эрцгерцогине только то, что она Габсбургка, дочь побежденного у Ваграма, и мог рассчитывать на высокомерие, гнев, отвращение. Эта благодушная, немного неуклюжая принцесса, робкая, как деревенская невеста, всем довольная, успокоила его. Он ей, как мне кажется, глубоко признателен. Что же касается любви... если бы он любил ее до такой степени, как вам это представляется, разве он подумал бы о вас сегодня? Нет, поверьте мне, мадемуазель Марианна, и приходите петь не для нее, а для него. И помните, что это Мария — Луиза должна бояться сравнения, а не вы... Так вы придете?

— Я приду... Вы можете передать ему это. Скажите также, что я благодарю его, — добавила

она не без усилия, взглядом указывая на портфель.

Ей было мучительно стыдно принять деньги, но при нынешних обстоятельствах они были необходимы, и Марианна не могла позволить себе роскошь отказаться от них...

Аркадиус прикинул вес портфеля в руке и со вздохом положил его на секретер.

— Кругленькая сумма. Щедрость императора безгранична, но... этого совершенно недостаточно, чтобы удовлетворить аппетит нашего приятеля. Нам нужно еще больше, чем вдвое, и если только вы попросите его величество проявить еще большую щедрость...

— Нет! Только не это! — покраснев, воскликнула Марианна. — Я не смогу никогда! К тому же придется дать объяснение, рассказать все. Император тотчас бросит полицию по следу Аделаиды и... вы понимаете, что произойдет, если появятся люди Фуше.

Аркадиус вынул из жилетного кармана отделанную золотом очаровательную черепаховую табакерку, подаренную Марианной, и зарядил нос изрядной порцией табака. Он недавно вернулся и не удосужился объяснить свое долгое отсутствие, хотя было уже около десяти часов вечера. С мечтательным видом, словно его занимала какая-то особенно приятная идея, он спрятал табакерку, нежно погладил образованный ею бугорок и заявил:

— Успокойтесь, нам нечего бояться последней возможности. Ни один из агентов Фуше не займется поисками мадемуазель Аделаиды, даже если мы попросим.

— Как так?

— Видите ли, Марианна, когда вы изложили мне ваш разговор с лордом Кранмером, меня поразило одно: сам факт, что этот человек, скрывающийся под вымышленным именем, англичанин и, по всей видимости, шпион, мог не только разъезжать по Парижу среди бела дня, да еще в обществе явно подозрительной женщины, но, похоже, совершенно не боялся вмешательства полиции. Он же сказал вам, что в случае ареста он будет очень скоро с извинениями освобожден?

— Да... я припоминаю что-то подобное.

— И это вас не удивило? Какой вы сделали из этого вывод?

Марианна нервно сжала руки и сделала несколько быстрых шагов по комнате.

— Но... я не знаю, я просто не пыталась в тот момент вникнуть в смысл его слов.

— Ни в тот момент, ни позже, мне кажется. Но я, я хотел узнать об этом побольше и направился на набережную Малякэ. У меня есть... кое-какие знакомства в окружении министра, и я узнал то, что хотел знать: говоря иначе — причину, по которой виконт д'Обекур так мало привлекает внимание полиции. Просто-напросто он находится в достаточно близких отношениях с Фуше... и, может быть, на его содержании.

— Вы сошли с ума! — воскликнула ошеломленная Марианна. — Фуше не станет поддерживать отношения с англичанином...

— А почему бы и нет? Кроме того, что двойные агенты не являются плодом разгоряченного воображения, оказывается, что у вашего дорогого герцога Отрантского в данный момент есть убедительные причины пощадить англичанина. И он, несомненно, с большой

благосклонностью принимал вашего благородного супруга.

— Но... ведь он обещал мне найти его?

— Обещания ничего не стоят, особенно когда уверен, что не сдержишь их. Я смею утверждать, что Фуше не только прекрасно знает, где находится виконт д'Обекур, но и кто скрывается под этим именем...

— Но это бессмысленно... безрассудно!

— Нет. Это политика!

Марианна почувствовала, что теряет почву под ногами.

Она резко сжала руками голову, словно пытаясь удержать разбегающиеся мысли. Аркадиус говорил о вещах настолько невероятных, настолько странных, что она уже не могла следовать по внезапно открывшемуся перед ней пути, ибо он оказался покрытым густым мраком и полным ловушек на любом шагу, который она рискнет сделать... Однако она еще попыталась бороться с ощущением беспомощности.

— Но в конце концов, это невозможно! Император...

— Кто говорит об императоре? — жестко прервал ее Жоливаль. — Я говорил о Фуше. Присядьте на минутку, Марианна, перестаньте вертеться на месте, как обезумевшая птица, и выслушайте меня. В том положении, в котором сейчас находится император, он достиг апогея славы и могущества. Перед ним нет почти никого: после Тильзита царь клянется в братской любви к нему, император Франц отдал ему в жены свою дочь, папа в его власти, и его империя отныне распростерлась от Эльбы и Дравы до Эбро.

Ему противостоят только несчастная ожесточенная Испания и Англия. Но стоит только последней отступить, как Испания падет, подобно сломленной бурей ветви. Ну и вот, Жозеф Фуше лелеет великую мечту: стать после императора самым могущественным человеком в Европе, который смог бы при необходимости заменить его, когда он будет вести войну где-нибудь далеко. И он недавно сделал это, когда англичане высадились на острове Валхерен. Наполеон был в Австрии, Франция открылась перед захватчиками. Фуше по собственной инициативе мобилизовал национальную гвардию Севера, изгнал англичан и этим, может быть, спас империю. В то время как все ожидали, что за узурпацию императорской власти у него слетит голова, Наполеон одобрил его действия. Фуше был награжден: он стал герцогом Отрантским, но он хочет закрепить завоеванное преимущество и даже усилить его; он хочет стать временщиком, заместителем Наполеона, и, чтобы достигнуть этого, он задумал безумно дерзкий план: примирить Францию с Англией, ее последним врагом, и на протяжении нескольких месяцев, тайно, с помощью испытанных агентов и каналов короля Голландии ведет переговоры с лондонским кабинетом. Достаточно ему найти взаимопонимание с лордом Уэлслеем хотя бы в одном пункте, и он вскоре запутает его в своей паутине, секрет плетения которой ему известен, одурачит всех и вся, но в один прекрасный день будет иметь честь сказать Наполеону: «Эту Англию, никогда не хотевшую покориться вам, мне удалось склонить на вашу сторону. Она готова вести переговоры на тех или иных условиях!»

Безусловно, Наполеон сначала будет в ярости... или притворится таким, либо это избавит его от величайшего неудобства и позволит укрепить династию. С нравственной стороны он бы выиграл... Вот почему лорду Кранмеру, который, безусловно, послан Лондоном, нечего бояться Фуше.

— Но не императора, — прошептала Марианна» внимательно выслушавшая этот длинный монолог Жоливаля. — И все-таки, если Фуше решился изменить своему долгу, который обязывает его преследовать вражеских агентов, ему следовало бы предупредить его величество о том, что он затевает.

Ее старая неприязнь к Фуше, так хладнокровно эксплуатировавшего ее, когда она была всего лишь искавшей убежище беглянкой, услужливо соблазняла ее раскрыть Наполеону тайные махинации его драгоценного министра полиции.

— Я думаю, — с серьезным видом сказал Аркадиус, — что вы были бы не правы. Конечно, я понимаю, как неприятно вам узнать, что министр императора так преступает его установления, но согласие с Англией было бы лучшим событием, которое могла бы ждать Франция. Континентальная блокада явилась причиной многих неприятностей: испанская война, взятие под стражу папы, непрерывный набор в войска для охраны бесконечных границ.

На этот раз Марианна ничего не ответила. Присущая Аркадиусу невероятная способность всегда быть превосходно осведомленным обо всем не переставала ее удивлять.

Однако на этот раз ей показалось, что он хватил через край. Чтобы настолько быть в курсе тайных государственных дел, он должен их касаться. Не в силах умолчать, она спросила:

— Скажите правду, Аркадиус. Вы... вы тоже агент Фуше, не так ли?

Виконт от всего сердца рассмеялся, но Марианна все-таки заметила в этом смехе некоторую принужденность.

— Моя дорогая, да ведь вся Франция в распоряжении министра полиции: вы, я, наш друг Фортюнэ, императрица Жозефина...

— Не шутите. Ответьте мне откровенно.

Аркадиус перестал смеяться, подошел к молодой женщине и ласково потрепал ее по щеке.

— Дорогое дитя, — сказал он нежно, — я ничей агент, кроме самого себя... и еще императора и вас. Но если мне надо что-то узнать, поверьте, я знаю, как это сделать. И вы не представляете себе, сколько людей уже вовлечено в это дело. Готов поклясться, что, например, ваш друг Талейран знает о нем.

— Хорошо, — огорченно вздохнула молодая женщина. — В таком случае что я могу сделать, чтобы защитить себя от лорда Кранмера, если он так неприступен?

— В данный момент ничего, я уже сказал: заплатить.

— Но я никогда не смогу достать за три дня пятьдесят тысяч ливров.

— А сколько у вас есть в наличии?

— Несколько сот ливров, не считая этих двадцати тысяч. Конечно, у меня есть... подаренные императором драгоценности.

— Об этом и не думайте. Он не простит, если вы их продадите или хотя бы заложите. Лучше было бы попросить у него недостающую сумму. А для повседневных расходов вы можете получить достаточно от концертов, которые вам предлагают дать.

— Я ни за что не попрошу у него денег, — оборвала его Марианна так решительно, что Жоливаль больше не настаивал.

— В таком случае, — вздохнул он, — я вижу только одну возможность...

— Какую?

— Пойти надеть одно из самых красивых ваших платьев, тогда как я натяну фрак. Мадам Гамелен принимает сегодня вечером, а вы приглашены, как мне кажется.

— У меня нет ни малейшего желания идти туда.

— Однако вы пойдете, если хотите достать деньги. У очаровательной Фортюнэ мы, безусловно, встретим ее нового возлюбленного, банкира Уврара. А кроме казны императора, я не вижу более благоприятного места, чтобы достать деньги, чем касса банкира. Этот же очень чувствителен к женской красоте. Может быть, он согласится одолжить вам требующуюся сумму и вы вернете ее после... очередной щедрости императора, которая не замедлит последовать.

Проект Аркадиуса не особенно прельщал Марианну, ибо ей претила сама мысль использовать свое очарование перед человеком, который ей не нравился, но ее утешало сознание, что Фортюнэ будет присутствовать при этом, чтобы засвидетельствовать сделку. К тому же у нее не было выбора! Она послушно вышла из комнаты, чтобы надеть вечернее платье.

Марианна никогда не подумала бы, что дорога от Лилльской до Тур д'Овернь может занять столько времени.

Улицы были буквально забиты людьми. По залитому огнем иллюминации и гигантских фейерверков Парижу карета едва двигалась. Да и то не без возмущения толпы. Этой ночью улицы и площади принадлежали ей, и кареты действительно встречались редко.

— Нам лучше пойти пешком, — заметил Жоливаль, — пешком мы быстрее доберемся.

— Но это очень далеко, — возразила Марианна. — Мы придем туда завтра утром.

— А я не уверен, что нас не ожидает то же самое в карете!

Но тут красота представления, которое предложил Париж, невольно захватила их... Мост Согласия превратился в огненный проспект благодаря восьмидесяти украшенным разноцветными фонариками колоннам со сверкающими звездами, соединенным цепями с горящими жирандолями. Строительные леса дворца Законодательного Корпуса скрылись под аллегорической картиной с изображением императорской четы в храме Гименя, увенчиваемой богиней мира зеленым лавровым венком. Все деревья Елисейских полей украшала иллюминация, и цепочки огней бежали на всей протяженности аллей. Величественные здания были освещены, как днем, что позволило Гракху, пересекая площадь Согласия, избежать столкновения с многочисленными пьяными, переусердствовавшими у винных фонтанов.

На улице Сент-Оноре стало спокойнее, но, приблизившись к Государственному Совету, где проходил свадебный ужин, пришлось довольно долго постоять.

Именно в это время императорская чета появилась на балконе, сопровождаемая австрийским канцлером, князем Меттернихом. Захваченный неистовым энтузиазмом толпы, он прокричал,

подняв бокал с шампанским:

— Я пью за римского короля!

— Римский король? — раздраженно спросила Марианна. — Кто это еще?

Аркадиус рассмеялся:

— Дорогая невежда! А Сенатский совет от 17 февраля этого года? Это титул, который будет носить сын императора. Признайте, что, как министр бывшей Римско-Германской империи, Меттерних дает убедительное доказательство широты своих взглядов.

— Особенно он дает доказательство полного отсутствия такта! Забавный способ напомнить этой юной дурехе, что ее взяли в жены только ради детей, которых она способна произвести. Постарайтесь, однако, пробиться вперед, друг мой. Иначе мы никогда не доберемся до мадам Гамелен!

Жоливаль усмехнулся про себя, подумав, что «юная дуреха» была все же на год старше Марианны, однако воздержался от всяких комментариев, ибо новая встреча с «молодоженами» не явилась успокоительным бальзамом для нервничавшей Марианны. Он грозно приказал юному кучеру «гнать во весь опор». Гракх не менее важно ответил, что быстрее ехать невозможно, разве что по головам людей, и продолжал потихоньку пробиваться к бульварам, где путь им преградило новое развлечение: герольды в пестрых костюмах пригоршнями бросали в толпу памятные медали, посвященные великому событию. Дальнейшее продвижение стало невозможным. Толпа сгрудилась вокруг лошадей герольдов, стараясь схватить медали, и карета Марианны оказалась в центре невероятной свалки, над которой взлетали шляпы, шарфы, трости, колпаки и другие предметы.

— Это никогда не кончится, — теряя терпение, бросила Марианна. — А мы не так уж далеко! Я предпочитаю продолжить путь пешком.

— В атласном платье через этот хаос? Да вам его изорвут в клочья.

Но она уже открыла дверцу и, подобрав золотисто-розовый шлейф платья, спрыгнула и с ловкостью ужа скользнула в толпу, не обращая внимания на призыв вскочившего с сиденья Гракха.

— Мадемуазель Марианна! Вернитесь! Не делайте этого!

Жоливаль бросился за ней, но несколько кругляшек, брошенных щедрой рукой герольда, попали на поля его шляпы, и несчастный тут же стал объектом внимания верноподданных императора и больших любителей медалей. Он буквально исчез под их натиском, и, заметив это, Гракх скатился вниз и с кнутом бросился на помощь, подбадрывая крича:

— Держитесь, я иду!

Тем временем Марианне удалось добраться до выхода на улицу Серутти без особого ущерба, если не считать растрепанную прическу и большой, подбитый ватой атласный шарф, утеря которого ее не огорчила, так как вечер был удивительно теплым для этой поры года. Она пустилась бежать, насколько позволяла мостовая ее ногам, обутом в легкие атласные лодочки. К счастью, улица, проходившая между высокими стенами больших новых зданий и обычно довольно темная, этой ночью получила дополнительное освещение благодаря яркой разноцветной иллюминации, украшавшей отель Империи и роскошную резиденцию короля

Голландии. Хотя толпа с бульваров сюда не проникала, встречалось достаточно много прохожих, но никто не обращал внимания на сильно декольтированную молодую женщину в вечернем платье, настолько сильно было возбуждение в Париже. Люди проходили целыми группами, держась за руки, распевая во всю глотку песни, главным образом очень неприличные, содержащие прямое или косвенное одобрение будущих супружеских подвигов императора. Уличные девицы в ярких платьях и с размалеванными лицами сновали в поисках клиентов, и Марианна изо всех сил ускоряла ход, чтобы ее не приняли за одну из них.

Миновав отель Империи, она попала в более темный участок около особняка банкира Мартэна Дуайяна, как вдруг открылась садовая калитка, и Марианна с разбега столкнулась с вышедшим из нее мужчиной, который болезненно вскрикнул и застонал.

— Чертов болван! — воскликнул он, грубо отталкивая ее. — Не видишь, куда прешься.

Но он тут же заметил, с кем имеет дело, и рассмеялся.

— Извините меня. Я не увидел, что вы женщина. Это из-за того, что вы причинили мне такую дьявольскую боль!

— Надеюсь, вы не подумали, что это столкновение приятно для меня, — быстро ответила Марианна — Я спешу.

В этот момент проходила веселая компания с факелами, осветившими Марианну и незнакомца.

— Черт возьми, какая красotka! — воскликнул он. — После всего, быть может, этот день закончится удачей?

Идем, моя красавица, отпразднуем! Ты именно то, в чем я нуждался.

Изумленная такой внезапной переменой тона, Марианна, однако, успела заметить, что у неизвестного в накинутом наспех прямо на полурасстегнутую рубашу черном плаще военная выправка, что он высокий и мощный, с дерзким, довольно вульгарным, но не без приятности лицом под густой шапкой курчавых темных волос. Но она слишком поздно сообразила, что при виде ее сильно декольтированного платья и свисавших на лоб черных прядей он принял ее за публичную девку. С непреодолимой силой он втащил ее внутрь, захлопнул калитку и, прижав к ней грудью молодую женщину, впился ей в губы пылким поцелуем, тогда как его проворные руки, задрав платье, стали ощупывать ее тело.

Полузадушенная, но разъяренная Марианна среагировала мгновенно. Она укусила насилующий ее рот и коленом ударила нападавшего пониже живота. Мужчина с криком отступил и согнулся.

— Шлюха! Больно же!..

— Тем лучше! — выкрикнула она. — Вы грубиян!

И она изо всех сил закатила своему врагу звонкую пощечину. Он был явно ошеломлен. Это позволило Марианне, ощущавшей под другой рукой защелку, открыть дверь и выскочить на улицу. К счастью, там проходила шумная компания возвращавшихся с бульвара студентов и гризеток, которые подбрасывали завоеванные в отчаянной схватке медали. Она пробралась в самую гущу, получила несколько щипков и поцелуев, но в конце концов очутилась возле Нотр-Дам де Лоретт, не увидев больше своего обидчика. Отсюда она не без труда возобновила свой путь, так как дорога круто поднималась вверх, и добралась наконец до Фортюнэ, запыхавшись

до изнеможения.

Все окна дома были освещены. За ними, в просветах бледно-желтых занавесей, сверкали свечи и хрусталь люстр.

Звуки голосов и смеха долетали до улицы под приятный аккомпанемент скрипок. Со вздохом облегчения убедившись в том, что ее кареты еще нет возле дома, Марианна не стала размышлять о судьбе Жоливаля и Гракха. Она подбежала к Жонасу, гигантскому черному мажордому м-м Гамелен, который с важным видом стоял у подъезда в своей красивой красной ливрее с серебряными галунами.

— Жонас, проводите меня в комнату госпожи и скажите ей, что я здесь. Я не могу выйти к гостям в таком состоянии.

Действительно, превратившееся в лохмотья когда-то красивое розовое платье и спутанные волосы делали Марианну похожей на ту, за кого ее принял пылкий незнакомец. У черного гиганта глаза выкатились из орбит.

— Бозе, мадемуазель Мавианна! Как ви тут оказался?

Что вам произошло? — вскричал он.

— О, пустяки, — улыбнулась она. — Просто я пришла пешком. Но проводите же меня быстрее. Если меня увидят в таком наряде, я умру от стыда.

— Конечно! Идите скорей сюда!

Через черный ход Жонас провел молодую женщину к будуару хозяйки и оставил ее там, отправившись на поиски Фортюнэ. Марианна с удовлетворением опустилась в уютное кресло перед большим трюмо в раме из красного дерева с бронзой, которое вместе с задрапированной индийским муслином и желтым брокаром кроватью составляло главную меблировку этой комнаты. Зеркало отразило ее довольно прискорбный облик. От платья почти ничего не осталось, спутанные волосы стояли на голове черным колтуном, а губная помада была размазана по щекам жгучими поцелуями незнакомца.

Марианна с раздражением вытирала ее платком и кляла себя за глупость. Глупостью было броситься в толпу, чтобы раньше прийти сюда, еще большей глупостью было послушаться Аркадиуса!

Вместо того чтобы спокойно отправиться спать и отложить на завтра встречу с Фортюнэ, она пустилась в это сомнительное путешествие по полупьяному Парижу! Как будто возможно в такую безумную ночь найти где-нибудь тридцать тысяч ливров! И вот результат: она умирает от усталости, безобразна до ужаса и к тому же страшно болит голова.

Вбежавшая м-м Гамелен нашла подругу на грани истерики.

— Марианна! С кем это ты сражалась? С Австриячкой? В таком случае я ей не завидую, а тебя ждет дорога в Венсен!

— С добрым народом его величества императора и короля, — проворчала молодая женщина, — и пылким сатиром, который пытался изнасиловать меня за калиткой какого-то сада.

— Так рассказывай же! — воскликнула Фортюнэ, захлопав в ладоши. — Это так забавно!

Марианна с неприязнью взглянула на подругу.

Фортюнэ была в этот вечер особенно привлекательна. Ее платье из вышитого золотом желтого тюля великолепно подчеркивало теплый колорит ее кожи и немного полных губ. Темные глаза сверкали, как две черные звезды между длинными загнутыми ресницами. Все ее естество дышало жаждой жизни и наслаждения.

— Не над чем смеяться! — сказала Марианна. — Просто я пережила худший день в моей жизни, после свадебного дня, разумеется! Я... я так перенервничала и... так несчастна!

Голос ее сломался. Слезы потекли градом... Фортюнэ сейчас же прекратила смех и обняла подругу, окутав ее густым ароматом розы.

— Так ты плачешь? А я еще подшучиваю! Моя бедная маленькая кошечка, прошу прощения! Говори скорей, что с тобой произошло, но сначала сбрось эти лохмотья! Я сейчас дам тебе что —нибудь.

Говоря это, она мгновенно расстегнула изорванное платье, но внезапно остановилась и, вскрикнув, указала пальцем на темное пятно на смятом корсаже.

— Кровь!.. Ты ранена?

— По-моему, нет, — удивилась Марианна. — Даже не могу себе представить, откуда она. Хотя...

Она вдруг вспомнила стон и крик боли нападавшего на нее и замеченную странность в его одежде: накинутый плащ, расстегнутую рубашку. Очевидно, он был ранен.

— Хотя... что?

— Ничего. Это не имеет значения! О, Фортюнэ, ты обязательно должна помочь мне, иначе я погибла.

Короткими фразами, отрывистыми из-за нервозности, но, по мере того как она рассказывала, становившимися более спокойными, Марианна описала этот ужасный день: требования Франсиса, его угрозы, похищение Аделаиды и невозможность в ее положении достать за сорок восемь часов тридцать тысяч ливров, не продавая все ее драгоценности.

— Десять тысяч я могу тебе дать, — успокаивающим тоном сказала м-м Гамелен. — Что же касается остальных...

Она остановилась в нерешительности, полуприкрытыми глазами разглядывая свою подругу в зеркале. Пока Марианна говорила, она полностью раздела ее, затем с помощью большой губки и флакона одеколona энергично растерла молодую женщину, чтобы ободрить ее.

— Что касается остальных? — переспросила Марианна, ибо Фортюнэ продолжала хранить молчание.

М-м Гамелен задумчиво улыбулась, взяла большую пуховку и стала осторожно пудрить плечи и грудь своей подопечной.

— С таким телом, как твое, — безмятежно начала она, — найти их не составит труда. Я знаю с десяток мужчин, которые дадут тебе столько за одну-единственную ночь.

— Фортюнэ! — задохнувшись от негодования, крикнула Марианна.

Она инстинктивно попятилась и покраснела до корней волос. Но это возмущение не отразилось на невозмутимом спокойствии креолки. Она рассмеялась.

— Я всегда забываю, что ты считаешь себя женщиной единственной любви и упорно стараешься остаться униженно верной человеку, который сейчас изо всех сил старается сделать беременной другую. Когда же ты поймешь, юная глупышка, что тело — это только превосходный инструмент для наслаждения и оставлять его, подобно твоему, так трагически незанятым, — преступление против природы! Слушай, это как если бы тот гениальный верзила Паганини, которого я слышала в Милане, решил засунуть свой знаменитый «Гварнери» в чулан под старые газеты и не извлекать из него ни единого звука долгие годы.

Это было бы так же глупо!

— Глупо или нет, но я не хочу продавать себя! — с силой заявила Марианна.

Фортюнэ повела своими красивыми круглыми плечами.

— Самое тягостное у вашего брата аристократа это то, что вы считаете своим долгом всегда употреблять громкие слова для самых простых вещей. Ладно, я посмотрю, что смогу сделать для тебя.

Она достала очаровательное платье из белого шелка с аппликациями в виде ярких экзотических цветов.

— Оденься, юная весталка, хранительница священного огня любовной верности, а я тем временем посмотрю, не смогу ли я представить себя на твоём месте.

— Что ты хочешь делать? — спросила встревоженная Марианна.

— Успокойся, я не собираюсь продавать себя даже за высокую цену. Я только попрошу милейшего Уврара, чтобы он ссудил нам недостающие двадцать тысяч ливров. Он неприлично богат, и я смею надеяться, что он ни в чем мне не откажет. Ведь он из низов. К тому же его взаимоотношения с его величеством оставляют желать лучшего, и он, безусловно, будет в восторге, оказав услугу столь близкой к императору особе. Располагайся, отдыхай. По дороге я прикажу Жонасу принести тебе шампанского.

— Ты ангел! — от души воскликнула Марианна.

Она послала воздушный поцелуй исчезавшей в облаке золотистого тюля сумасбродной молодой женщине. Затем она поспешила надеть платье Фортюнэ, опасаясь, как бы Жонас не застал ее в костюме Евы, после чего, взяв на туалетном столике гребень из слоновой кости и серебряную щетку, стала приводить в порядок свою прическу. Чудесное умиротворение охватило ее наконец после тоски и тревог последних часов. Фортюнэ продемонстрировала свою независимость от строгих канонов морали, жизненную силу, человеческое тепло, способное отогреть самые застывшие души. Прекрасная креолка принадлежала к тем не знающим сложностей созданиям, которые умели только давать, никогда не требуя взамен. Она была естественной, как сама вселенная! Она дарила с одинаковой щедростью свою помощь, время, деньги, свое сердце и сострадание и не понимала, почему она должна делать исключение для такой естественной вещи, как ее благородное тело. Она не принадлежала к тем, кто под предлогом добродетели проявляет к мужчине холодную жестокость, толкая его на самоубийство. Из-за Фортюнэ никто никогда не кончал жизнь самоубийством. Она не могла вынести зрелище чьего — либо страдания, особенно если для утешения этого страдания нужно было подарить несколько часов любви. И ей удавалось всякий раз, когда любовь кончалась,

превращать своих любовников, даже самых ветреных, в верных, готовых на все друзей.

Сейчас, во всяком случае, Марианна была уверена, что она использует все очарование своей внешности и ума, чтобы получить от своего богатого покровителя большую сумму, в которой так нуждалась ее подруга.

Улыбаясь про себя при мысли об этой дружбе, Марианна продолжала укладку короной заплетенных в косы волос, когда дверь стукнула. Думая, что это Жонас с обещанным шампанским, она не обернулась.

— Я не знаю... кто вы, — раздался в глубине комнаты хриплый, задыхающийся голос, — но... из сострадания... найдите мадам Гамелен!

Марианна вздрогнула и на мгновение замерла с руками вокруг головы, затем, с ощущением, что она уже слышала этот голос, обернулась.

Опершись о закрытую створку двери, очень бледный мужчина явно боролся с беспамятством. Закрыв глаза и сжав рот, он с трудом дышал, но застывшая от изумления Марианна даже не подумала оказать ему помощь. У новоприбывшего под наброшенным черным плащом виднелись белая рубаша, облегающие синие панталоны и венгерские сапоги. У него были темные вьющиеся волосы... и лицо, которое молодая женщина с испугом узнала. Перед ней стоял ее обидчик с улицы Серутти...

Марианна не ошиблась, считая, что этот мужчина ранен. Объяснением следов крови на ее платье стало расплывшееся красное пятно на его рубашке у левого плеча, а незнакомец тем временем без сознания рухнул на устилавший пол ковер.

Оцепенев, она смотрела, как он падает, не зная, как ей быть, когда за дверью послышался голос Жонаса:

— Откройте, мадемуазель Мавианна! Это Жонас! Дверь заклинило!

Оцепенение прошло. Мужчина действительно упал так, что мешал открыть дверь.

— Минутку, Жонас! Я сейчас открою.

Она взяла незнакомца за ноги и потянула изо всех сил, чтобы оттащить его к центру комнаты, но он оказался слишком тяжелым. Все-таки ей с трудом удалось отодвинуть его на достаточное расстояние, чтобы Жонас смог войти.

— Оставьте поднос снаружи, я не могу ничего сделать, — сказала она, приоткрывая створку.

Мажордом кое-как пролез через узкий проход.

— Но что же произошло, мадемуазель Мавианна?

О! Господин бавон! — воскликнул он, разглядев препятствие. — Господи! Он ванен!

— Вы знаете этого человека?

— Пвеквасно! Он, как говорится, свой человек. Это генерал Фувнье-Савловез. Вазве мадам Фовтюнэ никогда о нем не говорила? Его нельзя тут лежать. Его надо в квовать.

В то время как черный гигант поднял раненого с такой легкостью, словно тот ничего не весил,

и уложил в уже постланную постель, Марианна покопалась в памяти. Генерал, барон Фурнье-Сарловез? Конечно, Фортюнэ уже говорила ей о нем с такими модуляциями голоса, которые хорошо знавшим креолку ясно говорили, какие воспоминания их вызывают. Это был красавец Франсуа, один из трех ее любимых возлюбленных, а остальными являлись не менее обворожительный Казимир де Монтрон, ныне изгнанный в Анвер, и гораздо менее очаровательный, но зато гораздо более богатый Уврар...

Но что такое Фортюнэ еще ей рассказывала? Почему Марианна никогда не видела его у своей подруги?.. Ах да: он был невозможный человек, «худший шалопай Великой Армии», но также «лучший рубака» той же армии. Как таковой, он делил свою жизнь между блестящими воинскими подвигами и пребыванием в резерве из-за бесчисленных дурачеств и непрерывных дуэлей. В данный момент его сослали в родную провинцию, где он должен был ожидать прощения императора за последнюю шалость.

Подумав о Наполеоне, Марианна вспомнила о неприятно поразившем ее рассказе Фортюнэ: по окончании Революции, в которую он бросился с радостью, хотя прежде преданно служил королю, Фурнье возненавидел императора, отвечавшего ему взаимностью, но тем не менее периодически разрешавшего возобновлять службу этой горячей голове, учитывая его выдающуюся воинскую доблесть, принесшую ему чин генерала и титул барона. Но Фурнье это казалось мелочью по сравнению с титулами и богатством маршалов. Принимая все это во внимание, и особенно если добавить сегодняшнее происшествие, человек этот не был для Марианны ни интересным, ни симпатичным. В определенном смысле он мог быть даже опасным, и молодая женщина не имела ни малейшего желания познакомиться с ним ближе. И так уже достаточно неприятно знать, что Фортюнэ, такая преданная Наполеону, сохраняла нежные чувства к этому молодцу исключительно из-за его красоты и неутомимости в любви...

В то время как Жонас с горестными возгласами стащил с раненого сапоги и начал ухаживать за ним, Марианна повернулась к нему спиной и сделала несколько шагов к двери. У нее было желание предупредить Фортюнэ, но она колебалась, боясь помешать переговорам с банкиром. Однако ее колебания долго не продолжались. Дверь отворилась под энергичной рукой мадам Гамелен, которая воскликнула:

— Я сделала то, что могла, я надеюсь...

Она умолкла. Ее взгляд скользнул над плечом подруги и остановился на кровати, возле которой Жонас зажег канделябр.

— Франсуа! — закричала она. — Мой Бог! Он мертв!

В неудержимом порыве, отбросив Марианну в сторону, она устремилась к кровати, оттолкнула Жонаса, который, закатав рукава и вооружившись корпией, начал очищать рану, и с рычанием тигрицы упала на неподвижное тело своего возлюбленного.

— Сладчайший Иисусе! Мадам Фовтюнэ, — запротестовал мажордом, — не твясите его так, а то вы его пвавда убивать. Он не умеет. Только тевял сознание.

А вана не севъезная.

Но Фортюнэ, в которой Марианна подозревала тайную склонность к мелодрамам, не слушала его и испускала стенания, достойные корсиканской плакальщицы. В то же время она осыпала своего возлюбленного такими горячими поцелуями и так нежно ласкала, что благодаря этим чудесным лекарствам, да еще ароматической соли, которую держал Жонас, этот возлюбленный кончил тем, что приоткрыл один глаз, — свидетельство жизни, исторгшее из

груди м-м Гамелен торжествующий крик.

— Будь благословенно небо! Он жив!

— А никто в этом не сомневался, — пробурчал Жонас. — Обмовок был от усталости и потевы много квови!

Певестаньте так товмошить его, мадам! Господину бавону уже лучше! Смотрите сами.

Действительно, с болезненным стоном раненый распрявился. Он улыбнулся возлюбленной.

— Я старею, — сказал он. — Этот проклятый Дюпон проткнул меня на этот раз, но я ему отплачу...

— Снова Дюпон? — возмутилась Фортюнэ. — Сколько же лет вы уже деретесь на дуэли оба всякий раз, когда повстречаетесь? Десять, двенадцать?

— Пятнадцать, — спокойно поправил Фурнье, — и, поскольку мы примерно равной силы, конца еще не видно.

А у тебя разве не найдется капельки чего-нибудь укрепляющего для раненого, который...

Он запнулся. Минуя м-м Гамелен, его взгляд остановился на Марианне, с мрачным видом ожидавшей со скрещенными на груди руками, когда закончатся первые излияния, и созерцавшей огонь в камине.

— Стоп... да я же вас знаю! — начал он, заметно пытаясь вызвать в памяти воспоминание, что ему как будто удалось. — Разве вы не...

— Что касается меня, то я вас не знаю! — сразу отрезала Марианна. — Но буду вам признательна, если вы отпустите Фортюнэ на минутку, ибо мое желание оставить вас наедине совпадает с вашим.

— Господи, — вскричала креолка, — бедняжка, а я забыла о тебе! Хотя со всеми этими переживаниями...

С той же стремительностью она бросилась к подруге, обняла ее и зашептала:

— Я говорила с Уваром. По-моему, он согласен, но он хочет сказать тебе несколько слов. Ты можешь спуститься и найти его? Он ждет тебя в маленьком салоне с зеркалами... Проводи мадемуазель Марианну, Жонас, и возвращайся с коньяком для генерала.

Не заставляя просить себя дважды, Марианна повернулась к выходу, радуясь тому, что перестанет быть объектом «внимания Фурнье, во взгляде которого теперь читалась явная насмешка. Безусловно, он узнал ее и, видимо, не испытывал ни малейшего замешательства из — за своего безобразного поведения. Перед тем как покинуть комнату, она услышала слова, обращенные к его возлюбленной:

— Я не знаю имени этой очаровательной несговорчивой особы, но почему-то чувствую, что обязан ей чем-то...

— У тебя лихорадка, дорогой, — заворковала Фортюнэ. — Уверяю тебя, что ты еще никогда не встречал мою подругу Марианну. Это совершенно невозможно.

Марианна едва удержалась, чтобы не пожать плечами.

Этот негодяй прекрасно знал, что она никогда не осмелится рассказать своей подруге правду о бурном начале их взаимоотношений, и в любом случае это не имело большого значения, потому что она твердо решила на этом их и закончить! И в самом деле, ей вовсе не обязательно было знать, что этот слишком уверенный в себе человек ненавидел императора, чтобы почувствовать к нему антипатию и сразу же отнести его к числу людей, которых она не хотела бы вновь увидеть. И тут же она поклялась себе сделать все, чтобы так и было. Словно отвечая на мысли Марианны, спускавшийся позади нее Жонас бормотал:

— Если гевеал оставаться здесь, мадемуазель Мавианна не скоро увидит мадам. Последний ваз она и гевеал не покидать спальню восемь суток!

Марианна ничего не ответила, но нахмурила брови. Не оттого, что подобная любвеобильность казалась ей чрезмерной, а потому, что такие «достижения» могли оказаться не по вкусу банкиру Уврару, нужному ей сейчас. И для Марианны это может иметь губительные последствия, если у человека, в котором она так нуждалась, в ближайшее время будет испорчено настроение.

С тяжелым вздохом она направилась на встречу с банкиром в маленький салон, хорошо знакомый ей и особо любимый Фортюнэ, ибо здесь она могла созерцать свои соблазнительные прелести и любовные забавы, воспроизведенные многочисленными большими венецианскими зеркалами в лепных позолоченных рамах. В них отражались увядшие розы обоев, покрытая паутиной низкая мебель времен Директории, тонкие арабески жирандолей с розовыми свечами и единственный яркий мазок — громадная бирюзовая китайская ваза с распустившимися тюльпанами и ирисами среди длинных, усыпанных цветами побегов терновника.

Принадлежность салона хозяйке дома выдавал легкий аромат розы, борющийся с запахом горящего дерева, а также бесчисленные мелкие безделушки, разбросанные повсюду, равно как и длинный шарф из позолоченного газа, свисавший с подлокотника одного из кресел.

Войдя в маленький салон и увидев облокотившегося о камин Уврара, Марианна невольно отметила, что, несмотря на его богатство, этот человек совершенно не подходил к окружающей его обстановке. Ей было ясно, что кроме денег ничто не может привлекать женщин к такому низкорослому малому с повадками пролазы, с прореженными пятым десятком гладкими волосами на макушке, у которого всегда был вид одетой вешалки, несмотря на все усилия придать элегантность его слишком дорогой одежде. Тем не менее Габриэль Уврар имел успех, и не только у Фортюнэ, которая ничуть не скрывала свою любовь к деньгам. Поговаривали, что томная, божественная, вечно девственная Жюльетта Рекамье дарила ему свою благосклонность, равно как и некоторые другие красавицы.

Хотя второй возлюбленный м-м Гамелен был ей не более симпатичен, чем первый, этот казался просто отвратительным. Марианна постаралась принять приветливый вид и, подходя к обернувшемуся на скрип двери банкиру, улыбнулась. С возгласом удовлетворения Уврар обхватил руки молодой женщины, запечатлел на каждой поцелуй и, не отпуская, мягко увлек ее к розовой софе, на которой Фортюнэ проводила долгие часы безделья, лакомясь сладостями и читая редкие легкие романы, которым суровая императорская цензура позволяла увидеть свет.

— Почему не прийти ко мне, дорогая красавица, — упрекнул он полным задушевной близости тоном. — Напрасно было беспокоить нашего друга из-за подобной мелочи.

Слово «мелочь» понравилось Марианне. По ее мнению, двадцать тысяч ливров — изрядная сумма и надо быть банкиром, чтобы говорить о ней с такой непринужденностью. Вместе с тем это добавило ей смелости. Уврар продолжал:

— Вы должны были немедленно найти меня... дома.

Это избавило бы вас от всяких хлопот.

— Но... я никогда не осмелилась бы, — сказала она, одновременно пытаясь освободить руки.

— Не осмелились бы? Такая красивая женщина? Неужели вам никогда не говорили, что красота зачаровывает меня, что я ее верный раб? А кто же в Париже может быть прекрасней Императорского соловья?

— Императорского соловья?

— Ну да, это так прозвали вас, восхитительная Мария-Стэлла! Вы об этом не знали?

— Видит Бог, нет, — сказала Марианна, которая нашла, что ее собеседник слишком галантен для человека, у которого собираются занять крупную сумму.

Но Уврар уже продолжал:

— Я был на вашем выступлении в Фейдо. Ах!.. Какое чудо! Какой голос, какая грация, какая красота! Я не солгу, если скажу, что вы привели меня в восторг! Я был полностью очарован вами! Этот редкий тембр, такой волнующий, а лебединая шея и лепестки роз вместо губ, из которых бил волшебный фонтан звуков. Кто не был готов преклонить колени от восхищения? Я, например, хо...

— Вы слишком снисходительны, — оборвала его смущенная Марианна, начинавшая бояться, что банкир подтвердит свои слова действием и упадет перед ней на колени. — Прошу вас, однако, оставим в покое тот вечер... Он принес мне совершенно не то, чего я желала.

— О, несчастный случай с вами? Действительно, это было...

— Очень неприятно, и с тех пор вызвавшие его причины только умножились. Так что я прошу извинить меня, если я кажусь вам нетерпеливой и недостаточно учтивой, но я нуждаюсь в уверенности. Вы понимаете прекрасно, что только очень затруднительное положение, в которое я попала, вынудило меня обратиться за помощью.

— К другу... Другу верному и преданному! Надеюсь, вы не сомневаетесь в этом?

— Иначе я не была бы здесь! Итак, я могу рассчитывать на эту сумму... скажем, послезавтра?

— Безусловно. Вас устроит послезавтра пополудни?

— Нет, это невозможно. Я должна петь в Тюильри перед их величествами.

С трудом, но ей все-таки удалось произвести множественное число. Уврар кивнул с ханжеской улыбкой.

— Тогда послезавтра вечером, после приема? Я буду ждать вас у себя. У меня будет гораздо приятней, чем там.

Мы сможем поболтать... лучше познакомиться!

С внезапно покрасневшими щеками Марианна резко встала, вырвав руки из цепких лап банкира. Ей вдруг стало ясно, на каких условиях Уврар согласится одолжить ей деньги.

Дрожа от негодования, она воскликнула:

— Мне кажется, мы не правильно понимаем друг друга, господин Уврар. Дело идет о займе. Эти двадцать тысяч ливров я верну вам не позже чем через три месяца.

Любезная мина банкира сменилась недовольной гримасой. Он пожал плечами.

— Да кто вам говорит о займе? Подобная вам женщина может требовать все. Я дам вам гораздо больше, если вы пожелаете.

— Я не хочу больше... и соглашусь только на заем.

Банкир со вздохом встал и приблизился к молодой женщине, предусмотрительно отступившей к камину. Его голос, только что такой медоточивый, стал резким, а во взгляде зажегся недобрый огонек.

— Предоставьте дела мужчинам, моя дорогая, и просто согласитесь с тем, что вам предлагают от чистого сердца.

— За что?

— Но... за ничто... или за пустяк! Немножко... вашей дружбы, часок вашего присутствия, право полюбоваться вами, подышать одним воздухом...

Он снова протянул к ней жадные руки, готовые схватить или обнять. Над белоснежным галстуком желтое лицо банкира стало кирпично-красным, тогда как глаза его плотоядно впились в чудные полуоткрытые плечи. Дрожь отвращения сотрясла Марианну. Как она смогла сделать такую глупость и обратиться к этому человеку с темным прошлым, недавно освобожденному из тюрьмы, куда его посадили в феврале за грязную аферу с мексиканскими пиастрами, совершенную в компании с голландцем Вандербергом? Это было чистое безумие!

— С тем, что вы требуете, — резко бросила она в отчаянной попытке запугать его, — я не могу согласиться, ибо император не простит этого ни вам, ни мне. Вы что, не знаете, что я являюсь... императорской привилегией?

— Привилегии дорого оплачиваются, синьорина. Те, кто извлекает из них пользу, должны проникнуться этой истиной... и поступать таким образом, чтобы не перегнуть палку! Поскольку это произошло, поразмышляйте! Сегодня вы устали, заметно взволнованы. Безусловно, свадебные торжества должны причинить страдания... одной из привилегий?.. Но не забывайте, что послезавтра вечером двадцать тысяч ливров... или больше будут ждать вас у меня, если понадобится, то и всю ночь, и весь следующий день!

Не отвечая и даже не взглянув на него, Марианна повернулась и направилась к двери. Ее достоинство, ее высокомерие придали ей вид оскорбленной государыни, но в сердце царило отчаяние. Единственная возможность достать деньги утрачена, ибо никогда, ни при каких обстоятельствах она не согласится на условия Уврара. Она наивно полагала, что сможет получить заем под честное слово, но в очередной раз убедилась, что любая сделка с мужчинами приобретает своеобразный оттенок, когда женщина молода и красива. «Я знаю с

десяток жаждущих, которые дадут тебе столько за одну ночь любви», — сказала Фортюнэ. До какой степени м-м Гамелен посвящена в намерения Уврара? Не потому ли ей было сделано недостойное предложение, что той не удалось самой довести дело до конца? Но Марианна не решилась поверить, что подруга могла так хладнокровно толкнуть ее в отвратительную ловушку.

Ответ на заданный себе горький вопрос она получила, едва ступив на порог, услышав осторожный голос Уврара.

— Не забудьте: я буду ждать вас. Но, само собой разумеется, нет необходимости, чтобы дорогой Фортюнэ стало известно о нашем заговоре. Она очаровательна, но так ревнива!

Ревнива? Фортюнэ? Марианна едва не забыла о своем гневе и готова была расхохотаться прямо ему в лицо. Неужели этот ублюдок считал себя достаточно неотразимым, чтобы вызвать ревность у такой экзотической птички, как прекрасная креолка? Она ощутила непреодолимое желание бросить ему правду в глаза: именно сейчас «очаровательная, но ревнивая» предавалась неистовой страсти в объятиях красавца, бывшего ее подлинным возлюбленным. Только чтобы увидеть, как банкир на это прореагирует...

Но м-м Гамелен жила по своему хотению, и Марианна ни за что на свете не причинила бы ей ни малейшей неприятности. Впрочем, утешением было узнать, что она не ведала о мелкой подлости Уврара и условиях сделки, которую он предложил. И вдруг Марианна подверглась другому искушению: тотчас же пойти и сообщить о создавшейся ситуации, и она сделала бы это, будь Фортюнэ одна.

Но Марианне не хотелось ни встречаться с неистовым Фурнье, ни нарушать тет-а-тет влюбленных.

— Передайте мадам Гамелен, что я встречу с ней завтра, — сказала она подбежавшему Жонасу.

— Мадемуазель Мавианна, но вы не можете уйти просто так! Подоздите немного, я велю залозить...

— Нет необходимости, Жонас. Вот и моя карета.

Действительно, сквозь застекленные двери вестибюля она увидела Гракха-Ганнибала, который после лихого разворота остановил лошадей у крыльца. Но пока Жонас заботливо укутывал ей плечи кашемировой шалью. Глаза ее расширились от изумления при виде выпрыгнувшего из кареты Аркадиуса.

Оборванные лацканы и фалды черного фрака, свисавшие с шеи остатки кружев рубашки, продавленная шелковая шляпа, подбитый глаз и многочисленные царапины, покрывавшие лицо виконта де Жолиवाल, свидетельствовали о славной битве, которую ему пришлось вынести, в то время как гордо восседавший на своем сиденье Гракх, без шляпы, взъерошенный, с пылающими щеками и сверкающими глазами, все еще потрясал кнутом, словно Юпитер молниями.

— Господи! — вздохнула Марианна. — Наконец-то!

Но откуда вы взялись?

— Из толпы, где вы нас оставили! — пробурчал Жоливаль. — Конечно, вы выглядите гораздо

свежей, чем мы, но насколько я помню, у вас при выезде было розовое платье?

— Оно тоже попало в свалку. Однако, мой друг, садитесь, надо возвращаться. Вам срочно необходима ванна и прочий уход. Домой, Гракх, и как можно быстрее!

— Если вы хотите, чтобы я скакал во весь опор, надо миновать стену Откупщиков и объехать пол-Парижа.

— Делай как хочешь, только доставь нас домой и избавь от встреч с толпой.

В то время как экипаж выезжал за ограду особняка, Аркадиус снова стал промокать глаз носовым платком.

— Итак, — спросил он, — вы что-нибудь добыли?

— Мадам Гамелен сразу предложила десять тысяч.

— Очень приятно, но этого недостаточно. А вы не пытались поговорить с Увваром, как я вам советовал?

Марианна прикусила губу и нахмурилась, вспомнив, что из этого вышло.

— Да, Фортюнэ устроила мне встречу с ним... Но мы не пришли к соглашению. Он... он слишком дорогой для меня, Аркадиус!

Наступило короткое молчание, использованное Жоливалем, чтобы взвесить эти несколько слов, открыть подлинный смысл которых не составило для него большого труда.

— Так! — сказал он только. — А... мадам Гамелен осведомлена о предложенных условиях сделки?

— Нет. И совсем не обязательно, чтобы она узнала.

Правда, я сначала хотела было рассказать ей обо всем, но она ужасно занята.

— Чем же?

— Какой-то раненный в плечо солдафон, свалившийся ей словно снег на голову, который, видимо, занимает большое место в ее жизни. Некий...

— Фурнье, я знаю! Ага, значит, гусар вернулся? Он ненавидит императора, но не может долго оставаться вдали от поля битвы.

Марианна вздохнула.

— Интересно, есть ли хоть что-нибудь, о чем бы вы не знали, друг мой?

Улыбка Жоливаля превратилась в гримасу из-за болезненных царапин и ссадин на лице, и он печально посмотрел на остатки шляпы.

— Да... как мы, например, достанем двадцать тысяч ливров, которых нам еще не хватает.

— Остается только один выход: мои драгоценности, даже если это станет причиной ссоры с императором. Завтра вы посмотрите, можно ли их заложить. В противном случае... придется их

продать.

— Вы абсолютно не правы, Марианна. Поверьте мне, лучше будет повидаться с императором. Попросите у него аудиенцию и, раз вы послезавтра поедете в Тюильри...

— Нет... ни за что! Он слишком хорошо умеет задавать вопросы, и есть вещи, о которых я не хотела бы ему говорить. Кроме того, — печально добавила она, — я и в самом деле являюсь убийцей. Я убила женщину, правда, не желая этого, но тем не менее убила. И не хочу, чтобы он узнал это.

— Вы думаете, он не будет задавать вопросы, если узнает, что вы продали изумруды — его подарок?

— Постарайтесь так договориться, чтобы сохранить возможность выкупить их через два или три месяца. Я буду петь везде, где мне предложат. Можете заключать контракты.

— Хорошо, — вздохнул Жоливаль, — я сделаю все как смогу лучше. А пока возьмите это.

Порывшись в кармане своего испачканного белого жилета, он вытащил оттуда что-то круглое и блестящее и всунул его в руку Марианне.

— Что это такое? — спросила она, нагибаясь, потому что в карете царила почти полная темнота и трудно было что-нибудь разглядеть.

— Небольшой сувенир на память об этом замечательном дне, — ухмыльнулся Жоливаль. — Одна из медалей, что недавно разбрасывали. Я добыл ее в трудной борьбе.

Сохраните ее, ибо я заплатил за нее достаточно дорого, — добавил он, вновь начав ухаживать за опухшим глазом.

— Я глубоко сочувствую вашему несчастью, мой бедный друг, но поверьте: даже если я проживу тысячу лет, я не забуду этот день!

Глава V. КАРДИНАЛ САН-ЛОРЕНЦО

Продолжая играть роль верного рыцаря, князь Клари заехал в среду за Марианной, чтобы проводить ее в Тюильри. Но в то время как посольская карета увозила их к старому дворцу, от Марианны не ускользнуло озабоченное выражение лица ее спутника, несмотря на его усилия держаться непринужденно. Под густыми светлыми волосами на лбу молодого человека не разглаживалась тревожная складка и в его чистосердечной улыбке было гораздо меньше веселости, чем обычно. Он не дал себе, впрочем, труда опровергнуть очевидное, когда Марианна осторожно спросила его об этом.

— Я обеспокоен, дорогая Мария. Я не видел императора с позавчерашнего вечера, вечера свадьбы, и я спрашиваю себя пройдет ли нынешний прием без осложнений. Я еще хорошо не знаю его величество, но я видел его в сильном гневе в тот день при выходе из капеллы...

— В гневе? При выходе из капеллы? Но что там произошло? — спросила Марианна с внезапно пробудившимся любопытством.

Леопольд Клари улыбнулся, взял ее руку и быстро поцеловал.

— Совершенно верно, ведь вы не были там с тех пор, как мы расстались. Тогда узнайте, что,

войдя в капеллу, император обнаружил, что из двадцати семи приглашенных кардиналов присутствовали только двенадцать. Не хватало пятнадцати, и, поверьте, эта пустота бросалась в глаза.

— Но... подобная демонстрация, очевидно, была обусловлена заранее?

— Вне всяких сомнений, увы! И у нас в посольстве сильно обеспокоены. Вы знаете, какова позиция императора в отношении папы. Он держит его святейшество пленником в Савоне и не счел нужным обратиться к нему по поводу расторжения предыдущего брака. Это парижская церковная верхушка все сделала... Однако отсутствие этих князей Церкви вызовет сомнение в законности брака нашей эрцгерцогини. Это крайне неприятно, и пятнадцать пустых мест не особенно обрадовали князя Меттерниха.

— Полноте! — заметила Марианна с известным чувством удовлетворения. — Вы должны были об этом знать, еще когда ваша принцесса не покидала Вену. Вам следовало только проявить непреклонность перед капитулом, вам надлежало потребовать, чтобы его святейшество... санкционировал развод с первой императрицей. Не говорите, что вы не знали об отлучении папой императора вот уже скоро год!

— Я знаю, — с грустью сказал Клари, — и все мы знаем это. К чему заставлять меня напоминать вам, что после того, как мы были разгромлены под Ваграмом, мы нуждались в мире, в передышке и не были достаточно сильны, чтобы оказать сопротивление требованиям Наполеона.

— Что ж тогда говорить, что этот брак был неожиданным для вас, — сказала молодая женщина с невольной жестокостью, о которой тут же и пожалела, увидев, как помрачнел ее друг, и услышав, как он вздыхает.

— Никогда не бывает приятным быть побежденным.

Но как бы то ни было, этот брак уже заключен, и если нам тяжело видеть, как бесцеремонно обращается Церковь с одной из наших принцесс, мы не можем признать ее полностью не правой. Вот почему я в беспокойстве. Очевидно, вы не знаете, что все кардиналы и епископы приглашены на этот концерт!

Марианна действительно не знала об этом, хотя и оделась соответственно. Ел платье из голубого шелка, расшитое серебряными пальмовыми листьями, было едва декольтировано, только открывая жемчужное ожерелье, единственную драгоценность ее матери и вообще единственную, так как все остальное она накануне передала Жоливалю. Рукава опускались низко, ниже локтей. Она сделала беззаботный жест.

— Вы волнуетесь по пустякам, друг мой. Почему вы решили, что враждебно настроенных кардиналов концерт привлечет больше, чем церемония?

— Потому что приглашения вашего императора больше напоминают категоричные приказы, и они, возможно, не рискнут во второй раз ослушаться. Само их присутствие при освящении брака явилось бы в некотором роде признанием его, в то время как концерт... И я боюсь приема, который может оказать им Наполеон. Если бы вы видели, каким взглядом обвел он пустые кресла в капелле, вы бы беспокоились не меньше меня. Мой друг Лебзельтерн говорил, что у него мороз по коже пробежал при этом.

Если возникнет конфликт, наша позиция станет очень неприятной. Ведь сам император Франц искренне предан его святейшеству.

На этот раз Марианна ничего не ответила, мало заинтересовавшись обстоятельствами, волнующими Австрию, которая, по ее мнению, вполне заслужила неприятности.

Впрочем, они уже прибыли. Карета пересекла тюильрийский мост, ворота Лувра и приблизилась к высокой золоченой решетке, закрывавшей Конный двор. Но продвижение вперед вскоре стало еще более трудным. Громадная толпа заполнила подступы ко дворцу, прижалась к решеткам, а кое-кто даже, несмотря на усилия охраны, вскарабкался по ним вверх, чтобы лучше видеть. Толпа казалась заметно заинтересованной и даже веселой, о чем свидетельствовали радостные возгласы и смех.

— Будь то парижская или венская, толпа всегда одинаково любопытна, несдержанна и недисциплинирована, — проворчал князь. — Посмотрите, как они оседлали ворота, ничуть не думая о проезжающих каретах. Надеюсь, что нас все-таки пропустят...

Но уже курьер из посольства заметил карету своего хозяина и с помощью гренадеров раздвинул толпу. Кучер хлестнул лошадей, решетка осталась позади, и глазам сидевших в карете предстало странное зрелище, восхищавшее и забавлявшее парижан. По громадному двору, между стоявшими навытяжку солдатами и дворцовыми офицерами, слугами и конюхами, следившими за порядком при прибытии приглашенных, пятнадцать кардиналов в парадной одежде, с наброшенными на руку шлейфами пурпурных мантий бесцельно бродили, сопровождаемые напоминавшими стаю растерянных кур секретарями и конфидентами. Они ходили взад и вперед под лучами солнца, льющимися с радостного нежно-голубого неба, слегка покрытого легкими перистыми облачками, но надо было обладать фрондерским духом парижан, чтобы найти что-то смешное в этих величественных красных фигурах, которые, казалось, без всякой цели бродили здесь, не надеясь на помощь, ибо ни солдат, ни офицеров это, очевидно, ничуть не заботило.

— Что это должно значить? — спросила Марианна.

Повернувшись к Клари, она увидела, что тот сильно побледнел, а щеки его подрагивали от нервного тика.

— Я боюсь, что это проявление гнева императора. Что можно еще подумать?

Карета остановилась у подъезда. Лакей открыл дверцу.

Клари поспешно соскочил и предложил руку своей спутнице, чтобы помочь ей спуститься на землю.

— Прошу вас, быстрее, — сказал он. — Войдем лучше внутрь! Я много бы дал, чтобы ничего не видеть.

— И тогда ваша совесть не будет задавать вам вопросы? — съязвила Марианна. — Как же называется та птица, которая практикует подобную хитрость? Мне кажется... страус? Вы хотите стать страусом? 8.

— Какая ужасная игра слов! Я спрашиваю себя порой, уж не ненавидите ли вы меня?

Откровенно говоря, Марианна еще раньше задавала себе такой вопрос, но в данный момент это ее не интересовало.

Ее глаза были прикованы к одному из прелатов, небольшому человечку, похожему в своем пышном одеянии на красную розу. Стоя спиной к ней на последней ступеньке крыльца рядом с

согнувшись перед ним высоким черным аббатом, он оживленно говорил, не обращая внимания на своих коллег, которые совещались, разбившись на небольшие, по три-четыре человека, группы.

Что-то в этом невысоком кардинале привлекло внимание Марианны, хотя она и не могла сказать, что именно.

Может быть, очертания головы над горностаевым воротником или седые волосы под круглой пурпурной скуфьей?

Или же изящные руки, которыми прелат жестикулировал в пылу разговора?.. Вдруг он повернул голову. При виде его профиля Марианна не смогла удержаться.

— Крестный?..

Кровь хлынула ей в лицо, когда она узнала человека, который на протяжении всей ее молодости занимал вместе с теткой Эллис ее сердце. И это сердце, едва заметив знакомые черты, не ошиблось. Маленьким кардиналом был Готье де Шазей.

— Что вы сказали? — забеспокоился Клари, видя ее такой взволнованной. — Вы знакомы? Знакомы с...

Но она не слышала его больше. Она совершенно забыла о нем, как забыла обо всем окружающем, о месте, где она находилась, обо всем, вплоть до себя самой, чтобы вновь ощутить себя, как когда-то, маленькой Марианной лет десяти, бегущей со всех ножек из дальнего угла парка в Селтоне, едва заметив аббата де Шазея, медленно двигавшегося на своем муле по главной аллее. Она даже не удивилась, найдя в кардинальском пурпуре маленького аббата, всегда стесненного в средствах, всегда странствовавшего по всей Европе с таинственными целями. Ее охватила такая огромная радость, что естественным стало возвращение ее детских привычек. Подхватив обеими руками подол и шлейф роскошного платья, она бросилась к двоим священникам, которые уже удалялись, не ведая о сжигавшем ее волнении. В несколько секунд она догнала их.

— Крестный! Какая радость! Какое счастье!..

Смеясь и плача одновременно, она не раздумывая бросилась на шею ошеломленного кардинала, который едва успел узнать ее, прежде чем раскрыть свои объятия.

— Марианна!

— Да, это я, это действительно я! О крестный, какое счастье!

— Марианна, здесь? Неужели я схожу с ума? Но что ты делаешь в Париже?

Он оторвал ее от себя и, удерживая вытянутыми руками, разглядывал с радостью и удивлением. Его некрасивое лицо сияло.

— Об этом я и не мечтал! Ты здесь... Мой Бог, малютка, какой красавицей ты стала! Дай — ка я еще тебя поцелую!..

И на глазах опешившего худого аббата и машинально следовавшего за своей спутницей князя Клари кардинал и молодая женщина вновь обнялись с восторгом, не оставлявшим сомнения во взаимной пылкости их чувств.

Эти знаки привязанности, так мало соответствовавшие протоколу, привели, очевидно, в замешательство худого аббата, ибо он начал покашливать и почтительно коснулся плеча прелата.

— Пусть его преосвященство простит меня, но надо было бы, может быть... Я хочу сказать... э... обстоятельства... Словом, его преосвященству следовало бы дать себе отчет, что на него смотрят!

Это было правдой. Дворцовые служители, офицеры и прелаты не отводили глаз от необычной пары, которую составляли маленький кардинал и очаровательная, пышно одетая женщина между черным аббатом и блестящим австрийским офицером. Слышалось перешептывание, сопровождаемое многозначительными улыбками.

Леопольду Клари казалось, что он стоит на раскаленных углях. Но Готье де Шазей только пожал плечами.

— Не говорите глупости, Бишет! Пусть смотрят сколько хотят! Да вы знаете, что это мое дитя, дитя моего сердца, хочу я сказать, вновь обретенное здесь? Однако я полагаю, что вы желаете быть представленным? Марианна, перед тобой аббат Бишет, мой верный секретарь. Что же касается вас, друг мой, знайте же, что эта красивая дама — моя крестница, леди Марианна...

Он замолчал, мгновенно дав себе отчет в том, что он собирается сказать, увлеченный радостью и своим восторженным характером. Улыбка с его лица исчезла, словно стертая невидимой рукой. С внезапным беспокойством он посмотрел на Марианну.

— Но это невозможно! — прошептал он. — Как ты можешь быть здесь, во Франции, в этом дворце, в обществе австрийца...

— Князь Леопольд Клари унд Алдринген! — вытянулся молодой офицер, щелкнув каблуками в знак приветствия.

— Рад познакомиться, — машинально сказал кардинал, думая о своем. — Я спросил себя: как ты можешь быть в Париже, в то время как последний раз мы виделись... Где же тогда...

Охваченная внезапным страхом при мысли о том, что сейчас произойдет, Марианна поспешила прервать его. Растерянная мина Клари, безусловно, услышавшего злополучное «леди Марианна», уже достаточно выражала его беспокойство.

— Я вам все объясню позже, дорогой крестный. Это очень длинная история, и здесь, посреди двора, рассказать ее просто невозможно. Лучше скажите мне, что вы здесь сами делаете? Вы собираетесь уйти пешком, как я понимаю?

— Я сделаю то же, что и другие, черт возьми! — проворчал кардинал. — Когда мы прибыли сюда, мои братья и я, главный церемониймейстер передал нам приказ немедленно убираться отсюда, потому что его корсиканское величество отказался нас принять, хам!

— Ваше преосвященство, — воззвал аббат Бишет, испуганно оглядываясь вокруг, — будьте осторожны в выражениях.

— Э, я говорю то, что хочу! Меня выгоняют, не так ли?

И простирают свое утонченное внимание до того, что отсылают все наши кареты, чтобы мы смогли показать парижским зевакам интересное зрелище: пятнадцать кардиналов бредут в

пыли с подобранными мантиями, возвращаясь домой пешком, как галантерейщики! Я надеюсь, что добрые парижане по достоинству оценят учтивость их властителя.

Монсеньор де Шазей стал таким же красным, как его мантия, и его аристократический голос, обычно тихий и спокойный, обрел тревожную пронзительность. Клари вмешался.

— Ваше преосвященство и его коллеги, если я правильно понимаю, являются теми, кто не счел должным присутствовать на свадьбе нашей эрцгерцогини? — спросил он довольно резким тоном. — И безусловно, император Наполеон не мог снести подобное оскорбление, не подумав о мести. Признаюсь, я ожидал худшего.

вернуться

8

Отрюш (фр.) — страус, отриш (фр.) — австриец.

— Худшее последует само собой, не обольщайтесь! Что касается эрцгерцогини, поверьте, сударь, что мы бесконечно сожалеем, но мы обязаны полностью поддерживать его святейшество в избранной им позиции. А брак Наполеона и Жозефины до сих пор не расторгнут Римом.

— Иными словами, наша принцесса не является законной супругой, хотите вы сказать, — вспыхнул Клари.

Видя, что назревает новый скандал, испуганная Марианна поспешила вмешаться.

— Помилуйте, господа! Здесь... Крестный, вы же не можете отправиться так, пешком. И прежде всего, где вы живете?

— У одного друга, каноника Филибера де Брюйара, на улице Шануэн. Я не знаю, известно ли тебе, малютка, что наш фамильный особняк принадлежит теперь пользующейся особым покровительством Наполеона оперной певице. Так что там я не живу.

У Марианны появилось ощущение, что она сражена насмерть. Каждое из этих ужасных слов оставляло в ее душе кровоточащую рану. Сильно побледнев, она отступила и, ошупью найдя руку Леопольда Клари, оперлась на нее. Без этой поддержки она, несомненно, упала бы прямо в пыль, уже испачкавшую красные туфли князя Церквы. Эти несколько слов измерили пропасть, разверзшуюся между ее детством и теперешним положением. Отвратительный страх охватил ее при мысли, что Клари, желая восстановить истину, не раздумывая объявит, защищая ее, что оперная певица, о которой идет речь, — это она. Марианна, безусловно, скажет правду своему крестному, всю правду, только в свое время, без посторонних...

Отчаянно пытаясь совладать с волнением, она вымученно улыбнулась, в то время как ее пальцы впились в руку князя.

— Я приду к вам сегодня вечером, если вы позволите.

А пока карета князя Клари отвезет вас домой, крестный.

Молодой австриец резко отстранился.

— Но это же... о, дорогая, что скажет император?

Она мгновенно вспылила, верная своей привычке находить в гневе лекарство от глубоких переживаний.

— Вы не подданный императора, дорогой князь.

К тому же могу вам напомнить, что ваш государь поддерживает... превосходные отношения со святым отцом.

Или я вас не правильно поняла?

Вскинув подбородок, Леопольд Клари подтянулся, словно он внезапно оказался перед самим императором Францем.

— Можете быть уверены, ваше преосвященство, что моя карета и люди в вашем распоряжении. Если вы готовы оказать мне честь...

Щелкнув пальцами, даже не повернувшись, он подозвал кучера, который, видя необычное поведение атташе посольства, еще не отъехал от крыльца. Карета послушно подкатила, остановилась, и один из лакеев, спрыгнув с запяток, открыл дверцу и опустил подножку.

Ясные глаза кардинала одним взглядом охватили побледневшую молодую женщину в голубом платье и австрийского князя, почти такого же бледного в своем белом мундире.

В их бледной голубизне таилось море вопросов, но Готье де Шазей не задал ни одного. Полным величия жестом он протянул к губам склонившегося Клари кольцо с сапфиром, украшавшее его руку, затем к губам Марианны, которая, не думая о пыли, преклонила колено.

— Я буду ждать тебя сегодня вечером, — сказал он после прощания. — Ах... совсем забыл! Его святейшество Пий VII вместе с кардинальской шапкой пожаловал мне титул Сан-Лоренцо. Я известен... и признан во Франции под этим именем.

Несколько мгновений спустя австрийская карета выехала за решетку Тюильри, сопровождаемая завистливыми взглядами оставшихся князей Церкви, которые, смирившись, один за другим направились в сопровождении своих близких к выходу, в сомнительной надежде найти свободные экипажи.

Марианна и Клари молча провожали глазами исчезающего кардинала де Сан-Лоренцо.

Молодая женщина машинально отряхнула перчатками пыль с серебряных палм на ее платье, затем повернулась к своему спутнику.

— Ну что ж, войдем?

— Да... но я спрашиваю себя, как нас примут. Половина находящихся во дворце видели, как мы отдали карету человеку, которого его величество император, безусловно, считает своим врагом.

— Вы принимаете все слишком близко к сердцу, друг мой. Идем смелей, все будет хорошо. Поверьте мне, в жизни бывают вещи бесконечно более страшные, чем гнев императора! — добавила она нехотя, подумав о том, что скажет ее крестный сегодня вечером, когда узнает...

Предстоящая перспектива немного омрачала глубокую радость, которую она только что

испытала, встретив крестного, но не могла заглушить ее полностью. Как хорошо снова увидеть его, особенно в тот момент, когда она так настоятельно нуждалась в его помощи! Конечно, она услышит много неприятного, безусловно, он строго осудит ее новую профессию певицы, но кончит тем, что поймет ее и простит. Нет никого более человеческого и милосердного, чем аббат де Шазей. Почему же кардинал Сан-Лоренцо должен перемениться? И тут Марианна с удовлетворением вспомнила об инстинктивной неприязни, которую ее крестный некогда недвусмысленно проявлял к лорду Кранмеру.

Он может только посочувствовать несчастьям любимой крестницы, которую сам считал своим собственным ребенком.

Нет, приняв все во внимание, ясно, что предстоящий вечер сулит Марианне больше радости, чем тревог. Готье де Шазею, ныне кардиналу Сан-Лоренцо, не составит никакого труда добиться у папы расторжения брака, тяжким грузом висящего на шее его крестницы...

Марианна еще никогда не проникала в парадные помещения Тюильри. Зал маршалов, где должен был состояться концерт, подавил ее своим великолепием и размерами. Бывшая кордегардия Екатерины Медичи представляла собой громадное помещение, для которого объединили два этажа под куполом центральной части дворца. На высоте второго этажа, против эстрады для артистов, высилась большая трибуна, на которой вскоре займут свои места император и его семья. Трибуна поддерживалась четырьмя полностью позолоченными гигантскими кариатидами, представлявшими женщин в римских тогах. С обеих сторон трибуны начинался тянувшийся вокруг всего зала балкон с ложами, обитыми красным бархатом с золотыми пчелами. Потолок представлял собой купол с четырьмя гранями, украшенными по углам позолоченными знаками воинской доблести, а центр его занимала колоссальная люстра резного хрусталя, окруженная четырьмя такими же, но меньшей величины. Своды были расписаны фресками аллегорического содержания, в то время как на стенах этажа, для придания этому залу воинственного духа, висели портреты во весь рост четырнадцати маршалов, разделенные бюстами двадцати двух генералов и адмиралов.

Несмотря на заполнявшее балкон общество, Марианна почувствовала себя одинокой и затерянной в этом просторном, как собор, помещении. Здесь царил, словно во встревоженном курятнике, такой шум, что в нем терялись звуки настраиваемых музыкальных инструментов. Перед ней замелькало столько лиц в ослепляющем калейдоскопе вспышек драгоценностей, что она некоторое время никого не могла узнать. Тем не менее она все-таки увидела Дюрока, великолепного в фиолетовом с серебром costume главного маршала, направлявшегося к ней, но обратившегося к Клари:

— Князь фон Шварценберг желает немедленно видеть вас, сударь. Он просит присоединиться к нему в кабинете императора.

— В кабинете импе...

— Да, сударь. И лучше будет не заставлять его ждать.

Молодой князь обменялся с Марианной потрясенным взглядом. Это угрожающее приглашение могло означать только одно: Наполеон уже знал об истории с каретой, и бедному Клари придется пережить неприятные минуты. Не способная оставить друга нести тяжесть наказания за содеянное ею самой, Марианна вмешалась:

— Я знаю, из-за чего вызывают князя к его величеству, господин главный маршал, но, поскольку это дело касается меня одной, я решительно прошу вас разрешить мне

сопровождать его.

Озадаченное лицо герцога Фриульского не смягчилось. Даже наоборот, он окинул молодую женщину суровым взглядом.

— Я не располагаю возможностью, мадемуазель, пропустить к его величеству кого — нибудь, кого он не вызывал.

Кроме того, я должен проводить вас к господам Госсеку и Пиччини, ожидающим возле оркестра.

— Умоляю вас, господин герцог! Его величество подвергается опасности совершить несправедливость.

— Его величество прекрасно знает, что делает! Князь, вы должны были уже уйти! Следуйте за мной, мадемуазель!

Волей-неволей Марианне пришлось расстаться со своим спутником и пойти за Дюроком. Легкое шушуканье, сдержанные аплодисменты послышались на ее пути, но, занятая своими мыслями, она не обращала на это никакого внимания. Застенчиво, но крепко, она взяла за руку Дюрока.

— Мне надо увидеть императора, господин главный маршал.

— Немного терпения, мадемуазель. Его величество соизволил заметить, что постарается увидаться с вами по окончании концерта.

— Соизволил... Откуда такая жестокость, господин герцог? Разве мы больше не друзья?

Легкая улыбка на мгновение заставила расслабиться сжатые губы Дюрока.

— Мы останемся ими навсегда, — прошептал он стремительно, — но император сильно гневается, и я не имею права быть любезным с вами!

— Что ж это, я... в немилости?

— Не могу сказать точно, но похоже...

— Тогда, — раздался позади Марианны приятный неторопливый голос, — оставьте ее со мной на минутку, дорогой Дюрок. Попавшим в немилость надо, держаться вместе, э?

Еще до его знаменитого заключительного междометия Марианна узнала Талейрана. Как всегда элегантный, в темно-зеленом фраке, с затянутой в белый шелковый чулок больной ногой, опираясь на трость с золотым набалдашником, он одарил Дюрока дерзкой улыбкой и протянул руку Марианне.

Явно обрадованный возможностью таким образом освободиться, главный маршал вежливо раскланялся и оставил молодую женщину на попечение вице-канцлера империи.

— Благодарю вас, князь, но не уходите далеко с мадемуазель. Император не заставит себя ждать.

— Я знаю, — просюсюкал Талейран, — сколько времени надо, чтобы задать головоломку юному Клари и научить его не особенно поддаваться очарованию молодой женщины. На это

потребуется пять минут. Мне это знакомо...

Говоря это, он нежно увлек Марианну к проему одного из окон. Весь его вид показывал, что этот человек занят приятным светским разговором, но Марианна сразу поняла, что дело идет об очень серьезных вещах.

— Клари переживает, без сомнения, неприятные минуты, — прошептал он, — но я боюсь, как бы вам не пришлось выдержать большую часть императорского гнева.

Интересно, какая муха вас укусила? Броситься на шею кардиналу прямо посреди двора Тюильри... причем опальному кардиналу к тому же! Подобные вещи делают только с... кем — нибудь из очень близких, э?

Марианна ничего не ответила. Трудно объяснить ее поведение, не раскрыв ее подлинную сущность. Разве она не была для Талейрана некой девицей Малерусс, безродной бретонкой? В любом случае кем-то, кто не мог бы вести себя так вольно с князем Церкви. В то время как она тщетно, впрочем, искала правдоподобное объяснение, князь Беневентский по-прежнему беззаботно продолжал:

— Я хорошо знал аббата Шазея еще в те годы. Он начал свой путь викарием у моего дяди, архиепископа Реймского, который в настоящее время является духовником короля в эмиграции.

У Марианны появилось ощущение, что князь опутывает ее паутиной, как паук муху, ей стало невыносимо тоскливо.

Вспоминался день ее свадьбы и высокая фигура монсеньера де Талейран-Перигора, капеллана Людовика XVIII. Ее крестный действительно был в наилучших отношениях с прелатом. Именно тот одолжил необходимые принадлежности для брачной церемонии в Селтон-Холле. Но, словно не замечая ее волнения, Талейран продолжал тем же спокойным, как гладь озера в хорошую погоду, голосом:

— В те времена я жил на улице Бельшас, совсем рядом с Лилльской, тогда улицей Бурбонов, и поддерживал превосходные соседские отношения с семьей аббата. Ах, какое это было дивное время, — вздохнул князь. — Ведь правда: тот, кто не жил в годы, предшествующие 1789 — му, не знает, что такое наслаждение жизнью. Мне кажется, я никогда не встречал более прекрасной, более гармоничной и нежной пары, чем маркиз и маркиза д'Ассельна... в чьем доме вы сейчас живете.

Несмотря на все ее самообладание, у Марианны закружилась голова. Она схватила за руку Талейрана и буквально повисла на нем, стараясь превозмочь недомогание.

Сердце билось так, что дыхание прерывалось. Ей казалось, что ноги вот-вот совершенно откажутся служить, но князь оставался невозмутимым и только поглядывал вокруг из-под полуприкрытых век. Высокая огневолосая женщина с чувственным лицом, очень красивая и вся в белом, проходила мимо.

— Я не замечала в вас такой сильной склонности к опере, дорогой князь! — бросила она с самоуверенностью знатной дамы.

Талейран степенно поклонился.

— Всякая форма прекрасного имеет право на мое восхищение, госпожа герцогиня, вам это

следовало бы знать, вам, так хорошо знакомой со мной.

— Да-да, я знаю, но вам пора проводить... э... эту особу к музыкантам. Мелкий прола... словом, я хочу сказать, императорская чета сейчас появится.

— Мы идем туда. Благодарю, сударыня.

— Кто это? — спросила Марианна, в то время как рыжеволосая красавица удалялась. — Почему она так явно выразила пренебрежение?..

— Она презирает всех... и самое себя еще больше Других с тех пор, как из желания услужить эрцгерцогине согласилась занять место придворной дамы. Это мадам де Шеврез. Она, как вы сами видели, очень красива.

У нее острый и тонкий ум, но она очень несчастна, ибо ее страстная душа задыхается. Подумать только, ей приходится говорить «император» и обращаться к «величеству», тогда как в частной жизни она называла его попросту «мелкий пролаза». Впрочем, она уже почти отучилась от этого. Что же касается пренебрежения вами...

Талейран резко повернулся и устремил на Марианну взгляд сине-зеленых глаз.

— ..у нее нет другого повода делать это, кроме того, что вы сами ей подаете! Одна из Шеврез может только с пренебрежением относиться к певице Марии-Стэлле... но она открыла бы объятия дочери маркиза д'Ассельна.

Наступила тишина. Чуть нагнувшись к своей собеседнице, Талейран сверлил ее взглядом, но Марианна не дрогнула.

— С каких пор вам это известно? — спросила она с внезапным спокойствием;

— С того дня, как император отдал вам особняк на Лилльской улице. В тот день я понял, откуда идут эти зыбкие воспоминания, которые мне не удавалось упорядочить, это сходство с кем-то, кого я не мог вспомнить! Я сообразил, кем вы являетесь в действительности.

— Почему же вы ничего не сказали?

Талейран пожал плечами:

— А к чему? Вы сами непредвиденным образом оказались по уши влюбленной в человека, которого с детских лет ненавидели.

— Да, но это вы толкнули меня в его постель, — грубо бросила Марианна.

— Я достаточно о нем жалел... о том памятном дне, когда я пришел поговорить с вами. А потом я подумал, что нужно предоставить все естественному ходу событий и времени. Такая любовь долго не просуществует.

Ни любовь ваша, ни ваша артистическая карьера...

Марианна была поражена.

— Из-за чего же, позвольте вас спросить?

— Причина одна. Вы не созданы ни для Наполеона, ни для театра. Даже если вы попытаетесь

убедить себя в противном, вы все равно одна из нас, аристократка, и из очень хорошей семьи. Вы так похожи на отца!

— Это правда, вы знали его? — спросила Марианна, томимая жаждой побольше узнать наконец о человеке, плотью И кровью которого она была, но все знакомство с которым ограничивалось только портретом. — Расскажите мне о нем!

Талейран осторожно снял лежавшую на его рукаве трепещущую руку и задержал в своей.

— Позже. Здесь трудно вызвать в воображении его образ. Император приближается. Вам надо хоть на время превратиться в Марию-Стэллу.

Он торопливо провел ее к группе музыкантов, где в центре она заметила Госсека, подававшего ей знаки рукой, Пиччини, раскрывавшего партитуру на рояле, и Паэра, дирижера императорской капеллы, заботливо обтиравшего свою палочку. В последний момент, повинувшись безотчетному побуждению, она задержала вице-канцлера.

— Если я не создана ни для... императора, ни для театра, то, по-вашему, для чего же?

— Для любви, милочка!

— Но... мы любим друг друга!

— Не путайте! Я говорю о любви... великой любви: той, что потрясает миры, сокрушает вековые династии... той, что сохраняется до самой смерти, той, наконец, которую большинство людей никогда не находит.

— Тогда почему я должна найти ее?

— Потому что, если вы ее не найдете, значит, она не существует, Марианна, а она должна существовать, чтобы подобные мне могли ее отрицать!

Глубоко взволнованная, Марианна следила за неровной, но изящной походкой этого странного хромого. Она явно различила в его словах, так мало соответствовавших облику и манерам Талейрана, в этом решительном признании их сословной общности как бы предложение дружбы или по крайней мере помощи... Помощи! Сейчас, когда она так в ней нуждалась! Но до какой степени можно полагаться на искренность князя Беневентского? Пожив под его крышей, Марианна лучше, чем кто-либо, знала то своеобразное очарование, которое он излучал, тем более сильное, что оно казалось совершенно произвольным. Ей вдруг вспомнились слова графа де Монтрона, которые Фортюне Гамелен однажды пересказала ей, смеясь: «Ну, кто же его не полюбит? Он ведь такой порочный!»

Чего добивался он сегодня вечером? Вернуть ее без всяких задних мыслей, к достойному ее рождения существованию или просто еще больше отдалить от императора... Императора, которого он, как говорят, предает в пользу царя?

Пропели трубы, раздались торжественные удары жезла главного церемониймейстера, графа де Сегюра, и в огромном зале воцарилась почтительная тишина, тогда как все повернулись к трибуне, где среди волны блестящих туалетов и сверкающих орденами мундиров показалась императорская чета. На переливающимся разноцветном фоне придворных дам и адъютантов выделялись зеленый мундир Наполеона и розовое платье Марии-Луизы, а больше Марианна ничего не увидела. Как и весь двор, она склонилась в глубоком реверансе.

Почему он не был бесконечным, этот реверанс?.. Когда Марианна подняла глаза к новобрачным, выражение счастья на их лицах поразило ее в самое сердце. Она получила наглядное подтверждение полного согласия между ними. Даже не взглянув на зал. Наполеон с предупредительностью и нежностью усаживал свою супругу и даже поцеловал ей руку, которую продолжал держать в своей, когда сам сел рядом. Он нагнулся к ней и тихо говорил что-то, не обращая внимания на окружающих.

Уязвленная и растерянная Марианна стояла у рояля, не зная, как вести себя. Придворные заняли места, ожидая, когда император даст знак начинать концерт, концерт, заказанный им, чтобы дать отдохнуть Марии-Луизе между парадным завтраком и большим приемом, в ходе которого новая императрица получит поздравления от дипломатического корпуса и представителей муниципалитетов.

Но Наполеон, улыбаясь, продолжал интимную беседу, и у Марианны, испытывавшей невыносимые муки, внезапно возникло ощущение, что эта низкая эстрада не что иное, как позорный столб, к которому она пригвождена по жестокому капризу забывчивого возлюбленного. Ее охватило безумное желание бежать из этого роскошного зала, от сотен пар любопытных глаз. К несчастью, это было уже невозможно... Вверху, на трибуне граф де Сегюр почтительно склонился к его величеству, без сомнения, испрашивая разрешения начинать, на что император, даже не взглянув на него, ответил небрежным жестом, который воплотился в торжественный удар жезла.

Словно эхом отозвались легкие удары палочки Паэра по пюпитру. Александр Пиччини взял первые аккорды на рояле, увлекая за собой скрипки. Поймав его полный ужаса взгляд, Марианна поняла, что ее волнение заметно. А в углу внизу на обращенном к ней лице Госсека читалась безмолвная мольба. Безусловно, никогда еще не видели, чтобы император так бесцеремонно обращался со знаменитой певицей. Но Марианне вспомнилось, что все-таки она, если верить словам Дюрока, была в немилости за то, что не позволила пожилому крестному испачкать пурпурное одеяние князя Церкви парижской грязью!

Благословенный гнев пришел на помощь ее смятению.

Первым номером исполнялась ария из «Весталки», любимая вещь императора. Глубоко вздохнув и тем успокоив беспорядочное биение сердца, она начала ее с такой силой, что сразу покорила присутствующих. Выражая отчаяние Юлии, осужденной быть заживо замурованной в гробнице весталки, когда все в ней дышало жизнью, Марианна нашла такие удивительные нюансы, что они взволновали бы и самого непримиримого скептика. Она достигла предела своего таланта в надежде привлечь наконец внимание императора.

Последние ноты были пронизаны такой щемящей болью, что грянул неистовый стихийный, неудержимый гром аплодисментов. Это явилось нарушением протокола. Потому что только их величества должны были первыми подать пример.

Но искусство артистки слишком возбудило публику.

Она подняла к императорской ложе сияющие надеждой глаза. Увы! Наполеон не только не смотрел на нее, но, похоже, и не заметил, что она пела. Нагнувшись к Марии-Луизе, он говорил ей что-то на ухо. Она слушала его, опустив глаза, с глуповатой улыбкой и так покраснев, что Марианна в ярости решила, что он делает ей любовные предложения. Повелительным жестом она приказала Паэру начинать следующий номер, которым была ария из «Тайного брака» Чимарозы.

Наверное, никогда еще легкая и нежная музыка итальянского маэстро не исполнялась с таким мрачным пылом. Устремив взгляд к императору, Марианна изо всех сил старалась привлечь его внимание. Гнев разрывал ей сердце, лишая последнего самообладания. Чему смеется эта глупая Венка с таким выражением лица, как у кошки перед блюдом со сметаной? А еще говорят, будто она смеет утверждать, что любит музыку!

Без сомнения, Мария-Луиза любила только свою австрийскую музыку, ибо она не только не слушала, но и в самой середине арии раздался ее смех... смех ребяческий и гораздо более звонкий, чем нужно, чтобы остаться незамеченным.

Кровь отхлынула у Марианны от лица. Внезапно побледнев, она замолчала. Ее взгляд пробежал по рядам зрителей, хранивших одинаковое выражение ожидания. Затем, гордо выпрямившись, она покинула эстраду и в напряженной тишине вышла из Зала маршалов, прежде чем кто-нибудь, даже стража у дверей, подумал задержать ее.

Натянутая до предела, с пылающей головой и ледяными руками, она шла своей дорогой, не вслушиваясь в поднявшуюся позади нее бурю. В ее мозгу билась только одна лихорадочная мысль: покинуть навсегда этот дворец, где тот, кого она любила, нанес ей такую жестокую обиду, прийти домой и поглубже спрятать свою боль в старой семейной обители, ожидая того, что не преминет последовать после подобного взрыва» гнев императора, жандармы, тюрьма... быть может. В эти минуты ей все было безразлично. Бессильная ярость измучила ее до такой степени, что она, не моргнув, пошла бы на эшафот.

Позади нее раздался голос:

— Остановитесь! Мадемуазель! Мадемуазель Мария-Стэлла!..

Но она как ни в чем не бывало продолжала спускаться по большой каменной лестнице. Она и в самом деле ничего не слышала. И только когда Дюрок догнал ее у последней ступеньки, она остановилась, безучастно глядя в упор на маршала, который показался ей близким к апоплексическому удару. Он был почти такой же фиолетовый, как его великолепный расшитый костюм.

— Вы сошли с ума! — бросил он, стараясь отдышаться. — Такой скандал, да еще перед самим императором!

— Кто дал повод к скандалу, если не император... или по меньшей мере эта женщина?

— Какая женщина? Императрица? Да вы...

— Я не знаю другой императрицы, кроме коронованной папой, той, что в Мальмезоне! Что касается этой карикатуры, которую вы так называете, я в любом случае отказываю ей в праве публично осмеивать меня. Идите и передайте это вашему хозяину!

Вне себя, Марианна больше не сдерживалась. Ее чистый голос так звонко разносился под каменными сводами старого дворца, что Дюрок просто не знал, как ему быть.

Похоже, что под усами стоявшего около лестницы Гренадера промелькнула улыбка. Да он и сам чувствовал себя виновным в снисходительности к этой восхитительной разбушевавшейся фурии, которую необходимо тем не менее призвать к порядку. Придав голосу мнимую строгость, милейший Дюрок отчетливо проговорил, завладев рукой Марианны:

— Я боюсь, как бы вам самой не пришлось сказать ему все это, мадемуазель. Император

приказал мне отвести вас в его кабинет, где вы дождетесь его решения.

— Значит, я арестована?

— Нет, насколько я знаю... по крайней мере еще нет!

В недомолвке был неприятный намек, но он не смутил Марианну. Она готова дорого заплатить за свою выходку, но если ей предоставится возможность высказать наконец Наполеону все, что накопело у нее на сердце, любое наказание ее не страшит. Она без обиняков выложит ему все начистоту. Тюрьма так тюрьма, тем более что в этом будет и своя польза. Заключение хотя бы защитит ее от происков Франсиса Кранмера. И он вынужден будет ждать, пока она выйдет из тюрьмы. Остается Аделаида, но она надеется, что Аркадиус сделает все необходимое.

Значительно успокоившись при мысли о предстоящей встрече с императором, бунтовщица переступила порог хорошо знакомого ей кабинета и услышала, как Дюрок приказывает мамелюку Рустану никого не впускать и не разрешать мадемуазель Марии-Стэлле общаться с кем бы то ни было.

Последнее указание даже вызвало у нее улыбку.

— Разве вы сами не видите теперь, что я арестована? — тихо спросила она.

— Я же вам сказал, что нет. Но я не уверен, что юный Клари не явится скулить под этой дверью, как потерявший хозяина щенок... Что касается вас, то я рекомендую подготовиться к долгому ожиданию, ибо император не придет раньше, чем закончится прием.

Вздернув недовольно плечами вместо ответа, Марианна расположилась у огня на зеленом с золотом канаве, именно на нем она впервые увидела Фортюнэ Гамелен. Мысль о подруге придала ей спокойствия. Фортюнэ слишком хорошо знала мужчин, чтобы испытывать страх перед Наполеоном.

Ей удалось убедить Марианну, что самой большой ошибкой будет дрожать перед ним, даже и особенно когда у него бывают припадки его знаменитого гнева. В нынешних обстоятельствах такой совет полезно вспомнить.

Глубокая тишина, нарушаемая только потрескиванием дров в камине, окутала молодую женщину.

Несмотря на ее строгость, комната была теплой и уютной.

Марианна впервые находилась здесь одна и, движимая чисто женским любопытством, решила осмотреть ее. Ей было сладостно находиться в кабинете, где каждая вещь напоминала императора. Равнодушная к лежавшим повсюду папкам с документами, портфелям из красного марокена с императорскими гербами и небрежно брошенной на бюро и секретер большой карте Европы, она с удовольствием потрогала порфиновую чернильницу, футляр для часов в виде позолоченного бронзового орла, золотую чеканную табакерку, чья полукрытая крышка позволяла ощутить аромат ее содержимого. Здесь каждый предмет говорил о его присутствии, вплоть до черной треуголки, согнутой и брошенной, без сомнения, в припадке гнева, в угол. Гнева, видимо, недавнего, раз Констан еще не успел подобрать ее. Была ли история с каретой причиной этого? Несмотря на свою отвагу, Марианна ощутила, как по спине пробежал неприятный холодок. Что произойдет сейчас?

Беспокойство — неприятная подруга... Время вдруг стало тянуться томительно медленно. Она

предчувствовала битву и хотела поскорее в нее броситься. Устав от бесцельного кружения в ватной тишине кабинета, она взяла лежавшую на бюро книгу и присела. Потертый и потрепанный томик в зеленом кожаном переплете с императорским гербом оказался комментариями Цезаря, его страницы были сплошь испещрены пометками на полях. Марианна со вздохом уронила томик на колени, не выпуская, однако, из руки зеленой кожи, бессознательно отыскивая на ней следы другой руки. Под ее пальцами переплет согрелся и стал как живой. Чтобы лучше насладиться этим ощущением, Марианна закрыла глаза...

— Проснитесь!

Молодая женщина вздрогнула. Она открыла глаза и увидела, что канделябр на бюро зажжен, за окнами темно, а перед ней стоит с грозным видом и скрещенными на груди руками Наполеон.

— Я Восхищен вашей дерзостью, — язвительно бросил он. — По-видимому, то, что вы навлекли на себя мой гнев, вас не особенно волнует. Вы преспокойно спали.

Тон его был грубым, вызывающим, явно рассчитанным на то, чтобы выбить из колеи едва проснувшуюся молодую женщину, но Марианна обладала способностью даже после глубокого сна чувствовать себя свежей и бодрой. К тому же она дала себе клятву сделать все, чтобы по возможности сохранить спокойствие.

— Герцог Фриульский, — сказала она тихо, — предупредил меня, что ждать придется долго. Разве сон не лучший способ сократить ожидание?

— Я считаю это скорее дерзостью, чем извинением.

Тем более, сударыня, что я все еще в ожидании вашего реверанса.

Наполеон явно искал повод для ссоры. Он ожидал найти Марианну обеспокоенной, взволнованной, дрожащей, с заплаканными глазами, может быть. Эта так безмятежно проснувшаяся женщина могла только озлобить его. Несмотря на угрожающий огонь серых глаз, молодая женщина рискнула улыбнуться.

— Я готова пасть к ногам вашего величества, сир... если только ваше величество соизволит отойти, дав мне возможность встать.

Он издал гневное восклицание и, разъяренный, резко повернулся и бросился к окну, словно хотел проскочить сквозь него.

А Марианна соскользнула с кушетки на пол и распростерлась в глубочайшем и почтительном реверансе.

— У ваших ног, сир! — прошептала она.

Но он не откликнулся. Стоя лицом к окну с заложенными за спину руками, он хранил молчание, казавшееся Марианне бесконечным, ибо заставляло ее сохранять неудобную, почти коленапреклоненную позу. Понимая, что он собирался посильнее унижить ее, она мужественно приготовилась к тому, что должно последовать и могло быть только неприятным. Она желала лишь одного; несмотря ни на что, вопреки всему спасти их любовь...

Наконец Наполеон, не оборачиваясь, заговорил:

— Я жду объяснений, если только у вас есть объяснения вашего безрассудного поведения. Ваших объяснений и, разумеется, ваших извинений. Похоже, что вы внезапно потеряли всякий здравый смысл, всякое понятие об элементарном уважении ко мне и к вашей императрице. Если только вы не сошли с ума!

Марианна моментально поднялась с пылающими щеками.

Слова «ваша императрица» воспринялись ею, как пощечина.

— Извинения? — отчетливо выговорила она. — У меня нет ощущения, что это я должна их просить!

На этот раз он повернулся, устремив на нее горящий яростью взгляд.

— Что вы сказали?

— Что если кто-нибудь и оскорблен в этом дворце, то это я и никто иной! Покинув зал, я защитила свое достоинство.

— Ваше достоинство? Вы заговариваетесь, сударыня!

Вы забыли, перед кем вы находитесь? Вы забыли, что попали сюда только по моему приказу, по моей доброй воле и с единой целью — развлечь вашу повелительницу?

— Мою повелительницу? Если бы я могла хоть на мгновение представить себе, что вы позвали меня ради нее, я никогда не согласилась бы переступить порог этого дворца.

— В самом деле? В таком случае я приказал бы привести вас силой!

— Может быть! Но вы не заставили бы меня петь!

Каким увлекательным зрелищем для вашего двора было бы увидеть, как вашу возлюбленную тащат на сцену полицейские или гвардейцы! Зрелище, достойное того, впрочем, что вы недавно уже дали ему возможность увидеть: бредущие в пыли князя Церкви, вашими заботами обреченные на насмешки толпы... словно вам недостаточно того, что вы посмели поднять руку на святейшего!

В два прыжка император оказался около нее. Его бледное лицо было ужасным, глаза метали молнии. Марианна поняла, что зашла слишком далеко, но не в ее характере было отступить. Она напряглась, чтобы выдержать натиск, тогда как он загремел прямо ей в лицо:

— Вы смеете?.. Эти людишки оскорбили меня, осмеяли, и я должен их пощадить? За мое милосердие и долготерпение вы должны были бы ползать передо мной на коленях, захлебываясь от признательности. Вы же знаете, что я мог бросить их в тюрьму... или еще хуже!

— И тем окончательно подорвать вашу репутацию? Давайте же! Вы из осторожности не осмелились нанести им более жестокий удар и хотите отыгаться на мне, потому что, предлагая карету моему крестному отцу, я тем самым выразила несогласие с этой мелочной мезью!

Любопытство на какой-то момент оказалось сильнее императорского гнева.

— Ваш крестный? Этот итальянец кардинал?..

— Не больше итальянец, чем я. Его зовут Готье де Шазей, кардинал де Сан-Лоренцо. Он мой крестный отец, и я обязана ему жизнью, ибо это он спас меня от революционной черни. Оказав ему помощь, я только исполнила свой долг.

— Может быть! Но мой долг — громить любых ниспровергателей, заставить уважать мой трон, моих близких. мой брак! Я требую, чтобы вы немедленно попросили прощения у ног императрицы.

Вызванная его словами в воображении Марианны картина привела ее в не меньшую ярость.

— Не рассчитывайте на это! — сухо отчеканила она. — Можете бросить меня в тюрьму или отправить на эшафот, если вам угодно, но такой низкой покорности вам не добиться от меня никогда, вы слышите, никогда! Я у ног этой женщины...

Преображенная гневом, превратившаяся в благородную мятежницу, она теперь возвышалась над ним, высокомерная, исполненная презрения... Неспособный вынести вид этой статуи. Наполеон, обезумев от злобы, грубо схватил руку Марианны и стал ее выворачивать, вызвав у молодой женщины крик боли.

— Сейчас вы ползком отправитесь молить о прощении, жалкая сумасшедшая! Действительно, я был прав, вы безумны.

Он пытался повалить ее на пол. Превозмогая боль и стараясь удержаться на ногах, Марианна закричала:

— Безумна? Да, я безумна... вернее, была ею!.. Безумна, потому что так вас любила! Безумна, потому что так в вас верила! Так верила в вашу любовь! Но она оказалась только словами, рассеявшимся дымом! Ваша любовь держится до первой встречной. Достаточно было показаться этой краснолицей толстухе, чтобы вы стали ее рабом, вы... властелин Европы, орел... у ног телки! А я все это время страдала молча, ибо верила вашим словам! Политический брак... в то время, как вы перед всеми выставляли напоказ недостойную любовь, которая терзает меня и убивает! Вы достаточно насмеялись надо мной! В одном вы правы: я была безумной... и остаюсь ею, раз... несмотря ни на что, продолжаю любить вас. Хотя... я так хотела бы вас ненавидеть. О да, ненавидеть, как и многие другие!

Тогда все было бы легко! Так удивительно легко...

Побежденная одновременно и горем, и болью в истерзанной руке, она в конце концов упала. Стремительно, как в грозовой день внезапный дождь прорывает всклокоченное небо, она рухнула на ковер, сотрясаясь от конвульсивных рыданий. Все было кончено, она все сказала и теперь смиренно ждала расплаты.

Страшный гнев, который поднял ее над собой и позволил бросить с такой безумной дерзостью вызов ее повелителю, наконец исчез, оставив после себя бесконечную печаль.

Равнодушная к тому, что теперь может с нею произойти, Марианна рыдала на руинах разбитой любви.

Стоя в нескольких шагах от нее. Наполеон посматривал на скорчившуюся голубую с серебром фигурку и слушал ее рыдания, напоминавшие ему стоны смертельно раненной лани.

Может быть, он обдумывал, какое принять решение, или же пытался воскресить в себе гнев перед лицом этих страданий, этого кризиса любви, готовой перейти в ненависть.

Возможно также, что он, имевший тайную склонность к драматизму, смаковал прелесть этой неистойвой сцены, когда вдруг дверь отворилась, пропуская округлую розовую фигуру. Послышались звуки почти детского голоса, прохныкавшего с сильным немецким акцентом:

— Нана!.. Что вы делаете?.. Я скучаю без мой очень сердитый возлюбленный! Идем, Нана.

Этот голос обжег лежащую Марианну, как кислота рану. Полуподнявшись, она с изумлением взглянула на дочь Габсбургов, которая испуганно разглядывала ее, бормоча:

— О! Ви немножко побил этот упрямый женщина, Нана?

— Нет, Луиза, я... не бил ее! Оставьте меня на минутку, мое сердечко, я приду к вам... Прошу вас! Идите!

С мало подходившей к его осунувшемуся лицу улыбкой он учтиво проводил ее до двери и поцеловал руку, без сомнения, стесняясь этого взрыва мещанской фамильярности, которая ведром холодной воды вылилась на огонь трагической сцены. Что же касается Марианны, она слишком обессилела, чтобы даже подумать подняться. Нана! Она называет его Нана! От этого можно было смеяться до слез, если бы Марианна смогла рассмеяться...

Снова они остались одни. Император медленно подошел к своему бюро. Он дышал тяжело, с заметным трудом.

Обращенный к Марианне взгляд сиял пустотой, словно отхлынувший гнев унес с собой все остальные чувства. Обеими руками он оперся о тяжелую столешницу и поник головой.

— Встань, — сказал он глухо.

Снова выпрямившись, он посмотрел на молодую женщину с неожиданной нежностью, затем, когда, удивленная этим чудесным возвращением к интимному «ты», она приоткрыла рот, он стремительно добавил после глубокого вздоха:

— Нет... не говори ничего! Больше не говори ничего.

Не надо, никогда не надо выводить меня из себя, как ты сейчас сделала. Это опасно. Я... мог убить тебя и потом жалеть всю жизнь. Потому что... даже если тебе в это трудно поверить... я люблю тебя, как и прежде!.. Есть вещи, которые ты не можешь понять!

Очень медленно, с таким трудом, словно она выдержала ожесточенную рукопашную, Марианна поднялась. Но она вынуждена была схватиться за кушетку, ибо все кружилось вокруг нее. Не было ни одной клеточки в ее теле, которая не причиняла бы ей боль. Тем не менее она хотела подойти к Наполеону, но он жестом удержал ее.

— Нет! Не приближайся ко мне! Сядь и постарайся прийти в себя. Только что мы были на пути к тому, чтобы нанести друг другу непоправимый вред, не так ли? Надо забыть все это. Слушай, завтра я покидаю Париж и еду в Компьен. Оттуда в конце месяца я отправлюсь в северные провинции. Я должен показать мою же... императрицу своему народу. Это позволит нам забыть... и главное, я смогу не высылать тебя подальше, что я должен был бы сделать, оставаясь здесь... Теперь я покидаю тебя. Посиди здесь немного. Констан придет за тобой и усадит в карету.

На удивление тяжелыми шагами он направился к двери.

С полными слез глазами Марианна неподвластным ей движением протянула к нему руки, пытаясь удержать. Прозвучал ее голос, тихий, умоляющий:

— Ты прощаешь меня? Я не подумала...

— Ты знаешь прекрасно, что каждое свое слово обдумала заранее, но я их тебе простил, ибо ты была права. Но не приближайся ко мне. Если я коснусь тебя, этим я выкажу неуважение императрице! Позже мы снова увидимся!

На этот раз он быстро вышел, и Марианна, ощущая пустоту в сердце и голове, присела против огня. Ей вдруг стало холодно, ужасно холодно... Тайное предчувствие подсказывало ей, что прошлого уже не вернуть. Реальностью оставалась розовая глупая баба, реальностью были только что сказанные слова... слова, за которыми последует его отъезд и молчание. Опасное молчание. С мучительным сожалением вспомнила она о восхитительных днях в Трианоне, где мелкие недоразумения и споры тонули в заключительном согласии их ласк. Но никто в мире не сможет вернуть ей Трианон. Отныне у любви появится горький привкус одиночества и отрешенности. Вернется ли к ней снова то ощущение ослепительного, чистого счастья, наполнявшего ее в течение нескольких недель? Или надо привыкать отдавать все, ничего не получая взамен?

Дворец вокруг Марианны казался пустым и тихим, как в сказочном сне. И внезапно зазвучавшие на мраморных плитках приближающиеся шаги Константа шли словно из глубины веков. Она вдруг почувствовала себя плохо. Сердце заколотилось, все тело покрылось испариной. Она попыталась встать, но ужасная тошнота бросила ее, задыхающуюся, назад, на кушетку. Констант нашел ее смертельно бледной, с расширившимися глазами, с прижатым ко рту платком. Она растерянно смотрела на него.

— Я не знаю, что вдруг со мной случилось... Я чувствую себя больной, по-настоящему больной! А только что... все было хорошо.

— Что вы ощущаете? Вы сильно побледнели.

— Меня морозит, кружится голова, а особенно, особенно... у меня ужасная тошнота.

Не говоря ни слова, камердинер занялся ею. Он принес одеколон и смочил им виски Марианне, дал выпить подкрепляющее лекарство. Тошнота исчезла так же внезапно, как и появилась. Мало-помалу румянец вернулся на ее обескровленные щеки, и Марианна вскоре почувствовала себя совершенно здоровой.

— Не знаю, право, что со мной приключилось, — сказала она, одарив Константа полной признательности улыбкой. — Мне показалось, что я умираю. Может быть, следует показаться врачу...

— Врачу показаться необходимо, мадемуазель, но я не думаю, что это так серьезно.

— Что вы хотите сказать?

Констант тщательно собрал принесенные салфетки и флаконы, затем ласково улыбнулся, хотя и с оттенком грусти.

— Дстойно величайшего сожаления, что мадемуазель родилась не на ступенях трона, что позволило бы нам избежать этого австрийского брака, который, на мой взгляд, нам ни к чему! Тем не менее я надеюсь, что у вас будет мальчик. Это доставит удовольствие императору.

Сделанное открытие ошеломило Марианну и сразу придало ей смелости, наполнив ее необычайным ощущением торжества. Она не была настолько наивна, чтобы предположить, что ее беременность, случись она на несколько месяцев раньше, могла помешать браку с Австриячкой: после Ваграма Наполеон узнал, что Мария Валевская носит под сердцем ребенка от него, но ничего не изменилось. Он мог бы жениться на полячке, которую любил тогда и которая была из знатной семьи. Однако он не имел права сделать это, ибо, как и сама Марианна, при всем своем благородстве, Мария не была принцессой, то есть недостаточно чистой крови для основания династии. Но Марианна испытывала удивительную, немного мучительную радость при мысли о том, что императорская кровь уже пустила ростки в самой потаенной глубине ее естества, в то время как Наполеон прилагает все усилия, чтобы оплодотворить пухлое тело своей Венки и получить столь желанного наследника.

Что бы он ни делал теперь, он остается связанным с ней, Марианной, узами плоти и крови, которые ничто не может уничтожить. Ничто не заставит также поблекнуть испытываемую ею радость, возбуждающую и теплую, носить в себе «его» ребенка, даже порицание или осуждение, которым подвергались матери без мужей. Ради этой незримой плоти, потихоньку развивающейся в ней, Марианна уже чувствовала себя готовой противостоять пренебрежению, пересудам и косым взглядам.

Эти мысли поддерживали ее до прибытия на улицу Шануэн, где ей предстояла, пожалуй, одна из самых суровых в ее жизни баталий.

Она слишком хорошо знала неискоренимый роялизм ее крестного, его нравственную чистоту и строгость его личного кодекса чести, чтобы не чувствовать, что ее исповедь содержит слишком тягостные моменты, если только он согласится выслушать ее до конца.

Улица Шануэн в этот поздний час была темной, только над дорогой светились две лампы, подвешенные на протянутых от дома к дому канатах. Окованные железом колеса кареты гремели по крупным булыжникам, по меньшей мере времен Генриха IV, покрывавшим дорогу между двумя рядами огромных зданий, таинственных и молчаливых за их зарешеченными окнами, где обитали каноники капитула Нотр-Дам. Двойная тень соборных башен простиралась над старыми крышами, еще больше сгущая темноту ночи.

В ответ на учтивый вопрос Гракха-Ганнибала встретившийся аббат указал жилище мэтра де Брюйара, легко отличимое от других благодаря высокой четырехугольной башне, возвышавшейся в его дворе. К тому же это был один из немногих домов, в которых горел свет. Каноники рано ложились спать, что предоставляло свободу действия скверным подросткам, которые наводняли старые улицы Сите, чтобы заниматься сомнительным промыслом.

К большому удивлению Марианны, в доме каноника не ощущался запах остывшего воска и старой бумаги, который, по ее мнению, был обязательной принадлежностью жилища церковнослужителя. Слуга в темной ливрее, ничуть не походивший на церковного сторожа, провел ее через два салона со старомодной, но очень изящной обстановкой до закрытой двери, перед которой прохаживался с опущенной головой и заложенными за спину руками аббат Бишет. Заметив гостью, верный секретарь издал довольный возглас и поспешил к ней, из чего Марианна заключила, что ее ждали.

— Его преосвященство уже трижды спрашивал, приехали ли вы. Он в большом нетерпении!.. До такой степени, что не может выносить чье-либо присутствие, даже мое.

«Особенно твое», — подумала Марианна, которая, со своей стороны, не смогла бы выдержать и четверть часа присутствие услужливого аббата.

— Знаете, — добавил Бишет проникновенно, — мы вынуждены покинуть Париж до рассвета!

— Как? Уже? Но крестный ничего не сказал мне об этом.

— Его преосвященство еще не знал. Уже вечером министр по церковным делам господин Биго де Преамене поставил нас в известность, что наше присутствие в столице не является желательным и мы должны уехать.

— Но куда?

— В Реймс, куда... гм... сгоняют строптивых членов римской курии! Это большое несчастье и величайшая несправедливость. Действительно, наступили апокалипсические времена и...

Марианне не удалось дослушать до конца пророческие слова аббата Бишета, так как дверь, перед которой шел этот интересный разговор, в этот момент отворилась, и показался кардинал, на этот раз гораздо больше напоминавший аббата де Шазея: его скромный черный костюм был менее элегантен, чем ливрея слуги.

— Бишет! — сказал он строго. — Я достаточно взрослый и могу сам сообщить моей крестнице о своих несчастьях. Напрасной болтовней вы задерживаете нас. Живо идите на кухню и прикажите приготовить кофе, побольше и покрепче! И не беспокойте меня, пока мэтр де Брюйар не скажет вам, что он готов. Входи, моя маленькая.

Последние слова, естественно, адресовались Марианне, которая прошла в небольшую, но уютную библиотеку, где светлые панели, роскошные переплеты и свежие ковры из Бовэ не больше отдавали церковным духом, чем то, что она уже увидела. Над секретером очень красивая молодая женщина улыбалась с лукавым видом с портрета в овальной золотой рамке между двумя позолоченными бронзовыми канделябрами, а над камином юный Людовик XV в коронационном костюме озарял всю комнату голубизной королевской мантии.

Видя, что Марианна с некоторым удивлением рассматривает этот портрет, кардинал улыбнулся.

— Каноник де Брюйар — внебрачный сын Людовика XV и прекрасной дамы, чей портрет ты видишь. Отсюда и портрет короля, который теперь не часто встретишь в парижских салонах. Но оставим это и присаживайся у огня, чтобы я лучше тебя видел. С тех пор как я сегодня расстался с тобой, я не переставал думать о тебе, пытался понять, каким чудом ты оказалась в Париже и как ты, отданная мной в супруги англичанину, встретила мне во дворе Тюильри в обществе какого-то австрийца.

Марианна вымученно улыбнулась. Наступил самый трудный момент. Она решила без малейших уверток идти навстречу опасности, даже не надеясь на содействие воспоминаний, таких дорогих, что монсеньор де Шазей не преминет в них погрузиться.

— Не пытайтесь, дорогой крестный, вы не смогли бы понять. Какой была моя жизнь с того момента, как мы расстались, ни вы, ни кто-нибудь другой не смог бы себе представить. Откровенно говоря, иногда я спрашиваю себя: не было ли все, что я пережила, просто наваждением или чьей-то историей, которую мне рассказали?

— Что ты хочешь сказать? — спросил кардинал, придвигая свое кресло поближе к Марианне. —

Я не имел никаких сообщений из Англии после твоей свадьбы.

— Тогда... вы ничего не знаете... абсолютно ничего?

— Да нет же, уверяю тебя. Прежде всего скажи, где твой муж?

— Нет, — живо прервала его Марианна, — Прошу вас, позвольте мне рассказать... по — своему, как я смогу. Это так трудно.

— Трудно? Я считал, что тебе никогда не придется столкнуться с трудностями.

— Пожалуйста, не прерывайте меня. Вы сейчас поймете, что я хочу сказать. Крестный... особняк д'Ассельна принадлежит мне. Его подарил мне император. Я... та самая певица из Оперы, о которой вы недавно упоминали.

— Как?

Пораженный неожиданностью, кардинал встал. С его некрасивого лица внезапно исчезли следы оживления, даже жизни. Оно превратилось в серую каменную маску без всякого выражения. Но, несмотря на нанесенный ему удар, Марианна почувствовала облегчение. Самое трудное сказано.

Кардинал молча направился к углу комнаты, на обитой красным бархатом подставке покоилось распятие из слоновой кости, и постоял некоторое время перед ним, не преклоняя колени и, видимо, не обращаясь с молитвой к Всевышнему, но, когда он повернулся и снова подошел к Марианне, лицо его приобрело естественный цвет. Он занял свое место в кресле и, возможно, чтобы не видеть крестницу, придвинулся к огню, протянул к нему бледные руки.

— Рассказывай, — сказал он тихо. — Я буду слушать до конца, не прерывая.

Тогда Марианна начала долгое повествование...

Появление бесстрастного слуги с кофе в сопровождении явно сгорающего от любопытства аббата Бишета точно совпало с последними словами Марианны. Верный своему обещанию, кардинал за все время не проронил ни слова, хотя и неоднократно привставал в кресле. Теперь он с признательностью смотрел на поднос с кофе, видя в нем желанную развязку после долгого напряжения.

— Оставьте это, Бишет, — сказал он аббату, который хотел наполнить чашки, безусловно, чтобы дольше задержаться. — Мы сами поухаживаем за собой.

Разочарованный аббат покорно исчез. Теперь Готье де Шазей обратился к Марианне:

— Как давно ты не готовила мне ни чаю, ни кофе.

Надеюсь, ты не разучилась?

С глазами, внезапно наполнившимися слезами при этом замечании, которое сразу вернуло ей детство и ее место в лоне семьи, она направилась к маленькому столику, сняла и бросила в угол перчатки и стала готовить ароматный напиток. Уделив все внимание тому, что она делала, она не смотрела на крестного. Оба хранили молчание. Только подавая ему чашку, она осмелилась спросить:

— Вы... не очень строго осуждаете меня?

— Я не считаю себя вправе сделать это. Мне не нравились ни та свадьба, ни лорд Кранмер... и я уехал. Теперь я вижу, что мне следовало остаться и позаботиться о тебе, вместо того чтобы покинуть тебя. Но... Бог, видимо, не хотел этого, раз всего несколько минут не хватило нам, чтобы встретиться на набережной в Плимуте и все изменить. У тебя не было выбора. Ты должна была следовать велению судьбы, и в том, что произошло, есть доля и моей вины... Нет, в самом деле, я не имею права на малейший упрек в твой адрес, ибо это значило бы упрекнуть тебя за то, что ты уцелела!

— Тогда помогите мне, крестный, избавьте меня от Франсиса Кранмера!

— Избавить? Каким же образом я сделаю это?

— Лорд Кранмер никогда не прикасался ко мне. Мое супружество фиктивное, а супруг — недостойный. Добейтесь у святого отца, чтобы он расторг мой брак, чтобы этот человек не имел больше никаких прав на меня... Пусть я снова стану сама собой и забуду о существовании лорда Кранмера.

— А он сможет так легко забыть о тебе?.

— Это не будет иметь никакого значения с момента, когда разорвутся узы, еще связывающие меня с ним. Освободите меня, крестный! Я хочу снова стать Марианной д'Ассельна!

Отзвук последних слов еще долго витал в комнате. Кардинал молча допил кофе, поставил чашку, затем погрузился в созерцание своих переплетенных пальцев. Обеспокоенная Марианна не прерывала его размышления, с большим трудом сдерживая терзавшее ее сердце нетерпение. Почему он колеблется дать ей ответ? Что взвешивает он в глубине этого молчания?

Наконец она снова увидела его голубые глаза, закрытые все эти долгие мгновения веками, но в них было столько печали, что Марианна вздрогнула.

— Ты просишь меня помочь тебе вновь обрести свободу, Марианна, но не для того, чтобы стать собой. Впрочем, это теперь невозможно, потому что происшедшие в тебе перемены гораздо значительней, чем просто смена имени.

Ты хочешь свободы, чтоб быть незапятнанной в глазах человека, которого ты любишь, и с чистым сердцем принадлежать ему. С этим я не могу согласиться, ибо ты сможешь открыто жить во грехе.

— Но ведь это ничего не изменит. Всем известно, что я возлюбленная Наполеона! — вскричала Марианна с некоторым вызовом.

— Нет. Возлюбленная Наполеона — некая Мария-Стэлла, но не дочь маркиза д'Ассельна... Не заблуждайся, дитя мое, в нашей семье место королевской фаворитки никогда не считалось почетным. Тем более что тут речь идет о фаворитке узурпатора. Я никогда не позволю соединить имя твоего отца с именем Бонапарта!

Горечь разочарования стала сменяться в душе молодой женщины позывами гнева. Она знала, она всегда знала, каким непримиримым роялистом был Готье де Шазей, но она не могла себе представить, что верность королю распространится на взаимоотношения с ней, его крестницей, которую он с детства так любил.

— Я рассказала вам, как этот человек поступил и как он обращается со мной сейчас,

крестный, — сказала она с грустью, — и вы хотите, уж не знаю во имя какой политической морали, заставить меня оставаться прикованной к подобному отверженному!

— Ни в коем случае. Просто я хочу, спасая от Кранмера, спасти тебя от тебя самой. Ты не создана, хочешь ты этого или нет, чтобы связать свою судьбу с судьбой Наполеона прежде всего потому, что ни Бог, ни мораль, простая человеческая мораль, а не то, что ты называешь политической моралью, не допустят этого. Узурпатор идет к своей гибели. Я не позволю тебе погибнуть вместе с ним. Пообещай мне навсегда отказаться от него, и я обязуюсь через две недели расторгнуть твой брак.

— Но это же чистейший шантаж! — вышла из себя Марианна, тем более уязвленная, что кардинал повторил ей, правда другими словами, то, что Талейран уже сказал раньше.

— Может быть, — спокойно признал прелат, — но если ты хочешь обесчестить свое подлинное имя, пусть это будет имя англичанина. Когда-нибудь ты поблагодаришь меня...

— Не думаю! Даже если бы я хотела дать вам такое обещание и даже если бы я согласилась собственноручно уничтожить дающую мне жизнь любовь, я не смогла бы сделать это! Вы еще не все знаете, ваше преосвященство!

Итак, узнайте же всю правду: я ношу под сердцем ребенка, и этот ребенок — его, вы слышите, это ребенок Бонапарта.

— Несчастливая!.. Безумная!.. Более безумная, чем несчастная! И ты смела говорить, что снова хочешь стать маленькой Марианной из Селтона? Но между тобой и твоими предками встало непоправимое!

На этот раз спокойствие Готье де Шазей разлетелось вдребезги от подобного открытия, а ничуть не обеспокоенная и даже не смущенная Марианна испытывала неудержимую радость наслаждения торжеством, словно этот ребенок, в еще неосознанном состоянии укрытый тайной ее тела, уже мог отомстить за пренебрежение роялистов и ненависть эмигрантов к его отцу. Ледяным тоном она заметила:

— Может быть, но это главная причина, почему я хочу бесповоротно освободиться от Франсиса Кранмера. Рожденный от императора ребенок не должен носить имя бандита! Если вы отказываетесь разорвать узы, которые еще связывают меня с ним, знайте, что я не отступлюсь ни перед чем, даже перед самым хладнокровным, хорошо подготовленным убийством, чтобы убрать Франсиса Кранмера из моей жизни.

Кардинал, должно быть, почувствовал непреклонность ее угрожающих слов, так как он побледнел, но в то же время в его невозмутимом взгляде загорелся необычный огонек. Марианна приготовилась к вспышке гнева, яростному протесту. Но вместо этого он глубоко вздохнул и... насмешливо улыбнулся.

— Самое удручающее во всех вас, д'Ассельна, — заметил Готье де Шазей, — это ваш невозможный характер.

Если немедленно не удовлетворить ваши желания, любое желание, вы начинаете метать громы и молнии и грозитесь уничтожить всех и вся. Хуже всего, впрочем, то, что вы обычно не только делаете это, но и имеете на это право.

— Как? — воскликнула ошеломленная Марианна. — Вы советуете мне...

— Отправить Франсиса Кранмера к его благородным предкам? Просто как человек — я не возражаю... и даже одобряю. Но как священник — я должен осудить всякое насилие, даже вполне заслуженное. Нет, Марианна, я сказал, что ты права только в том смысле, что ребенок действительно не должен носить имя этого негодяя... и исключительно потому, что он будет твоим сыном.

Яркий свет вспыхнул в глазах Марианны, почувствовавшей, что победа близка.

— Итак, вы согласны потребовать расторжения брака?

— Не спеши. Ответь только на один вопрос. Когда ты узнала о ребенке?

— Сегодня, — и в нескольких словах она описала охватившее ее в Тюильри недомогание.

— Можешь ли ты, — я сожалею, что вынужден касаться таких интимных подробностей, но сейчас не до деликатности, — можешь ли ты примерно сказать, когда произошло это событие?..

— По-моему, не так давно... около месяца назад, может быть, меньше.

— Интересный способ для государя ожидать свою невесту! — язвительно заметил кардинал. — Но не будем порицать. Время торопит... Теперь слушай меня внимательно и воздержись от всяких возражений, ибо то, что я тебе скажу, будет категорическим и безоговорочным выражением моей воли. Только такой ценой я смогу помочь тебе, не изменив моей совести и долгу. Прежде всего ты сохранишь в тайне новость, которую мне сообщила. Ты слышишь: абсолютная тайна в течение некоторого времени. Ибо никоим образом нельзя допустить, чтобы слух об этом дошел до лорда Кранмера. Он способен все испортить, и с подобным человеком любые предосторожности не лишни. Итак, ни одного слова, даже самым близким из твоего окружения.

— Я еще никому не сказала. Дальше?

— Остальным займусь я. Через две недели — время достаточное, чтобы я встретился со святым отцом в Савоне, — твой брак будет аннулирован... но в течение месяца ты должна снова выйти замуж!

Марианне показалось, что ослышалась, и она спросила:

— Что вы сказали? Я плохо поняла.

— Нет, ты хорошо поняла. Я сказал: в течение месяца. ты будешь снова замужем.

Он произнес это с такой силой, что ошеломленная Марианна не нашла достойного ответа. Она ограничилась тем, что некстати пробормотала:

— Но в конце концов, это невозможно! Вы отдаете себе отчет в том, что говорите?

— У меня нет привычки употреблять слова, точного значения которых я не знаю, и хочу напомнить о моем предупреждении: никаких возражений! Тем не менее я согласен повторить, но без парафраз: если ты уже с месяц беременна, в следующем месяце ты должна обязательно стать супругой приличного человека, чье имя ты и твой ребенок смогли бы носить не краснея. У тебя нет выбора, Марианна! И не начинай разговоры о твоей любви, твоем императоре или твоей свободе. Дорогу ребенку, раз он заявил о себе! Ему нужны имя и отец, если человек,

который зародил его, не может ничего для него сделать.

— Ничего? — возмутилась Марианна. — Но ведь он император! Вы не верите, что он достаточно могуществен, чтобы обеспечить своему ребенку подобающее ему будущее?

— Я не отрицаю его могущества, хотя мне он представляется колоссом на глиняных ногах, но можешь ли ты утверждать, что будущее или время тоже подвластны ему?

Что ждет его, если однажды он падет? И что ждет тогда тебя и ребенка? Никаких незаконнорожденных в нашей семье, Марианна! Ты должна принести жертву ради памяти твоих родителей, ради ребенка... и в довершение всего ради себя самой. Знаешь, как в обществе относятся к незамужним матерям? Тебя прельщает побывать в таком положении?

— После того как я узнала о своем состоянии, я приготовилась к страданиям, к борьбе...

— Для чего? Ради кого? Чтобы сохранить верность человеку, который только что взял в жены другую, если не ошибаюсь?

— Не вам же объяснять необходимость соблюдения государственных интересов! Он должен был жениться, но я... я не могу.

— Причина?

— Он не позволит мне сделать это.

Кардинал насмешливо улынулся.

— В самом деле? Плохо же ты его знаешь! Но, несчастная, именно он заставит тебя выйти замуж, и не откладывая, как только узнает, что ты ждешь ребенка. Когда его возлюбленными становились незамужние, он всегда находил им мужей. Никаких неприятностей, никаких осложнений.

Таков всегда его девиз в любовных делах. Его собственная семейная жизнь доставила ему достаточно хлопот.

Марианна прекрасно знала, что все это было чистой правдой, но она не могла согласиться с удручающей перспективой, которую открывал перед ней крестный.

— Но вы поразмыслите наконец! Брак — серьезное дело, предполагающее... определенные реальности. А вы хотите, чтобы я с закрытыми глазами доверила свою судьбу, жизнь... и самое себя незнакомцу, получающему все права на меня, которого я должна буду терпеть день за днем, ночь за ночью? Неужели вы не понимаете, что от одного его прикосновения все мое тело оцепенеет от ужаса?

— Я понимаю, особенно то, что ты изо всех сил и вопреки здравому смыслу хочешь остаться возлюбленной Бонапарта и что действительно в любовных реальностях для тебя больше нет тайн. Но кто говорит о прикосновениях?

Или даже о сожительстве? Вполне возможно выйти замуж и жить без мужа. Мне никогда не приходилось слышать, что красавица княгиня Боргезе, эта вакханка Полина, подолгу живет с беднягой Камилло. Говорю тебе это и повторяю: действительно необходимо, чтобы в течение месяца ты вышла замуж.

— Но за кого? Очевидно, вы кого-то имеете на примете, раз так категоричны... Кого же?

— Это мое дело. Не бойся, человек, которого я выберу для тебя, которого я уже выбрал, окажется таким, что ты не сможешь сделать мне ни малейшего упрека. Ты сохранишь так дорогую для тебя свободу... по меньшей мере в рамках благопристойности. Но только не считай, что я хочу принудить тебя. Если ты хочешь и у тебя есть какие-то возможности, выбирай сама.

— Как это я смогу? Вы запретили мне говорить кому бы то ни было, что я жду ребенка, а я никогда не соглашусь так обмануть достойного человека.

— — Если найдется мужчина, достойный тебя, который любит тебя достаточно, чтобы жениться в подобной ситуации, я не возражаю. Я поставлю тебя в известность, куда и когда следует тебе приехать, чтобы встретиться со мной и освятить брак. Если с тобой будет человек, которого ты выберешь, я соединю вас... Если ты будешь одна, ты согласишься с тем, кого я приведу.

— Кто это будет?

— Не настаивай! Больше я тебе ничего не скажу. Ты должна во всем довериться мне. Ты же знаешь, что я люблю тебя, как родную. Ты согласна?

Марианна медленно опустила голову, и вся ее недавняя горделивая радость улетучилась под дуновением будничной действительности. С тех пор как она узнала о своей беременности, сознание, что она носит сына Орла, наполняло ее возбуждающим чувством, и она поверила в свою исключительность.

Но здравый смысл был на стороне крестного, ибо, если сама она могла пренебречь чужим мнением, если она готовилась выступить против всех, бороться со всеми, имела ли она право уготовить для своего ребенка судьбу бастарда? Некоторые представители высшего света — она знала их — не были сыновьями тех, чьи имена они носили. Очаровательный Флао — сын Талейрана, и все знали об этом, но если он смог сделать в армии блестящую карьеру, то только благодаря тому, что муж его матери прикрыл своим именем унизительное пятно, которое закрыло бы перед ним двери общества. И Мария Валуевская разве не уехала в снега Валуевы, чтобы старый граф, ее супруг, смог признать будущего наследника?.. Законы общества внезапно воздвигли непроходимую стену между Марианной и ее мечтами. Она обладала достаточно здравым смыслом и понимала, что ей необходимо усмирить свое сердце и свою любовь перед суровой необходимостью. Как сказал кардинал, у нее нет выбора. Однако, перед тем как произнести роковое «да», которое резко изменит ее судьбу, она попыталась еще побороться.

— Умоляю вас, позвольте мне по крайней мере увидеть императора, поговорить с ним. Может быть, он найдет выход. Дайте мне немного времени.

— Единственная вещь, которую я не могу тебе дать, — это время. Надо спешить, очень спешить, а по твоему виду я догадываюсь, что ты даже не знаешь, когда снова увидишь Наполеона. Впрочем, к чему это? Ведь я же сказал тебе: он найдет единственный выход — выдаст тебя замуж за того или другого из этих людей с мишурными гербами, какого-нибудь сына трактирщика или конюха, которого ты к тому же должна будешь смиренно благодарить за согласие жениться на тебе, ты, одна из д'Ассельна, чьи предки сражались в Иерусалиме рядом с Годфруа де Буйоном и в Тунисе с Людовиком Святым! Человек, о котором я думаю, ничего от тебя не потребует... и твой сын будет князем!

Строгое напоминание о ее происхождении словно подхлестнуло Марианну. Как при вспышке молнии, перед ее мысленным взором предстало прекрасное, гордое лицо отца на портрете в золотой раме, затем память вызвала менее красивый, но более нежный и такой же гордый облик тетюшки Эллис. Вправе ли она отвернуться от их теней с гневом девушки, не способной согласиться на жертву, требуемую честью, от них, подчинявших всю свою жизнь этой самой чести... вплоть до высшего самопожертвования?

Впервые Марианна почувствовала, что она всегда была ветвью старинного дерева, чьи корни глубоко уходили в землю Оверни и чья вершина так часто касалась неба; ей показалось, что из стен библиотеки появляются бесконечные ряды ее предков, французских и английских, всегда боровшихся и страдавших, чтобы сохранить незапятнанным их доброе имя и тот кодекс чести, который нынешняя эпоха старается забыть. Итак, она должна сдаться.

— Я согласна! — тихо, но отчетливо сказала она.

— В добрый час! Я был уверен...

— Договоримся так, — прервала его молодая женщина. — Я согласна выйти замуж по истечении месяца, но за это время я попытаюсь сама выбрать себе супруга.

— Я не возражаю, при условии, что твой выбор будет достоин нас. Я только попрошу, чтобы ты явилась в назначенное место и время, которое я тебе сообщу, одна или со спутником. Допустим, если ты хочешь этого, то мы заключаем сегодня договор: ты сама спасаешь свою честь, и я избавляю тебя от Франсиса Кранмера, или же ты обязуешься принять избавителя, которого приведу я. Согласна?

— Договор есть договор, и я обязуюсь соблюдать его.

— Вот и хорошо... В таком случае я начинаю выполнять свою часть обязательства.

Он направился к стоящему в углу большому раскрытому секретеру, взял лист бумаги, перо и быстро набросал несколько слов, в то время как Марианна, ощущая необходимость подкрепиться, налила себе новую чашку кофе. Она старалась не думать о Произнесенных ею словах, хотя уже оценила весь ужас положения, в котором очутилась, но внезапно у нее появилось одно сомнение, и она немедленно высказала его:

— В случае если... мне не удастся никого найти, могу я просить вас об одной милости, крестный?

Не отвечая, он выжидательно посмотрел на нее.

— Если я должна взять мужа по вашему выбору, умоляю вас, прежде всего подумайте о ребенке... и не заставляйте его носить имя врага его Отца!

Кардинал улыбнулся, пожал плечами и снова опустил перо в чернильницу.

— Моя верность королю не доходит до того, чтобы совершить подобную гнусность! — упрекнул он. — Все-таки ты достаточно хорошо знаешь меня и не должна была позволить возникнуть такой мысли.

Он dokonчил письмо, сложил его, запечатал и протянул крестнице.

— Возьми это. Через несколько минут я должен покинуть Париж и не хочу оставить тебя в

безвыходном положении, в котором ты оказалась. Завтра утром ты отправишься с этим письмом к банкиру Лафиту. Он выдаст пятьдесят тысяч ливров для этого английского демона. Тогда ты получишь передышку и сможешь вернуть сумасбродную Аделаиду, которую и возраст не уgomонит.

Изумление прервало дыхание Марианны, чего даже не смог сделать необычный разговор с кардиналом. Она глядела на предлагаемое письмо как на невероятное чудо, не смея его взять. Эта великолепная щедрость сбила ее с толку, заставив умолкнуть тайное недовольство, вызванное суровым поведением крестного. Она нашла его прямолинейным, непримиримым, однако ни в чем не обвинявшим ее. Она считала, что он подчиняется только велению долга, и вот, одним росчерком пера он дал доказательство своего великодушия и тепла. Слезы показались у нее на глазах, ибо в какой-то момент она поверила, что он не любит ее больше... Кардинал терял терпение:

— Полно, возьми и не задавай вопросов, на которые нельзя ответить. Хотя ты и знала меня всегда бедным, как Иов; это не значит, что я не могу найти деньги, чтобы спасти тебе жизнь.

Впрочем, времени для вопросов уже не было. Дверь в библиотеку отворилась, пропуская другого кардинала. Одетый, как подобает его рангу, новоприбывший был такого же небольшого роста, как и его коллега Сан-Лоренцо, а лицо его, очень красивое, дышало благородством и обладало большим сходством с портретом над камином.

— Карета и эскорт готовы к пути, мой бедный друг.

Нам надо ехать... Ваша лошадь с багажом и необходимой одеждой ожидает вас в конюшне.

— Я готов, — почти радостно воскликнул Готье де Шазей, крепко пожимая руки кардиналу. — Однако, мой дорогой Филибер, я никогда не смогу достаточно отблагодарить вас за подобную жертву! Марианна, я хочу представить тебя канонику де Брюйару, который, не довольствуясь тем, что приютил меня, простер дружескую заботу до того, что сыграет этой ночью мою роль.

— Боже мой, — воскликнула Марианна, — я забыла.

Это правда, вас высылают в Реймс. Но в таком случае...

— В таком случае я не еду. В то время как в эскортируемой жандармами господина герцога де Ровиго карете мой друг Филибер спокойно покатит в Реймс в обществе аббата Бишета, я, переодетый слугой, галопом помчусь в Италию, где святой отец ждет, когда я дам ему отчет о некой миссии.

Озадаченная, непроизвольно сжимая в руках драгоценное письмо, обеспечивающее ей год свободы, она глядела на двух кардиналов, подлинного и мнимого, спрашивая себя, знала ли она когда-нибудь по-настоящему Готье де Шазея.

Кем был в действительности этот человек, который так отчаянно боролся за спасение малютки, какой она была когда-то, чья жизнь окутана тайной, кто, обычно не имея за душой ни гроша, смог, однако, одним росчерком пера заплатить княжеский выкуп и, будучи одним из столпов Церкви, разъезжал в одежде простого слуги?

Понимая, без сомнения, волнение крестницы, бывший аббат подошел к ней и нежно обнял.

— Не пытайся постичь то, что недоступно тебе, Марианна! Помни только, что ты всегда остаешься моим дорогим ребенком и что я хочу видеть тебя счастливой, даже если... средства,

которые я использую, чтобы привести тебя к благополучию, не очень тебя привлекают. Да хранит тебя Бог, малютка! Я, как всегда, буду за тебя молиться.

Он торопливо перекрестил молодой женщине лоб, затем подошел к окну и открыл его.

— Это самая короткая дорога к конюшне и не рискуешь кого-нибудь встретить, — пояснил он. — Прощайте, дорогой Филибер. Когда сможете, пришлите Бишета, вы знаете куда. Надеюсь, что вы не пострадаете из-за нашего подлога.

— Не бойтесь. Жандармы Савари ничего не увидят, кроме пурпурной мантии, а лицо я по возможности укрою.

К тому же мы не знаем друг друга. Конечно, ваши братья из Святой коллегии будут несколько удивлены при своем прибытии, но я поставлю их в известность и через три-четыре дня изыщу возможность вернуться сюда, где мои люди будут держать запертыми двери под предлогом заразной болезни. Счастливого пути, дорогой Шазей!

Сложите к ногам святого отца мою сыновью любовь, мое почтение и покорность.

— Будет сделано. Прощай, Марианна. Когда ты отыщешь ее, поцелуй за меня эту шальную Аделаиду. Мы всегда с ней ссорились, но я все равно люблю ее.

Сказав это, его преосвященство взобрался на подоконник и спрыгнул во двор. Марианна видела, как он побежал к сараю, видневшемуся в тени четырехугольной башни. Каноник де Брюйар слегка поклонился.

— Он выйдет к берегу Сены, можете не беспокоиться о нем. Что касается меня, с вашего позволения я покину вас.

Аббат Бишет ждет меня рядом, а жандармы — на улице.

С этими словами он набросил на плечи просторный плащ и поднял его воротник, чтобы закрыть возможно большую часть лица, затем с прощальным кивком покинул библиотеку. Через открытую дверь Марианна заметила аббата Бишета, больше, чем обычно, похожего на испуганную курицу, а за ним синие мундиры жандармов. Выглянув через забранное решеткой окошко на улицу, она увидела там большую берлину с зажженными фонарями, ожидавшую в окружении целого взвода всадников в черных треуголках с красными плюмажами, чьи лошади нетерпеливо выбивали искры из старой королевской мостовой. Все это воинственное сборище, призванное сопровождать двух мирных слугителей Бога, показалось вдруг молодой женщине чрезмерным и одновременно жалким, во всяком случае — невыносимым. Но, вспомнив ту непринужденность, с которой Готье де Шазей выбрался в окно, ощущая в руке письмо, стоившее столько денег, денег, которые ей выплатит личный банкир императора, она почувствовала сомнение. Не представлял ли собой этот маленький кардинал, такой хрупкий и безобидный с виду, гораздо более могущественную и опасную силу, чем можно было подумать? Похоже, что он мог повелевать, подобно самому Богу, событиями и людьми. Через месяц по его приказу какой-то человек согласится взять в жены ее, Марианну, совершенно незнакомую да к тому же и беременную. Почему?.. С какой целью? Подчиняясь каким обстоятельствам?

Снаружи послышалось бряцание оружия. Оторвавшись от своих размышлений, Марианна увидела, как нутро берлины поглотило маленькую красную фигурку мнимого кардинала, сопровождаемого высоким худым аббатом, который перед командиром эскорта несколько раз торопливо перекрестился, словно увидел самого-дьявола. В ночной тишине она услышала стук захлопнувшейся дверцы, затем шелканье кнута, и с невероятным шумом окруженная эскортом

каре́та покинула улицу Шануэн, с места взяв в галоп. Тут позади нее раздался размеренный голос уже знакомого слуги:

— Госпожа желает, чтобы я проводил ее к карете?

Мне приказано запереть дом.

Она надела шляпу, натянула перчатки и спрятала драгоценное письмо во внутренний карман.

— Я готова, — только и сказала она.

Теперь, когда ее крестный уехал и она осталась наедине со своими заботами, Марианна ощутила, что ее охватывает растерянность. Всего месяц! В течение месяца ей необходимо выйти замуж за кого-нибудь. Может быть, за совершенно незнакомого человека! Как не растеряться, не прийти в ужас перед подобной перспективой. Конечно, она имела возможность выбрать сама, если хотела избежать необходимости отдать свою руку неизвестному, чьего имени верный своей склонности к тайнам крестный не захотел сказать. Никто так не скрытничал, как аббат де Шазей, и, по-видимому, кардинал де Сан-Лоренцо сохранил те же привычки. Впрочем, если бы даже это имя было произнесено, что бы это дало? Нет, любой ценой надо найти кого —нибудь... кого-нибудь, кто не будет вызывать ни страха, ни отвращения, мужчину, которого она смогла бы если не любить, то хотя бы уважать. Девушки ее сословия, она всегда это знала, большей частью сочетались браком без предварительного знакомства с женихом. Только их семьи вступали в игру. Как и в ее случае, это был заключаемый на будущее договор. После всего, что произошло с ней, это было, возможно, и правильно, но обретенная ею в буре жизни независимость мешала подчиняться без борьбы обычным правилам. Она хотела выбрать. Но кого?..

Следуя за вооруженным тяжелым канделябром слугой через темные комнаты, Марианна лихорадочно перебирала в памяти мужчин из ее окружения, не зная, на ком остановить выбор. Фортюнэ как-то заметила, что вся императорская гвардия влюблена в нее, но среди этих мужчин она не могла отыскать лицо или характер, которые подавали бы надежду... Она почти не знала их, и времени не оставалось, чтобы хорошо познакомиться. Некоторые из них, впрочем, были женаты, другие вряд ли захотят снова вступить в брак, особенно при подобных обстоятельствах. Клари? Австрийский князь не женится на оперной певице. Да и он уже женат на дочери князя де Линя. И Марианна в любом случае никогда не согласилась бы принадлежать к тому же народу, что и ненавистная Мария-Луиза. Что же дальше?..

Просить Наполеона выбрать мужа не представлялось возможным по уже упомянутой кардиналом причине. К тому же она опасалась, что любимый человек отдаст ее за кого —нибудь, кто будет только ширмой. Лучше иметь дело с неизвестным, выбранным кардиналом, раз он пообещал, что она не сможет ни в чем упрекнуть его.

Мелькнувшая было мысль стать супругой Аркадиуса вызвала у нее, несмотря на волнение, улыбку. Нет, она не сможет представить себя госпожой де Жоливаль. У нее было бы ощущение, что она вышла замуж за родного брата или по меньшей мере дядю.

Но при виде опускавшего подножку кареты Гракха-Ганнибала ее словно осенило. Ответ на мучивший ее вопрос пришел сам собой вместе с крепкой фигуркой паренька и его всклоченной шевелюрой, на которой не могла удержаться никакая шляпа. Потому что рядом с его лицом она по ассоциации представила себе и другое. Ощущение было таким сильным, что она невольно воскликнула:

— Это он! Вот кто мне нужен!

Гракх услышал ее слова и удивился.

— Что вам угодно, мадемуазель Марианна?

— Ничего, Гракх. Скажи только, я могу во всем рассчитывать на тебя?

— Спрашиваете, мадемуазель Марианна! Вам чего-то надо от меня? Приказывайте!

Марианна не колебалась больше. На этот раз она сделала выбор и сразу почувствовала облегчение.

— Спасибо, мой мальчик. Откровенно говоря, я в этом не сомневалась. Слушай, вернувшись домой, ты пойдешь переодеться в дорожный костюм и оседлаешь лошадь. Затем придешь ко мне. Я дам тебе письмо, которое нужно будет доставить как можно быстрее.

— Это сделать недолго. А далеко я поеду?

— В Нант. Теперь домой, Гракх, и гони во весь опор.

Часом позже Гракх-Ганнибал Пьош, в высоких сапогах, укутанный просторным дорожным плащом, которому не страшен никакой дождь, и в надвинутой до бровей круглой шляпе, галопом вылетел из ворот особняка д'Ассельна.

Стоя у окна галереи второго этажа, Марианна провожала его взглядом. Только когда портье Опостэн задвинул тяжелый засов, она покинула свой наблюдательный пост и вернулась в комнату, где еще витал запах сургуча.

Она машинально подошла к своему небольшому бюро, открыла бювар из голубого марокена и достала подписанное только одной буквой «Ф» письмо, которое она недавно туда положила. Это письмо, найденное после возвращения с улицы Шануэн, предлагало ей завтра явиться на встречу, имея при себе пятьдесят тысяч ливров. Ее подмывало сжечь его, но в камине огонь уже потух, и затем она подумала, что лучше будет показать его Жоливалю, который, несмотря на довольно поздний час, до сих пор еще не вернулся. Он должен был отыскать необходимые для выкупа деньги. Впрочем, несколько наспех написанных слов письма Франсиса даже не заставили вздрогнуть Марианну. Она прочла их с полным равнодушием, словно они ее совершенно не касались. Все ее внимание, все беспокойство было приковано к другому письму, тому, что она только что написала и которое Гракх повез в Нант.

Фактически это было двойное письмо. Первое адресовалось консулу Соединенных Штатов и содержало убедительную просьбу как можно скорее передать второе по назначению. Но Марианна сознавала, что это второе письмо похоже на бутылку, которую бросает в море потерпевший кораблекрушение, выбравшись на пустынный остров.

Где мог быть Язон Бофор в этот час? На какие моря увлекла его судьба? Месяц так короток, а мир так велик!

Однако, попав в такое отчаянное положение, Марианна не могла удержаться, чтобы не написать это письмо, призывавшее к ней человека, так долго вызывавшего у нее ненависть, но который теперь казался ей единственным достаточно надежным, достаточно энергичным, достаточно преданным... просто достойным мужчиной, наконец, чтобы Марианна осмелилась просить его имя для ребенка Наполеона.

Язон, с детства привыкший брать судьбу за рога и бороться за жизнь голыми руками... Язон,

который признавал владыкой только океан, Язон четырех морей... именно он сможет их защитить и оказать им покровительство, ей и ее ребенку. Разве он тогда не уговаривал ее последовать за ним, чтобы она могла обрести мир и спокойствие в его гигантской свободной стране?

Разве не он писал: «Вспоминайте, что я существую и нахожусь в долгу перед вами...»? Теперь Марианна попросит его заплатить этот долг. Он не сможет отказать, ибо к тому, что судьбе угодно было с ней сотворить, и он приложил руку.

Однажды ночью он вырвал ее из каменоломен Шайо и цепких когтей Фаншон. Теперь же ему надо любой ценой появиться здесь и избавить ее от таинственного незнакомца, которого крестный прочит ей в мужья.

Однако при этом Марианна шла на ужасную жертву: она отказывалась жить в кругу Наполеона, она обрекала себя на разлуку с ним, может быть, навсегда. Язон не был человеком, который согласится на комичную роль подставного мужа. Став супругой Язона, даже если он не использует свои естественные права, она должна будет следовать за ним и жить там, где он пожелает. Безусловно, в Америке... Океан разлучит ее с любимым человеком, она больше не будет дышать воздухом, одним воздухом с ним, над ними будут разные небеса... но разве не разлучила их уже эта женщина, имеющая теперь все права на него, возникшая между ними, как непроходимый барьер? Остается один ребенок, и Марианна знала, что его будет достаточно, чтобы жизнь сохранила привлекательность.

Что касается Язона, то она не знала, какие чувства он у нее вызывает. Привязанность, уважение, нежность или просто дружбу? Как трудно в этом разобраться! Доверие, в любом случае полное и безоговорочное доверие его мужеству и мужскому достоинству. В нем ребенок найдет отца, способного внушить уважение, восхищение, может быть, любовь.

И Марианна сама обретет с ним если не счастье, то по меньшей мере безопасность, ибо между ней и всем, что ей угрожает, окажется сила Язона, его широкие плечи и неиссякаемая энергия. Не будет больше Наполеона, но зато не будет и Франсиса Кранмера. Но получит ли Язон вовремя письмо? Если он в Америке, об этом нечего и мечтать!..

Насидевшись перед потухшим камином, Марианна встала, потянулась и направилась к кровати. Ей вдруг стало холодно. Только сейчас на нее навалилась усталость после этого ужасного дня. Спать! Поскорее спать! И может быть, увидеть во сне ту далекую страну, о которой однажды вечером в павильоне особняка Матиньон Язон Бофор с такой тоской рассказывал ей...

Марианна сбросила пеньюар, раскрыла постель. Но едва она хотела скользнуть под одеяло, как услышала стук в дверь.

— Вы еще не спите? — прозвучал приглушенный голос.

Это был наконец Аркадиус, безусловно вернувшийся несолоно хлебавши с охоты за деньгами... и желанный отдых откладывался. Марианна со вздохом подумала, что ему надо будет рассказать почти все, что произошло, за исключением того, что касалось ребенка и предполагаемого брака.

Пока это останется ее тайной.

— Иду! — громко сказала она.

Затем, подняв свой батистовый с кружевами пеньюар, она надела его и пошла открывать дверь.

Глава VII. КОМЕДИАНТЫ С БУЛЬВАРА ТАМПЕЛЬ

Грозный момент приближался. Наступало время встречи с Франсисом для передачи денег. Ничто не отличало Марианну и Аркадиуса от других парижских зевак, когда под вечер следующего дня они смешались с празднующимися, ежедневно толпившимися возле театров на свежем воздухе, ярмарочных балаганов и кафе, занимавших большую часть бульвара Тампель. Одета в шерстяное коричневое платье с бархатной отделкой и кружевным воротником, в шляпке — «невидимке» на голове и с коричневым плащом на плечах, Марианна, внешне спокойная, хотя чувствовала себя неважно, была неотличима от юной буржуазки, пришедшей полюбоваться чудесами знаменитого бульвара. Аркадиус, в костюме цвета «испуганная мышь», при черном галстуке и в фетровой шляпе, степенно вел ее под руку.

Они оставили карету за садом кафе «Тюрк». Погода была чудесная, и под вязами зазеленевшего бульвара бродили взад-вперед многочисленные группы гуляющих от лотка кондитера к торговцу вафельными трубочками, от шатра скоморохов до балаганных подмостков, представлявших собой настоящие маленькие театры, стремясь все увидеть на этой своеобразной непрерывной ярмарке, в этом раю канатоходцев, всевозможных фокусников и... парижан. Последние, большей частью обедавшие в пять часов, искали в прогулке под деревьями скорее удовлетворение для желудка, чем развлечения.

Среди адского шума, гама, музыки, криков зазывал, перекрывавшихся пронзительными призывами труб и грохотом барабанов, успехом пользовались: «Несгораемый испанец», смуглый тощий малый в костюме из мишуры, который пил кипящее масло и разгуливал по раскаленному железу, не испытывая заметных неудобств, затем «Собака-гадалка» и дрессированные блохи, тащившие миниатюрные повозочки или сражавшиеся на дуэли булавками. На задрапированном оранжевом с синим помосте выступал высоченный старик с патриаршей бородой.

— Входите, дамы и господа, сегодня мы даем необычайное представление под названием «Пир у Петра, или Молнией сраженная Атея», комедию в пяти актах с переменной декораций, огненным дождем в пятом акте и дивертисментом мадемуазель Малага. Знаменитый Дотрив со всем его гардеробом сыграет Дон Жуана! Перед вами одежда из четвертого акта. Смотрите! Костюм с золотистым отливом, жабо и манжеты из настоящих фландрских кружев. А теперь представляем вам юную Малага собственной персоной, чтобы доказать, что ее красота не является химерой. Яви свой лик, юная Малага!

Невольно привлеченная не столько краснобайством зазывалы, сколько красочным декором, Марианна увидела, как появилась сияющая молодостью очаровательная брюнетка в пестром шелковом платье, со сверкающими цехинами в длинных косах, которая грациозно приветствовала публику, вызвав гром аплодисментов.

— Какая она хорошенькая! — воскликнула Марианна. — Не правда ли, жаль, что она вынуждена выступать на таких жалких подмостках?

— В этих балаганах гораздо больше талантов, чем вы себе представляете, Марианна. Что же касается мадемуазель Малага, поговаривают, что она из хорошей семьи и что ее отец, этот бородач, сохраняющий и в ремесле зазывалы своеобразное величие, важный сеньор, опустившийся из-за не знаю уж какой темной истории. Но если вы желаете, мы вернемся сюда как-нибудь вечером поаплодировать им. Я хотел бы, чтобы вы увидели Малага танцующей вместе с мадемуазель Розой, ее партнершей. Мало есть балерин в Опере, которые могут

похвастаться подобной грацией... Но сейчас, мне кажется, у нас есть другое дело.

Марианна покраснела. В этой атмосфере беззаботного праздника, среди бьющей ключом — напускной или подлинной — радости, она на какое-то время забыла о главной причине посещения ими бульвара Тампль.

— г В самом деле, где же находится этот выставочный зал, где мы должны встретиться с...

Она запнулась. Ей все труднее и труднее стало произносить имя Франсиса Кранмера. Аркадиус, вынув из-под руки портфель, содержащий пятьдесят тысяч ливров в банковских билетах, которые Марианна этим утром получила у банкира Лафита, показал на большое здание с новогреческим фасадом, возвышающееся над морем палаток и подмостков.

— Немного дальше за цирком «Олимпия», где господин Франкони показывает дрессированных лошадей, вы видите старый дом с балконом, который поддерживают четыре коринфские колонны. Это и есть Музей восковых фигур сеньора Картью. Место очень интересное, вы убедитесь, но будьте осторожны, смотрите под ноги...

Здесь страшно грязно.

Действительно, чтобы обойти очереди, собиравшиеся перед театрами Гетз и Амбигю — Комик, где кричащей расцветки афиши домогались клиентов так же настоятельно, как и зазывалы, пришлось сделать крюк под кровом деревьев, где земля после сильного дождя превратилась в месиво. Ватага гаменов прошла мимо, горланя припев из модной песенки Дезошье:

Одно местечко есть у нас,

Люблю его, как жизнь.

И там я дома всякий раз,

Мой Тампль-бульвар, держись!

— Намерение хорошее, но риторика достойна сожаления, — заметил Жоливаль, стараясь по возможности уберечь Марианну от брызг грязи, летящей из-под ног гаменов. — Как ни печально заставлять вас пробираться здесь, это лучше, чем идти мимо фасадов тех домов.

— Почему же?

Жоливаль указал на приземистый дом, прикорнувший между Музеем восковых фигур и небольшим театриком, еще пустым, с полотняной вывеской, возвещающей, что это Театр лилипутов. Первый этаж этого дома был занят просторным кабачком, над дверью которого вывеска изображала срезанный колос.

— Это очаровательное местечко и есть кабачок «Сломанный колос» — одно из владений нашей дорогой Франсис — Королевской Лилии. Лучше не подходить к нему близко.

Одно упоминание об отвратительной сообщнице Франсиса заставило содрогнуться Марианну, уже достаточно угнетенную тем, что должно было произойти. Она ускорила шаги. Через несколько секунд они были на месте. У входа в музей стоял на посту великолепный польский улан, так хорошо сделанный, что Марианне пришлось подойти вплотную, чтобы убедиться в том, что это манекен, а Аркадиус тем временем пошел за билетами. Улан был, впрочем, единственным украшением входа, выглядевшего довольно скромно с его двумя лампами и

зазывалой, неутомимо призывавшим парижан посмотреть «...более настоящих, чем в самом деле» сильных мира сего.

Не без колебаний Марианна вошла в большой зал, мрачный, закопченный, в который свет проникал из нуждавшихся в серьезном уходе окон. Ясный, солнечный день отсюда казался серым, туманным. Это придавало находившимся тут восковым персонажам странную нереальность, которая могла бы быть удручающей, если бы возгласы и смех посетителей не разряжали тоскливую атмосферу.

— Как здесь холодно, — вздрогнув, прошептала Марианна, в то время как они, якобы восхищаясь очень воинственным изображением покойного маршала Ланна, оглядывались вокруг, надеясь увидеть среди этих живых и неживых Франсиса.

— Да, — согласился Жоливаль, — и наш дружок опаздывает.

Марианна ничего не ответила. Ее недоумение усиливалось, возможно, из-за присутствия слишком похожих на оригиналы восковых фигур. Главная группа, занимавшая центр обширного зала, представляла Наполеона за столом со своей семьей. Все Бонапарты были тут: Каролина, Элиза, Полина, суровая госпожа Мать во вдовьей вуали, едва ли более негнущаяся, чем ее прообраз. Но больше всего Марианну приводил в замешательство восковой император. Ее не покидало ощущение, что эти эмалевые глаза могли видеть ее в тот момент, когда она вела себя как заправская заговорщица. У нее появилось желание бросить все и бежать не только от взгляда, но и из-за инстинктивной боязни увидеть Франсиса.

Догадываясь о ее состоянии, Аркадиус подошел к императорскому столу и стал подшучивать.

— Вы не представляете себе, до какой степени этот стол отражает историю Франции. Здесь можно видеть Людовика XV и его высочайшее семейство.

Комитет общественного спасения и его высочайшее семейство. Директорию и ее высочайшее семейство. Теперь здесь Наполеон и его высочайшее семейство, но вы замечаете, что не хватает императрицы. Мария-Луиза еще не готова. Впрочем, я не убежден, что для ее изготовления не используют несколько кусков мадам Помпадур, ставшей нежелательной. Зато я убежден, что эти фрукты стоят со времен Людовика XV... пыль тоже должна быть исторической!

Но деланная веселость Жоливаля вызвала у Марианны только слабую улыбку. Где же Франсис? Молодую женщину пугала мысль о его появлении, но, с другой стороны, она хотела скорее покончить с этим и покинуть место, не вызывавшее у нее ничего, кроме неприязни.

И вдруг он оказался здесь. Марианна увидела, как он возник из самого темного угла. Он внезапно показался за ванной, в которой Марат агонизировал под ножом Шарлотты Кордэ, одетый как буржуа, пряча лицо под полями коричневой шляпы и поднятым воротником плаща. Он стремительно направился к молодой женщине и ее спутнику, и Марианна, зная его обычную самоуверенность, с некоторым удивлением заметила, что он беспокойно оглядывается вокруг себя.

— Вы пунктуальны, — резко бросил он, не давая себе труда поздороваться.

— Чего нельзя сказать о вас! — сухо отпарировал Аркадиус.

— Я задержался. Прошу извинить. Деньги с вами?

— Деньги-то с нами, — ответил Жоливаль, крепко прижимая к груди портфель. — Но мы не видим, чтобы мадемуазель д'Ассельна сопровождала вас.

— Я верну ее вам позже. Сначала деньги. Кто мне докажет, что они действительно находятся в этом портфеле? — добавил он, указывая пальцем на упомянутый предмет.

— Самое приятное в делах, которые ведешь с людьми вашего пошиба, милорд, это царящая атмосфера доверия.

Смотрите сами.

Аркадиус проворно раскрыл портфель, показал пятьдесят векселей на предъявителя по тысяче ливров каждый, быстро закрыл его и снова спрятал под руку.

— Вот так! — спокойно сказал он. — Теперь очередь за вашей пленницей!

Франсис раздраженно взмахнул рукой.

— Позже, я же сказал! Я приведу ее к вам вечером.

Сейчас я спешу и не должен задерживаться здесь! Я не чувствую себя тут в безопасности!

Это было заметно. С тех пор как он появился, Марианне не удавалось поймать его взгляд, перебегавший из стороны в сторону. Но теперь и она вмешалась в спор. Положив руку на портфель, словно боясь, что Аркадиус проявит неуместное благородство, она заявила:

— Чем меньше я буду видеть вас, тем лучше для меня.

Моя дверь никогда не отворится перед вами. И речи быть не может, чтобы вы появились у меня, один или в чьем-либо обществе. Мы заключили договор. Вы убедились, что с моей стороны он выполнен. Теперь я настаиваю, чтоб вы выполнили его со своей... иначе все останется по — прежнему.

— Что это значит?

— Что вы получите деньги, только когда вернете мою кухню.

Серые глаза лорда Кранмера сузились, и в них вспыхнул угрожающий огонь. Он криво усмехнулся.

— Вы, кажется, забыли условия нашего договора милая дама? Ваша кухня, если мне не изменяет память, только часть его... очень малая часть! Она является только... гарантией спокойствия для меня, пока вы собирали эти деньги — гарантию спокойствия для вас.

Марианна не смутилась перед едва прикрытой угрозой.

Когда оружие скрещивалось, она всегда вновь обретала нужные для борьбы спокойствие и уверенность. Она даже позволила себе роскошь презрительно улыбнуться.

— Я смотрю на это иначе. После милой беседы, к которой вы вынудили меня, я побеспокоилась о некоторых предосторожностях, касающихся именно моего спокойствия.

Вы мне больше не страшны!

— Не блефуйте! — прорычал Франсис. — В этой игре я сильнее вас! Если бы вы не боялись меня, вы пришли бы с пустыми руками.

— А я пришла, только чтобы освободить мою кухню.

Что же касается того, что вы называете... блефом, — я правильно сказала? — узнайте, что вчера я видела императора и даже оставалась несколько часов в его кабинете.

Если ваши шпионы действуют так хорошо, как вы говорите, вы должны знать об этом!

— Я и знаю. Знаю даже, что вас ожидали увидеть выходящей между двумя жандармами...

— Но меня почтительно проводил камердинер его величества до императорской кареты, доставившей меня домой, — продолжала молодая женщина с показным спокойствием. Решив играть ва-банк, она добавила:

— Расклеивайте ваш пасквиль, мне это совершенно безразлично.

А если вы не вернете Аделаиду, не получите ни су!

Несмотря на сильное беспокойство, которое она не могла сдержать, слишком хорошо зная изворотливую душу этого человека, чтобы поверить в быструю победу над ним, Марианна вдвойне обрадовалась, заметив, что он медлит с ответом и кажется растерянным. Видя на лице Аркадиуса близкое к восхищению выражение, она почувствовала, что близка к важной победе. Надо любой ценой убедить Франсиса, что теперь только Аделаида имеет для нее значение. Не ради этих денег, которые Жоливаль так нежно прижимал к сердцу, но для того, чтобы обезвредить на будущее эту опасную личность. Конечно, будущее, может быть, будет принадлежать Язону Бофору, но так же как она боялась стать объектом скандала в глазах Наполеона, она не хотела предстать перед Бофором опозоренной публично, заляпанной грязью. Достаточно уже и того, что ему предлагается беременная от другого женщина.

Внезапно лорд Кранмер взорвался:

— Я охотно вернул бы ее вам, эту старую шлюху!

Только ее нет у меня больше!

— Как?

— Что вы сказали?

Марианна и Аркадиус воскликнули одновременно.

Франсис в бешенстве передернул плечами.

— Что она исчезла! Она выскользнула из моих рук!

Она сбежала, если вам так больше нравится!

— Когда? — спросила Марианна.

— Вчера вечером! Когда вошли в ее... комнату, чтобы дать обед, ее там не оказалось.

— И вы воображаете, что я поверю в это?

Внезапно скрытый страх и недоумение, не покидавшие Марианну все это время, сменились вспышкой яростного негодования. Франсис что, считал ее полной дурочкой? Слишком уж незамысловато! Он получит деньги и ничего не даст взамен, кроме сомнительного обещания?.. С не меньшей яростью Франсис быстро ответил:

— У вас нет выбора! И вы должны мне верить, мне! Клянусь вам, что она исчезла из моей тюрьмы.

— Ах, ваши клятвы! Если бы она убежала, она немедленно появилась бы дома!

— Я говорю вам только то, что знаю. О ее бегстве я узнал только что. Клянусь вам в этом могилой моей матери!

— Где вы держали ее? — вмешался Жоливаль.

— В одном из подвалов «Сломанного колоса», совсем близко отсюда.

Жоливаль рассмеялся.

— У Фаншон? О сударь, я не считал вас таким наивным! Если вы хотите узнать, где она сейчас, адресуйте к своей сообщнице. Она, безусловно, знает! Без сомнения, ей показалось, что ее доля в этом деле слишком не соответствует ее таланту или по меньшей мере аппетиту!

— Нет, — сухо оборвал лорд Кранмер. — На подобную шутку Фаншон не решится. Она хорошо знает, что я не замедлю с наказанием... и беспощадным! К тому же ее ненависть к ускользнувшей из ее рук старой ведьме не вызвала сомнений. Лучше ей не попадать снова в руки Фаншон. Надо сказать, что она делала все, чтобы вывести ее из себя.

Марианна хорошо знала Аделаиду, чтобы без труда представить себе, как она восприняла похищение и заключение.

Фаншон — Королевская Лилия, невзирая на все ее бесстыдство и наглость, нашла себе достойную соперницу, и вполне возможно, что отважной деве удалось ускользнуть из ее лап. Но в таком случае где же она? Почему не вернулась на Лилльскую улицу?

Франсис все больше терял терпение. Уже некоторое время он непрерывно оглядывался в сторону входа, где появился громадный гвардеец с такой роскошной бородой и длинейшими усами, что его голова в высокой шапке с красным плюмажем, казалось, принадлежала какому — то странному волосатому зверю.

— Покончим с этим! — снова заговорил Франсис. — Я уже потерял слишком много времени! Я не знаю, где эта старая сумасшедшая, но когда-нибудь она явится к вам...

Деньги!..

— Ни за что, — отчетливо проговорила Марианна. — Вы их получите только тогда, когда вернется моя кузина.

— Вы так считаете? А я говорю, что вы дадите их мне немедленно! Ну! Быстро! Давайте сюда портфель, заморыш, иначе...

Внезапно Марианна и Жоливаль увидели, как из складок плаща Франсиса появилось дуло пистолета и угрожающе направилось прямо к груди молодой женщины.

— Я знал, что вы заупрямитесь из-за старухи, — прошипел лорд Кранмер. — Ну, деньги, или я стреляю! И не двигайтесь, особенно вы, доверенное лицо, а то...

Сердце Марианны забилося с перебоями. С искажившегося лица Франсиса на нее смотрела сама смерть. Такова была его жажда золота, что он, безусловно, не колеблясь выстрелит, но она не проявит страха перед ним. Глубоко вздохнув, она выпрямилась всем телом.

— Здесь? Вы не посмеете, — с презрением сказала она.

— Почему? Тут нет никого, кроме этого солдата... и он далеко. Я успею убежать.

Действительно, высокий гренадер спокойно прогуливался, заложив руки за спину, мимо высоких фигур. Он медленно подошел к императорскому столу и не смотрел в их сторону. У Франсиса было достаточно времени, чтобы выстрелить несколько раз.

— Договоримся, — предложил Аркадиус. — Половину сейчас и половину, когда вернется мадемуазель Аделаида!

— Нет! Слишком поздно и у меня нет времени.

Мне нужны деньги, чтобы вернуться в Англию, где у меня дела. Итак, давайте деньги, или я возьму их силой и перед отъездом найду возможность распространить мои желтые листовки. Каков будет их эффект — увидите. Хотя, если вы умрете, это не будет вас беспокоить.

Пистолет угрожающе заколебался в руке Франсиса.

Марианна растерянно оглянулась. О, если бы можно было позвать этого солдата! Но он внезапно исчез... Франсис был сильнее. Надо сдаваться.

— Отдайте ему деньги, друг мой, — сказала она бесцветным голосом, — все равно его повесят.

Не говоря ни слова, Аркадиус протянул портфель. Франсис жадно схватил его и спрятал под плащом. Пистолет исчез там же, к облегчению Марианны, которая, видя безумие в ледяных глазах Франсиса, боялась, что он все равно выстрелит. Она не хотела умирать, особенно таким глупым образом. Жизнь приобретала в ее глазах, она даже не знала почему, необычайную ценность. Начиная с самого детства она слишком много отдала, чтобы согласиться потерять ее вот так, под пулей одержимого. Франсис ухмыльнулся, отвечая на ее последние слова.

— Не надейтесь! У людей моего толка крепкая жизнь, заплатив, вы убедились в этом. Мы еще увидимся, добрейшая Марианна! Помните, что я оставляю вас только на год!

Используйте его!

Небрежно коснувшись пальцем шляпы, он проскользнул между застывшими фигурами придворных, как вдруг неожиданно упал. Появившийся из-за исполинского изображения маршала Ожеро гренадер свалил его на пол.

Ошеломленная Марианна и Аркадиус смотрели на сцепившихся в яростной схватке мужчин. Гренадер имел преимущество в росте и весе, но Франсис, занимавшийся, как и все английские дворяне, спортом, отличался необычайной силой и ловкостью. К тому же он был охвачен гневом при мысли, что схвачен в момент, когда получил долгожданные деньги, которые обеспечивали ему несколько месяцев роскошной жизни. Борясь, он испускал яростные крики, тогда как другой сражался молча, стараясь придавить к полу проворного, извивающегося, как

угорь, противника. Обхватив друг друга, сражающиеся поднялись и застыли лоб в лоб, с окаменевшими мышцами, сопя и рыча, как быки на арене.

Предательский удар ногой Принес победу Франсису. Со страдальческим стоном гренадер согнулся вдвое и, держась за живот, упал на колени. Не мешкая, Франсис подхватил отлетевший в сторону портфель и, тяжело дыша и пошатываясь, исчез. Марианна и Аркадиус одновременно поспешили к его неудачливому противнику, чтобы помочь ему подняться. Но мужчина, по — прежнему стоя на коленях, достал свисток и подал пронзительный сигнал.

— Видно, я заржавел или хватил лишку! — с юмором заявил он. — Все равно он далеко не уйдет. Конечно, я предпочел бы сам скрутить его! Здорово он меня шарахнул... да еще сколько побегать пришлось! Да ладно! Это стоит удовольствия снова увидеть тебя, малышка.

Он встал под недоверчивым взглядом Марианны, которая с робкой радостью вслушивалась в исходивший из путаницы волос такой знакомый голос.

— Возможно ли это? — прошептала она. — Я сплю?

— Да нет, это точно я. Никак не узнаешь своего дядюшку Никола? Признаюсь, что для меня было большим сюрпризом увидеть тебя вдруг! Я не рассчитывал встретить тебя!

— Никола! Никола Малерусс! — вздыхала восхищенная Марианна, в то время как привидение избавлялось от фальшивой растительности. — Но откуда вы прибыли? Я так часто думала о вас!

— Я тоже, малютка, я часто думал о тебе! Что касается места, откуда я появился, то оно то же самое: Англия! Я долго выслеживал этого зверя, буквально проскользнувшего у меня между пальцами, но сейчас он должен быть в руках моих коллег! Он пройдоха и интриган. Словом, я потерял его след в Анвере и с трудом снова напал на него здесь.

— Почему вы преследовали его?«

— Мне надо свести с ним счеты... В высшей степени важные счеты, и я заставлю его заплатить до последнего сантима! Смотрите, что я вам говорил? Вот его и ведут.

Франсис Кранмер действительно снова появился в зале, но на этот раз его держали четверо мощных полицейских.

Несмотря на связанные руки, он продолжал отчаянно отбиваться и его стражи вынуждены были не вести, а просто волочить его. Белый как полотно, с пеной у рта, он бросал убийственные взгляды в сторону толпы, собравшейся у входа и с трудом удерживаемой жандармами.

— Попалась птичка, начальник! — сказал один из полицейских.

— Хорошо! Отведите его в Венсен, только под усиленной охраной, ладно?

— Советую отпустить меня, — прорычал Франсис, — иначе вы пожалеете!

Никола Малерусс, сиречь Блэк Фиш, подошел к нему и наклонился, чтобы рассмотреть поближе.

— Ты так считаешь? А я считаю, что ты пожалеешь, что на свет родился, когда я займусь

тобой! Давай, живей!

В одиночку!

— Это нашли у него, — сказал один из агентов, протягивая портфель. — Там полно денег...

При виде исступленного взгляда, которым Франсис провожал утраченную добычу, Марианна поняла, что эти деньги были для него важнее свободы и что, если его лишить их, он станет смертельно опасным, снова оказавшись на свободе. Разве Аркадиус не видел его выходящим от Фуше? Разве не опустил он ради денег до худшей подлости, до самого гнусного шантажа? Осторожность подсказывала, что, учитывая раскрытую Аркадиусом тайную связь между лордом Кранмером и Фуше, ей следовало бы оставить ему добытые нечестным путем деньги. Но неожиданная удача — появление Блэка Фиша как раз в тот момент, когда она заплатила выкуп, — не была ли знаменем рока? А у попавшего в руки грозного бретонца Франсиса было мало шансов на избавление от незавидной судьбы. Заключение в Венсене, чьи средневековые величественные башни ей как-то показывали, он не будет больше опасен для нее. Кроме того, охватившее ее желание отомстить было слишком сильным. Улыбнувшись, она протянула руку к портфелю.

— Это мои деньги, — сказала она тихо. — Этот... человек забрал их у нас, угрожая пистолетом, который должен находиться при нем. Могу я их взять?

— Я видел, как пленник действительно вырвал портфель из рук господина, — подтвердил Блэк Фиш, указывая на Аркадиуса. — Ничто не мешает вернуть их вам, раз дело идет только о деньгах. А я считал, что тут пахнет кое-чем гораздо более опасным, и не буду скрывать, малышка, тебе повезло, что мы с тобой уже давно знакомы. Иначе это могло бы тебе дорого стоить. Ну-ка потрусите его, ребята!

В то время как полицейские обыскивали кипящего яростью Франсиса и действительно нашли спрятанное оружие, Марианна спросила:

— Почему это могло мне дорого стоить?

— Потому что до того, как я тебя признал, я считал тебя иностранной шпионкой.

— Она? — бросил Франсис вне себя. — Да кто вам поверит, что вы не знали, кто она такая? Шлюха! Шпионка Бонапарта, да к тому же и его любовница!

— А если мы заговорим о вас? — отпарировала Марианна с презрением. — Каким именем можно назвать вас, кроме шпиона? Учителем пения?.. А может быть...

— Ты рано или поздно заплатишь мне за все это, потаскуха! Я должен был догадаться, что ты приготовила мне ловушку. Это ты меня продала, а?

— Я? Как бы я могла это сделать? Кто из нас двоих назначил свидание?

— Разумеется, я! Но несмотря на мои предупреждения, ты известила ищек.

— Не правда! — воскликнула Марианна. — Я не знала, что за вами следят. Откуда я могла знать?

— Довольно лгать! — прорычал Франсис, сделав резкое движение связанными руками, словно хотел ударить молодую женщину. — На этот раз ты выиграла, Марианна, но я скоро

отыграюсь! Я выйду из тюрьмы... и тогда берегись!

— Ну, хватит! — загремел Блэк Фиш, сделавший большие глаза, услышав о взаимоотношениях Марианны с Наполеоном. — Я же сказал, чтобы его увели. Отшвартуйте от меня этого субъекта и заткните ему глотку, раз он не хочет помолчать. Ты, малышка, не дрейфь. Я знаю о нем достаточно, чтобы отправить его на эшафот, а те, в чьих руках казематы Венсена, больше не выпустят его.

— И полгода не пройдет, как я буду отомщен! — завопил Франсис, но тут один из полицейских сунул ему в рот грязный клетчатый платок, которым удалось наконец заглушить его угрозы.

Он был укрощен, связан... Однако Марианна с подспудным страхом смотрела, как стража уводит его. Она знала, как силен поселившийся в этом человеке гений зла, она знала, до какой степени он ненавидит ее, ненавистью злобной и упорной, которая теперь еще возрастет, ибо он считает ее виновницей его разоблачения. Но, начиная со свадебной ночи, она твердо знала, что эта борьба может закончиться только уничтожением кого-то из них.

Догадываясь о ее мыслях, Жоливаль взял Марианну за руку и крепко пожал, словно желая успокоить ее и напомнить, что она не одна, но обратился к Блэку Фишу, который смотрел, потирая поясницу, как его люди уводят пленника.

— А чем он виноват, если не считать того, что он англичанин, — спросил он, — и почему вы преследовали его от самой Англии?

— Это шпион Красной Селедки, и очень опасный!

— Красной Селедки? — удивилась Марианна.

— Лорд Ярмут, если тебе угодно, в настоящее время возглавляющий министерство внутренних дел в кабинете Уэлсли и хорошо известный в высшем парижском обществе, давшем ему эту кличку. Могу добавить, что его жена, очаровательная Мария Фажиани, постоянно живет в Париже, где она самым приятным образом проводит время с несколькими друзьями, среди которых был и этот висельник. Но я поклялся погубить Кранмера совсем по другой причине.

— Какой же?

— Пленные с портсмутских понтонов, которыми он особенно интересовался. Этот джентльмен любит охоту, и, чтобы украсить свой досуг, он завел свору собак, натасканных на травлю бежавших пленных... Я видел нескольких несчастных, пойманных хищниками Кранмера... или по крайней мере то, что от них осталось! Ключья!

Страшный гнев звучал в приглушенном голосе Блэка Фиша, заставляя конвульсивно сжиматься его кулаки и челюсти. Потрясенная Марианна закрыла глаза перед привидевшимся кошмаром. Каким же отвратительным существом был человек, с которым ее соединили! Какая бездна мерзости, садистской жестокости скрывалась за прекрасным лицом и манерами принца! Она почему-то вспомнила о заключенном с кардиналом Сан-Лоренцо договоре и впервые ощутила признательность к крестному. Что угодно, лишь бы не иметь ни малейшей связи с таким чудовищем!

— Почему вы не убили его? Собственными руками? — тихо спросила она.

— Потому что я прежде всего слуга императора! Потому что я хочу, чтоб его судили, и не хочу лишать гильотину его головы. Но если судьи не пошлют его на эшафот, я клянусь, что сам убью

его... или сломаю себе шею! Ну, довольно об этом! Появились посетители. Надо уступить место восковым фигурам.

Действительно, два-три любопытных осторожно вошли в освобожденный от полицейских зал. Их тревожные взгляды искали продолжение разыгравшейся драмы, интересовавшей их больше, чем обитатели музея, которыми они пришли полюбоваться.

— Как бы ни хорошо было общество, с ним приходится расставаться, — вздохнул Жоливаль. — Если вы не сочтете неуместным, мы можем уйти отсюда. Должен признаться, что в конце концов все эти неподвижные фигуры...

— Идите, вам и в самом деле нечего больше здесь делать. Скажите только, где я могу с вами встретиться. Я остаюсь, раз у англичанина не оказалось бумаг, которые я ищу. Но еще есть надежда, что их принесет кто-нибудь другой. Придется подождать.

— Кого-то, кто должен прийти сюда?

— Я предполагаю... Теперь, малышка, убегай.

Тебе повезло, что мы давно знакомы, иначе я отправил бы тебя и твоего друга вместе с англичанином! То, что должно последовать, тебя не касается. И пусть тебя не беспокоят его угрозы! Он не сможет их выполнить.

У Марианны было большое желание задать еще несколько вопросов. С момента, когда на сцене появился Блэк Фиш, здесь воцарилась атмосфера тайны, еще усиливаемая неверным светом кинкетов, с помощью которых синьор Кюртью пытался бороться с наступающей темнотой. Но она понимала, что ей не полагается вмешиваться в государственные дела и полицейские операции. Этой, развернувшейся на ее глазах, которая, может быть, избавит ее от Франсиса, было с нее достаточно. Она испытывала полное доверие к Блэку Фишу. Ни люди, ни стихии не были властны над ним. На его полуразрушенном судне, равно как и в его доме в Рекуврансе, в каком угодно облике он сохранял непоколебимую уверенность, и Франсис имел в его лице достойного противника...

В то время как Аркадиус на скорую руку писал ее адрес на вырванном из записной книжки листке, она протянула руку мнимому гренадеру, но в этот момент один из восковых слуг у императорского стола громко чихнул, слишком громко, чтобы можно было сомневаться в том, что это живой человек. К тому же несчастный продолжал неудержимо чихать и дрожащей рукой полез в карман, без сомнения, за носовым платком. Но Блэк Фиш подскочил и ударом руки сбил с головы лжеслуги парик, подняв целое облако пыли.

— Фош-Борель! — воскликнул он. — Я должен был предположить!

Со стоном ужаса названный прыгнул назад, сбив с ног воскового Рустаана, с шумом рухнувшего на пол, и, не оглядываясь, задал стрекача.

Блэк Фиш бросился вслед. Убегая, словно испуганный заяц, лжеслуга, щуплый и небольшого роста, легко проскальзывал между оторопевшими посетителями, затруднявшими продвижение могучего тела Блэка Фиша. Аркадиус расхохотался и, схватив Марианну за руку, хотел увлечь ее к выходу.

— Пойдем посмотрим. На этот раз зрелище обещает быть забавным.

— Почему? Кто этот Фош...

— Фош-Борель? Швейцарский книготорговец из Невшателя, который вербует для короля тайных агентов и служит его призрачному величеству Людовику XVIII, лелея надежду стать однажды директором королевской библиотеки. Он всегда предпочитал восковые фигуры... И действительно, редко можно встретить такого неудачника, как он!

Пойдем же, я хочу увидеть, что сделает с ним ваш живописный друг!

Но у Марианны не было никакого желания следовать за мнимым гренадером и слугой. Стычка с Франсисом оставила в ней слишком горький осадок, чтобы она могла позабавиться чем —нибудь, и, несмотря на полное доверие к Блэку Фишу, она не могла без содрогания вспомнить последний взгляд, который бросил на нее Франсис над закрывавшим ему рот платком. Никогда еще ненависть в ее чистом виде и неумолимая жестокость не смотрели ей так прямо в лицо.

И, сопоставляя этот взгляд с тем, что рассказал ей Блэк Фиш, Марианна чувствовала, как леденеет от ужаса. Словно Франсис вдруг сбросил свою величественную человеческую маску, обнажив чудовище, скрывающееся под этим обликом, ибо до сих пор она считала лорда Кранмера лишенным малейшей порядочности, бессердечным и эгоистом до мозга костей, но слова Блэка Фиша открыли перед ее глазами бездну садистской жестокости, мрачные тайны изощренного и коварного ума этого опасного безумца. Нет, она не думала о развлечении. Ей хотелось вернуться домой и в домашнем спокойствии поразмышлять обо всем.

— Идите сами, Аркадиус, — промолвила она. — Я буду ждать вас в карете.

— Марианна! Марианна! Пойдем! Встряхнитесь! Вы боитесь этого человека, не так ли? И то, что вам сказали, снова наполнило вас страхом?

— Вы так хорошо понимаете меня, друг мой! — слегка улыбнулась она. — Зачем же тогда спрашиваете?

— Чтобы быть полностью уверенным! Но, Марианна, вам больше нечего бояться! Отныне англичанин находится в лучшей тюрьме Франции... Оттуда он не выйдет.

— Очевидно, вы забыли то, о чем сами говорили? О той непринужденности, с какой он направлялся к Фуше? О его странных связях с французским министром полиции, который секретно разрабатывает планы заключения мира с Англией. Блэк Фиш не знает о них. Он внизу. Он может быть неприятно удивлен, не поверит в это...

Аркадиус покачал головой, снова взял Марианну за руку и увлек к выходу.

— Я ничего не забыл. Блэк Фиш не знает о планах своего министра, но Фуше, со своей стороны, не мог знать об отвратительных деяниях своего гостя из-за пролива. Он не может остаться нечувствительным к ужасной участи французских пленных. Освободить это чудовище, — по моему, значило бы подписать самому себе смертный приговор. Наполеон, который действительно искренне любит своих солдат, никогда не простил бы ему это. Подобные преступления нельзя предать забвению, и, поверьте мне, Фуше сделает все, чтобы так упрятать лорда Кранмера, что, возможно, о нем уже никогда не придется услышать. Опасных людей можно заставить молчать только с помощью денег. Так что будьте покойны и вернемся домой, если вы желаете.

Она поблагодарила улыбкой и крепко взяла его под руку. Над бульваром опустилась ночь, но изобилие фонарей, свечей и площадок освещало все, как днем. Фасады домов, цирк, театры, балаганы — были иллюминированы, только один «Сломанный колос» молчаливо и мрачно светил тусклыми окнами. Зато рядом собралась большая волнующаяся толпа возле Театра

лилипутов, где представление было прервано. Два главных действующих лица, стоя на краю подмостков, с изумлением смотрели на то, что происходило перед их театром.

— Однако... там драка? — воскликнул вдруг Жоливаль. — И готов поспорить, что ваш друг и Фош-Борель в центре схватки! Безусловно, они затеяли ее, застряв среди гуляющих. Впрочем, это чудесное развлечение для господ Бобеша и Галимафрэ.

— Кого?

— Тех двоих комедиантов, которые вон там хлопают себя по бедрам от восторга, — сказал Аркадиус, указывая на них тростью. — Тот красивый малый в красной куртке, желтых штанах и сногшибательной треуголке на рыжем парике — Бобеш. Другой, нескладный великан, худой как палка, с глупейшей улыбкой, какую только можно встретить, это Галимафрэ. Они не так давно появились на бульваре, но уже пользуются большим успехом. Послушайте, как они смеются и развлекают свою публику.

Действительно, оба скомороха подбадривали сражавшихся насмешками и шутовскими сонетами, но Марианна покачала головой.

— Оставим это, прошу вас! У Блэка Фиша есть наш адрес, он, безусловно, придет рассказать нам конец этой истории.

— О! Он не вызывает никаких сомнений. У Фош-Бореля нет шансов... а вы, вы очень устали, не так ли?

— Немного... да.

Обогнув толпу, они не спеша подошли к Турецкому саду, около которого оставили свою карету. Жоливаль помог подняться Марианне, крикнул кучеру адрес и, в свою очередь, с удовлетворением сел, уложив портфель между ними.

— Что мы сделаем с этим? — спросил он. — Опасно держать при себе подобные суммы. У нас уже есть двадцать тысяч императора.

— Завтра вы положите их обратно в банк Лафита.

Только на наше имя. Возможно, они нам еще понадобятся.

В противном случае я просто верну их назад.

Аркадиус одобрительно кивнул, надвинул поглубже шляпу и откинулся в угол, словно хотел заснуть, но тут же пробормотал:

— Хотел бы я знать, куда запропастилась мадемуазель Аделаида.

— Я тоже, — сказала Марианна, немного пристыженная тем, что драматическая сцена с Франсисом заставила ее забыть о кухне. — Но разве главное не в том, что она больше не находится в руках Фаншон?

— В этом еще надо убедиться. Но у меня предчувствие, что мы напрасно беспокоимся.

Воцарилась тишина. До возвращения на Лилльскую улицу никто не сказал ни слова.

Было около одиннадцати часов вечера, и Марианна находилась в руках Агаты, расчесывавшей

ее длинные черные волосы, когда раздался стук в дверь и Аркадиус попросил о срочном разговоре наедине. Она немедленно отправила горничную спать.

— Что случилось? — спросила она, встревоженная этим таинственным видением.

— Аделаида здесь.

— Она пришла? Каким образом? Я не слышала ни звонка, ни шума кареты.

— Это я ее впустил. Я вышел во двор погулять перед сном. Затем решил пройтись до Сены и только открыл маленькую калитку, как увидел ее. Должен признаться, что я с трудом ее узнал.

— Почему? — вскричала испуганная Марианна. — Она ранена, или...

— Нет-нет, ничего подобного! — смеясь, прервал ее Жоливаль. — Я приготовил вам сюрприз... Она ждет вас внизу. Добавлю еще, что она не одна.

— Не одна? С кем же она?

— С тем, кого она называет своим спасителем. Сразу ставлю вас в известность, что этот ангел-хранитель не кто иной, как... Бобеш, один из тех комедиантов, что я недавно показывал вам на бульваре Тампль.

— Что?.. Да вы шутите?

Марианна, которая спешила к выходу, стянув широкой розовой лентой свой гипюровый пеньюар, остановилась.

— Не имею ни малейшего желания. Это действительно он. Добавлю, что сегодня вечером он выглядит как человек из хорошего общества. Вот увидите!

— Какое безрассудство! Но почему Аделаида привела его к нам?

— Это она сама вам скажет. Мне кажется, что для нее имеет большое значение представить его вам.

Марианна уже получила свою порцию переживаний на сегодня, но, помимо удовольствия вновь увидеть кузину, ею двигало любопытство, более сильное, чем усталость. Она поспешно скрутила волосы узлом и сменила пеньюар на первое попавшееся под руку платье. После чего вышла к Аркадиусу, ожидавшему в соседней комнате. Он встретил ее такой улыбкой, что она возмутилась.

— Можно подумать, что эта история вас забавляет?

— По правде сказать... да. Признаюсь, И больше того, я уверен, что вас она тоже позабавит, как только вы взглянете на свою кузину... и это принесет вам большое облегчение. Потому что этому дому уже давно не хватает веселья.

Несмотря на предупреждение, Марианна попятилась, увидев Аделаиду, восседавшую в одном из кресел музыкального салона, и вынуждена была дважды всмотреться, чтобы удостовериться, что это действительно она. Необычайный белокурый парик ниспадал из-под моднейшей шляпы, а толстый слой грима делал ее лицо почти неузнаваемым.

Только синие глаза, невероятно радостные и полные жизни, да величественный нос оставались

от ее прежнего облика.

Однако не обращая внимания на замешательство кухни, Аделаида побежала к ней, как только заметила, и расцеловала в обе щеки, оставляя на них следы краски. Марианна машинально вернула ей поцелуи и тут же воскликнула:

— Но в конце концов, Аделаида, где вы пропадали?

Неужели вы не догадывались, что мы до смерти беспокоились из-за вас?

— Я ожидала этого, — радостно сказала м-ль д'Ассельна, — и вы получите любые объяснения, какие только пожелаете. Прежде всего, — продолжала она, взяв за руку своего спутника и подводя его к Марианне, — вам надо поблагодарить моего друга Антуана Манделяра, иначе говоря — Бобеша. Это он вызволил меня из притона, где меня держали пленницей, это он укрыл меня, защитил...

— ..и уговорил не возвращаться домой? — насмешливо прервал ее Жоливаль. — И вы нашли свое призвание там, на бульваре, дорогой друг?

— Ах, вы сами не верите в то, что говорите, Жоливаль.

Марианна тем временем с интересом рассматривала высокого блондина, учтиво склонившегося перед ней. У него была открытая улыбка, веселые глаза и полные лукавства черты лица. Он был одет в темный костюм, простой, но не лишенный изящества. Она протянула ему руку.

— Я вам очень благодарна, сударь, и хотела бы выразить благодарность не только словами.

— Оказать помощь находящейся в опасности даме — просто долг и он не заслуживает никакой благодарности, — любезно сказал он.

— Как благородно! — вздохнула Аделаида. — Если вы так рады вновь увидеть свою старую кухню, моя дорогая, сообразите что-нибудь вроде ужина. Мы умираем от голода... я по крайней мере!

— Вот в этом я могла бы не сомневаться! — смеясь, сказала Марианна. — Но служанки уже спят. Накрывайте на стол, Аделаида, а я пойду на кухню посмотреть, что там есть.

Очевидно, кухарка была женщина предусмотрительная.

Марианна нашла все необходимое для приличного холодного ужина, и несколько минут спустя четверо участников этой импровизированной трапезы расположились вокруг сверкавшего хрусталем и серебром стола, который Аделаида не забыла украсить даже букетом роз.

Поглощая солидную порцию орошенных шампанским холодных цыплят, салата и гамбургской ветчины, м-ль д'Ассельна поведала свою одиссею. Она рассказала, как к ней приехал лакей в ливрее м-м Гамелен и предложил отправиться к ее кухне, находящейся у креолки, и как, едва она поднялась в ожидавшую у входа карету, ее схватили, заткнули рот, завязали глаза и повезли через Париж в местность, которую тогда невозможно было установить. Она вновь обрела свои чувства, только оказавшись в месте заключения: клетушке из плохо пригнанных досок, находящейся на дне большого подвала, куда свет проникал из отдушины, расположенной слишком высоко, чтобы до нее, добраться, даже если использовать кучу угля, составлявшего вместе с охапкой соломы всю меблировку этой странной тюрьмы.

— В щели между досками, — продолжала Аделаида, отрезая толстый ломоть жирного бри — ее любимого сыра, — я могла разглядеть содержимое подвала. Он был наполнен бочками, бутылками, — полными или пустыми, — всевозможными кувшинами и другим хозяйственным хламом. В воздухе стоял сильный запах вина и лука, связки которого свисали с потолка. Исходя из этого и непрерывного топота ног над головой, а также доносившихся голосов, я заключила, что нахожусь в подвале какой-то таверны.

— Надеюсь, что среди такого изобилия вам не грозила опасность умереть от жажды? — пошутил Аркадиус.

— Воду! — со злобой воскликнула Аделаида. — Вот и все, что я имела, да еще несъедобный хлеб! Господи, какой замечательный этот бри! Возьму еще кусочек!

— Но, — сказала Марианна, — вы все-таки видели кого-нибудь в этом притоне?

— Конечно! Я видела отвратительную старуху, одетую как королева, которую называли Фаншон. Она соизволила мне сообщить, что судьба моя зависит исключительно от вас и некоей суммы денег, которую вы должны заплатить... Следует признаться, что в наших отношениях сильно не хватало сердечности, и я потеряла самообладание, когда старуха собралась преподать мне урок патриотизма. Посметь поносить императора и прославлять этот бурдюк ходячий, называющийся королем Людовиком XVIII! Клянусь честью, она не скоро забудет пару оплеух, которые я ей влепила. Если бы меня не схватили за руки, я убила бы ее!

Жоливаль расхохотался.

— Это не могло заставить ее улучшить ваш стол, бедная Аделаида, но я поздравляю вас от всего сердца. Позвольте мне поцеловать эту ручку, такую нежную и такую сильную.

— С тюрьмой все ясно, — сказала Марианна, — но как вы вышли оттуда?

— Я считаю, что с этим вопросом вам лучше обратиться к моему другу Бобешу, он расскажет остальное.

— О, это очень просто, — начал молодой человек, так улыбаясь, словно он просил прощения за то, что стал объектом внимания. — Кабачок «Сломанный колос» наш ближайший сосед, и мы довольно часто ходим туда, мой друг Галимафрэ и я, чтобы освежиться. У них есть легкое вино из Сюресна, довольно приятное. Я должен сказать, что мы ходим туда также, чтобы видеть и слышать, потому что от нашего внимания не ускользнуло непрерывное хождение взад и вперед всяких особ, отличающихся от нормальных людей, и мы не замедлили обнаружить, что этот кабачок довольно занятное место. Лично я из предосторожности заглядывал туда не очень часто, зато Галимафрэ сживал там подолгу. Его наивный вид и мнимая глупость ни в ком не вызывают подозрений. Его считают простаком и именно этому приписывают его успех. А Галимафрэ за опущенными веками и сонным видом скрывает острый взгляд и пронизательный ум... тот и другой служат его величеству императору, как и я, впрочем.

Произнося имя императора, Бобеш встал и в знак приветствия поднял вверх свой бокал с вином, чем заслужил ласковую улыбку Марианны. Положительно, этот скоморох ей нравился. Какое имеет значение, что он был сыном обойщика из Сент-Антуанского предместья! Без грима и слишком яркого наряда у него оказалась своеобразная изысканность и приятность, к которым молодая женщина была чувствительна, как, впрочем, и к откровенно восхищенным взглядам в ее адрес. Она была счастлива понравиться мужчине, так простодушно выражавшему свою верность Наполеону. Она подумала, не был ли он одним из многочисленных агентов Фуше, но это, собственно, не имело большого значения. К чему

узнавать, каким образом он служит своему господину, раз он служит ему? И тут она заметила восхищенное выражение лица, с которым Аделаида слушала, забыв о еде, молодого человека. Внезапно она подумала, не внушает ли он ей нечто большее, чем признательность... Бобеш тем временем продолжал свой рассказ.

— Галимафрэ заметил как-то вечером, что в подвал спускают буханку хлеба, который, безусловно, предназначался кому-то, и поздно ночью мы обследовали проулок, вернее, узкую щель, отделявшую наш Театр пигмеев от кабаре. Мы уже давно знали, что за грудой старого хлама и мусора есть отдушина из погреба «Сломанного колоса». Она позволила нам стать свидетелями довольно бурной беседы мадемуазель с Фаншон Дезормо. Нам все стало ясно и...

— ..и следующей ночью, — радостно продолжала Аделаида, — они вернулись с инструментами и веревкой с узлами. Инструментами, чтобы открыть отдушину, веревкой, чтобы вытащить меня из подвала. Я никогда не думала, что смогу быть такой ловкой!

— Но почему не вернуться сюда? — спросила Марианна.

— Бобеш убедил меня, что так будет более благоразумно. К тому же я не могла пройти по Парижу вся измазанная углем. Наконец, я узнала, что пребывание в окрестностях «Сломанного колоса» может быть очень занимательным. Впрочем, Марианна, лучше вам сразу сказать.

У нас с Бобешем есть дела!

Марианна нахмурила брови, затем пожала плечами.

— Что за глупости! Какие у вас могут быть там дела?

Эти господа не нуждаются в вас.

Теперь ей ответил Бобеш, с дружеской улыбкой в сторону старой девы.

— Вот в этом вы ошибаетесь, мадемуазель. Ваша кузина охотно согласилась служить у нас кассиршей.

— Кассиршей? — спросила ошеломленная Марианна.

— Вот именно! — подтвердила Аделаида вызывающим тоном. — И не говорите мне, что эти скромные обязанности несовместимы с моим благородным происхождением. Не так давно я узнала, что не бывает недостойных профессий.

Марианна покраснела. Намек был слишком уж прозрачным. Ей действительно не следовало упрекать кузину за выбор такого странного занятия, когда она сама поднялась на подмости. Театр остается театром, и Театр пигмеев не более достоин презрения, чем изящный Фейдо... но, едва она узнала о желании Аделаиды покинуть их, как почувствовала, что ее охватывает грусть. И не потому только, что старая дева изменилась внешне; похоже, что она вдруг решила броситься очертя голову по довольно сомнительной дороге, причем делала это с таким видом, что Марианна почувствовала себя обиженной. Она повела головой и встретила взгляд Аркадиуса. Он улыбнулся ей, подмигнул, затем, взяв бутылку шампанского, снова наполнил бокал Аделаиды.

— Если в этом ваше призвание, дорогая, глупо было бы сопротивляться. И... у вас действительно намерение остаться кассиршей? Или вы думаете участвовать в представлениях?

— По меньшей мере какое-то время, — сказала она смеясь. — В любом случае я ничем не рискую, уверяю вас, и наоборот, оставаясь здесь, я могу навлечь опасность на всех вас. А этого я не хочу ни за какую цену! И затем, приключение интересует меня: я хочу узнать, действительно ли знаменитые документы после Безерса пройдут через «Сломанный колос».

— Документы? Бумаги? Но какие документы, в конце концов? — вышла из себя Марианна. — Весь день я только и слышу разговоры о бумагах. Я ничего в этом не понимаю.

Аркадиус нежно коснулся ее руки.

— По-моему, я понял. Мы со своим делом оказались впутанными в другое, безусловно, гораздо более значительное, в котором замешан и ваш... словом, англичанин. Отсюда и неожиданное появление гигантского гренадера, которого вы так хорошо знаете, и, возможно, разоблачение проныры Фош-Бореля. Не так ли?

— Точно! — одобрил Бобеш. — Извините, что раньше не рассказал подробности, но некоторые бумаги, украденные у недавно исчезнувшего английского посла, вполне возможно, попадут в «Сломанный колос», который является своего рода пересадочной станцией для иностранных агентов. Это тем более верно, что полиция туда ни ногой, по крайней мере официально! Вот почему в последнее время столько суеты было у меня по соседству и почему один из агентов, который явился туда и боялся быть узнанным, решил спрятаться среди восковых фигур.

— Кстати, — сказал Аркадиус, — а его поймали?

Бобеш сделал утвердительный знак, затем стал смаковать шампанское, показывая, что не хочет больше говорить об этом. Марианна теперь смотрела на него с удвоенным изумлением. Как странно было слышать столь серьезные слова из уст, явно созданных для смеха и шуток. Кто же этот комедиант и на кого он, собственно, работает? Он заявил, что служит императору, но не похоже, чтобы он служил Фуше. Не является ли он членом «черного кабинета» — личной секретной полиции императора, как это повелось при последних королях Франции, существовавшей параллельно официальной? Его ремесло уличного скомороха позволяло видеть многие вещи, не вызывая подозрения, и, без сомнения, он обладает большой способностью к перевоплощению. Сегодня вечером, с его темно-зеленым костюмом, безукоризненным галстуком, густыми золотистыми, тщательно причесанными волосами он пришелся бы к любому салону и никто не заподозрил бы скомороха под его изящной внешностью.

Марианна перевела недоуменный взгляд с молодого человека на кузину, которая, повернувшись в кресле, грызла цукаты, не сводя глаз со своего нового приятеля. Она буквально поглощала его слова, и в ее синих глазах горел прежде никогда не виденный Марианной огонь, тогда как девичий румянец окрасил ее щеки. Несмотря на ее сорок лет, нелепый парик, накрашенное лицо и большой нос, преображенная Аделаида казалась молодой и красивой.

«Да ведь она... влюблена!» — подумала Марианна, и это ее больше опечалило, чем позабавило, ибо она боялась увидеть бедную деву с разбитым сердцем на безысходном пути. Конечно, Бобеш доказал свою готовность помочь, даже рыцарство, и он, похоже, испытывал подлинное восхищение перед умом, смелостью и артистическим талантом Аделаиды, но между самым безумным восхищением и самой скромной любовью существует такая бездонная пропасть! И она не могла удержаться от протеста, когда Аделаида, встав и отряхнув платье, со вздохом удовлетворения заявила:

— Ну вот! Вы знаете все. Теперь, я считаю, нам пора вернуться в театр. Единственной целью этого визита было успокоить вас относительно моей судьбы. Это сделано, и я возвращаюсь!

— Какая нелепость, — вздохнула Марианна. — Несмотря на все, [бы будете в опасности, а я ничем не смогу помочь.

— Вы ошибаетесь, мадемуазель, — мягко сказал Бобеш. — Я обещаю вам заботиться о мадемуазель Аделаиде, как о родной сестре. Между Галимафрэ и мной она не рискует ничем, заверяю вас... и мы гордимся этой стихийной дружбой, которой она нас одарила. Хотя мы вовсе не достойны ее.

— В любом случае, — добавила м-ль д'Ассельна, с видимой радостью слушавшая эту небольшую речь, — г ничто и никто не помешает мне туда вернуться. Первый раз в жизни у меня появилось ощущение, что я в самом деле живу.

На этот раз Марианна, побежденная, промолчала. В самом деле живет? Она, которая была брошена в тюрьму за то, что осмелилась протестовать против развода Наполеона, которая тайно обитала в закоулках особняка д'Ассельна в обществе портрета, которая однажды хотела сжечь этот самый особняк, узнав, что он попал в руки недостойной? Что же она называла жизнью до сих пор?.. И при прощальном объятии ее охватила глубокая печаль.

Догадываясь о мыслях своей подруги, Аркадиус взял ее нежно за руку и прошептал:

— Оставьте ее в покое, Марианна. Она безумно счастлива играть в тайных агентов, и я спрашиваю себя, впрочем, не в этом ли ее призвание. К тому же для вас будет лучше, как и для нее, что она сейчас не вернется сюда. Этот малый прав: никто, даже Фаншон, не подумает искать ее в Театре пигмеев.

— Все это правильно, — вздохнула Марианна, — но мне так будет не хватать ее!

Она рассчитывала на Аделаиду, особенно в предстоящие трудные дни, чтобы следовать ее советам, когда придет момент встречи с кардиналом, если до тех пор не появится Язон, и на ее помощь после рождения ребенка. Почему суждено было так случиться, что ее неожиданно — нежданно захватила эта страсть, в которой политика и удовольствие играть комедию, без сомнения, значили меньше, чем обольстительность скомороха? Внутренний голос твердил ей: «Если бы она знала правду, она осталась бы с тобой». Но Марианна не могла сказать ей эту правду, она обещала крестному хранить молчание. И затем, даже если бы Аделаида узнала, что в ней нуждаются, хватило бы у нее мужества сразу отказаться от созданного ею миража: разделить мгновения жизни с молодым, красивым молодцом, который ей так нравился? Нет, надо оставить Аделаиду идти по избранному ею нелепому пути, дать ей возможность самой все испытать. Марианна тут ничего не могла сделать.

С внезапной тяжестью на сердце она услышала, как в ночной тишине стукнула створка главного входа за ушедшими. Ей вдруг стало холодно, и она протянула руки к огню камина. Заполнившую салон тишину нарушало только легкое посапывание Аркадиуса, нюхавшего табак. Он медленно направился к Марианне. Паркет поскрипывал под его шагами.

— Почему вы так волнуетесь, друг мой? — мягко спросил он. — В конце концов, Аделаида рискует только утратой некоторых иллюзий! Смените эту печальную мину! Улыбнитесь мне! Жизнь снова будет полна очарования, вот увидите.

Посмотрите на Аделаиду! Она находит счастье в уличном балагане. Кто знает, что для вас приготовило завтра?

Удерживая слезы, Марианне все-таки удалось улыбнуться. Дорогой Аркадиус такой добрый, такой преданный!

Ей стало стыдно за свою тайну, которую она в течение месяца вынуждена хранить от него, хотя, по ее мнению, это было лишено всякого смысла. Но что поделаешь, договор есть договор. И она должна играть игру до конца.

— Вы правы, — сказала она ласково. — Пусть Аделаида развлекается, как ей хочется. Раз вы со мной, я не пропаду.

— В добрый час! А теперь идите спать и постарайтесь увидеть хорошие сны.

— Я попытаюсь, друг мой, обязательно попытаюсь.

Они вместе направились к темной в этот час лестнице, и Аркадиус взял со столика канделябр, чтобы осветить. Они едва поднялись до половины, как он неожиданно спросил:

— Да, кстати, куда исчез Гракх? Никто не видел его сегодня, а в конюшне нет Самсона.

Марианна почувствовала, что покраснела до корней волос, и благословила скрывающую ее полутьму, но не смогла помешать голосу выдать ее замешательство.

— Он попросил у меня... разрешения уехать на несколько дней в провинцию... к семье. Он получил дурные известия.

Марианна никогда не умела лгать, так что сейчас это потребовало невероятного усилия. Ей показалось, что Аркадиус тотчас почувствует ложь. Однако его голос оставался ровным и спокойным, когда он заметил:

— Я не знал, что у него родня в провинции. Я считал, что у него есть только бабушка, прачка в Булони. В какую сторону он поехал?

— В сторону... Нанта, по-моему, — в отчаянии сказала Марианна, не находя ничего другого, кроме такой полуправды, и хоть в этом получив некоторое утешение.

Аркадиус, впрочем, прекратил расспросы, удовольствовавшись «Ах, очень хорошо...» с рассеянным видом, ясно говорившим, что он думал уже о чем-то другом. Дойдя до комнаты Марианны, он учтиво попрощался, пожелал доброй ночи и удалился в свои апартаменты, напевая песенку.

Уже давно он не проявлял подобной веселости. Это свидетельствовало о его душевной раскрепощенности, и Марианна, войдя к себе, подумала, что он отныне твердо верит в невозможность для Франсиса вредить им.

Это принесло ей ощущение свободы, совершенно нового спокойствия, и ночью Марианна спала как дитя, каковым она еще немного оставалась. Что может быть чудеснее душевного покоя? И на протяжении трех дней и ночей Марианна всецело наслаждалась им, равно как и приятным ощущением победы над самой собой и над Франсисом.

У нее возникла одна мысль, которую она в эти безоблачные дни нежно лелеяла. Если Блэк Фиш тоже выиграет свою битву, если ему удастся стереть Франсиса с лица земли, аннуляции брака не потребуются. Тревожащей свадьбы — тоже. Она станет вдовой, свободной и, не страшась больше нападений Кранмера, сможет в поисках отца своему ребенку найти менее жестокий

выход для ее любви.

Сто раз она готова была взять перо и бумагу, чтобы написать крестному. Но всякий раз ее останавливала невозможность этого. Куда написать? В Савон, где находится папа? Но письмо не дойдет. Оно неминуемо попадет в руки Фуше. Нет, взвесив все, лучше дождаться появления кардинала. Когда он узнает о происшедших переменах, возможно, именно он и предложит новое решение...

Как хорошо было мечтать и строить планы, которые не были продиктованы в принудительном порядке.

А утром четвертого дня все это разбилося вдребезги.

Удар был нанесен маленькой запиской, аккуратно сложенной и очень тщательно запечатанной, которую Агата принесла нежившейся в постели хозяйке. Чтение ее исторгло из груди молодой женщины крик ужаса и заставило опрометью вскочить. Едва набросив утренний пеньюар, босиком, она помчалась к Жоливалю, который мирно завтракал, читая утреннюю газету. Появление ураганом влетевшей Марианны, смертельно бледной и явно напуганной, заставило его так резко подняться, что стол, за которым он сидел, опрокинулся, в падении увлекая стоявший на нем кофейник, разлетевшийся на тысячу осколков. Но эта катастрофа в миниатюре не привлекла внимания. Неспособная выговорить хоть слово, Марианна протянула Жоливалю записку, затем упала в кресло, сделав знак, чтобы он прочитал ее.

В нескольких торопливо набросанных словах Блэк Фиш сообщал своей юной подруге, что лорд Кранмер бежал из Венсена, причем необъяснимым образом, что след его ведет в Булонь и, без сомнения, оттуда в Англию. Бретонец добавил, что он бросается преследовать его. «Пусть дьявол поможет ему, когда я поймаю его, — написал он вместо заключения, — или он, или я...»

Обладая большим самообладанием, чем Марианна, Аркадиус побледнел не меньше ее. Скомкав письмо, он со злобой бросил его в камин, затем подошел к готовой потерять сознание молодой женщине. Он слегка похлопал ее по щекам, схватил ее Ледяные руки и стал растирать.

— Марианна! — в тревоге позвал он. — Марианна, успокойтесь! Откройте глаза! Посмотрите на меня!.. Марианна...

Она, приоткрыла веки, явив своему другу два темных, полных ужаса озера.

— Он свободен... — невнятно забормотала она. — Они выпустили его... это чудовище! И теперь он больше не оставит меня! Он придет сюда, он захочет отомстить... он убьет меня... Он всех нас убьет!

Ее голос стал невыносимо пронзительным. Аркадиус никогда не видел Марианну жертвой такого ужасного страха. Ее, всегда такую смелую, всегда готовую встретиться лицом к лицу с опасностью! Эти несколько слов привели ее на грань безумия. Он понял, что вернуть ее в нормальное состояние можно только резкостью, а еще лучше заставить ее почувствовать стыд за свой страх. Он выпрямился и выпустил ее руки.

— Это вы из-за себя закатываете истерику? — спросил он сурово. — Разве вы не поняли, что именно сообщил вам Никола Малерусс? Тот человек убежал, ясно, но он направился в Англию... в Англию, где, без сомнения, снова займется охотой на беглых пленных! С каких пор вы научились дрожать за себя, Марианна д'Ассельна? Вы находитесь у себя дома, окружены слугами, друзьями, такими людьми, как Грахх и я сам! Вы можете попросить помощи у человека, который держит всю Европу в своих руках, и вы знаете, что беспощадный мститель

преследует того, кого вы боитесь, человек, готовый отдать ради этого жизнь. И все-таки вы трепещете за себя? Лучше подумайте о тех несчастных, которых страстное желание избавиться от жестоких страданий толкает в водоворот самых ужасных опасностей!

По мере того как он говорил, роняя слова, подобно ударам хлыста, Жоливаль видел, как светлели глаза Марианны, как мало-помалу, сменив недоверие, в них появилось то, что он надеялся увидеть: стыд. Он видел также, как обрели нормальный цвет смертельно бледные щеки. Она встrepенулась и провела по лицу все же еще слегка дрожащей рукой.

— Простите! — прошептала она немного спустя. — Простите! Я потеряла голову! И вы правы... как всегда правы! Но когда я прочла это... сейчас, мне показалось, что у меня раскалывается голова... что я схожу с ума! Вы не можете знать...

Аркадиус тихо опустилcя перед ней на колени и положил руки ей на плечи.

— Так... я догадываюсь! Но я не хочу, чтобы тень этого человека довела вас до исступления. В этот час он, безусловно, далеко отсюда и, прежде чем покушаться на жизнь вашу, ему надо подумать о защите своей собственной.

— Он может вернуться очень скоро... и под чужим именем.

— Мы будем караулить его.

— И затем вы прекрасно видите, что он сильней, чем мы, раз он смог убежать, несмотря на крепостные стены, цепи, железные ворота, охрану и даже Блэка Фиша, несмотря на то, что он сделал и что мы знаем о нем!

Аркадиус встал и машинально поставил на место стол.

— Вы не решаетесь сказать, что я ошибся, не так ли?

Однако это правда. Я ошибся. Но как можно было представить себе, что Фуше посмеет пойти на это? Какую же роль играет этот презренный англичанин в замышляемом политическом заговоре?

— Без сомнения, очень значительную.

— Как бы ни был серьезен политический замысел, из-за него нельзя оставлять жизнь и свободу подобному демону, Марианна! Необходимо предупредить императора!

— Предупредить его? О чем? Что какой-то шпион сбежал из Венсена? Он должен уже знать.

— По-моему, нет. Он потребовал бы слишком подробных объяснений. В ежедневном рапорте, который составляет для него Фуше, об этом, безусловно, нет ничего. Найдите его, расскажите все... и положитесь на Божью милость!

— Императора больше нет здесь!

— Он в Компьене, я знаю. Отправляйтесь туда.

— Нет. Это о себе я думала, когда сказала, что его здесь нет. Сейчас он не хочет меня видеть... может быть, позже. Ведь я говорила, как мы расстались.

— Все-таки поезжайте! Он по-прежнему любит вас!

— Может быть, но я не хочу сейчас пытаться получить доказательство этой любви. Я слишком боюсь... сделать еще одну ошибку. Нет, Аркадиус, пусть он проводит свой медовый месяц... пусть путешествует по провинциям Севера. После его возвращения, может быть... Поглядим, как пойдут дела, и... окажем доверие Никола Малеруссу. Его ненависть слишком велика, чтобы не быть действенной. Вы правы, говоря, что перед подобной Немезидой лорд Кранмер в постоянной опасности.

Марианна со вздохом встала, рассеянно оттолкнула ногой осколки севрского кофейника и направилась к зеркалу.

Лицо ее было бледно, щеки ввалились, но взгляд вновь обрел уверенность. Борьба возобновлялась, и она принимала ее. Пусть будет так, как решит судьба!

Когда она пошла к выходу, Жоливаль спросил почти боязливо:

— Вы действительно ничего не хотите предпринять? Решили ждать?

— — У меня нет выбора. Вы же сами говорили, что эти тайные переговоры Фуше должны принести большую пользу Франции. Ради этого стоит рискнуть человеческими жизнями... даже моей.

— Я знаю вас, Марианна. Это ничем не проявится: ваш лоб останется гладким, лицо — безмятежным и чистым... но в глубине души вы будете тысячи раз умирать от страха.

На пороге она обернулась и послала ему бледную улыбку.

— Вполне возможно, друг мой. Но это уже стало привычкой... вот и все. Просто привычкой.

Глава VIII. ТАКОЕ ДОЛГОЕ ОЖИДАНИЕ

Время, казалось, остановилось для Марианны, замкнувшейся в своем доме, как из предосторожности, так и из-за полного отсутствия желания выходить; дни следовали один за другим, совершенно одинаковые, ничто не нарушало их приводящую в отчаяние монотонность. Единственное отличие заключалось в том, что сегодняшний день был еще длиннее вчерашнего, а завтрашний обещал стать еще хуже предыдущего. Как безжалостные капли воды, сомнения подтачивали Марианну, мало-помалу сменяя ее выжидание тревогой.

Уехавший больше двух недель назад Гракх еще не возвратился, и это становилось необъяснимым. Если он скакал галопом день и ночь, как обещал, он мог добраться до Нанта очень скоро... максимум за три дня. Вручить письмо консулу Соединенных Штатов не требовало много времени, так что за неделю он должен был вполне обернуться. Почему же тогда такое опоздание? Что случилось? Все эти дни Марианна проводила в маленьком салоне второго этажа с окнами, выходившими на передний двор и Лилльскую улицу, что позволяло слышать доносившийся с нее шум. Стук копыт заставлял биться ее сердце, принося разочарование при удалении. Еще хуже было, когда он прерывался и раздавался чуть дребезжащий звук входного колокольчика. Тогда Марианна бросалась к окну, но почти сразу же возвращалась со слезами на глазах, убедившись, что это снова был не Гракх.

Постепенно ночи стали подлинным кошмаром. Марианна спала самую малость, да и то плохо. Добровольное заточение, отсутствие физических упражнений, ее новое состояние и беспокойство прогоняли сон. Она использовала бесконечные часы бессонницы, строя всевозможные, одно другого фантастичнее, предположения относительно Гракха. Самым ужасным, заставлявшим ее содрогаться и обливаться холодным потом в горячей постели, было

то, что бедный мальчик стал жертвой нападения. Несмотря на строгость императорской полиции, дороги были наводнены разбойниками. Одиноким всадник мог стать легкой добычей, и было столько глухих зарослей, где брошенное тело оставалось бы незамеченным долгие недели. Марианна не находила себе места при мысли, что если с ее верным кучером что-нибудь произойдет, никто не сообщит ей об этом. Может быть, она напрасно ждет возвращения преданного друга и ответа, который уже никогда не придет.

Единственный проблеск в этом мраке: Наполеон прислал ей из Компьена записку, вид которой заставил ее кровь бежать быстрее, но содержание, увы, разочаровало:

«Милая моя Марианна. Несколько слов на ходу, чтобы ты убедилась в том, что я всегда думаю о тебе.

Хорошо следи за так дорогим мне здоровьем и за голосом, который после возвращения из путешествия облегчит груз государственных дел, обременяющих твоего Н...».

Груз государственных дел? Париж пуст и спокоен, весь двор перебрался в Компьен, но «милая Марианна» знала от постоянно рыскавшего повсюду Аркадиуса, что придворные увеселения и медовый месяц занимали императора бесконечно больше государственных дел, которых он, похоже, наоборот, упорно избегал в это время. Только балы, охота, прогулки, спектакли и всевозможные другие развлечения, и, исключая представительство в Императорском совете и аудиенцию Мюрату по поводу итальянских дел, император ничем серьезным не занимался... Конечно, с его стороны было любезностью написать ей, но — вещь совершенно немыслимая несколько недель назад — Марианна небрежно бросила записку на столик, затем вздохнула и, не глядя на нее больше, вернулась к своим заботам.

Ее желание увидеть Гракха и узнать, может ли она надеяться на приезд Язона, было так велико, что даже приглушило ужасный страх, вызванный сообщением о бегстве лорда Кранмера. Она не вздрагивала больше при каждом необычном шуме, раздававшемся ночью, она не пугалась больше, когда из окна замечала на улице напоминавшую англичанина фигуру. Ведь существовал Блэк Фиш, к которому она питала полное доверие, и еще она знала, что прибытие Язона будет лучшим лекарством против страха. Если он согласится взять ее навсегда, под его покровительством угроза десятка Кранмеров не вызовет у нее больше страха.

Язон — сильный, отважный мужчина того типа, рядом с которым женщина чувствует себя спокойно... Необходимо, чтобы он приехал, абсолютно необходимо... Но, Бог мой, как томительно тянется время!..

Была, однако, кроме верного Жоливаля, еще одна душа, которую Марианна с радостью увидела бы:

Фортюнэ Гамелен. Хотя вызванная Франсисом паника немного улеглась, молодая женщина еще долго размышляла об этом необычайном побеге. Правда, она не знала подробностей, но было совершенно ясно, что без участия министра полиции он не мог произойти. В то же время она не могла допустить, чтобы министр Наполеона опустил до такого: глумиться над самоотверженностью своих собственных агентов, освободить опасного преступника, смертельного врага его родины. И Фортюнэ, которая так много знала, Фортюнэ, без сомнения, ввиду своей преданности Наполеону входившая в число агентов Фуше, Фортюнэ, возможно, смогла бы приоткрыть завесу над этой тайной. Но Фортюнэ, охваченная вновь вспыхнувшей любовью к красавцу Фурнье-Сарловезу, исчезла, как и напоролил ее черный мажордом Жонас.

«Ну вот, — меланхолично подумала Марианна, — обе женщины, к которым я питаю подлинное доверие, единственные, кого я по-настоящему люблю, унесены непреодолимым ветром любви. Одна я мучаюсь с напрасной любовью, которая сейчас интересуется, пожалуй, только меня».

Однажды Наполеон, со смехом цитируя Овидия, сказал ей, что любовь — нечто вроде военной службы. Для Марианны же это было еще хуже: нечто вроде пострижения в монахини с такими спутниками, как одиночество и воспоминания, только усугублявшими тягостное ощущение обмана.

Но вот утром, которое, судя по календарю, было понедельником 19 апреля, во время первого завтрака Фортюнэ без предупреждения появилась у своей подруги. Небрежно одетая, кое — как причесанная, что для нее было признаком большого волнения, она рассеянно поцеловала Марианну, заверила ее, что у нее «ослепительный вид», что было по меньшей мере преувеличением, и рухнула в кресло, приказав Жерому принести побольше кофе, горячего и сладкого.

— Ты бы лучше выпила шоколаду, — заметила Марианна, встревоженная при мысли, какое действие может оказать большое количество кофе на того, кто и так достаточно взвинчен. — Кофе сильно возбуждает, ты же знаешь?

— А я хочу быть возбужденной, ожесточенной, вне себя!

Я хочу, чтобы во мне продолжал кипеть гнев, — вскричала креолка в драматическом порыве, — надо, чтобы я долго вспоминала вероломство мужчин. Хорошо запомни это, несчастная! Верить тому, что нашептывает мужчина, все равно что верить капризному ветерку. Лучший из них — гнусное чудовище, а мы — его несчастные жертвы.

— Если я правильно поняла, твой гусар напраказил? — спросила Марианна, на которую ярость Фортюнэ подействовала, как порыв свежего ветра.

— Он негодяй! — заявила молодая женщина, положив себе солидную порцию яичницы и густо намазав маслом кусок хлеба. — Понимаешь ты это? Мужчина, которого я люблю в течение ряда лет, за которым ухаживаю днем и ночью с самопожертвованием послушницы из монастыря Святого Винцента! Мне ли этим заниматься?

Марианна сдержала улыбку. Положение, в котором она оставила Фортюнэ и красавца Фурнье в вечер императорской свадьбы, имело очень отдаленное сходство с набожным милосердием.

— Ну? — спросила она. — Что же произошло?

Фортюнэ коротко рассмеялась и, хотя в ее сухом смехе отсутствовала веселость, он впечатлял своим трагическим звучанием.

— Почти ничего! Ты можешь себе представить, что он посмел привезти с собой в Париж эту итальянку?

— Какую итальянку?

— Девуцу из Милана... я не знаю даже ее имени! Психопатку, которая до такой степени втрескалась в него там, что бросила семью и состояние, чтобы последовать за ним.

Мне говорили, что он привез ее с собой и поместил в своем родном Перигу в Сарла, где у него есть дом, но я не хотела в это верить. Так вот, она не только была в Сарла, но и приехала с ним

сюда! Дальше уж идти некуда, а?

— И как ты узнала об этом?

— — Он сам мне сказал! Ты не можешь представить себе, насколько циничен этот повеса! Он покинул меня этой ночью, попросту заявив, что теперь ее очередь взять на себя заботу о нем и ему пора идти на встречу с ней! Оказывается, находясь у меня, он посмел послать ей письмо с объяснением, что он ранен и находится на излечении в доме, куда ей вход заказан. Я вышвырнула его вон! И надеюсь, что та дуреха поступит так же!

На этот раз Марианна не смогла удержаться. Она рассмеялась и с удивлением прислушалась к своему смеху, ибо за последние три недели такое было впервые.

— Ты напрасно довела себя до такого состояния. Если он пятнадцать дней оставался взаперти с тобой, он, безусловно, больше нуждается в отдыхе и сне, чем в страсти. Кроме того, он человек выздоравливающий! Пусть он возвращается к своей итальянке. Если он живет с ней, у нее в доме невольно все должно подчиняться некоему брачному статусу, так что, по сути дела, ты находишься в лучшем положении. Предоставь ей все радости домашнего хозяйства.

— Домашнего хозяйства? С ним? Сразу видно, что ты с ним не знакома! Знаешь, чего он допытывался у меня?

Марианна сделала отрицательный знак. Пусть Фортюнэ продолжает считать, что она действительно совершенно не знает Фурнье.

— Он спрашивал у меня твой адрес, — торжествующе бросила та.

— Мой адрес? Для чего?

— Чтобы нанести тебе визит. Он думает, что с твоим «гигантским влиянием» на императора ты без труда сможешь устроить его восстановление в армии. И в этом он совершает большую ошибку.

— Почему?

— Потому, что Наполеон и так достаточно ненавидит его, а тут еще возникает вопрос о его взаимоотношениях с тобой.

Несомненно, она права. Впрочем, Марианна не имела никакого желания снова увидеть пылкого генерала с его наглым взглядом и слишком проворными руками. То, что он собирался просить ее помощи, было уж слишком, учитывая обстоятельства, при которых они познакомились. И затем, довольно с нее уже этих мужчин, постоянно пытающихся что-нибудь выпросить у нее, но ничего не дающих взамен...

Поэтому в голосе появилась необычайная сухость, когда она заявила:

— Я сожалею, говоря тебе это, Фортюнэ, но твой гусар никогда меня не интересовал. К тому же один Бог знает, когда я снова увижу императора.

— Bravo! — одобрила Фортюнэ. — Пусть мои нежные друзья сами выпутываются, ведь они не могут похвалиться, что ты им чем-то обязана?

Марианна нахмурила брови.

— Что ты хочешь сказать?

— То, что я знаю, как подло вел себя Уврар по отношению к тебе. Что поделаешь! У Жонаса весьма тонкий слух, и он обожает подслушивать...

— О! — Лицо Марианны запылало. — Ты знаешь? И конечно, сказала кое-что Уврару?

— Пока ничего! Пусть он немного подождет. Я сумею, будь покойна, отомстить за нас обеих, пока не поздно. А за тебя я готова броситься и в огонь, если понадобится. Тебе стоит только сказать! Я твоя телом и душой! А деньги тебе по-прежнему нужны?

— Больше нет. Все в порядке.

— Император?

— Император, — подтвердила Марианна не без стыда за эту новую ложь, но она не хотела рассказывать Фортюнэ о своей встрече с кардиналом и о том, что затем последовало.

Она не имела права говорить о своем невыносимом положении, о будущем ребенке, о вынужденном браке, и, в сущности, так было лучше. Фортюнэ, набожность которой отдавала суеверием и язычеством, не поняла бы ее. Беззаботная и бесстыдная миниатюрная креолка не постеснялась бы выставить на обозрение целую армию незаконных плодов ее многочисленных страстей, если бы природа не создала ее такой ловкой в любви. Марианна знала, что она изо всех сил воспротивится проекту кардинала, а относительно того, что она посоветует своей подруге, догадаться нетрудно: сообщить Наполеону о грядущем материнстве, позволить ему выдать ее замуж за первого попавшегося недотепу... и затем утешаться с кем попало. Но Марианна не хотела даже ради спасения своей чести и чести ребенка вложить свою руку в руку недостойного корыстолюбца. Язон был чист в этом отношении, и она достаточно хорошо знала крестного, чтобы не сомневаться, что избранный им мужчина возьмет ее в жены не по расчету: ей не придется презирать ни его, ни себя... Да, с какой стороны ни посмотри, получается, что лучше ни о чем не говорить ее подруге.

Будет время позже... или по крайней мере когда появится Язон, если он вообще появится...

Погрузившись в такие близкие ее сердцу печальные думы, Марианна не обращала внимания ни на слишком затянувшееся молчание, ни на то внимание, с которым подруга рассматривала ее. И вдруг совершенно спокойно Фортюнэ спросила:

— У тебя неприятности? Твой муж?

— Он? Его арестовали, — с коротким смешком сказала Марианна, — но через три дня он благополучно сбежал.

— Сбежал? Откуда?

— Из... из Венсена!

— Из Венсена? Но это невозможно! — категорическим тоном воскликнула Фортюнэ. — Из Венсена не убегают! Если это произошло, значит, ему помогли. И надо быть дьявольски влиятельным, чтобы добиться такого. Что ты думаешь по этому поводу?

— Да... ничего.

— Уж будто! Я знаю, что ты думаешь, потому что сама думаю так. Никто не слышал об этом побеге, и я могу поспорить, что император тоже не знает... как он, впрочем, не знал и об аресте. Ладно, назови мне того, кто достаточно силен, чтобы устроить побег из Венсена английскому шпиону так, чтобы никто об этом не знал и даже газетчики не пронюхали.

— Но есть же, наконец, тюремщики, канцелярия.

— Поверь, если мы придем в тюрьму, мы найдем там только наивных добряков и самое убедительное заперательство: никто не поймет, о чем мы говорим. Нет, по-моему, дело закончено, но чего я не могу понять — это причину, побудившую Фуше выпустить врага...

— Ты еще не все знаешь...

Марианна торопливо описала разыгравшуюся в Музее восковых фигур сцену и пересказала ужасное сообщение Блэка Фиша. Фортюнэ слушала с заметным волнением и в конце тяжело вздохнула.

— Какая гнусность! Единственное, на что я надеюсь, чтобы оправдать Фуше, это то, что он не знал всего этого.

— Как он мог не знать? Ты считаешь, что Блэк Фиш скрыл от него все?

— Нельзя утверждать, что он видел министра после ареста англичанина. Фуше мог быть в Компьене или у себя в Феррьерере. К тому же, когда его информировали об аресте, он, безусловно, не спешил увидеть того, кто это проделал, услышать его объяснения, которые могли оказаться неопровержимыми уликами. Наш министр — хитрая лиса, и если я говорю, что он мог не знать об охотничьих подвигах твоих... словом, этого англичанина, то потому, что это вполне возможно. Но уверяю тебя, что я все узнаю точно.

— Каким образом?

— Это уж мое дело. По меньшей мере я узнаю причину этой странной снисходительности к английскому шпиону.

— Аркадиус утверждает, что Фуше без ведома императора затеял переговоры с Англией, переговоры, которые ведутся через банкиров... Бареня, Лябушера и... Увара.

Темные глаза м-м Гамелен сверкнули злобной радостью.

— Так-так! Это многое объясняет, сердце мое. Я действительно замечала, что последнее время происходили странные вещи как у особняка Жюинье, так и около банка дорогого Увара. Если Жоливаль, человек большого ума, правильно во всем разобрался, дело идет о большой прибыли для господ толстосумов, исключая Францию, которую они обходят своими заботами! И поскольку я любопытна по природе, я постараюсь извлечь это милое дельце на свет Божий.

— И как ты это сделаешь? — спросила Марианна, обеспокоенная тем, что ее подруга бросается на опасную тропу войны.

Фортюнэ встала, подошла и запечатлела материнский поцелуй на лбу молодой женщины.

— Не утруждай свою милую головку этими запутанными историями и предоставь мне действовать! Обещаю тебе, что мы славно посмеемся и что ни Увар, ни Фуше не вознесутся в рай... или, скорее, не провалятся в преисподнюю, которая их ожидает. А сейчас оденься и иди

со мной.

— Куда ты хочешь идти? — с видимым недовольством запротестовала Марианна, съезживаясь в своем кресле, словно призывая подругу не уходить.

— В Париж, прогуляться. Погода превосходная. Вопреки моим льстивым словам ты выглядишь ужасно и свежий воздух тебе просто необходим.

Марианна поморщилась. Ей казалось, что стоит ей хоть на минуту уйти, как появится Гракх.

— Пойдем, — настаивала Фортюнэ, — пойдем со мной. Завтра вечером у меня небольшой прием, и надо заглянуть к Шере в Пале-Рояле и узнать, есть ли у них устрицы. Пойдем вместе, это развеет тебя. Вредно сидеть вот так взаперти со своими мрачными мыслями и страхом! Ведь ты боишься?

— Поставь себя на мое место. Ты бы не боялась?

— Я? Я была бы в ужасе, но чем больше я боялась бы, тем охотнее покидала бы дом. Гораздо лучше быть среди шумной толпы, чем сидеть за каменными стенами. И потом, чего ты ждешь от этого англичанина? Что он убьет тебя?

— Он поклялся отомстить мне, — пробормотала Марианна.

— Допустим. Но месть бывает разная. Если, как ты утверждаешь, он человек умный...

— Слишком! Как сам дьявол.

— Тогда он не убьет в тебе курицу, несущую золотые яйца. Это было бы слишком просто, легко и быстро... Кроме того, он может предположить, что император поднимет всех на ноги, чтобы отыскать твоего мучителя. Нет, я скорее предположу, что он попытается отравить твое существование, доведя тебя до того, что ты сама жить не захочешь, но он никогда не придет, чтобы хладнокровно тебя зарезать.

Он чудовище, этот человек, но не дурак! Подумай, сколько золота он еще может надеяться вытянуть из тебя.

По мере того как она говорила, напряженное внимание Марианны жадно отмечало каждое ее слово, каждый виток ее рассуждений.

Фортюнэ была права. Когда его арестовали, Франсис пришел в ярость не из-за утраты свободы, а из-за потери так легко добытой крупной суммы. Лорд Кранмер был слишком уверен в себе, чтобы бояться тюрем, тюремщиков и всего судебного ведомства, он терял золото, то золото, которого он жаждал больше воздуха. Марианна встала.

— Я пойду, — сказала она наконец, — но не приглашай меня к себе на ужин. Я откажусь!

— Но... я и не собираюсь тебя приглашать. Это ужин на двоих, моя милейшая. И ужин на двоих теряет все свое очарование, когда появляется третий.

— Ах, понимаю! Ты ждешь возвращения своего гусара.

Очевидно, это предположение показалось очень смешным м-м Гамелен, потому что она разразилась смехом, или, скорее, начала радостно ворковать, что заменяло у нее смех.

— Вот и не угадала! К черту Фурнье! Если хочешь знать, я жду другого гусара.

— Но... кто же это? — спросила Марианна, чувствуя некоторую растерянность перед этой Фортюнэ, которая явилась к ней, пылая гневом от ревности, а теперь совершенно спокойно говорит об ужине с другим мужчиной.

Смех все больше разбирал креолку.

— Кто? Да Дюпон, вечный соперник Фурнье, человек, который так ловко проткнул ему плечо в тот вечер! Он совершенно бесподобен, ты знаешь? И ты не представляешь, какой приятный вкус приобретает месть в его объятиях!.. Иди оденься!

Марианна не заставила ее повторять. Попытаться понять что-нибудь в логике Фортюнэ было сейчас выше ее сил. Действительно, м-м Гамелен женщина незаурядная.

Часом позже Марианна прохаживалась рядом со своей подругой под сводами галерей Пале — Рояля, где располагались лучшие гастрономические магазины. Погода была чудесная, лучи солнца играли в молодой листве деревьев, струях фонтанов и глазах хорошеньких девушек, толпившихся в этом месте, уже давно ставшем пристанищем всевозможных удовольствий.

Марианна немного оживилась. Сначала они пошли к Ирмену, где креолка заказала корзину свежих трюфелей, майльскую горчицу и различные острые приправы, заявив, что любовный пыл мужчины всегда надо подогревать. Отсюда направились к Шере, поставщику всевозможной дичи.

Магазин у него был узкий и тесный, где покупатели, миновав двух висевших по обе стороны входа косуль, с трудом пробирались между бочками с сельдью и свежими сардинами, корзинками с устрицами и раками. Марианна с интересом узнала среди посетителей знаменитого Карема, сопровождаемого двумя чопорными лакеями и тремя поварятами с большими корзинами. Одетый как богатый буржуа, шеф-повар Талейрана делал свой выбор с серьезностью ювелира, оценивающего драгоценные камни.

— Здесь столько людей, — сказала Фортюнэ, — к тому же Карем всегда толчется до бесконечности.

Мы еще вернемся сюда. А пока пойдем к Корселе.

В конце галереи Божоле, знаменитый бакалейщик, открыл свой огромный магазин, подлинный рай для гурманов и гастрономов. Многочисленные внимательные приказчики предлагали охотничьи сосиски из Лиона, колбасу из Арля, гусиную печенку из Страсбурга или Перигора, паштет из Нерака, копченые языки из Труайло, жаворонков из Птивоера, пулярок из Манса, не говоря уже о пряниках из Дижона или Реймса, черносливе из Ажана, мармеладе из Клермона и многом другом.

Клиентура здесь была богатая. Фортюнэ незаметно показала подруге двух-трех женщин из высшего света, пришедших сюда, чтобы сделать заказы. Перед одной из них, веселой и симпатичной коротышкой, увивался почти весь персонал, с которым она вела себя очень непринужденно.

— Превосходная женщина — эта жена маршала Лефевра, — прошептала м-м Гамелен, — но герцогиней от нее и не пахнет! Говорят, что она была прачкой, и благовоспитанные придворные зеваки смотрят на нее свысока, но это ее не особенно волнует. Если у нее действительно руки прачки, то уж сердце — благородное, чего не скажешь о других.

Например, об этой, — добавила она, украдкой показывая на высокую брюнетку, немного худощавую, но с великолепными черными глазами, которая выставила напоказ слишком пышный для утра туалет и отдавала распоряжения с излишним высокомерием.

— Кто она? — спросила Марианна, которая уже встречала эту женщину, но забыла ее имя.

— Эгле Ней. Она из хорошей буржуазной семьи, дочь горничной Марии-Антуанетты, но память о ее происхождении, сознание большого богатства и славы ее супруга породили в ней своего рода царственный снобизм, правда, больше смахивающий на провинциализм. Посмотри, как неумело она делает вид, что не замечает присутствия мадам Лефевр! Мужья — братья по оружию, а жены ненавидят друг друга. Это довольно точное воспроизведение того, что творится при дворе Тюильри.

Но Марианна больше не слушала. Остановившись перед витриной, она уже некоторое время всматривалась в очертания женщины, которая собралась выйти из соседнего кафе, но остановилась на пороге и заколебалась. Эта женщина, безусловно, была ей знакома.

— Ну вот, — удивилась Фортюнэ, — что ты там увидела? Уверю тебя, что кафе Слепых не представляет для нас никакого интереса. Это пользующееся дурной славой место, где пасутся проститутки, сутенеры, развратники и куда заманивают провинциалов, чтобы обобрать их до последней нитки.

— Кафе тут ни при чем... меня заинтересовала та женщина в сером платье с красной шалью. Я уверена, что знаю ее! Я... Ох!..

Поправив шаль, женщина повернула голову, и Марианна, без всяких объяснений оставив подругу, поспешила наружу, влекомая побуждением, над которым она была не властна. Теперь она определенно узнала женщину. Это была бретонка Гвен, любовница Морвана-грабителя, который после памятной ночи в Мальмезоне нашел постоянное место в императорской тюрьме.

Может быть, и не следовало так удивляться при встрече в Париже с одетой, как скромная мещанка, дикой дочерью скал Пагании. Собственно, если Морван был в Париже, пусть даже и в тюрьме, почему бы не быть здесь и его любовнице, но тайный голос подсказывал ей, что Гвен появилась не только для того, чтобы быть поближе к арестованному любовнику. Дело было в другом... Но в чем?

Бретонка неторопливо пошла по галерее Божоле. Она держалась скромно, почти робко, опустив голову так, чтобы ее лицо по возможности оставалось в тени поля шляпы, просто украшенной красным бантом. Она явно не хотела, чтобы ее приняли за одну из многочисленных накрашенных и вызывающе декольтированных проституток, наполнявших галерею Пале-Рояля. Марианна подумала, что, по-видимому, Гвен так старательно скрывает свою привлекательность, потому что хочет избежать опасности привлечь внимание кого-нибудь из праздношатающихся, бродивших в этом месте удовольствий и знакомств.

Чтоб избежать подобного риска, Марианна быстро опустила обвивавшую ее шляпку густую зеленую вуаль. Это позволило ей следовать за бретонкой, не опасаясь быть узнанной.

Идя друг за другом, обе женщины прошли галерею вплоть до старинного театра Монтазье. Там Гвен повернула налево, под сводчатую колоннаду, ведущую к улице Божоле. Но прежде чем выйти на улицу, она два раза оглянулась, что сразу же напомнило Марианне об осторожности и заставило ее остановиться в тени одной из величественных каменных колонн, сделав вид, что она рассматривает вход знаменитого ресторана «Гран Вефур». Затем она незаметно выглянула

на улицу.

Гвен остановилась немного дальше, рядом с черной каретой, которая сразу напомнила Марианне другую, очень похожую на нее, и пробудила недавние и малоприятные воспоминания. Бретонка обменялась несколькими быстрыми фразами с кучером, лицо которого было укрыто поднятым воротником плаща, затем девушка вернулась к тому месту, где притаилась Марианна, и стала заглядывать в окна ресторана. Она явно интересовалась чем-то или кем-то, находящимся в «Гран Вефуре».

Марианна начала прохаживаться по галерее, не выпуская из виду бретонку, чье поведение казалось ей по меньшей мере странным. К счастью, мимо них проходило много людей, так что маневры Марианны не могли привлечь внимания. К тому же и Фортюнэ Гамелен присоединилась наконец к своей подруге.

— Может быть, ты скажешь, что происходит? — спросила она. — Ты выскочила из лавки Корселе, словно за тобой гнались.

— За мной никто не гнался, наоборот, я хотела проследить за одной особой. Пройдемся, если тебе не трудно, дорогая Фортюнэ, чтобы не привлекать внимания.

— Легко сказать, — усмехнулась креолка. — Хотя у тебя и густая вуаль, милочка, твою фигурку не спрячешь... да и на свою я пока не жалуюсь. Но раз ты хочешь, пошли.

Тебя все еще занимает эта женщина в сером и красном?

Кто же она?

В нескольких словах Марианна ввела Фортюнэ в курс дела, и молодая женщина согласилась, что тут действительно есть над чем подумать. Однако она возразила:

— А тебе не кажется, что эта особа просто хочет подзаработать? Она очень хорошенькая, и среди подвизающихся здесь девиц есть некоторые, имеющие вполне респектабельный вид.

Судя по тому, что ты мне рассказала, она не так уж сурова, по крайней мере в отношении с мужчинами.

— Возможно, но я этому не верю. В таком случае зачем на улице ждет карета, почему она ходит взад-вперед перед рестораном, не спуская глаз с двери! Она ждет кого-то, это точно, и я хочу знать кого!

— Безусловно, — вздохнула Фортюнэ, — знакомства женщин подобного рода могут интересовать некоторых особ... среди прочих и нашего друга Фуше. Ладно, подождем! Может быть, увидим что-нибудь интересное.

Рука об руку, спокойным прогулочным шагом обе женщины направились к засаженному липами и туями центру сада, стараясь, однако, не уходить далеко от исходной точки. Казалось, что они ведут оживленный разговор, терявшийся в непрерывном шуме, исходившем из бесчисленных кафе, бильярдных, книжных лавок и всевозможных магазинов, открытых днем и ночью у Пале — Рояля. Обе не выпускали из виду бретонку, медленно прохаживающуюся между улицей и садом. Внезапно Гвен остановилась. Следившие за ней — тоже, дверь ресторана начала отворяться...

— Я чувствую, что сейчас что-то произойдет! — прошептала Фортюнэ, крепко сжав руку

подруги.

Действительно, в дверях показался мужчина. Плотный, широкоплечий, в синем сюртуке с позолоченными пуговицами, в надетом набекрень сером цилиндре, он остановился на пороге, ответил дружеским жестом на низкий поклон хозяина и зажег длинную сигару. Но Марианна уже узнала его, и ее сердце учащенно забилося.

— Сюркуф! — прошептала она. — Барон Сюркуф!

— Знаменитый корсар? — восхищенно воскликнула м-м Гамелен. — Этот добряк, сложенный как корабельная бочка?

— Тем не менее это он, и теперь я знаю, кого поджидала эта особа. Смотри!

В самом деле, Гвен незаметно вышла из тени колонны и внезапно отяжелевшими шагами направилась к дверям «Гран Вефура», словно едва не падая от усталости.

— Что она собирается сделать? — прошептала Фортюнэ. — Попытается пристать к нему?

— Не знаю, но боюсь, что ничего хорошего, — ответила Марианна, нахмутив брови. — Морван ненавидит Сюркуфа еще больше, чем императора. И я спрашиваю себя... Подойдем поближе!

Ее пронзило опасение: а что, если Гвен прячет оружие и готовится сейчас нанести удар? Но нет. Дойдя до Короля корсаров, курившего сигару, она остановилась, пошатнулась и, поднеся ко лбу дрожащую руку, упала...

Видя потерявшую перед ним сознание молодую женщину, Сюркуф, разумеется, поспешил на помощь и обнял ее, чтобы поднять... Марианна тоже бросилась вперед и как раз подоспела, чтобы услышать, как бретонка угасающим голосом шепчет:

— Это пустяки... будьте любезны, сударь, отведите меня к карете... она ждет здесь рядом. Там мне окажут уход...

Одновременно она усталым жестом остановила других приближающихся.

Марианна разгадала план Гвен. Сюркуф ни в ком не нуждался, чтобы помочь худошавой, легкой девушке добраться до кареты, а в этой карете должны были находиться люди, уже поджидавшие его. В одну секунду его втащат внутрь и похитят среди бела дня в центре Парижа. Он представлял превосходный объект для обмена на Морвана, если только они вообще собирались оставить его в живых!

Марианна готова была поклясться, что шайка Фаншон — Королевской Лилии не могла не приложить руку к этому делу. Она не колебалась ни мгновения. Подойдя вплотную к Сюркуфу, который уже поднял с земли мнимую больную, она тронула его за руку и заявила:

— Оставьте эту женщину, господин барон, она не больше больная, чем вы или я! И главное, не приближайтесь к карете, куда она хотела вас увлечь.

Сюркуф с удивлением посмотрел на незнакомку в вуали, говорившую такие странные вещи, и от растерянности отпустил Гвен, которая издала гневное восклицание.

— Однако, сударыня, кто вы?

Марианна тотчас подняла вуаль.

— Некто, весьма обязанная вам и очень счастливая, что попала сюда вовремя, чтобы помешать похитить вас.

Двойное восклицание: радости — у Сюркуфа и ярости у бретонки, такой была реакция на открывшееся лицо Марианны.

— Мадемуазель Марианна! — воскликнул корсар.

— Ты? — прорычала бретонка. — Неужели ты всегда будешь перебегать мне дорогу?

— Я не стремлюсь к этому, — холодно отпарировала Марианна, — и если вы согласитесь жить как все люди, это не произойдет.

— В любом случае ты солгала! У каждого может быть недомогание...

— ..которое уже исчезло? Быстро же излечило вас мое вмешательство!

Вокруг них уже собрались люди. Стычка между двумя женщинами привлекала все больше внимания. Увидев, что игра проиграна, бретонка, пожав плечами, хотела улизнуть, но большая загорелая рука Сюркуфа опустилась ей на плечо.

— Не спешите, красотка! Раз такое дело, надо объясниться... и когда обвиняют, то оправдываются!

— Мне нечего объяснять!

— А я думаю, что есть, — раздался певучий голос Фортюнэ, которая пробилась сквозь толпу в сопровождении двух мужчин. — Эти господа будут очень рады выслушать вас.

Глухо застегнутые черные сюртуки, потертые шляпы, большие башмаки и дубинки, а также мрачные лица новоприбывших не вызвали сомнения в их принадлежности к полиции. Толпа расступилась перед ними и подалась назад. Точно рассчитанными движениями они с обеих сторон схватили Гвен, которая начала отбиваться, как фурия.

— Я ничего не сделала! Пустите! По какому праву вы схватили меня?

— За попытку похитить барона Сюркуфа! Давай пошевеливайся, девка! Ты дашь объяснения императорскому суду, — сказал один из них.

— Нет такого права обвинять без всяких доказательств!

Сначала докажите вину!

— Вместо доказательства есть твои сообщники: люди из черной кареты. Эта дама, — добавил он, показывая на м-м Гамелен, — вовремя нас предупредила. Ими уже занялись наши товарищи. А теперь хватит шума, пошли!..

Они потащили бретонку, яростно брызгающую слюной и извивающуюся, как пойманная змея. По дороге она обернулась, плюнула в сторону Марианны и крикнула:

— Мы еще встретимся, и я заставлю тебя за все это заплатить, шлюха!

Наконец полицейские исчезли, а толпа окружила Сюркуфа и устроила ему овацию. Каждый хотел пробиться и позжать руку знаменитому моряку. Он защищался с неподдельной

застенчивостью, улыбался, пожимал протянутые руки и в конце концов увлек Марианну к кафе «Ротонда», чья терраса выступала посреди сада.

— По случаю возобновления нашего знакомства пойдем съедим по порции мороженого. После таких переживаний вам это необходимо и вашей подруге тоже.

Они расположились в стеклянной ротонде, и Сюркуф заказал угощение. Его сияющие синие глаза перебежали от Марианны к Фортюнэ, распутившей перед ним свой павлиний хвост, но все — таки возвращались к ее юной подруге.

— Знаете, я пытался узнать, что с вами случилось. Я несколько раз вам писал на адрес Фуше, но ответа так и не получил.

— Я не осталась у герцога Отрантского, — сказала Марианна, принимаясь за ванильный пломбир, — но он мог бы взять на себя труд переслать мне ваши письма.

— И я так думаю. Я как раз сейчас намеревался повидать его, прежде чем уехать в мою Бретань.

— Что? Вы уже возвращаетесь?

— Это необходимо! Я приезжал только по делам, а теперь, раз я вас встретил, все в порядке. Я могу спокойно уехать. Но вы просто великолепны!

Его восхищенный взгляд пробежал по изысканному туалету молодой женщины, задержавшись на золотых браслетах с драгоценными камнями, и Марианна вдруг почувствовала замешательство. Как объяснить то, что с ней произошло? Ее история с императором столь необычна, даже фантастична, что такому простому и прямому человеку, как корсар, трудно в нее поверить. И Фортюнэ, догадавшись о ее смущении, пришла на помощь:

— Так ведь перед вами, дорогой барон, королева Парижа.

— Как так? Конечно, я никоим образом не сомневаюсь, что вы обладаете всем, чтобы завоевать королевство, однако...

— Однако вам кажется удивительным, что это произошло так быстро? Ну хорошо, знайте же, что Марианны больше не существует. Я счастлива представить вам синьориту Марию-Стэllu.

— Как? Это вы? Но в Париже только и говорят о вашей красоте и вашем туалете. И вы, значит, та, кого император...

Он запнулся. Его широкое львиное лицо внезапно покраснело под загаром, в то время как щеки Марианны окрасились в тот же цвет. Он смутился оттого, что собирался сказать, а ее задело то, что подразумевалось в его молчании. Она прекрасно поняла, что Сюркуф, несмотря на свой провинциализм и краткое пребывание в Париже, не мог не слышать вездесущих сплетен, что отныне он знал, кто эта возлюбленная Наполеона, и было заметно, что это не доставляло ему удовольствия. Его глаза на загорелом лице, так напоминавшие Марианне Язона, омрачились. Наступило молчание, настолько тягостное, что даже словоохотливая Фортюнэ не решилась его нарушить. Она занялась шоколадным мороженым, сделав вид, что все это ее не интересует. И тогда Марианна первая мужественно подхватила нить разговора.

— Вы меня осуждаете, не так ли?

— Нет... Я боюсь только, что вы не будете особенно счастливы, если любите его... что, конечно, не вызывает никакого сомнения.

— Почему же?

— Потому что есть вещи, которые подобная вам женщина не сделает без любви. Могу добавить, что ему повезло! И надеюсь, он отдает себе в этом отчет.

— Я еще в большей степени. Но почему вы считаете, что я не счастлива?

— Именно потому, что вы — это вы и вы любите его.

Он только что женился, не так ли? И вы не можете не страдать?

Марианна опустила голову. С присущей общающимся с природой людям пронизательностью моряк читал в ней, как в детской книжке с большими буквами.

— Это правда, — подтвердила она с вымученной улыбкой, — я страдаю, но я не хотела бы, чтобы, ход событий изменился. Я по горькому опыту узнала, что в этом мире за все надо расплачиваться, и я готова заплатить по счету за счастье, которое имела, даже если он будет непомерно велик.

Он поднялся, склонился перед ней и поцеловал ей руку.

Она внезапно ощутила волнение.

— Вы уходите? Значит ли это, что... вы больше не друг мне?

Нежная улыбка скользнула по его губам и исчезла, но все тепло мира лучилось в его синих глазах, выцветших от бесчисленных бурь и бессонных ночей на раскачиваемом ветрами мостике.

— Ваш друг? Я им останусь до моего последнего вздоха, до конца света. Но мне попросту необходимо ехать. Вон идут мой брат и два наших капитана, которым я назначил встречу в этом саду.

Марианна осторожно придержала сжимавшие ее руку шершавые пальцы.

— Я увижу вас снова, не правда ли?

— Если бы это зависело только от меня! А где я смогу найти вас?

— Особняк д'Ассельна, Лилльская улица. Вы всегда будете там желанным гостем.

Он снова прижался губами к ее нежной руке и улыбнулся, но на этот раз в его улыбке была лукавая радость ребенка.

— Не ищите меня приглашением, потом от меня не избавитесь. Вы не представляете себе, насколько легко привязываются моряки.

В то время как он удалился в сопровождении ожидавших его в стороне людей, Фортюне Гамелен тяжело вздохнула.

— Все правильно, на меня он и не посмотрел, — сказала она с недовольной гримасой. —

Решительно, когда ты рядом, моя дорогая, надеяться не на что! А я хотела бы его заинтересовать! Таких мужчин я люблю.

Марианна рассмеялась.

— Какая ты любвеобильная, Фортюнэ! Оставь мне моего корсара! У тебя есть кому заставить тебя забыть его.

Дюпон, например!

— Всякому овощу свое время! А этот особенный, и если ты немедленно не сообщишь мне, когда он переступит порог твоего благородного дома, я никогда в жизни не заговорю с тобой.

— Хорошо. Это я тебе обещаю.

Наступил полдень. Небольшая пушка, предназначенная объявлять середину дня, выстрелила, окутавшись клубами белого дыма. Марианна и ее подруга направились к выходу из сада, чтобы сесть в стоящую перед Театром комедии карету. Когда они проходили под сводами старинного дворца герцогов Орлеанских, Фортюнэ внезапно сказала:

— Меня беспокоит эта брюнетка. Ее последний взгляд мне не понравился. И сейчас тебе только не хватало заполучить еще одного врага! Правда, у нее нет никаких шансов выбраться из тюрьмы, но все-таки будь осторожна.

— Я не боюсь ее. Да и что она сможет мне сделать?

Не могла же я допустить, чтобы Сюркуфа похитили? Я упрекала бы себя за это всю жизнь.

— Марианна, — неожиданно серьезно сказала Фортюнэ, — никогда не недооценивай ненависть женщины. Рано или поздно она найдет способ отомстить тебе за то, что ты ей сделала.

— Я? А почему не ты? Кто позвал полицию? Да, кстати, как тебе удалось найти их так быстро?

М-м Гамелен пожала плечами и непринужденным жестом обмахнулась концом шарфа.

— В публичных местах всегда много полицейских. И их легко распознать по какой-то специфической подтянутости.

Не зная этого, ты все же действовала правильно, и я восхищаюсь тобой. Ты очень смелая.

Марианна ничего не ответила. Она думала о странной цепи совпадений, словно нарочно взявшихся сталкивать ее со всеми, кто вольно или невольно вмешивался в ее жизнь, начиная со злополучного дня свадьбы. Значило ли это, что отныне ее жизнь должна пойти по совершенно новому руслу? Ей приходилось слышать, что при приближении смерти перед внутренним взором умирающего за несколько секунд проходит вся его прошлая жизнь. Нечто подобное происходило и с ней. Эфемерная жизнь леди Кранмер, а затем певицы Марии-Стэллы метеором промелькнула в ее сознании перед тем, как уступить место — но чему?.. Какое имя будет носить завтра Марианна д'Ассельна? Мистрис Бофор... или же совершенно незнакомое имя?

Хотя визит молодых женщин в Пале-Рояль был насыщен событиями, никогда еще Марианна не переживала такого долгого дня. Она ощущала непреодолимое желание вернуться к себе, чувствуя, что ее там что-то ожидает, но боясь вызвать насмешки Фортюнэ, она заставила себя

остаться с ней до окончания ее бесконечной прогулки, поскольку у нее не было никаких веских причин для раннего возвращения на Лилльскую улицу. Впрочем, что она ожидала там найти? Пустоту, тишину...

У Фортюнэ был очередной приступ мотовства. Она всегда испытывала ребяческое наслаждение, транжиря деньги, но иногда проматывала их с какой-то яростью. В этот день она буквально сорила ими, покупая почти все подряд, укладывая шарфы на перчатки, ботинки на шляпки, и все это самое модное, самое дорогое. Удивленная Марианна невольно спросила у подруги, чем вызвано такое обновление ее гардероба. М-м Гамелен закатилась смехом.

— Я же говорила, что Уврар заплатит мне за мелкую подлость, которую он тебе сделал. Я начинаю! Я намереваюсь, кроме прочего, задушить его счетами.

— А если он не заплатит?

— Он? Исключается! Он слишком тщеславен! Он заплатит, моя красавица, заплатит до последнего су. Постой, погляди на эту сногшибательную шляпку с очаровательными перьями! Она такая же зеленая, как и твои глаза! Жаль, если она попадет к другой. Я дарю ее тебе!

И, несмотря на протесты Марианны, красивая розовая картонка с зеленой шляпкой присоединилась к угрожающе выросшей горе покупок, заполнившей карету прелестной креолки.

— Ты будешь носить ее и думать обо мне, — смеясь, сказала она. — Это отвлечет тебя от безумства твоей кузины. В ее-то возрасте! Увлечись скоморохом! Заметь, что, на мой взгляд, у нее отменный вкус. Он соблазнительный, этот Бобеш... даже очень соблазнительный.

— Через пять минут ты попросишь меня пойти помочь ему при выступлении, — воскликнула Марианна. — Нет, Фортюнэ, ты сама любовь, но вершиной твоих добрых дел будет доставить меня домой.

— Тебе уже надоело? А я хотела еще угостить тебя шоколадом у Фраскатти.

— В другой раз, если пожелаешь. Там сейчас толкучка, а кроме тебя я не хочу никого видеть.

— Вечно твои устаревшие глупости, — выбранилась м-м Гамелен. — Всегда твоя нелепая верность. Его величеству Корсиканцу, который, в то время как ты томишься в бесплодном ожидании, танцует и аплодирует «Федре» в обществе стыдливой половины.

— Это меня не интересует! — сухо оборвала Марианна.

— Ах нет? А если я тебе скажу, что драгоценная Мария-Луиза уже восстановила против себя добрую половину придворных дам и часть мужчин в придачу? Ее находят неуклюжей, чопорной, неприветливой! Ах, и это взамен несчастной обаятельной женщины, которая умела принимать с таким изяществом! Как может Наполеон переносить это!

— Он должен всегда видеть ее с австрийским орлом на плечах и короной Карла Великого на голове. Ведь это Габсбургка! Она ослепила его, — машинально сказала Марианна, не любившая говорить о Марии-Луизе.

— Только его одного! И меня удивит, если она ослепит честной народ на Севере, который через неделю получит возможность восхищаться ею. Двор покидает Компьен 27 — го...

27 — го? А как будут обстоять дела у нее к этому дню?

Кардинал дал ей месяц свободы до обещанного им брака.

Они виделись 4 апреля, следовательно, ей надо ждать крестного к 4 мая. А сегодня уже 19 апреля! И Гракх не возвращается! И время мчится так стремительно. Невольно выдавая внутреннее беспокойство, она повторила:

— Вернемся, прошу тебя!

— Как хочешь, — вздохнула Фортюнэ. — К тому же ты, возможно, права. На сегодня я уже достаточно потратилась...

По мере того как они приближались к ее дому, Марианну все больше охватывало нетерпение. Оно скоро стало таким неудержимым, что, еще не доехав до ворот особняка, молодая женщина спрыгнула на улицу, не ожидая, пока карета въедет во двор, даже не дав возможности кучеру спуститься и откинуть подножку.

— Вот как! — Изумилась м-м Гамелен. — Ты так спешишь покинуть меня?

— Я не тебя спешу покинуть, — бросила ей Марианна, — я спешу попасть домой! Я вспомнила об одном важном, неотложном деле.

Отговорка была не особенно убедительна, но у Фортюнэ хватило такта ею удовольствоваться. Пожав плечами, она улыбнулась, сделала прощальный жест рукой и приказала кучеру ехать дальше, а Марианна с чувством облегчения, происхождение которого она не могла объяснить, толкнула боковую калитку и проникла во двор.

Ей сразу бросился в глаза один из конюхов, уводивший лоснящуюся от пота лошадь. Сердце Марианны пропустило один удар, и она поняла, что инстинкт не напрасно призывал ее вернуться домой. Эта лошадь... это же Самсон! На котором уезжал Гракх. Наконец! Взбежав через ступеньку на крыльцо, она едва не сбила с ног Жерома, как раз отворявшего дверь.

— Гракх? — задыхаясь, спросила она. — Вернулся?

— Да, конечно, мадемуазель! Минут десять назад. Он хотел говорить с мадемуазель, но я сказал, что мадемуазель...

— Где он? — нетерпеливо оборвала его Марианна.

— В своей комнате. По-моему, он переодевается. Должен ли я предупредить его, что...

— Не надо, я пойду туда!

Не обращая внимания на возмущенную мину мажордома, Марианна подхватила обеими руками юбки и бегом пустилась в людскую. Не переводя дыхания, она взобралась по деревянной лестнице до комнаты Гракха и, не постучав, вошла внутрь. Она даже не сумела разглядеть юношу, как тот, изумленный таким внезапным появлением, с криком ужаса бросился на кровать, схватил одеяло и кое-как закутался в него.

— Мадемуазель Марианна! Господи, ну и напугали вы меня! Я же без всего, стыдно...

— Забудь стыд, — прервала его молодая женщина, — и отвечай. Почему тебя не было так долго? Вот уже несколько дней я исхожу беспокойством! Я боялась, что тебя похитили

разбойники, убили, может быть.

— Если меня и хотели похитить, — пробурчал Гракх, — то не разбойники, а вербовщики его величества императора, которые в Байонне силой хотели послать меня в Испанию к королю Жозефу.

— В Байонне? Но, по-моему, я послала тебя в Нант?

— Сначала я поехал в Нант, но мсье Паттерсон сказал, что мсье Бофор должен на днях прийти с грузом бакалейных товаров. Тогда я взял письмо, сел на коня и помчал туда.

Затем, изменив тон, он сказал с упреком:

— Мадемуазель Марианна, вы могли бы сразу сказать мне, что пишете мсье Бофору, и я не мотался бы напрасно. Я поехал бы прямо в Байонну.

— Почему же? — удивленно спросила Марианна.

Гракх покраснел. Его доброе лицо, уже загоревшее от долгой езды верхом, стало кирпично — красным. Он отвел глаза и поежился, стесняясь как пристального взгляда Марианны, так и своего древнеримского одеяния.

— Надо сказать, — с трудом начал он, — что мсье Бофор и я все время переписывались, да, это может вас удивить, но это так. В тот день, когда он уехал после истории в каменоломнях Шайо, он позвал меня к себе в гостиницу. Он дал мне приличную кучу, денег и затем сказал:

«Гракх, мне надо ехать, и я думаю, что мой отъезд не принесет большое огорчение мадемуазель Марианне. Она скоро забудет меня, но я успокоюсь только тогда, когда узнаю, что она счастлива... окончательно. Так вот, если ты согласен, я тебе сообщу, когда вернусь во Францию, а ты пришлешь мне письмо в указанное место, чтобы я знал, все ли в порядке, не грозит ли ей какая-нибудь беда, не...»

— О! — с негодованием прервала его Марианна. — Итак, ты служил ему шпионом, да еще вдобавок он заплатил за это дельце!

— Нет! — возмутился юноша, всем видом стараясь сохранить достоинство, насколько это позволяло его одеяние. — Не надо путать! Деньги — это в благодарность за то, что я сделал в Шайо. Что касается остального... ладно, если хотите знать, цветы вечером в театре Фейдо, это я их купил и принес вместе с запиской по его приказу!

Букет камелий! Значит, он был все-таки от него! Марианна вспомнила охватившее ее волнение при виде его на ее столе в уборной, а также радость и разочарование, когда она увидела, что Язона нет в зале. Вместо друга она заметила Франсиса...

Вспомнив о испытанном в ту минуту ужасе, Марианна совсем забыла свое недавнее возмущение. После всего это было скорее трогательно: заговор двух мужчин, заботливость Язона, верность Гракха его товарищу по ночной схватке... И затем, это было наилучшим предзнаменованием того, что она ждала от американца.

— Итак, — сказала она с ласковой улыбкой, — к тебе приходили письма от него. Где же ты получал их?

— У моей бабушки, — сознался Гракх, краснея еще больше, — прачки на дороге Восстания.

— Но тогда, если ты знал, что он должен прибыть в Байонну, почему ты не отправился прямо туда? Неужели ты не догадался, что дело идет о нем, когда я послала тебя к господину Паттерсону?

— Мадемуазель Марианна, — с важным видом ответил юноша, — когда вы отдаете мне приказ, я не обсуждаю его. Такое у меня правило. Я-то подумал об этом, но раз вы мне сразу не сказали, значит, у вас были причины.

Против этого доказательства скромности и послушания нечего было возразить. Марианна слегка поклонилась.

— Прошу у тебя извинения, Гракх, я сделала глупость, и ты прав. Ты верный друг. Теперь скажи поскорей, что ответил господин Бофор, когда ты вручил ему мое письмо?

С нетерпеливой радостью ребенка она без церемоний села прямо на кровать. Но Гракх покачал головой.

— Я не встретил его, мадемуазель Марианна. «Волшебница моря» за двенадцать часов до моего приезда отправилась неизвестно куда... Все, что мне могли сказать, это что она взяла курс на север.

Вся только что охватившая Марианну радость исчезла, уступив место прежней тревоге.

— Что ты тогда сделал? — спросила она с внезапно пересохшим горлом.

— А что я мог делать? Вернулся галопом в Нант, думал, может, мсье Бофор там пристанет. Отдал письмо мсье Паттерсону и стал ждать. Но ничего не дождался.

Марианна опустила голову, охваченная горьким разочарованием, скрыть которое у нее не было сил.

— Итак, — прошептала она, — все кончено. Он не получит мое письмо.

— А почему нет? — запротестовал Гракх, придя в отчаяние при виде скатившейся по щеке Марианны слезы и едва не уронив свое одеяло. — Он получит его скорей, чем если бы он жил в Америке. Мсье Паттерсон сказал, что такого не бывает, чтобы он прошел мимо Нанта без остановки. Он сказал, что у «Волшебницы моря», должно быть, срочное дело, но она обязательно зайдет в Нант. Я мог бы еще подождать, но уже стал бояться, что вы волнуетесь. И я был прав, — рассудительно добавил он, — раз вы считали меня мертвым... В любом случае, — продолжал он с силой, стараясь вернуть Марианне уверенность, — консул обещал сказать всем капитанам проходящих кораблей, чтобы при встрече с «Волшебницей» передали, что в Нанте ее ждет срочное Письмо. Так что не огорчайтесь!

— Ты славный мальчик, Гракх, — вздохнула, вставая, немного успокоенная Марианна, — и я вознагражу тебя по заслугам.

— Да чего там! Вы довольны? Это правда?

— Правда, правда. Ты сделал все, что было возможно сделать. Остальное не в наших силах. Теперь отдыхай...

Сегодня вечером ты мне не нужен.

— В самом деле, — с обидой воскликнул Гракх, — как же вы обходились эти дни без меня? Вы нашли мне заместителя?!

Марианна пожала плечами и улыбнулась.

— Очень просто, мой мальчик. Я никуда не выходила, вот и все. Ты прекрасно знаешь, что ты незаменим...

И, оставив просиявшего при этих словах Гракха, Марианна направилась к себе. Но тут же встретила Жерома, более мрачного, чем обычно. С вытянутым лицом он ожидал у подножия лестницы в такой угнетенной позе, словно произошло какое-то стихийное бедствие. Марианна прекрасно знала, что ничего не случилось, и обычно ее забавляла странная склонность мажордома с самым зловещим видом извещать об обыденных вещах: визите кого-нибудь из друзей или приготовленной трапезе, но сейчас нервы у нее были напряжены до предела, и фигура Жерома вывела ее из себя.

— Ну, что еще? — воскликнула она. — Лошадь потеряла подкову или же Виктория испекла к ужину яблочный пирог?

Подавленность мажордома вдруг сменилась оскорбленным изумлением.

Торжественным шагом он направился к столику, взял с него серебряный поднос с письмом и подал его своей хозяйке.

— Если бы мадемуазель так не торопилась, — вздохнул он, — я имел бы возможность вручить мадемуазель это срочное письмо, которое отдал мне покрытый пылью гонец незадолго до возвращения нашего кучера.

— Письмо?

Это был узкий пакет, запечатанный красным воском, очевидно, проделавший дальнюю дорогу, ибо его плотная бумага была измята и загрязнена. Коснувшись его, пальцы Марианны задрожали. На печати отчетливо был виден только крест, но она сразу узнала почерк крестного. Это письмо было ее приговором, более ужасным, может быть, чем смертный приговор.

Не вскрывая письма, Марианна очень медленно поднялась по лестнице. Она всегда знала, что наступит день, когда оно придет, это послание, но так надеялась, что у нее к этому времени будет готов ответ! И теперь она по возможности старалась оттянуть момент, когда оно будет вскрыто, момент, когда ее глазам откроются строки, таящие ее судьбу.

Войдя в свою комнату, она нашла там горничную Агату, складывавшую белье в комод, и хотела отослать ее.

— Мадемуазель так бледна! — сказала девушка, бросив встревоженный взгляд на обескровленное лицо хозяйки. — Будет лучше, если она позволит мне раздеть ее и снять туфли.

Она почувствует себя лучше. А затем я найду для нее что-нибудь потеплей.

Марианна заколебалась, затем со вздохом положила письмо на секретер.

— Вы правы. Агата. Спасибо. Так действительно будет лучше.

Еще несколько выигранных минут, но, пока Агата меняла ее выходную одежду на мягкое домашнее платье из зеленой шерсти и теплые туфли, ее взгляд был прикован к письму.

Наконец она снова взяла его и, стыдясь своей детской боязни, расположилась у камина в своем любимом кресле. В то время как Агата бесшумно вышла, Марианна решительным движением сломала красную печать и развернула письмо. Содержание его было очень лаконичным. В нескольких словах кардинал уведомлял свою крестницу, что она должна 15 — го числа следующего месяца прибыть в Тоскану в город Лукку и остановиться в гостинице «Дель дуомо». Он добавлял:

«Полиция не будет чинить тебе никаких препятствий при получении паспорта, если ты заявишь о желании поправить здоровье на водах в Лукке. С тех пор как Наполеон сделал свою сестру Элизу великой герцогиней Тосканской, он стал благожелательно относиться к поездкам в Лукку.

Постарайся не опоздать».

И ничего больше! Марианна недоверчиво осмотрела письмо с обеих сторон.

— Как, это все? — с изумлением прошептала молодая женщина.

Ни одного задушевного слова! Ничего, кроме места встречи, без каких-либо объяснений, никаких указаний, кроме совета получить паспорт. Ни слова о самом главном: о человеке, которому она предназначена!

Очевидно, такая категоричность объяснялась тем, что у кардинала была твердая почва под ногами. Эта встреча означала, что брак с Франсисом Кранмером расторгнут и где-то под солнцем существует неизвестный, готовый жениться на ней. Почему кардинал не хочет понять, что этот неизвестный пугает Марианну? Неужели так трудно было написать хотя бы несколько слов о нем... Кто он?

Сколько ему лет, какого он роста, какой у него характер?

Словно Готье де Шазей подвел за руку свою крестницу к входу в полный мрака туннель... Безусловно, он любил ее, конечно, он желал ей только счастья, но внезапно у Марианны появилось ощущение, что она всего лишь пешка в партии опытного шахматиста, простая игрушка в сильных руках, которые распоряжаются ею во имя фамильной чести. И Марианне стало ясно, что борьба, которую она вела за свою иллюзорную свободу, была бесполезной. Она снова оказалась дочерью знатного дома, безвольно ожидающей бракосочетания, устроенного другими для нее. Века безжалостных традиций сомкнулись над ней, словно камни гробницы.

Марианна с отвращением бросила листок в камин, проследила, как он съезжился в огне, затем взяла принесенную Агатой чашку с молоком и сжала в застывших пальцах теплый фарфор. Рабыня! Всего лишь рабыня! К услугам Фуше, Талейрана, к услугам Наполеона, Франсиса Кранмера, кардинала Сан-Лоренцо... самой жизни!.. Какая насмешка!

Ее охватило возмущение. К черту эту глупую секретность, потребовавшуюся, чтобы лучше ее опутать! Она нуждалась, отчаянно нуждалась в совете доброго друга. И сейчас она сделает то, что уже давно хотела сделать! Она задыхалась от гнева, огорчения, разочарования. Исповедь облегчит ее... Приняв решение, она подошла к сонетке и два раза потянула ее. На зов прибежала Агата.

— Господин Жоливаль еще не вернулся?

— Уже, мадемуазель, он только что пришел.

— Тогда попросите его сюда. Я хочу с ним поговорить.

— Я знал, что что-то неладно, — только и заметил спокойно Аркадиус в ответ на рассказ Марианны о создавшемся положении. — Я знал также, что ваше молчание вызвано необходимостью.

— И это вас не задело? Вы не сердитесь?..

Аркадиус рассмеялся, но смех его был хотя и искренний, но невеселый, а глаза оставались серьезными.

— Я хорошо знаю вас, Марианна. Когда вы вынуждены скрывать что-нибудь от верного друга, вы при этом так мучаетесь, что сердиться на вас было бы глупо, даже жестоко. И в этом случае вы не могли поступить иначе. Предосторожности вашего крестного законны и говорят о его мудрости. Что вы собираетесь делать теперь?

— Я же вам сказала: ждать до последней минуты приезда Язона... В противном случае отправиться на назначенную встречу. Вы можете предложить что-нибудь другое?

К великому удивлению Марианны, Аркадиус покраснел, встал, свернув кукиш за спиной, прошелся по комнате, затем со смущенным видом вернулся на свое место.

— Другой выход, самый простой, кстати, можно было бы найти. Несмотря на разницу в возрасте, я добрый дворянин, и вы не могли бы считать себя униженной, став госпожой де Жоливаль, тем более что разница в возрасте защитила бы вас от всяких... притязаний с моей стороны. И я был бы для вас фиктивным мужем, скорее отцом. К сожалению, это невозможно.

— Почему же? — мягко спросила Марианна, в какой-то мере ожидавшая подобное предложение, вполне соответствовавшее характеру Аркадиуса.

Лицо виконта стало пунцовым, и он, резко отвернувшись, прошептал:

— Я уже женат. О! Это старая история, — добавил он скороговоркой, снова оборачиваясь к ней, — и я всегда делал все возможное, чтобы забыть о ней, но где-то в мире существует мадам де Жоливаль, которая, если и не имеет на меня особых прав, является помехой к заключению нового брака.

— Но позвольте, Аркадиус, почему же вы раньше об этом не говорили? Когда я познакомилась с вами в каменоломнях Шайо, вы даже были на ножах с Фаншон Дезормо, потому что, если память мне не изменяет, эта особа хотела силой женить вас на своей племяннице Филомене и из-за этого держала вас в заключении. Почему вы не сказали ей правду?

— Она не поверила мне, — жалобно проговорил Аркадиус. — К тому же она сказала, что даже если это и так, то это не представляет собой препятствия. Достаточно будет прикончить мою жену. Конечно, я питаю отвращение к Марии-Симплиции, но все-таки не до такой степени! Что касается вас, то я не открыл вам истину прежде всего потому, что еще не знал вас хорошо и боялся, как бы моральные устои не воспрепятствовали вам оставить меня при себе... а я всегда мечтал о такой дочери.

Растроганная Марианна встала и, подойдя к своему верному другу, взяла его под руку.

— Мы оказались в равной степени скрытными, друг мой! Но вам нечего было бояться. Я тоже хочу, чтобы вы всегда были рядом со мной, ибо после смерти моей тети никто не заботился обо мне, как это делали вы. Позвольте задать только один вопрос. Где ваша жена?

— В Англии, — проворчал Жоливаль. — Прежде она жила в Митаве, а еще раньше в Вене. Она эмигрировала, едва раздался первый выстрел у Бастилии. Она была в наилучших отношениях с госпожой де Полиньяк, тогда как я... Словом, наши политические взгляды были диаметрально противоположны.

— А... дети? — совсем робко спросила Марианна.

Вопреки ее ожиданию Жоливаль разразился смехом.

— Сразу видно, что вы не знаете Марию-Симплицию, так неудачно названную. Я женился на ней, чтобы доставить удовольствие моей бедной матери и уладить бесконечно тянущуюся семейную историю, но я и пальцем не коснулся ее! Впрочем, ее набожность и высокомерие, без сомнения, представляли для нее, невыносимой, ту грубую человеческую связь, которая называется любовью. В настоящее время она фрейлина герцогини Ангулемской и, безусловно, вполне счастлива, если верить тому, что болтают о характере этой принцессы. Они вместе должны исступленно молить бога гнева и мести покарать узурпатора и вернуть Францию к радостям абсолютной монархии, что позволит им въехать в Париж под грохот выстрелов экзекуторов и радостный звон цепей, сопровождающий идущих на галеры сановников империи попеременно с бывшими революционерами. О, эта женщина сама доброта, эта Мария — Симплиция!..

— — Бедный Аркадиус, — сказала Марианна, награждая своего друга легким поцелуем в щеку. — Вы достойны большего! Отныне ни слова об этом. Я в отчаянии, что пробудила в вас тягостные воспоминания. Но это пройдет.

Скажите мне только, какое время потребуется, чтобы добраться до Лукки?

— Она находится примерно в трехстах лье отсюда, — ответил Аркадиус с поспешностью, явно доказывавшей, насколько он рад переменить тему разговора, — по дороге через Лион и Турин. Слава Богу, это время года позволит беспрепятственно преодолеть перевал, и на хорошей почтовой карете можно легко делать от двадцати пяти до тридцати лье в день.

— При условии остановок на ночлег? — прервала его Марианна. — А если спать в карете и ехать непрерывно?

— Это мне кажется трудным, особенно для женщины. И надо иметь по меньшей мере двух кучеров. Грах не выдержит так долго. Форейторы — Другое дело, они меняются на почтовых станциях. Вам лучше рассчитывать на пятнадцать дней, потому что, кроме гор, значительно снижающих скорость, возможны любые дорожные происшествия...

— Пятнадцать дней! Следовательно, надо выехать 1 мая! Слишком мало времени остается, чтобы Язон успел приехать. А... верхом можно добраться быстрее?

На этот раз Жоливаль рассмеялся.

— Безусловно, нет. При любом аллюре вы не выдержите больше двенадцати лье в день. Надо иметь дубленую шкуру конного гренадера, чтобы преодолевать большие расстояния. Вы знакомы с историей курьера из Фридланда?

Марианна сделала отрицательный знак. Она обожала истории Аркадиуса, которых у него всегда был большой запас.

— Среди курьеров Наполеона, — начал Жоливаль, — есть один особенно стремительный, некий кавалерист Эспри Шазаль, по прозвищу Мусташ. На другой день после битвы у Фридланда Наполеон захотел, чтобы известие о победе достигло Парижа по возможности быстрее. Это поручение он сначала доверил своему зятю, князю Боргезе, одному из лучших кавалеристов империи. Но через двадцать четыре часа он отправил с таким же донесением знаменитого Мусташа. Проехав около пятидесяти лье, Боргезе сменил коня на собственную карету и катил в ней днем и ночью. Мусташ же удовольствовался тем, что имел сменных лошадей на станциях и собственную выносливость. Он скакал без отдыха и за девять суток, вы слышите, покрыл четыреста пятьдесят лье, отделяющих Фридланд от Парижа... и прибыл раньше Боргезе. Необыкновенный подвиг!

Но он после этого едва не умер, а Мусташ — это гигант, высеченный из самого твердого гранита. Вы же, дорогая Марианна, совсем не Мусташ, даже если у вас больше мужества и выносливости, чем у большинства женщин. Я раздобуду самую прочную берлину, и мы отправимся в путь...

— Нет, — прервала его Марианна, — я предпочитаю, чтобы вы остались здесь.

— Здесь? Почему? Из-за данного вашему крестному обещания? Вы боитесь...

— Нисколько. Но я хочу, чтобы вы остались ожидать Язона. Вдруг он придет после моего отъезда, но, не зная, чего я жду от него, и не встретив никого, кто ввел бы его в обстоятельства этого дела, он не сможет попытаться догнать меня. Он сильный мужчина, моряк и, могу поклясться, превосходный кавалерист. Может быть, — добавила она, в свою очередь покраснев, — он попытается ради меня повторить подвиг Мусташа... или приблизиться к нему...

— ..и связать Париж с Луккой за одну неделю? Я верю, что ради вас он действительно способен это сделать.

Итак, я остаюсь, однако вы не можете ехать одна. Дорога слишком долгая...

— Мне уже приходилось быть одной в дальней дороге, Аркадиус! Я возьму с собой Агату, и с Гракхом-Ганнибалом на козлах мне нечего будет особенно бояться.

— Может быть, вы хотите, чтобы я пошел за Аделаидой?

Марианна заколебалась.

— От нее нет никаких новостей!.. — начала она.

— Зато у меня есть. Я несколько раз ходил к ней.

O(tm) не проявляет ни малейшего желания вернуться.

Не хочется вас огорчать, но, по-моему, она лишилась рассудка.

Честное слово, она влюблена в этого Бобеша!

Аркадиус подошел к окну, поднял занавес и выглянул наружу. Ночь тихо окутала небольшой

сад. Улыбка Амура в каменном бассейне немного стерлась и стала загадочной.

Жоливаль вздохнул.

— Если бы ваш крестный не ждал в конце пути, я не отпустил бы вас, Марианна. Вы подумали о том, что скажет император? Не лучше ли прежде отправиться к нему, поскольку он в первую очередь является заинтересованным лицом?

— А что он сможет сделать? — довольно нелюбезно сказала Марианна. — Выберет супруга по своему вкусу и причинит этим невыносимые страдания. Я не хочу, чтобы он отдал меня другому. Лучше уж вынести его гнев. От него мне будет меньше горя.

Аркадиус не настаивал. Он опустил занавес и вернулся к Марианне... Какое-то время они оставались лицом к лицу, молча глядя друг на друга, но в их глазах отражался целый мир привязанности и взаимопонимания. Марианна поняла, что пробудившееся в ней опасение перед открытой кардиналом необычайной перспективой сейчас находит отклик в сознании Аркадиуса и что время ее отсутствия будет для него тяжелым испытанием.

Впрочем, он и сам сказал об этом приглушенным голосом:

— Я всем сердцем надеюсь... да, я надеюсь, что Язон Бофор прибудет вовремя! Как только он появится, он тут же уедет, и на этот раз я буду его сопровождать. А в ожидании этого я, хотя не особенно верующий, буду молиться от всей души, чтобы он приехал... чтобы...

Неспособный больше сдерживать свои чувства, Аркадиус де Жоливаль разразился рыданиями и убежал...

ВСАДНИК В МАСКЕ

Глава I. ГРОБНИЦА ИЛАРИИ

Непрерывно ливший всю ночь и часть утра дождь внезапно прекратился, когда карета покидала Каррару, где сменили лошадей. Солнце прорвало тучи и отогнало их к горам, открывая лазурное небо. Беломраморные вершины, только что еще мрачные, засверкали нестерпимым блеском, словно рассеченные топором великана ледяные глыбы, отражавшие ослепительные стрелы лучей солнца. Но это не привлекло внимания изнемогавшей от усталости Марианны. В Карраре всюду был мрамор: в виде бесформенных глыб, вырезанных кубов, обточенных стел, наконец, в виде пыли, покрывавшей все вплоть до скатертей на постоялом дворе, где они наспех перекусили.

— Мы снабжаем все дворы Европы и даже других стран мира. Наша великая герцогиня отправляет во Францию громадное количество мрамора. Вы не найдете ни одной статуи императора Наполеона, которая не происходила бы отсюда! — утверждал хозяин постоялого двора с наивной гордостью, вызвавшей у Марианны только тень улыбки.

Кроме того, что ее не волновала возможность Элизы Бонапарт извлекать из тонн мрамора бюсты, барельефы и статуи членов ее беспокойной семьи, Марианна сегодня не ощущала никакого желания слушать разговоры о Бонапартах и особенно о Наполеоне!

Повсюду на долгом пути она встречала деревни, праздновавшие уже добрый месяц императорскую свадьбу. Это была непрерывная череда балов, концертов, всевозможных развлечений, создававших впечатление, что верные подданные его величества императора и короля никогда не перестанут праздновать заключение союза, который Марианна

воспринимала как личное оскорбление. Почти все время она ехала по двойной шпалере из поблекших знамен, увядших цветов, пустых бутылок, прогнувшихся триумфальных арок, производивших на нее гнетущее впечатление.

Этот потускневший декор как нельзя лучше подходил к ее необычному путешествию, в конце которого ее ждал неизвестный и ничего, кроме отвращения, не вызывающий брак.

Поездка была ужасной. Надеясь на прибытие Язона, Марианна до последней возможности оттягивала отъезд, несмотря на предостережения обеспокоенного Аркадиуса.

Она никак не могла решиться оставить Париж и только на рассвете 3 мая согласилась наконец сесть в карету. Когда четверка могучих почтовых лошадей увлекла берлину по мостовой Лилльской улицы и исчезло озабоченное лицо машущего рукой Аркадиуса, ее охватило тягостное ощущение, словно она оставила частицу себя дома. Она испытывала подобное, покидая Селтон и гробницу с прахом Эллис. Снова она пускалась в авантюру, таившую неведомые угрозы.

Чтобы наверстать потерянное время и не рисковать опоздать на встречу с судьбой, она решила ехать с максимальной скоростью. Трое суток, до самого Лиона, она позволяла останавливаться только для смены лошадей и торопливой трапезы, заставляя фореиторов двойной и тройной платой выигрывать время. Несмотря на плохие дороги, разбитые и размытые, лошади неслись галопом, что не мешало Марианне время от времени оглядываться назад. Но ни один из всадников, иногда появлявшихся на горизонте, не был тем, кого она ждала.

После нескольких часов отдыха в Лионе карета направилась в горы, и скорость сразу упала. Новая дорога у Мон-Сени, которую Наполеон приказал построить семь лет назад — Аркадиус советовал воспользоваться ею, — хотя и была совсем недавно полностью закончена и сильно сокращала путь, оказалась утомительной для Марианны, Агаты и Гракха, вынужденных подолгу идти пешком, в то время как мулы тащили вверх карету. Тем не менее, может быть, благодаря ободряющему приему монахов в монастыре, а особенно благодаря великолепию горного пейзажа, увиденного ею впервые в жизни, Марианна почувствовала облегчение. Возможно, ее тщеславию льстило сознание того, что ее карета была одной из первых, если не первой, на этой дороге, она не ощущала усталости и, забыв, что время не ждет, долго сидела на берегу голубого озера у вершины — со странным желанием остаться здесь навсегда, дышать кристально чистым воздухом, следить за медленно проплывающими на фоне снежного величия вершин черными силуэтами ворон. Время остановило свой бег.

Здесь легко было забыть свет, его тайные интриги, беспринципность, сплетни, неистовство, его немислимую любовь. Здесь не было ни выцветших флажков, ни сомнительных виршей, ни растоптанных цветов, а только в углублении скалы синела звезда горечавки среди серебряного кружева лишайника. Не было ничего, только почти воинственные очертания монастыря, возрожденного также императором.

Похоже, все в этой части Франции носило его печать, приобретая некое благородство, удивительную одухотворенность, излучая наполнявшее их благолепие и милосердие. Бог, которого внизу каждый старался приспособить по своему вкусу, вновь обретал здесь свое грозное величие... И только появление скромного монаха, слегка похлопавшего ее по плечу, напоминало Марианне, что немного впереди ее ожидают выбившаяся из сил горничная, полузамерзший кучер и готовая к спуску, чтобы продолжать путь на Сюз, берлина.

И дьявольская скачка возобновилась. Проехали Турин и Геную, даже не полюбившись их достопримечательностями. Ни яркое солнце, ни пышное цветение садов, ни лазурное море не

рассеяли мрачного настроения Марианны, в которое она погружалась с каждым оборотом колес кареты.

Безысходное отчаяние вынуждало ее ехать быстрее, все быстрее, вызывая тревогу у Гракха. Он никогда еще не видел свою хозяйку такой напряженной и легковозбудимой.

Бедный малый не мог догадаться, что по мере приближения к конечной цели разочарование и отвращение к самой себе мало-помалу прокрадывались в наболевшую душу его хозяйки. До последних минут, невзирая на ветры и туманы, ее не покидала надежда увидеть подъезжающего Язона, которого она уже привыкла считать своим обязательным спасителем. Отныне она больше не надеялась.

Последнюю ночь они спали ровно четыре часа в жалкой харчевне, укрывшейся в ущелье Апеннин, и для Марианны этот сон был только стремительной чередой кошмаров и лихорадочных пробуждений и так утомил ее, что она встала до первых петухов и приказала закладывать лошадей. И заря этого дня, который должен был быть последним днем путешествия, встретила берлину и ее пассажиров спускающимися бешеным аллюром к морю. Наступило 15 мая, последний день, но Лукка была уже близко.

— Около тринадцати лье, — сказал хозяин харчевни.

Теперь карета катилась по ровной, идущей вдоль берега моря дороге, напоминавшей аллею парка. Только кое-где попадались остатки плит, свидетельствовавших, что это построенная римлянами древняя дорога Аврелия. Марианна закрыла глаза и прижалась щекой к подушке.

Возле нее Агата спала, как изнуренное животное, согнувшись вдвое, со съехавшим на нос чепчиком. Марианна охотно последовала бы ее примеру, но, несмотря на невыносимую усталость, взбудораженные нервы не давали ей покоя. Хотя солнце и поднялось, открывавшийся пейзаж с черневшими на фоне голубого неба коренастыми приморскими соснами среди покрытых камышом дюн только усугублял ее печаль.

Не в силах сидеть с закрытыми глазами, она машинально стала следить за бегущей по волнам тартаной, которая под треугольным парусом уходила в открытое море. Суденышко казалось таким легким, таким счастливым и свободным! «Вот бы уйти с ним, — подумала Марианна с мучительной завистью, — мчаться по ветру вперед и вперед, забыв все остальное. Как бы это было чудесно!..» Она внезапно поняла, что представляло собой море для человека, подобного Язону Бофору, и почему он оставался таким страстным поклонником его. Это, без сомнения, оно встало между ними и помешало ему приехать к Марианне, когда она так нуждалась в нем. Ибо теперь она была уверена: Язон не приедет... Возможно, он находится на другом краю света, может быть, он вернулся в свою далекую страну, но как бы то ни было, призыв Марианны затерялся в пространстве, и если даже он когда-нибудь найдет своего адресата, будет поздно, слишком поздно. Когда она прочла на прибитой к столбу доске, что до Лукки осталось только восемь лье, в припадке внезапной паники у нее родилась безумная идея. Почему бы ей не попытаться убежать морем? Должны же находиться где-нибудь неподалеку корабли, порт?.. Она сможет уехать и заняться поисками человека, который, возможно потому, что она не смогла его обрести, вдруг стал ей удивительно дорогим, просто необходимым, неким символом ее находящейся под угрозой свободы. Трижды предлагал он ей уехать с ним, и трижды она отказала ему в ослеплении несбыточной любви... Как же глупа она была!..

Изменившимся голосом она окликнула неутомимого Гракха, как ни в чем не бывало напевавшего последнее достижение Дезожье:

Счастливым путем, мсье Дюмолле,

До Сен-Мало без приключений... —

о мелодии которого он имел весьма отдаленное представление.

— Ты не знаешь, есть ли какой-нибудь значительный порт в этом направлении? — спросила она.

Гракх удивленно взглянул на нее и сделал большие глаза.

— Да. Дочь хозяина харчевни сказала мне об этом.

Это Ливорно, но, судя по ее словам, сейчас туда нечего соваться. Уже с месяц, как таможенники прижали к ногтю все оттоманские корабли и их грузы, а поскольку вся торговля этого порта идет с турками, вы можете себе представить, что там творится. Все корабли обыскивают, и дело просто швах... Но... разве мы больше не едем в Лукку?

Марианна ничего не ответила. Ее взгляд был прикован к маленькой тартане, летящей по золотой дорожке заходящего солнца. Гракх натянул поводья.

— Тпру! Тпру! — закричал он, и карета остановилась.

Агата открыла заспанные глаза, Марианна вздрогнула.

— Почему ты остановился?

— Да ведь... если мы не едем в Лукку, надо сразу сказать, а то вот дорога туда, это налево, а в Ливорно — прямо.

Это было действительно так. Влево дорога уходила к поросшим кипарисами холмам, где виднелись красные стены небольшой фермы и розовая колокольня церкви. Внизу тартана исчезла, словно поглощенная багровым диском солнца. Марианна закрыла глаза, с трудом подавив нервный спазм в горле. Это невозможно! Она не может нарушить данное слово. К тому же она ждала ребенка...

Из-за него любая авантюра была немислимой. Она не имела права подвергать опасности его хрупкую жизнь, ради нее она должна пожертвовать всем, даже своими самыми естественными стремлениями.

— Вам плохо? — обеспокоенно спросила Агата, увидев, как она побледнела. — Эта дорога...

— Нет... пустяки. Погоняй, Гракх! Мы едем в Лукку.

Щелкнул кнут, лошади тронулись. Карета свернула влево и покатила в направлении холмов.

Когда показалась Лукка, сумерки уже спустились, сиреневые и прозрачные, и сердце Марианны успокоилось.

После того, как свернули с Аврелиевой дороги, пересекли по старинному римскому мосту красивую речку Сертию и поехали среди пышной зелени к поднимающемуся полукружью гор, среди них, словно в глубине тоннеля, внезапно возник влекущий к себе розовый город, зажатый высокими стенами с мощными бастионами, полуприкрытыми деревьями и зеленью: Лукка, казалось, готова была взлететь в воздушной легкости ее римских колоколен и башен к

озаренным последними лучами солнца вершинам.

— Приехали, — вздохнула Марианна. — Ты только спроси, где «Дель дуомо», Гракх. Нужная нам гостиница должна быть на соборной площади.

Формальности с добродушными, сонными часовыми кордегардии не заняли много времени. К тому же и бумаги у путешественников были в полном порядке.

Берлина с грохотом проехала под сводами крепостной стены, заглушая звон колоколов, призывавших к вечерней молитве. Целая ватага детворы с криком бросилась за каретой, пытаясь взобраться на рессоры. Опускавшийся вечер зажигал тут и там фонари по узкой улице высоких средневековых домов, в которую въехала карета.

Как всегда в Италии к концу дня, если позволяла погода, весь или почти весь город высыпал наружу, и карета продвигалась еле-еле. Мужчины главным образом шли группами, держась за руки и двигаясь в направлении площади.

Также встречались и женщины, большей частью в темных платьях, закутанные с головы до ног в белые кружевные шали. Слышались громкие голоса, восклицания, иногда доносились звуки песен, но Марианна обратила внимание на многочисленных солдат и с досадой сделала заключение, что, видимо, великая герцогиня Элиза избрала своей резиденцией на луккское лето ту роскошную виллу Марлио, о которой ей говорил Аркадиус. Если известие о затеянном «лечении» певицы Марии-Стэллы дойдет до нее, Марианну может ожидать нежелательное приглашение, идущее вразрез не только с замыслами ее крестного, но и с ее собственными планами. Здесь, в Лукке, должна была завершиться карьера мнимой Марии-Стэллы. Предстоящая перемена судьбы полностью отвергала возможность ее появления на сцене. Впрочем, Марианна не испытывала сожаления при мысли, что навсегда покидает театр, ибо сознавала, что она не создана для него. Ее последнее выступление в Тюильри оказалось для нее слишком тягостным испытанием. Итак, надо постараться, чтобы сестра Наполеона не узнала о ее приезде...

По-прежнему окруженная крикливой детворой, карета выехала из улицы и рысью пересекла большую, красивую, обсаженную деревьями площадь со статуей Наполеона в центре, затем другую, поменьше, соединяющуюся с первой, и оказалась, наконец, перед великолепной римской церковью, чей легкий фасад с тремя рядами изящных колонн смягчал строгость мощной зубчатой колокольни.

— Вот и ваша церквушка, — объявил Гракх, — хотел бы я знать, чего это называют собором? Нет тут никакого собора.

— Я объясню тебе позже. Ищи гостиницу.

— А чего ее искать. Вот она, ей-богу!.. Ее только и видно!

Расположенная под углом к прелестному дворцу времен Ренессанса, выглядывавшему из — за пышно разросшегося сада, гостиница «Дель дуомо» выставляла напоказ свои ярко освещенные изнутри окна с решетками и широкий вход с вывеской под увитой жимолостью аркой.

— Похоже, что здесь много посетителей! — прошептала Марианна.

Действительно, у входа несколько солдат держали под уздцы оседланных лошадей.

— Наверно, целый полк завернул сюда по дороге, — пробурчал Гракх. — Что будем делать?

— А ты как думаешь? — нетерпеливо спросила Марианна. — Въезжай! Не можем же мы провести ночь в карете только из-за того, что в гостинице много посетителей. Места для нас должны быть заказаны.

Как и подобает послушному слуге, Гракх, не рискнув спросить, кто этот таинственный заказчик, проехал под аркой и с важным видом остановил разгоряченную упряжку во внутреннем дворе. Словно по мановению волшебной палочки, откуда ни возьмись появились слуги и конюхи, а из дверей с большим фонарем в руке вышел хозяин гостиницы, поспешивший, насколько это позволяло его брюшко, с непрерывными поклонами к элегантному экипажу.

— Орланди, то есть я, госпожа, к услугам вашего превосходительства! Визит госпожи — это большая честь для гостиницы «Дель дуомо», но я осмелюсь утверждать, что нигде больше она не найдет лучший кров и стол.

— Комнаты для меня и моих друзей оставлены? — спросила Марианна на превосходном тосканском. — Я синьорина Мария-Стэлла и...

— Так, так... все в порядке! Пусть синьорина будет так добра и последует за мной. Синьор Зеччини ждет с самого утра.

Услышав незнакомое имя, Марианна не выразила удивления. Может быть, посланец кардинала? Во всяком случае, это не мог быть человек, за которого она должна выйти замуж.

— Откуда столько людей в вашей гостинице? — спросила она, указывая на мелькавшие за окнами фигуры в мундирах.

Синьор Орланди пожал жирными плечами и, чтобы показать, насколько он уважает военных, без церемоний плюнул на землю.

— Тьфу! Это жандармы ее величества герцогини. Они только проездом... по крайней мере я надеюсь, что так!

— Очевидно, маневры?

Кругленькая фигура Орланди, которой длинные усы калабрийского бандита безуспешно пытались придать грозный вид, комично попробовала вытянуться.

— Император отдал приказ закрыть все монастыри в Тоскане. Некоторые епископы Тразимена восстали против властей. Четверо из них арестованы, но опасаются, чтобы остальные не укрылись у нас. Отсюда и эти чрезвычайные меры.

По-прежнему эта неутраченная вражда между Наполеоном и папой!.. Марианна нахмурила брови. Что было на уме у крестного, заставившего ее приехать именно в эти места, где отношения между императором и Церковью были так напряжены? Трудности возвращения в Париж, которые она предвидела, теперь не уменьшились, а, наоборот, возросли. Она уже не могла без содрогания представить себе реакцию императора, когда он узнает, что она, даже не посоветовавшись с ним, вышла замуж за неизвестного. Кардинал, конечно, пообещал, что им не будет кто-нибудь из врагов, но можно ли предугадать, как прореагирует на это человек, до такой степени дорожающий своей властью?

На вошедших обрушился шум, царивший в большом зале гостиницы. Группа офицеров окружила своего собрата, видимо, только что приехавшего. Покрытый пылью и багровый от

ярости, новоприбывший в сдвинутом набекрень кивере, с грозно закрученными усами и горящими глазами кричал:

— ..невозмутимый слуга подошел к решетке и объяснил мне, перекрывая лай собаки, что, поскольку его хозяин никого не принимает, бесполезно производить обыск, чтобы убедиться, что ни один из этих проклятых епископов у него не скрывается! Затем, ничего не желая слушать больше, он повернулся спиной и ушел так спокойно, словно мы не существовали. У меня не было достаточно людей, чтобы окружить эту проклятую виллу, но, черт возьми, на этом дело не кончится!... Давайте все в седло! Покажем этому Сант'Анна, как смеяться над приказами его величества императора и ее императорского высочества великой герцогини!

Одобрительные возгласы приветствовали это воинственное заявление.

— Пусть синьорина будет так добра подождать меня с минутку, — торопливо прошептал сильно побледневший Орланди, — я должен вмешаться. Эй! Господин офицер!

— Чего тебе? — прогремел он гневно. — Принеси кувшин кьянти, да поживей! Я умираю от жажды и спешу.

Но вместо того, чтобы повиноваться, Орланди покачал головой.

— Извините за смелость, но., «на вашем месте, господин офицер, я не пытался бы увидеть князя Сант'Анна прежде всего потому, что вы туда не пройдете, а затем потому, что это вызовет недовольство ее императорского высочества.

Шум мгновенно утих. В сопровождении товарищей офицер подошел к Орланди. Марианна же отступила в тень лестницы, чтобы остаться незамеченной.

— Что ты хочешь этим сказать? Почему это я не смогу туда пройти?

— Потому что никто никогда там не был. Любой в Лукке скажет вам то же самое. Известно, что князь Сант'Анна существует, но его никогда не видел никто, кроме двух-трех слуг, обслуживающих его лично. Все остальные, а их много и здесь, и в других владениях, видели только его фигуру. Но никогда не видели его в лицо, не встречались с его взглядом. Все, что о нем известно, — это как звучит его голос.

— Он скрывается! — завопил капитан. — А почему он скрывается, а, хозяин? Ты знаешь, почему он скрывается? Если нет, то я скажу тебе, потому что скоро узнаю!

— Нет, господин офицер, это вы не узнаете... или накличете гнев великой герцогини Элизы, которая, как и великие герцогини — ее предшественницы, всегда уважала одиночество князя.

Офицер расхохотался, но его смех звучал немного фальшиво, по мнению Марианны, которая, невольно заинтересовавшись этой странной историей, слушала с большим вниманием.

— Немыслимо! Но тогда он сам дьявол, этот твой князь!

С суеверной дрожью Орланди несколько раз торопливо перекрестился, а за спиной, так, чтобы офицер не заметил, сделал пальцами рожки, отгоняя нечистую силу.

— Не говорите таких вещей, господин офицер! Нет, князь не... тот, кем вы его назвали. Говорят, что у него с раннего детства ужасная болезнь и что из-за этого его никогда не видели. Родители прятали его. Вскоре после его рождения они уехали далеко и умерли на чужбине. Он

вернулся один, только с теми слугами, о которых я говорил.

Они были при его рождении и сейчас руководят всем.

Невольно встревоженный, хотя он и не хотел показать это, офицер покачал головой.

— И он всегда живет в этом имении, замкнутом стенами, решетками и слугами?

— Иногда он выезжает, без сомнения, чтобы посетить другие свои владения, всегда с мажордомом и капелланом, но никогда не видели, как он уезжает и приезжает.

Внезапно наступила тишина, такая гнетущая, что, желая нарушить ее, офицер попытался рассмеяться. Повернувшись к замершим товарищам, он воскликнул:

— Он шутник, ваш князь! Или псих! А мы не любим психов! Но, раз ты говоришь, что великой герцогине не нравится, когда его задевают, его не тронут. У нас сейчас достаточно других дел. Однако мы пошлем гонца во Флоренцию и...

Он внезапно сменил тон и угрожающе поводит пальцем под самым носом бедного Орланди.

— ..и если ты солгал нам, мы не только вытащим из гнезда твою ночную птичку, но ты еще узнаешь, сколько весят ножны моей сабли! В путь, ребята! К монастырю Монт-Оливетти. Сержант Бернарди, ты останешься здесь с одним взводом! Слишком уж несет елеем от этой проклятой виллы! Присматривай за ней. Надо быть начеку!

Стуча по полу сапогами и саблями, жандармы покинули зал. Орланди повернулся к Марианне, неподвижно ожидавшей с Гракхом и Агатой окончания этого необычного диалога.

— Извините, синьорина, но я не мог позволить этим людям броситься на штурм виллы Сант'Анна. Это никому не принесло бы счастья... ни им, ни нам.

Заинтригованная Марианна не могла побороть искушение задать несколько вопросов о странном персонаже, послужившем предметом спора.

— Вы действительно так боитесь за этого князя? Однако вы даже не видели его никогда!

Орланди пожал плечами и взял со стола зажженный канделябр, чтобы проводить путешественников на второй этаж.

— Нет, я никогда не видел его. Но я хорошо вижу, что делается от его имени. Князь очень великодушно относится к простым людям. И затем, как можно знать, куда доходит власть такого человека, как он? Лучше оставить его в покое. Его щедрость известна, но неизвестно еще, каков он в гневе... и если бы какой-нибудь отщепенец или окаянный...

Орланди снова трижды перекрестился.

— Сюда, синьорина!.. Затем я провожу кучера в его помещение. А для служанки — маленькая комната рядом с вашей.

Он открыл перед Марианной дверь в просто обставленную, но опрятную комнату. Побеленные известью стены не загромождала лишняя мебель. Узкая, длинная кровать из темного дерева, с таким высоким изголовьем, что у Марианны появилось неприятное ощущение, словно она находится перед мавзолеем, стол и два твердых стула, большое распятие и несколько благочестивых картинок составляли убранство комнаты. Если бы не красные занавески у

маленького окна и кровати, могло бы показаться, что это монастырская келья. Туалетные принадлежности и большая белая фаянсовая миска находились на стоявшем в углу столике. Все это освещалось скупым светом масляной лампы.

— Вот, это моя самая хорошая комната, — с удовлетворением сказал синьор Орланди. — Я надеюсь, что синьорина будет довольна. Должен ли я теперь предупредить синьора Зеччини?

Марианна вздрогнула. История невидимого князя заставила ее забыть собственные заботы и особенно ту таинственную особу, которая ждет ее с утра. Сейчас она узнает, кто он такой.

— Предупредите его и скажите, что я жду. Затем подадите нам ужин.

— А ваш багаж доставить тоже сюда?

Марианна заколебалась. Она не знала, входило ли в планы крестного, чтобы она надолго осталась в этой гостинице, и подумала, что багаж не пострадает, если проведет еще одну ночь в карете.

— Нет, я не знаю, останусь ли я здесь. Принесите только большой ковровый мешок, который лежит внутри берлины.

Когда Орланди удалился, она из предосторожности отправила спавшую на ходу Агату к себе, предупредив, чтобы она оставалась на месте, пока ее не позовут.

— А... если я засну? — спросила девушка.

— Спите спокойно. Я разбужу вас к ужину... Бедная моя Агата, вы не представляли себе, что путешествие будет таким утомительным?

Из-под измятого чепчика Агата благодарно улыбнулась хозяйке.

— Да, это было тяжело, но так интересно. К тому же вместе с мадемуазель я готова идти хоть на край света. Но надо признаться, что в этой гостинице не так уж хорошо. Хотя на дворе и май, не мешало бы протопить.

Марианна показала рукой, чтобы она замолчала и шла к себе через низкую дверь, соединявшую обе комнаты, ибо кто-то постучал.

— Войдите! — сказала Марианна, когда ее субретка исчезла.

Дверь медленно отворилась, очень медленно, словно тот, кто был за ней, стеснялся или колебался. Наконец появилась высокая фигура в суконном одеянии с короткими штанами, в белых чулках и громадных туфлях с пряжками, в круглой, надвинутой на колпак шляпе. Шляпа покинула свое место, колпак остался, а новоприбывший, сложив руки, поднял глаза к потолку и вздохнул.

— Слава Богу! Наконец вы прибыли! Вы не можете себе представить, как я терзался весь день среди этой солдатни! Но вы уже здесь и это главное.

Слушая это приветствие в форме благодарственной молитвы, Марианне хватило времени прийти в себя от удивления, обнаружив, что синьор Зеччини не кто иной, как аббат Бишет. Но несчастный был так заметно не в себе от своей одежды, вернее, эта одежда придавала ему такой забавный вид, что Марианна не могла удержаться от смеха.

— Что это вы так вырядились, господин аббат! Вы разве не знаете, что Пасха была три недели назад и карнавал давно уже закончился?

— Не смейтесь, умоляю вас. Я достаточно выстрадал в этом нелепом наряде. Если бы это не было необходимо и если бы его преосвященство из предосторожности не потребовал...

— Где мой крестный? — спросила Марианна, сразу став серьезной. — Я думала найти его здесь.

— Вы должны были помнить, что князь Церкви нуждается в больших предосторожностях, чем кто-либо иной во время таких ужасных событий, которые мы переживаем.

Последнее время мы квартировали в монастыре Монт-Оливетти, но затем из осторожности покинули его.

— Это было действительно очень благоразумно, — признала Марианна, подумав о том, что несколькими минутами раньше сказал неистовый жандарм. Именно к этому монастырю они направились.

— И где находится его преосвященство сейчас?

— Напротив, — ответил аббат, показывая в окно на колокольню собора. — Он устроился сегодня утром у церковного сторожа и ожидает вас.

Марианна бросила взгляд на висевшие у нее на шее миниатюрные золотые часы.

— Уже поздно. Церковь должна закрыться... охраняться...

— Вечерняя служба только начнется. Предпринятые императором меры касаются только монастырей, но не церквей, где богослужение должно продолжаться. Службы проходят регулярно. В любом случае сторож должен оставить одну дверь открытой, при необходимости, на всю ночь. Его преосвященство будет вас ждать после вечерни.

— Где именно? Церковь такая большая...

— Войдете через левую дверь и пойдете до трансепта 9.

Найдете гробницу Иларии. На ней изображена распростертая женщина с собачкой у ног. Там вас будет ждать кардинал.

— Вы не пойдете со мной?

— Нет. По приказу монсеньора я должен покинуть гостиницу ночью. Он не хочет, чтобы нас видели вместе. Моя миссия завершена, и меня призывают другие дела.

— Благодарю вас, господин аббат. Я сообщу крестному, с какой старательностью вы выполнили его волю. Что касается меня, то я сейчас же отправлюсь на встречу с ним.

— Да хранит вас Господь! Я буду молиться за вас.

Приложив длинный палец к губам, как требование соблюдать тишину, и ступая на носках своих громадных туфель с видом заговорщика, который при других обстоятельствах Марианна нашла бы комичным, мнимый синьор Зеччини вышел так же бесшумно, как и вошел.

Марианна живо подошла к туалетному столику, сняла шляпу и убедилась, что прическа не сильно пострадала, затем, открыв принесенный Орланди ковровый мешок, достала из него большую темно-красную кашемировую шаль, в которую закуталась с головой, как это делали местные женщины. После чего она приоткрыла дверь, ведущую в комнату Агаты. Как она и предполагала, девушка спала.

Растянувшись в одежде на кушетке, она даже не услышала, когда скрипнула дверь. Марианна улыбнулась. Она могла спокойно идти на свидание. Агата не скоро проснется. Спускаясь по лестнице, она встретила Орланди, который шел с уставленным тарелками, стаканами и приборами подносом.

— Пожалуйста, подайте ужин немного позже, — сказала Марианна. — Я хотела бы... сходить в церковь немного помолиться, если это можно...

В служебной улыбке Орланди появился более теплый оттенок.

— Ну конечно же, это можно! Сейчас как раз идет вечерняя служба! Идите, синьорина, идите, я подам ужин, когда вы вернетесь.

— А эти солдаты... пропустят меня?

— Чтобы пойти в церковь? — возмутился почтенный хозяин гостиницы. — Хотел бы я видеть!..

Мы здесь все добрые христиане! Если бы попытались закрыть церкви, в городе вспыхнула бы революция. Вы не желаете, чтобы я проводил вас?

— — Только до дверей вашего дома. Дальше я пойду сама, благодарю вас.

В сопровождении принявшего грозный вид Орланди Марианна пересекла зал, не привлекая внимания никого из солдат. Впрочем, теперь они выглядели гораздо менее агрессивными. Сержант с капралом играли в карты, а остальные разговаривали, попивая вино. Некоторые достали длинные трубки и задумчиво пускали к потолку клубы дыма.

вернуться

9

Трансепт — поперечный неф.

Выйдя из дома, Марианна поплотнее закуталась в шаль и пустилась бегом через площадь. Ночь уже полностью вступила в свои права, но рассеянные кое-где фонари позволяли разглядеть светлую старую базилику. Поднялся легкий ветер, донесший аромат полей, и Марианна приостановилась посреди площади, чтобы насладиться его свежестью. Вымытое недавним дождем небо распростерло над ее головой свое сине-черное покрывало с мириадами нежно сверкающих звезд. Где-то в ночи пел под аккомпанемент гитары мужчина, но его голос заглушали исходившие из открытых дверей храма звуки торжественного гимна. Песня, которую пел мужчина, была песней любви, гимн же прославлял Бога и горькие радости отречения и смирения. Первое призывало к счастью, второе — к строгому повиновению, и Марианна в последний раз заколебалась. Совсем недолго, ибо выбора между любовью и долгом у нее уже не было. Ее возлюбленный не нуждался в ней, не пытался найти ее. Он катил среди празднующего народа по дорогам Нидерландов, улыбаясь своей юной жене, не думая о той,

кого оставил, которая теперь, чтобы скрыть свой позор и страдания, направлялась к неизвестному, чтобы он обеспечил ее ребенку право жить с высоко поднятой головой.

Она решительно повернулась спиной к любовной песне и посмотрела на церковь. Какой внушительной она казалась в темноте с ее приземистыми очертаниями и устремленной к небу, словно призыв о помощи, высокой башней. Ее собственный призыв Бог не пожелал услышать, раз единственный человек, в помощи которого она нуждалась, не пришел и не придет. Он тоже был далеко от нее, может быть, уже забыл о ней. Волнение перехватило горло Марианны, но тут же сменилось приступом гнева.

— Ты форменная дурочка! — пробурчала она сквозь зубы. — Когда уже ты перестанешь оплакивать свою судьбу? Ты сама хотела того, что произошло! И ты всегда знала, что за счастье надо платить, даже если оно оказалось таким быстротечным! Так что теперь уж плати без всяких упреков. Тот, кто ждет тебя здесь, любит тебя с давних пор. Он желает тебе только счастья... или по меньшей мере душевного спокойствия. Постарайся довериться ему, как ты это делала когда-то.

Марианна смело направилась к паперти, перешагнула несколько ступенек и толкнула крайнюю слева дверь. Но чувство беспокойства у нее не рассеялось. Несмотря ни на что, она не могла избавиться от причинявшего ей боль чувства недоверия к крестному, за которое она упрекала себя.

Как бы она хотела вновь обрести безоговорочное доверие юных лет! Однако эта невероятная свадьба! Эта требуемая им полная покорность!

Внутренность церкви тонула во мраке, и только красная лампа на хорах и несколько горящих свечей давали слабый свет. На высоком алтаре седовласый священник в серебряной ризе совершал богослужение в окружении коленапреклоненных прихожан, чей шепот, смешиваясь со вздохами органа, уносился к высокому, поблескивающему лазурью своду. Она остановилась около кропильницы, смочила пальцы и перекрестилась, затем преклонила колени для краткой молитвы, в которой ее сердце не участвовало. Скорее это был долг вежливости перед Богом.

Душа ее здесь отсутствовала. Стремительно и бесшумно, словно тень, она проскользнула по боковому нефу, обогнула изящное восьмиугольное сооружение, укрывавшее диковинное распятие с Христом в длинном византийском одеянии, и, наконец, добралась до трансепта. Среди нескольких стоявших там на коленях фигур, похоже, не было того, кого она искала. Никто не обратил на нее внимания.

Марианна не торопясь приблизилась к гробнице. Она сразу заметила ее красоту, столь необычную, что взгляд ее, равнодушно скользнув по великолепной картине, изображавшей Деву Марию с двумя святыми, приковался к гробнице и уже не мог оторваться. Она никогда не представляла себе, что гробница может обладать таким изяществом, таким очарованием чистоты и покоя. На окаймленной фризом с держащими гирлянды цветов ангелами плите покоилась молодая женщина в длинном платье, с маленькой собачкой у ног, со скрещенными на груди руками, гладко зачесанными волосами, открывавшими очаровательное лицо, которое Марианна долго созерцала, восхищаясь цветущей молодостью, с такой любовью воспроизведенной скульптором. Она не знала, кто была эта Илария, умершая четыре века назад, но почувствовала удивительную духовную близость с ней, хотя на этом тонком лице не отражались страдания, которые привели ее на пороге жизни в гробницу.

Чтобы побороть желание прикоснуться к рукам лежащей и неуместную, по ее мнению, чувствительность, Марианна поодаль преклонила колени, спрятала лицо в ладонях и

попыталась молиться. Но ее сознание оставалось настороже. И она не вздрогнула, когда кто-то опустился на соседнюю скамеечку для молитв. Скосив глаза, она узнала крестного, несмотря на поднятый воротник черного плаща, почти закрывавший его лицо. Увидев, что она смотрит на него, он слегка улыбнулся.

— Вечерня сейчас закончится, — прошептал он. — Когда все уйдут, мы побеседуем.

Ожидание не было долгим. Через несколько минут священник покинул алтарь, унося ковчег. Мало-помалу церковь опустела. Слышался шум отодвигаемых скамеечек, удаляющихся шагов. Пришел сторож потушить свечи и лампу на хорах. Свет остался только в трансепте перед прекрасной статуей святого Жан-Батиста, очевидно, работы того же скульптора, что и гробница. Кардинал поднялся с колен и сел, жестом приглашая Марианну сделать то же. Она заговорила первая:

— Я прибыла, как вы мне это приказали...

— Нет, не приказал, — мягко поправил ее кардинал.

— Я только просил тебя, ибо полагал, что в этом твое спасение. Ты приехала... одна?

— Одна! И вы предвидели это, не так ли? — добавила она с неуловимой горечью, не ускользнувшей, однако, от тонкого слуха прелата.

— Нет. Бог мне свидетель, что я предпочел бы увидеть тебя с человеком, который дал бы тебе возможность выполнить свой долг и одновременно удовлетворить твою привязанность. Но я вижу, что у тебя не было ни достаточно времени, ни, возможно, выбора. Тем не менее у меня такое ощущение, что ты сердисься на меня из-за положения, в котором оказалась?

— Я сержусь только на себя, крестный, уверяю вас. Скажите только, все ли в порядке? Мой брак...

— С англичанином? Надлежащим образом расторгнут, иначе тебе незачем было ехать сюда. Мне не составило большого труда добиться расторжения. Ввиду чрезвычайных обстоятельств, касающихся и святого отца, пришлось удовольствоваться малым трибуналом, чтобы вынести решение о твоем случае. Я на это и рассчитывал, ибо в противном случае мы не добились бы такого быстрого успеха!

Затем я уведомил консисторию английской церкви о расторжении брака и написал нотариусу, который составлял контракт. Теперь ты свободна!

— Но на такое короткое время! Тем не менее я благодарна вам. Для меня это величайшая радость — быть свободной от унижительных цепей, и я буду вечно благодарить вас! Похоже, крестный, что вы стали весьма могущественной особой?

Несмотря на слабый свет, Марианна заметила на некрасивом лице кардинала улыбку.

— У меня нет другого могущества, кроме того, что приходит от Бога, Марианна. Готова ли ты сейчас слушать продолжение?

— Да... по крайней мере я считаю так!

Станным казался этот диалог в пустом соборе. Они были одни, сидя бок о бок среди тьмы, где иногда отблеск пламени высвечивал один из висящих на стенах шедевров.

Почему именно здесь, а не в комнате гостиницы, куда кардинал в своей гражданской одежде мог проникнуть так же легко, как и аббат Бишет, невзирая на присутствие солдат?

Марианна слишком хорошо знала крестного, чтобы не сомневаться в том, что он обдуманно выбрал эту обстановку, может быть, для того, чтобы придать своего рода торжественность словам, которыми они обменяются. И возможно, из-за этого он сейчас предался размышлениям. Кардинал закрыл глаза, склонил голову. Марианна подумала, что он молится, но ее измученные дорогой и беспокойством нервы были уже на пределе. Не в силах сдержать себя, она сухо проронила:

— Слушаю вас!

Он встал и, положив ей руку на плечо, мягко упрекнул:

— Ты нервничаешь, малютка, и это вполне естественно, но видишь ли, это на меня падет вся ответственность за то, что произойдет, и я обязан еще раз все обдумать... Теперь слушай, но прежде всего запомни, что ты не должна ни в чем огорчать человека, который собирается дать тебе свое имя. Между вами будет заключен союз. Однако вы никогда не составите супружеской пары, и именно это мучит меня, ибо служителю Бога не подобает способствовать заключению подобного брака. Но, сделав это, вы окажете взаимные услуги, ибо он спасет тебя и твоего ребенка от бесчестия, а ты дашь ему счастье, на которое он больше не надеялся. Благодаря тебе благородное имя, обреченное им на исчезновение, не угаснет с ним.

— А разве этот человек не способен... иметь ребенка?

Он слишком стар?

— Ни то, ни другое, но произвести потомство — вещь для него невыносимая, просто ужасающая. Он мог бы, конечно, усыновить какого-нибудь другого ребенка, но его останавливает опасение привить к старому семейному дереву вульгарный росток. Ты принесешь ему смешанную с лучшей кровью Франции не только кровь императора, но и человека, которым он восхищается больше всех в мире. Завтра, Марианна, ты выйдешь замуж за князя Коррадо Сант'Анна...

Забыв, где она находится, Марианна вскрикнула.

— Он? Человек, которого никто и никогда не видел?

Лицо кардинала окаменело. В синих глазах сверкнули молнии.

— Откуда ты знаешь? Кто говорил тебе о нем?

В нескольких словах она описала сцену, невольной свидетельницей которой она была в гостинице. Закончив рассказ, она добавила:

— Говорят, что он поражен ужасной болезнью и из-за этого так тщательно скрывается, говорят даже, что он безумен.

— Никому никогда не удавалось сковать язык людей, а тем более их воображение. Нет, он не безумен. Что касается причины его добровольного затворничества, я не вправе раскрыть ее тебе. Это его тайна. Возможно, он откроет ее тебе когда-нибудь, если сочтет нужным, но это меня сильно удивило бы! Знай только, что им движут побуждения, не просто достойные уважения, но очень благородные.

— Однако... если мы должны будем заключить союз, я по меньшей мере обязана увидеть его!

В голосе Марианны прозвучала надежда, но кардинал покачал головой.

— Мне не следовало забывать, что женское любопытство непреборимо. Слушай внимательно, Марианна, чтобы я больше не повторял. Между тобой и Коррадо Сант'Анна заключается соглашение, вроде того, что имело место между нами. Он дает тебе свое имя и признает себя отцом твоего ребенка, который однажды станет наследником его состояния и титулов, но, вероятно, ты никогда не увидишь его лицо, даже во время бракосочетания.

— Но в конце концов, — воскликнула Марианна, раздраженная этой тайной, в которой кардинал, похоже, находил удовольствие, — вы знаете его? Вы его видели? Что он скрывает? Может быть, это чудовищный урод?

— К чему громкие слова! Действительно, я часто видел его. Я даже знаю его с самого рождения, ставшего ужасной драмой. Но я клялся честью и на Евангелии никогда не раскрывать ничего, касающегося его особы.

Бог свидетель, однако, что я многое отдал бы ради того, чтобы вы смогли среди бела дня стать настоящими супругами, ибо я редко встречал людей с такими достоинствами, как у него. Но при настоящем положении дел я считаю, что в ваших обоюдных интересах заключить лучше такой брак... союз двух, в некотором роде терпящих бедствие. Что касается тебя, то взамен того, что он тебе даст, ибо ты станешь очень важной дамой, тебе надлежит жить с честью и порядочностью и уважать этот род, чьи корни уходят в древность и с которым породнилась та, что спит в этой гробнице.

Готова ты к этому? Потому что, пойми меня правильно, если ты ищешь только удобное прикрытие, чтобы вести беззаботную жизнь в объятиях какого-нибудь мужчины, тебе лучше отказаться и поискать другого. Не забывай, что я предлагаю тебе не счастье, а достоинство и честь человека, которого никогда не будет рядом с тобой, чтобы их защитить, и свободную от всяких материальных забот жизнь. Одним словом, я ожидаю, что ты будешь вести себя отныне соответственно твоему происхождению и обычаям твоего сословия. Однако ты еще можешь отказаться, если условия кажутся тебе слишком тяжелыми. В твоём распоряжении десять минут, чтобы сказать мне, хочешь ли ты остаться певицей Марией-Стэллой или же стать княгиней Сант'Анна...

Он хотел отойти, чтобы оставить ее наедине для размышлений, но охваченная внезапной паникой Марианна удержала его за руку.

— Еще одно слово, крестный, умоляю вас. Поймите, чем для меня является решение, которое надо принять! Я знаю, всегда знала, что дочери знатного рода не подобает обсуждать избранный ее родителями союз, но признайте, что на этот раз обстоятельства исключительные.

— Согласен. Однако я думаю, что уже не о чем спорить.

— Да нет! Я не собираюсь спорить. Я полностью доверяю вам и люблю, как любила бы отца. Я только хочу полной ясности. Вы сказали, что отныне я должна буду жить по законам Сант'Анна, почитать имя, которое буду носить.

— В чем же дело? — строго спросил кардинал. — Вот уж не ожидал услышать от тебя подобный вопрос...

— Я не правильно выразилась, — простонала Марианна. — Другими словами: какой станет моя жизнь с момента, когда я стану женой князя? Должна ли я буду жить в его доме, под его крышей...

— Я уже говорил, что нет. Ты сможешь жить там, где тебе понравится: у себя в особняке д'Ассельна или где угодно. Если у тебя появится желание, ты можешь воспользоваться любым из владений Сант'Анна, будь то вилла, которую ты увидишь завтра, или принадлежащие ему дворцы в Венеции и Флоренции. Ты будешь полностью свободной, и управляющий Сант'Анна позаботится, чтобы твоя жизнь не только избавилась от материальных забот, но и была роскошной, как это надлежит женщине твоего ранга. Только никаких скандалов, никаких мимолетных связей, никаких.

— — О крестный! — вскричала уязвленная Марианна. — Я никогда не давала вам повода предполагать, что я могу пасть так низко, что...

— Прости меня, я не то хотел сказать и также не правильно выразился. Я все еще думал об амплу певички, выбранном тобой, и о возможных, неведомых тебе опасностях, связанных с ним. Я знаю прекрасно, что ты любишь и кого любишь! И я не просто сожалею о выборе твоего сердца, — я не могу забыть, что его избранник обладает слишком большой властью, чтобы не привести тебя опять к нему, когда он этого пожелает. У тебя нет сил бороться с ним и с самой собой. Но, дитя мое, единственное, о чем я тебя прошу, это всегда помнить об имени, которое ты будешь носить, и соответственно вести себя.

Никогда не поступай так, чтобы твой... ваш ребенок отныне когда-нибудь смог упрекнуть тебя. Впрочем, я верю, что на тебя можно положиться. Ты всегда была моей возлюбленной дочерью. Просто тебе не повезло. Теперь я оставляю тебя подумать.

Сказав это, кардинал отошел на несколько шагов и преклонил колени перед статуей Святого Жана, оставив Марианну у гробницы. Она непроизвольно повернулась к ней, словно ожидаемый кардиналом ответ мог слететь с этих мраморных уст. Жить с достоинством... и с достоинством умереть, вот к чему, несомненно, свелась жизнь той, что покоилась здесь! И достоинство было так вознаграждено!

Впрочем, Марианна вполне откровенно признала, что у нее нет особой тяги к приключениям, по крайней мере подобным тем, что она пережила, и не могла избавиться от мысли, что если бы все пошло по-другому и особенно если бы Франсис вел себя иначе, она в это же самое время жила бы спокойно и с достоинством среди величественной роскоши Селтон — Холла.

Она осторожно положила руку на изваяние, и холод мрамора пронизал ее. То ли ей почудилось, то ли в самом деле на тонком лице с закрытыми глазами, таком безмятежно спокойном над высоким воротником, промелькнула легкая улыбка.

Может быть, молодая женщина пыталась из-за порога смерти приободрить свою живущую сестру?

» Я схожу с ума! — волнуясь, подумала Марианна. — У меня уже начинаются видения! Надо кончать с этим!..«

Резко повернувшись спиной к статуе, она подошла к крестному, который молился, спрятав лицо в руках, и отчетливо заявила:

— Я готова. Завтра я сочетаюсь с князем.

Не глядя на нее, даже не повернувшись, он прошептал, подняв глаза к лику Святого Жана:

— Хорошо. Теперь возвращайся к себе. Завтра в полдень ты покинешь гостиницу, сядешь в карету и прикажешь Кучеру ехать по дороге к Луккским купальням, находящимся в четырех — пяти лье отсюда. Это никого не удивит, раз ты приехала сюда на воды, но ты не доедешь до конца. Примерно в одном лье от города ты увидишь около дороги небольшую часовню. Я буду ждать тебя там. Теперь иди.

— А вы остаетесь? Здесь так темно и холодно.

— Я живу здесь, сторож — верный чле... друг! Иди с миром, малютка, и да хранит тебя Бог!

Ей вдруг показалось, что у него очень усталый вид и в то же время, что он с нетерпением ожидает ее ухода. Бросив последний грустный взгляд на статую Иларию, Марианна направилась к выходу, занятая новой мыслью. Крестный продолжал удивлять ее. Какое слово хотел он произнести, упомянув о стороже? Член? Но член чего? Не значит ли это, что князь Церкви, римский кардинал, принадлежит к какой-то секте? Но в таком случае к какой? Вот и новая загадка, которой, может быть, лучше не касаться. Марианна почувствовала себя такой утомленной от всех этих вторгающихся в ее жизнь тайн!

После запаха остывшего воска и сырых камней собора ночной воздух показался ей восхитительным. Аромат его был таким нежным! А небо такое прекрасное! Она с удивлением обнаружила, что теперь, когда решение принято, все ее волнение улетучилось. Она была почти счастлива, что согласилась на этот странный брак. Безусловно, было бы безумием отказываться от союза, обеспечивавшего ей жизнь, сообразную ее вкусам и происхождению, предоставляя ей полную самостоятельность при единственном условии — достойно носить имя Сант'Анна!

Даже вызванный воображением образ Язона не возмущил новое для нее спокойствие. Пытаться найти спасение с его помощью было, конечно, ошибкой. Судьба выбрала за нее, и, может быть, так даже и лучше. Единственный, кого ей во всех отношениях не хватало, — это милейшего Аркадиуса. Когда он рядом, все сразу становится проще и понятнее.

В то время как она пересекала площадь, теперь уже совсем темную, ее поразила тишина вокруг. Не слышно было ни малейшего шума. В воздухе не звучала больше любовная песня... вокруг затаилась ночь, томительный мрак которой предвещал неведомые испытания завтрашнего дня.

Невольная дрожь охватила Марианну.

Глава II. ГОЛОС ИЗ ЗЕРКАЛА

Когда ее карета проехала величественные, украшенные гербами решетчатые ворота, фантастическим черно-золотым кружевом замыкавшие высокие стены, Марианна ощутила, что вступает в новый мир, охраняемый каменными стражами на пилястрах у входа: один вооруженный натянутым луком, другой — поднятым копьём, словно угрожавшими каждому, кто осмелится переступить порог. Ворота как по волшебству раскрыли свои створки перед лошадьми, но ни одного охранника, ни одной из собак, так напугавших офицера жандармерии, не было видно. Ни единой души! Этот вход начинал длинную, посыпанную песком аллею, обсаженную высокими темными кипарисами вперемежку с лимонными деревьями в каменных вазах, безмятежную перспективу которой завершали искрящиеся султаны бившей из бассейна воды.

По мере того как карета катилась по песку аллеи, по сторонам открывал свои прелести романтический парк, населенный статуями, гигантскими деревьями, ажурными колоннадами, брызжущими фонтанами: своеобразный мир живой и неживой природы, где вода казалась властелином, а цветы отсутствовали. Охваченная непонятной боязнью, Марианна оглядывалась, затаив дыхание, с таким чувством, словно само время остановилось... На миловидном лице Агаты, сидевшей против нее, замерло выражение явного страха.

Только погруженного в свои мысли сидящего в углу кардинала, казалось, не волновала странная щемящая грусть, наполнявшая поместье. Даже солнце, сиявшее при выезде из Лукки, исчезло за слоем белых облаков, откуда пробивались рассеянные лучи света. Атмосфера стала гнетущей, не слышалось пения птиц, никакой шум, кроме печального журчания воды, не нарушал тишину. В карете все молчали, да и Гракх на своем сиденье забыл, что можно петь или свистеть, как он привык это делать во время бесконечного пути.

Берлина повернула, пересекла рощу гигантских туй и выехала на открытое место. В конце длинного зеленого ковра, где вздыбились мраморные лошади и роскошные священные павлины распушили белоснежные перья, на голубоватом фоне далеких тосканских холмов стоял замок, отражая в зеркале пруда свое спокойное величие. Увенчанные балюстрадой белые стены, высокие сияющие окна большой лоджии со статуями на колоннах, отливающий старым золотом купол центральной части с коньком в виде всадника на единороге, представлявшие жилище таинственного князя в стиле приправленного пышным барокко позднего Ренессанса, казались возникшими из сказки.

Высокие деревья, окаймлявшие со всех сторон лужайку и пруд, прерывались широкими прогалинами, где солнечные лучи освещали нежную зелень и туманную белизну, временами открывая взору изящество колоннады или бурлящий водопад.

Краем глаза кардинал следил за реакцией Марианны. С расширившимися глазами и полуоткрытым ртом, она, казалось, впитывала всеми фибрами души прелесть этого очаровательного поместья. Кардинал улыбнулся.

— Если тебе нравится Villa dei Cavalli, только от тебя зависит оставаться здесь столько, сколько понравится, ..хоть навсегда!

Оставив без внимания прямой намек, Марианна удивилась:

— Villa dei Cavalli! Почему?

— Это местные нарекли ее так:» Дом лошадей «. Они хозяева здесь, настоящие короли. На протяжении более двух веков Сант'Анна владеют конным заводом, который, без сомнения, имел бы такую же известность, как и знаменитые конюшни герцога Мантуанского, если бы его продукция выходила наружу. Но за исключением пышных подарков, князья Сант'Анна никогда не расстаются со своими животными.

Погляди...

Они приближались к дому. С правой стороны Марианна заметила другой водоем, где вода била из морской раковины. Немного дальше, между двумя колоннами, возможно указывавшими дорогу к конюшням, стоял мужчина, держа под уздцы трех великолепных лошадей снежной белизны, казавшихся с их развевающимися гривами и длинными султанами хвостов моделями для украшавших парк скульптур. С самого раннего детства Марианна любила лошадей. Она любила их за красоту. Она понимала их лучше, чем любое человеческое существо, и у самых пугливых из них она никогда не вызывала страха, даже наоборот. Эту страсть она унаследовала

от тетки Эллис, которая до сделавшего ее хромой несчастного случая была замечательной наездницей. Тройка стоявших там прекрасных лошадей показалась ей самым теплым дружеским приветом.

— Они восхитительны, — вздохнула она. — Но как они относятся к невидимому хозяину?

— Для них он является реальностью, — сухо оборвал кардинал. — В сущности, единственная земная радость для Сант'Анна — это они. Но мы приехали.

Описав грациозную дугу, отдававшую честь мастерству Гракха, карета остановилась перед большой мраморной лестницей с двойными маршами, на которой выстроилась дворцовая челядь. Марианна увидела внушительную шеренгу лакеев в белом с золотом, в напудренных париках, подчеркивающих темную кожу южан и неподвижность их лиц. На ведущем в лоджию крыльце ожидали трое в черном: седая женщина, чей строгий туалет оживлялся белым воротником и висящими на поясе золотыми ключами, неопределенного возраста священник, лысый и тщедушный, и высокий, крепкий мужчина в простом, но безупречном костюме, с лицом римлянина и густой черной, посеребренной временем шевелюрой. Все в этом последнем говорило о крестьянском происхождении, некоей грубой силе, которую может дать только земля.

— Кто они? — взволнованно прошептала Марианна, в то время как двое слуг открыли дверцу и опустили подножку.

— Донна Лавиния, уже несколько десятилетий бессменная экономка у Сант'Анна. Она из обедневших дворян. Именно она воспитала Коррадо. Отец Амунди — его капеллан. Что касается Маттео Дамиани, то он одновременно и управляющий, и секретарь князя. Теперь спускайся и помни только о своем происхождении. Мария-Стэлла умерла... навсегда.

Как во сне, Марианна ступила на землю. Как во сне, с глазами, устремленными на тех, кто вверху склонился в низком поклоне, она поднялась по мраморным ступенькам между двойным рядом окаменевших слуг, поддерживаемая ставшей внезапно властной рукой ее крестного. Позади нее слышалось учащенное дыхание Агаты. Проглянувшее солнце грело не сильно, однако Марианне почему-то вдруг стало душно.

Ей захотелось распустить завязки плаща, затруднявшего дыхание, но она не решилась. Она едва слышала, как ее представлял крестный, затем слова приветствия экономки, склонившейся в таком глубоком реверансе, словно новоприбывшая была по меньшей мере королевой. Ей показалось, что ее тело вдруг превратилось в какой-то странный механизм. Ее воля не принимала никакого участия в его чисто автоматических действиях. Она словно со стороны слышала свои слова благодарности на приветствия капеллана и донны Лавинии. А секретарь буквально гипнотизировал ее. Он тоже действовал как автомат. Его суровые бесцветные глаза не отрывались от лица Марианны. Они словно прощупывали каждую его черточку в поисках ответа на вопрос, известный ему одному. И Марианна могла поклясться, что в этом беспощадном взгляде ощущалась какая-то боязнь.

Она не ошиблась в своем предположении: молчание Маттео, тягостное и подозрительное, содержало угрозу. Вполне естественно, что он не мог с открытой душой встретить появление этой чужестранки. И Марианна с первого взгляда почувствовала в нем врага.

Совсем другим было поведение донны Лавинии. Ее ясное, несмотря на неопровержимые следы былых страданий, лицо излучало только нежность и доброту, взгляд темных глаз был полон восхищения. Сделав реверанс, она поцеловала руку Марианне и прошептала:

— Будь благословен Господь, дарующий нам такую прекрасную княгиню!

Что касается отца Амунди, то при его очень благородной осанке он явно не стремился произвести впечатление, и Марианна сразу заметила это по его скороговорке сквозь зубы, совершенно непонятной и раздражающей. Вместе с тем он послал молодой женщине такую сияющую, такую простодушную улыбку, он был заметно рад видеть ее, что она спросила себя, не был ли он, случайно, старым знакомым, о котором она забыла.

— Я провожу вас в ваши апартаменты, ваше сиятельство, — тепло сказала экономка. — Маттео займется его милостью.

Марианна улыбнулась, затем поискала взгляд крестного.

— Иди, малютка, — посоветовал тот, — и отдохни.

Вечером перед церемонией я зайду за тобой, чтобы князь смог увидеть тебя.

Молча, удержав рвущийся из уст вопрос, Марианна последовала за донной Лавинией. Она буквально сгорала от любопытства, какого еще никогда не испытывала, от всепоглощающего желания увидеть неведомого князя, хозяина этого поместья, доведенного до грани реальности и охраняемого сказочными животными. Князь хочет видеть ее! Почему же она не увидит его? Неужели его предполагаемая болезнь настолько ужасна и опасна, что ей нельзя приближаться к нему? Ее взгляд остановился на прямой спине экономки, шедшей впереди нее под легкий шорох шелка и мелодичное позвякивание ключей. Как это сказал Готье де Шазей? Она воспитала Коррадо Сант'Анна? Без сомнения, никто не знает его лучше ее, а она казалась такой счастливой при появлении Марианны.

» Я заставлю ее говорить, — подумала молодая женщина. — Она должна сказать все!«

Внутреннее великолепие виллы ни в чем не уступало красоте садов. Покинув лоджию, украшенную лепниной в стиле барокко и позолоченными фонарями кованого железа, донна Лавиния повела свою новую хозяйку через сиявший золотом громадный зал и целый ряд салонов, в одном из которых, особенно роскошном, тонко вылепленное красное с золотом обрамление оттенялось зловещим сверканием покрытых лаком черных панно. Но это было единственное исключение. Основными цветами являлись белый и золотой.

Мозаичные полы из мраморных плиток будили эхо шагов.

Предназначенное для Марианны помещение, находившееся в левом крыле здания, было убрано в том же духе, но его необычность поразила молодую женщину. Здесь также царили белизна и позолота, хотя в комнате стояли два покрытых пурпурным лаком шкафчика, приносивших некоторое тепло. Из-за карниза потолка, словно с балкона, персонажи в костюмах двухвековой давности, написанные так, что трудно было усомниться в их реальности, следили, казалось, за каждым движением обитателей комнаты. Кроме того, множество зеркал покрывало стены. Они были повсюду, до бесконечности отражая темные фигуры Марианны и донны Лавинии, а также подавляющую роскошь большой венецианской кровати с вырезанными из дерева неграми в восточных нарядах, держащими пучки длинных красных свечей.

Марианна оглядела это роскошное и впечатляющее убранство со смесью изумления и беспокойства.

— Это и есть... моя комната? — спросила она, в то время как слуги вносили ее багаж.

Донна Лавиния открыла окно, затем поправила громадный букет жасмина в алебастровой вазе.

— Это комната всех княгинь Сант'Анна уже больше двух веков. Она нравится вам?

Чтобы избежать ответа, Марианна нашла другой вопрос:

— Все эти зеркала... Для чего они?

Она сразу же почувствовала, что этим вопросом поставила экономку в затруднительное положение. Усталое лицо донны Лавинии слегка передернулось, и она пошла открыть дверь, ведущую в небольшую комнату, словно вырубленную в белом мраморе: купальню.

— Бабушка нашего князя, — сказала она наконец, — была женщиной такой неопишуемой красоты, что она хотела иметь возможность непрерывно созерцать ее. Она и приказала установить эти зеркала. С тех пор они тут.

В ее голосе ощущалось сожаление, и это заинтриговало Марианну. Странности семьи Сант'Анна все больше разжигали ее любопытство.

— Где-нибудь в доме, безусловно, должен быть ее портрет, — сказала она улыбаясь. — Я с удовольствием увидела бы его.

— Был один... да и тот погиб в огне. Госпожа желает отдохнуть, принять ванну, подкрепиться?

— И то, и другое, и третье, если вы не возражаете, но прежде всего ванну. Где вы поместите мою горничную? Я хотела бы иметь ее под рукой, — добавила она, к заметной радости Агаты, которая с самого входа в виллу шла только на цыпочках, словно в музее или храме.

— На этот случай есть небольшая комната в конце коридора, здесь, — ответила донна Лавиния, отодвигая скрывавшее дверь лепное панно. — Там поставят кровать. Сейчас я приготовлю ванну.

Она хотела выйти, но Марианна удержала ее.

— Донна Лавиния...

— Да, ваша светлость?

Взглянув прямо в глаза экономке, она тихо спросила:

— В какой части дворца находятся апартаменты князя?

Донна Лавиния явно не ожидала такого вопроса, впрочем, вполне естественного. Марианне показалось, что она побледнела.

— Когда он бывает дома, — с усилием проговорила она, — наш господин живет в правом крыле... противоположном этому.

— Хорошо... Благодарю вас.

Сделав реверанс, донна Лавиния исчезла, оставив Марианну и Агату наедине. Миловидное лицо девушки выдавало страх, и от обычной уверенности развязной парижанки не осталось и следа. Она сложила руки, как ребенок перед молитвой.

— Неужели... мы долго останемся в этом доме, мадемуазель? — — Нет, я надеюсь, что не очень долго, . Агата. Разве он вам так не нравится?

— Он очень красив, — сказала девушка, бросив вокруг себя недоверчивый взгляд, — но он мне не нравится.

Не могу понять почему. Пусть мадемуазель простит меня, но мне кажется, что я никогда не смогу прижиться здесь. Тут все так отличается от нашего...

— Все же распакуйте мой багаж, — со снисходительной улыбкой сказала Марианна, — и не бойтесь обращаться к донне Лавинии, экономке, за всем, что вам понадобится.

Она симпатична и, по-моему, добра! Ну-ка, смелей. Агата!

Вам нечего бояться здесь. Просто непривычная обстановка, усталость с дороги...

По мере того как она говорила, Марианна заметила, что, пытаясь успокоить Агату, она в действительности обращается к себе. Она тоже чувствовала себя странно подавленной с того самого момента, как они пересекли высокую ограду этого необычайного и великолепного поместья, тем более что она не замечала никаких осязаемых признаков какой-либо опасности. Это было что-то более тонкое, какое-то нематериальное присутствие. Без сомнения, присутствие того, так тщательно скрывавшегося человека, для которого эта вилла была основным обиталищем, где он, вероятнее всего, предпочитал пребывать. Но было еще что-то, и Марианна могла поручиться, что это «что-то» находится в самом помещении, словно тень женщины, установившей когда-то все эти зеркала, еще блуждала, неосязаемая, но властная, в этих комнатах, расположенных вокруг святилища, в котором громадная позолоченная кровать была алтарем, а маскарадные персонажи на потолке — верными прихожанами.

Марианна медленно подошла к одному из окон. Может быть, из-за английской части в ее крови она верила в привидения. Высокая психическая организованность делала доступными массу ощущений, которые прошли бы не замеченными менее сложным организмом, чем ее. И в этих апартаментах она ощущала что-то... Выступающая часть фасада мешала увидеть другое крыло дома, но взгляд проникал до лужайки с белыми павлинами и останавливался на водонапорной башне, похожей на гигантское чудовище, с силой извергавшее вспененную воду в широкий бассейн с двумя группами неистовых лошадей по бокам. В этой ярости, так резко контрастирующей с безмятежной изумрудностью парка, Марианна видела некий символ скрытой, но могучей силы, таящейся в глубине обманчивого спокойствия. В сущности говоря, это клокотание воды, этот вздыбившийся бунт животных, закрепленный скульптором в камне, были самой жизнью, страстью к существованию и деятельности, чей голос Марианна всегда ощущала в себе. И может быть, именно поэтому это слишком красивое и слишком безмолвное жилище произвело на нее впечатление гробницы. Только парк жил.

Наступающая ночь застала Марианну стоящей на том же месте. Зелень парка приняла неопределенную окраску, фонтаны и статуи превратились в бледные пятна, а величественные большие птицы исчезли. Молодая женщина искупалась, слегка перекусила, но покоя не обрела. Виной этому была, без сомнения, нелепая кровать, на которой Марианна представляла себя жертвой, отданной под нож кровожадного жреца.

Теперь, одетая в платье из тяжелой, расшитой золотом белой парчи, которое донна Лавиния принесла на вытянутых руках с такой торжественностью, словно дело шло о святой раке, с золотой диадемой в волосах и варварски роскошным ожерельем из громадных жемчужин на низко декольтированной шее, Марианна пыталась сосредоточенным созерцанием ночного

парка бороться с нервозностью и тревогой, растущими по мере того, как шло время.

Она мысленно увидела себя еще так недавно стоящей в другом месте, любующейся другим парком в ожидании другой свадьбы. Это было в Селтоне, перед церемонией. Это было... Боже мой... трудно поверить... около девяти месяцев назад, а кажется, что прошли годы! Тогда, позже, возле окна брачного покоя, едва-едва прикрытая тонким батистом, под которым ее юное тело трепетало от смешанного с боязнью ожидания, она смотрела, как на старый любимый парк опускалась ночь. Как она была счастлива в тот вечер!.. Все казалось таким прекрасным, таким простым. Она любила Франсиса всей силой молодости, она надеялась быть любимой и со страстной горячностью ждала волнующий миг, когда в его объятиях она познает любовь...

Любовь... Это с другим она познала ее, и еще сейчас каждая жилка ее тела содрогалась от опьянения и признательности при воспоминании о жгучих ночах Бютара и Трианона, но эта любовь родила женщину, чье изображение возвращали сейчас эти нелепые зеркала: словно византийская статуя, с блеском величия в слишком больших глазах на застывшем лице... Светлейшая княгиня Сант'Анна! Светлейшая... Очень спокойная... безмерно спокойная, тогда как сердце ее замирало от тоски и тревоги! Какая насмешка!..

В этот вечер речь пойдет не о любви, а о сделке, расчетливой, реалистичной, безжалостной. Союз двух терпящих бедствие, сказал Готье де Шазей. Сегодня вечером никто не постучит в дверь этой комнаты, ничье желание не заявит свои права на ее тело, в котором растет новая жизнь, еще смутная, но уже всемогущая... не будет Язона с требованием уплаты безрассудного, но волнующего долга.

Чтобы побороть охватившее ее головокружение, Марианна оперлась о бронзовую задвижку окна и изо всех сил отогнала образ моряка, внезапно обнаружив, что если бы он пришел, она, наверное, испытала бы подлинную радость, тайную нежность. Никогда еще она не чувствовала себя такой несчастной, как в этом уборе, которому позавидовала бы императрица.

Двустворчатая дверь широко распахнулась, прогнав поглотившее ее болезненное состояние, так же как и канделябры в руках шести лакеев заставили отступить мрак в комнате, где Марианна запретила зажигать какой-либо свет. Посреди сверкающих огней, в парадном одеянии римского прелата, подметая пурпурным муаром мантии поблескивающие плитки пола, показался, словно с ореолом святого, кардинал, и перед сиянием этого выхода Марианна заморгала, как попавшая на свет ночная птица. Кардинал задумчиво взглянул на молодую женщину, но воздержался от разговора.

— Пойдем, — сказал он тихо, — время...

Была ли эта сухость вызвана требованием протокола или кроваво-красным одеянием? У Марианны внезапно появилось ощущение, что она — осужденная, за которой пришел палач, чтобы вести ее на эшафот... Тем не менее она подошла к нему и положила украшенные драгоценностями пальцы на предложенную ей руку в красной перчатке. Оба шлейфа: кардинальской мантии и королевского платья, заскользили рядом по полированному мрамору.

Проходя по салонам, Марианна с удивлением отметила, что все комнаты были иллюминированы, как на праздник, однако их благородная пустота не вызвала ни малейшей радости. Впервые за много лет она вернулась в увлекательный мир детства, к очаровательным французским сказкам, которые она так любила. Сегодня вечером она ощущала себя одновременно и Золушкой, и Спящей Красавицей, проснувшейся среди роскоши забытого прошлого, но ее история не предполагала никакого очаровательного Принца. Ее принц был призраком.

Медленное торжественное шествие прошло по всему дворцу. Наконец они остановились в небольшом, обтянутом узорчатой тканью салоне, единственную меблировку которого, кроме нескольких кресел и табуретов, представляло большое зеркало времен регентства на позолоченной подставке, с горящими жирандолями по сторонам.

Не говоря ни слова, кардинал усадил Марианну в одно из кресел, но сам остался стоять рядом в выжидательной позе. Он смотрел в зеркало, прямо перед которым сидела молодая женщина, и не отпускал ее руку, словно успокаивал ее. Марианна чувствовала себя стесненной более, чем когда-либо, и уже открыла рот, чтобы задать вопрос, когда он заговорил.

— Вот, друг мой, та, о ком я говорил вам: Марианна Елизавета д'Ассельна де Вилленев, моя крестница, — сказал он гордо.

Марианна вздрогнула. Он обращался к зеркалу, и зеркало вдруг ответило...

— Простите мне это молчание, дорогой кардинал! Принимая вас, я должен был заговорить первым, но... поистине, я настолько был охвачен восхищением, что слова замерли у меня на устах! Ваш крестный, сударыня, пытался рассказать мне о вашей красоте, но впервые в жизни слова его оказались убогими и неуклюжими... из-за неумения, единственным извинением которого является грубое бессилие словами описать божество, не владея возвышенным даром поэзии. Смею ли я сказать, что я вам глубоко... нижайше признателен за ваше присутствие... за то, что вы такая, какая вы есть?

Голос был низкий, мягкий, естественно или сознательно приглушенный. Он звучал безжизненно, выдавая усталость и глубокую печаль. Марианна напряглась, стараясь успокоить перехватившее ей дыхание волнение. В свою очередь она посмотрела на зеркало, поскольку голос исходил как будто из него.

— А вы видите меня? — спросила она тихо.

— Так же отчетливо, как если бы между нами не было никакого препятствия. Скажем.«, я и есть это зеркало, в котором вы отражаетесь. Вы видели когда-нибудь счастливое зеркало?

— Я хотела бы поверить, но... ваш голос так печален!

— Это потому, что я редко им пользуюсь! Голос, которому нечего говорить, мало — помалу забывает о том, что можно петь. Безмолвие душит его и кончает тем, что уничтожает...

Зато ваш — настоящая музыка.

Он был странен, этот диалог с невидимкой, однако Марианна понемногу успокоилась. Она вдруг решила, что для нее пришла пора самой заняться своей судьбой. Этот голос принадлежал существу страдавшему и страдающему. Она согласна играть в эту игру, но без свидетелей. Она обернулась к кардиналу.

— Вы не окажете мне милость, крестный, и не оставите меня одну на некоторое время? Я хотела бы побеседовать с князем, и так мне будет легче.

— Это вполне естественно. Я буду ждать в библиотеке.

Едва дверь закрылась за ним, Марианна встала, но, вместо того чтобы подойти к зеркалу, отошла к одному из окон, перед которым в большой японской жардиньерке находился миниатюрный девственный лес. Ей стало жутковато остаться лицом к лицу со своим

отражением и этим безликим голосом, прошептавшим с оттенком недовольства:

— Почему вы попросили уйти кардинала?

— Потому что нам надо поговорить только между собой.

Некоторые вещи, мне кажется, должны быть оговорены.

— Какие? Я считаю, что мой святейший друг окончательно уточнил с вами условия нашего соглашения?

— Он сделал Это. Все ясно, все распределено... по крайней мере мне кажется так.

— Он сказал вам, что я ни в чем не стесню вашу жизнь? Единственное, о чем он, возможно, не сказал вам... и о чем я тем не менее хочу просить вас...

Он заколебался. Марианну поразил перехвативший его горло спазм, но он переборол себя и очень быстро добавил:

— ..просить вас, когда появится ребенок, иногда привозить его сюда. Я хотел бы, раз уж я исключаюсь, чтобы он полюбил эту матерински ласковую землю... этот дом, всех живущих здесь людей, для которых он будет неопровержимой реальностью, а не скрывающейся тенью.

Снова спазм, легкий, почти неуловимый, но Марианна уловила поднимающуюся из глубины сердца волну сострадания одновременно с убеждением, что все здесь было безрассудством, нелепостью, особенно эта непристойная тайна, в которой он замкнулся. Ее голос перешел на молитвенный шепот.

— Князь!.. Умоляю вас, простите, если мои слова хоть в чем-то заденут вас, но я ничего не понимаю и хотела бы столько понять! К чему такая таинственность? Почему вы не хотите показаться мне? Разве я не вправе увидеть лицо моего супруга?

Наступила тишина. Такая долгая, такая гнетущая, что Марианна подумала, уж не заставила ли она бежать ее собеседника. Она испугалась, что в своей несдержанности зашла слишком далеко. Но ответ все-таки последовал, безжалостный и окончательный, как приговор.

— Нет. Это невозможно... Немного позже, в капелле, мы предстанем друг перед другом и моя рука коснется вашей, но никогда больше мы не будем так близки.

— Но почему же, почему? — упорно добивалась она. — Во мне течет такая же благородная кровь, как и в вас, и меня ничто не испугает... никакая болезнь, какой бы ужасной она ни была, если вас только это удерживает.

Раздался отрывистый невеселый смех.

— Хотя вы только что приехали, вы уже успели наслушаться разных сплетен, не так ли? Я знаю... они строят на мой счет всевозможные предположения, из которых самое излюбленное состоит в том, что меня пожирает ужасная болезнь... проказа или что-то в этом роде. Я не болен проказой, сударыня, и ничем другим похожим. Тем не менее увидеться лицом к лицу нам невозможно.

— Но почему, во имя Всевышнего?

На этот раз перехватило ее голос.

— Потому что я не хочу рисковать, привести вас в ужас!

Голос умолк. Прошло несколько минут, и по молчанию зеркала Марианна поняла, что теперь она действительно одна. Ее пальцы, сжимавшие плотные лакированные листья неведомого растения, разжались, и она впервые вздохнула полной грудью. Смутно осязаемое мучительное присутствие отдалилось. Марианна почувствовала при этом огромное облегчение, ибо теперь она считала, нет — знала, на ком остановила свой выбор: этот человек должен быть чудовищем, каким-то несчастным уродом, обреченным жить во мраке из-за отталкивающего безобразия, невыносимого для глаз всех, кроме знавших его всегда. Этим объяснялись каменная суровость лица Маттео Дамиани, печаль донны Лавинии и, возможно, некоторая инфантильность пожилого отца Амунди... Этим объясняется также, почему он так внезапно прервал их беседу, хотя еще можно было поговорить о стольких вещах.

» Я совершила ошибку, оплошность, — укоряла себя Марианна, — я слишком поспешила! Вместо того чтобы задавать в лоб интересующий меня вопрос, надо было подойти к нему осторожно, попытаться с помощью сдержанных намеков понемногу приоткрыть завесу тайны. А теперь я, без сомнения, отпугнула его...«

Кроме того, ее удивляло следующее: князь не задал ей ни единого вопроса о ней самой, ее жизни, вкусах... Он удовольствовался восхвалением ее красоты, словно в его глазах только это имело значение... С невольной горечью Марианна подумала, что он не проявил бы меньшей заинтересованности, если бы на ее месте была красивая молодая кобыла для его уникального конного завода. Трудно поверить, что Коррадо Сант'Анна не осведомился бы о прошлом, о состоянии здоровья и привычках животного! Но в сущности, для человека, единственной целью жизни которого было получить наследника, чтобы продолжить его древний род, физическое состояние матери главенствовало над всем остальным!

К чему знать князю Сант'Анна о душе, чувствах и привычках Марианны д'Ассельна?

Дверь красного салона отворилась перед вернувшимся кардиналом. Но на этот раз он был не один. Его сопровождали трое мужчин. Один был человек в черном, с лицом, состоявшим, казалось, только из бакенбардов и носа. Покрой его одежды и большой портфель под мышкой выдавали нотариуса. Двое других словно только что сошли с портретов из галереи предков. Это были два старых синьора в расшитых бархатных костюмах времен Людовика XIV, в париках с косичками. Один опирался на трость, другой — на руку кардинала, и их лица свидетельствовали о преклонном возрасте. Но их надменно-величественный вид возрастом не смягчался, ибо подлинных аристократов даже сама смерть не в силах его лишить.

С изысканной старомодной учтивостью они приветствовали Марианну, ответившую им реверансом, узнав, что один из них — маркиз дель Каррето, а другой — граф Жерардеска. Родственники князя, они прибыли в качестве свидетелей брака, который тот, что с тростью — камергер великой герцогини, — должен был зарегистрировать в ее канцелярии.

Нотариус расположился за маленьким столиком и открыл портфель, в то время как остальные заняли свои места. В глубине комнаты сели вошедшие после свидетелей донна Лавиния и Маттео Дамиани.

Рассеянная, нервничавшая Марианна едва вслушивалась в длинный и скучный текст брачного контракта. Высокопарные выражения нотариального стиля раздражали ее своими бесконечными размерами. Сейчас единственным ее желанием было, чтобы все это поскорее окончилось. Ее даже не заинтересовали ни перечисление имущества, передаваемого князем Сант'Анна своей супруге, ни поистине королевская сумма, выделенная на ее содержание. Ее

внимание раздваивалось между стоявшим перед ней безмолвным зеркалом, скрывавшим, возможно, вернувшегося князя, и неприятным ощущением чьего-то настойчивого взгляда.

Она ощущала этот взгляд на своих обнаженных плечах, на затылке, открытом из-за высокого, увенчанного диадемой шиньона. Он скользил по ее коже, ощупывая нежные впадины на шее с почти магнетической силой, словно кто-то одним напряжением воли пытался привлечь ее внимание.

Это становилось невыносимым для натянутых нервов молодой женщины.

Она резко обернулась, но встретила только ледяной взгляд Маттео. Он выглядел таким безразличным ко всему, что она решила, что ошиблась. Однако стоило ей занять прежнее положение, как это ощущение вернулось, еще более отчетливое...

Чувствуя себя все хуже и хуже, она с радостью встретила окончание этой изнурительной церемонии, даже не глядя, подписала почтительно поданный нотариусом акт, затем нашла взглядом улыбавшегося ей крестного.

— Теперь мы можем направиться в часовню, — сказал он. — Отец Амунди ждет нас там.

Марианна думала, что часовня находится где-нибудь внутри, но поняла, что ошиблась, когда донна Лавиния набросила ей на плечи большой черный бархатный плащ и даже надела на голову капюшон.

— Часовня в парке, — сказала экономка. — Ночь теплая, но под деревьями свежо.

Как и при выходе из ее комнаты, кардинал взял свою крестницу за руку и торжественно повел к большой мраморной лестнице, где ожидали слуги с факелами. Позади них собрался небольшой кортеж. Марианна увидела, как Маттео Дамиани заменил кардинала, предложив руку престарелому маркизу дель Каррето, затем следовали граф Жерардеска с донной Лавинией, торопливо укрывавшей голову и плечи кружевной шалью. Нотариус и его портфель исчезли.

Спустились в парк. Выходя, Марианна заметила Гракха и Агату, ожидавших под лоджией. Они разглядывали приближающийся кортеж с таким оторопелым видом, что она едва не рассмеялась. Очевидно, они еще не переварили невероятную новость, которую хозяйка сообщила им перед переодеванием: она приехала сюда, чтобы выйти замуж за неизвестного князя и, если они были достаточно вышколены и к тому же слепо привязаны к ней, чтобы высказать свое суждение, теперь их растерянные фигуры ясно говорили, чем заняты их мысли. Проходя мимо, она улыбнулась им и сделала знак пристроиться за донной Лавинией.

» Они должны считать меня безумной! — подумала она. — Агату это не может особенно волновать, у нее ум, как у козочки... славная девушка, ничего больше.

Гракх — другое дело! Надо будет с ним поговорить. Он имеет право знать немного больше обо всем «.

Ночь залила мир чернильной чернотой. Небо без единой звезды было невидимым, но легкий ветерок заставлял трепетать пламя факелов. Несмотря на предвещавшее грозу отдаленное погромыхивание, кортеж продвигался таким медленным и торжественным шагом, что Марианна не выдержала.

— Почему мы так ползем? — сквозь зубы пробормотала она. — Это скорей похоже на

похоронную процессию, чем на свадебный кортеж! Не хватает только монаха, напевающего Dies Irae.

Пальцы кардинала сжали ей руку до боли.

— Имей выдержку! — проворчал он совсем тихо, даже не взглянув на нее. — Со своим уставом в чужой монастырь не лезут... Надо следовать распоряжениям князя.

— Они вполне соответствуют той радости, которую он испытывает от этого брака!

— Не будь такой желчной! И особенно не будь бессмысленно жестокой. Никто не хотел бы настоящей, веселой свадьбы больше, чем Коррадо! Для тебя это только пустая формальность, для него же — жгучая боль.

Марианна покорно выслушала выговор, сознавая, что заслужила его. Она печально улыбнулась, затем, внезапно изменив тон, спросила:

— И все же есть одна вещь... хотя бы ее я хочу знать.

— А именно?

— Возраст моего... князя Коррадо.

— По-моему, двадцать восемь с небольшим.

— Как?.. Он так молод?

— Мне кажется, я говорил тебе, что он не стар.

— Действительно... Но не до такой степени!

Она не добавила, что представляла его себе лет сорока.

Когда приближается старость, как у Готье де Шазея, сорок лет казались расцветом сил. И так, она обнаружила, что этот несчастный, чье имя она отныне носит, этот обреченный безжалостной природой на постоянное заточение во мраке, был, как и она, существом молодым, существом, которому полагалось в полной мере наслаждаться жизнью и счастьем.

Вспомнив его приглушенный голос, она ощутила прилив горячего сочувствия вместе с искренним желанием прийти ему на помощь, по возможности смягчить терзавшие его муки.

— Крестный, — прошептала она, — я хотела бы помочь ему... может быть, хоть немного утешить. Почему он так упорно не хочет показаться мне?

— Надо предоставить действовать времени, Марианна, может быть, оно постепенно заставит Коррадо думать иначе, чем теперь, хотя это удивило бы меня. Вспомни, чтобы охладить твой порыв милосердия, что ты должна дать ему то, о чем он всегда грезил: ребенка с его именем.

— Настоящим отцом которого он, однако, не будет!

Он попросил меня время от времени привозить ребенка сюда.

Я это охотно сделаю.

— Но... ты разве не слышала условий вашего контракта? Ты обязываешься привозить сюда ребенка не реже одного раза в год.

— Я... нет, я ничего не слышала! — густо покраснев, призналась она. — Очевидно, я думала о другом.

— Не слишком подходящий момент! — проворчал кардинал. — Как бы то ни было, ты подпи...

— , подписала и сдержу слово. После того, что вы мне сказали, я сделаю это даже с радостью! Несчастный... несчастный князь! Я хочу быть для него другом, сестрой... Я хочу ею стать!

— Да услышит тебя Господь и поможет в этом, — вздохнул кардинал. — Но я сомневаюсь!

Ведущая в часовню песчаная аллея начиналась за правым крылом виллы. Проходя за своим новым жилищем, Марианна заметила, что бассейны окружили его со всех сторон, но за тем, который простирался с тыла почти во всю длину дома, возвышался величественный павильон над входом в грот. Висящие на колоннах бронзовые лампы освещали это строение, придавая ему праздничный вид и оставляя на черной воде длинные золотые дорожки. Но дорога в часовню, проходившая через небольшую рощу, вскоре скрыла из глаз изящный павильон. Даже сиявшая огнями вилла исчезла, и сквозь густую листву только кое-где мелькали отблески света.

Возвышавшаяся на небольшой поляне часовня оказалась низкой, старой и приземистой, в примитивном римском стиле, о чем говорили мощные стены, редкие окна и круглые арки. Она резко контрастировала своей первобытной тяжеловесностью с немного вычурным изяществом окруженного водой замка и чем-то напоминала брюзгливого старика, осуждающе вззирающего на безумство молодости.

Открытая низкая дверь позволяла видеть горящие внутри свечи, покрытый чистым покрывалом каменный алтарь, золотое облачение уже ждавшего священника и странную черную массу, которую Марианна не смогла рассмотреть снаружи.

Только переступив порог церкви, она поняла, что это такое: прикрепленные к низкому своду бархатные занавеси отделяли часть хоров, перегораживая их посередине. И она поняла, что лелеемая ею шаткая надежда увидеть хотя бы фигуру князя во время церемонии рассеялась. Он был или будет там в этом своеобразном бархатном алькове, рядом с которым поставили ей кресло и скамеечку, определенно близнецов таких же, находящихся за преградой.

— Даже тут... — начала она.

Кардинал покачал головой.

— Даже тут! Только совершающий обряд увидит супруга, потому что перед алтарем преграды нет. Священник должен видеть обоих вступающих в брак, когда они произносят слова согласия.

С тяжелым вздохом она позволила подвести себя к предназначенному для нее месту. Рядом с ней горела громадная свеча из белого воска в серебряном шандале, поставленном прямо на пол, и никаких других приготовлений к церемонии, кроме дароносицы и покрывала алтаря, не было видно. В холодной и сырой часовне стоял неприятный запах затхлого воздуха. По сторонам ушедшие Сант'Анна покоились вечным сном под плитами старинных саркофагов. Марианне вдруг пришло на память, как когда-то в Лондоне она смотрела в театре трагедии пьесу, где невесте осужденного на смерть героя разрешали сочетаться с ним браком в

тюремной часовне ночью перед казнью. Заключение был тогда отделен от девушки железной решеткой, и Марианна вспомнила, как ее взволновала тогда та сцена, такая мрачная и драматичная... Сегодня вечером она играет роль невесты, и супружеская пара, которую она составит с князем, будет такой же эфемерной. Выйдя из этой часовни, они будут так же разделены, как если бы топор должен был обрушиться на кого-то из них. Впрочем, человек, находившийся за хрупкой бархатной преградой, не был ли он тоже осужденным? Молодость приговорила его к жизни при ужасных обстоятельствах.

Свидетели и кардинал расположились позади молодой женщины, и она с удивлением увидела, что Маттео Дамиани присоединился к священнику, чтобы прислуживать при мессе. Белый стихарь покрывал теперь его мощные плечи, подчеркивая короткую шею, чья плебейская толщина контрастировала с благородством некоторых линий лица. А лицо было действительно римским, хотя по-настоящему красивым не выглядело, может быть, из-за очень грубо вылепленного рта, в складках которого таилась животная чувственность, или слишком неподвижных глаз, никогда не моргавших, чей взгляд быстро становился невыносимым. На протяжении всей службы Марианна испытывала мучения, непрерывно ощущая на себе этот взгляд, но когда она в негодовании метала в ответ молнии гнева, управляющий не только не отводил наглые глаза, но ей казалось, что она видит пробегающую по его губам холодную улыбку. Это до такой степени вывело ее из себя, — что она на какое-то время забыла о находящемся за занавесом человеке, таком близком и одновременно таком далеком.

Никогда еще она не слушала мессу так рассеянно. Все ее внимание было поглощено голосом, уже знакомым, который раздавался почти непрерывно, во всеуслышание молясь с взволновавшим ее пылом и страстью. Она не представляла себе, что хозяин этого почти чувственной красоты поместья может быть ревностным христианином, что угадывалось по его манере молиться. Ей еще никогда не приходилось слышать из уст человеческих такую раздирающую душу смесь мучительной боли, смирения и мольбы. Может быть, только в самых строгих монастырях, где уставом предусмотрено умерщвление плоти, раздаются такие молитвы. Постепенно она забыла Маттео Дамиани, слушая этот волнующий голос, заглушающий лихорадочную скороговорку священника.

Но вот наступил момент благословения брака. Капеллан спустился по каменным ступенькам и подошел к необычной чете. Как во сне Марианна услышала его обращение к князю с полагающимся по ритуалу вопросом и с неожиданной силой прозвучавший ответ:

— Перед Богом и перед людьми я, Коррадо, князь Сант'Анна, выбираю себе спутницей жизни и законной супругой...

Священные слова, прозвучавшие на этот раз как вызов, грозным шумом наполнили уши Марианны и, словно в подтверждение этого, над крышей часовни вдруг прогремел оглушительный удар грома. Молодая женщина побледнела, пораженная этим предзнаменованием, и дрогнувшим голосом едва вымолвила обязательные слова. Затем священник прошептал:

— Соедините ваши руки.

Черная занавеска приоткрылась. Марианна с расширившимися глазами увидела, как продолжением черного бархатного рукава и кружевной манжеты появилась затянута в белую кожу рука и протянулась к ней. Это была большая рука, длинная и крепкая, с анатомической точностью обтянута перчаткой, нормальная рука человека высокого и соответственно сильного. Охваченная внезапной дрожью перед этой осязаемой реальностью, Марианна смотрела как зачарованная, не смея положить на нее свою руку... В этой раскрытой ладони, в

этих удлинённых пальцев было что-то тревожное и одновременно притягательное. Это напоминало западню.

— Ты должна подать руку, — прошептал у ее шеи голос кардинала.

Глаза всех были прикованы к Марианне. Удивленные — отца Амунди, властные и умоляющие — кардинала, насмешливые — Маттео Дамиани. Пожалуй, именно его взгляд заставил ее решиться. Она смело положила руку на предложенную ей, и та нежно, с такой осторожностью, словно боялась причинить боль, сомкнулась на ней. Через кожу перчатки Марианна ощущала ее тепло, живую упругость тела. Она вспомнила услышанные так недавно слова.

» Никогда больше мы не будем так близки...«— сказал голос.

Теперь старый священник произносил привычные слова, частично заглушенные новым ударом грома.

— ..Я объявляю вас соединенными на радость и на горе — и только смерть может вас разлучить.

Марианна почувствовала, как затрепетала удерживающая ее рука. Из-за занавеса появилась другая рука, быстро надела ей на безымянный палец широкое кольцо, затем обе исчезли в укрытии, увлекая за собой руку молодой женщины, которая внезапно содрогнулась всем телом, прежде чем отпустить руку, к ее пальцам прижались горячие губы.

Мимолетное пугающее прикосновение прервалось. Только вздох послышался из-за бархатной преграды. Перед алтарем на коленях молился отец Амунди, так согнув спину под ризой, что напоминал тук ткани, отражавшей складками свет. Снова прогремел раскат грома, более сильный, чем два предыдущих, такой ужасный, что даже стены задрожали. И тут же небо прорвалось. Обрушился поток воды, водопадом заливая крышу. В одно мгновение часовня и находившиеся в ней оказались отрезанными от всего мира, но словно ничего не слыша, старый капеллан спокойно направился к маленькой ризнице, унося священную утварь. Тогда Маттео резким движением почти сорвал с себя стихарь.

— Надо пойти за каретой! — воскликнул он. — Не может же княгиня по такой погоде идти на виллу.

Он стремительно направился к двери. Тут робко подал голос Грахх:

— Не могу ли я сопровождать вас и чем-нибудь помочь?

Управляющий смерил его взглядом с головы до ног.

— Для этого есть достаточно слуг! И вы не знаете наших лошадей. Оставайтесь здесь!

Повелительным жестом призвав к себе двух слуг с факелами, он открыл дверь и бросился в бурю, нагнув голову, сопротивляясь ветру, как разъяренный бык. Бросив растерянный взгляд в сторону черного алькова, откуда не раздавалось больше ни шороха, ни звука, Марианна нашла убежище около крестного. Эта внезапная гроза, разразившаяся точно в момент заключения союза, была последней каплей в чаше ее терпения.

— Это предзнаменование! — прошептала она. — дурное предзнаменование!

— Ты стала суеверной? — проворчал кардинал. — Тебя не так воспитывали. Это из-за

Корсиканца, я думаю, ты стала такой. Говорят, что он суеверен до безрассудства.

Она внутренне сжалась перед этим плохо укрытым гневом, который не могла объяснить... если только кардинал тоже не был потрясен грозой и хотел таким образом успокоить себя. Он, может быть, решил рассеять ребяческий страх Марианны своим презрением, но достигнутый им результат оказался иным. Напоминание о Наполеоне благотворно подействовало на Марианну. Словно всемогущий Корсиканец вошел в часовню с его орлиным взглядом, повелительным голосом и той неумолимой суровостью, о которую разбивались самые сильные! Ей почудилось, что она слышит его насмешливый голос, и суеверный страх мгновенно улетучился. Ведь прежде всего ради него согласилась она на этот странный брак, ради зачатого им ребенка. Скоро... наверное завтра, она уедет во Францию, к нему, и все это останется в ее памяти как дурной сон.

Через несколько минут Маттео вернулся. Не говоря ни слова, он с таким надменным видом предложил Марианне руку, что она, словно ничего не заметив, окинула его холодным взглядом и сама пошла к двери. При входе сюда ее поддерживал крестный, а выйти ей придется одной, раз не было супруга, чтобы подать ей руку. Необходимо, обязательно необходимо дать понять этому мужлану с наглым взглядом, что отныне она собирается поступать здесь как полноправная хозяйка или по меньшей мере требовать к себе отношения как к таковой.

Снаружи ожидала карета с опущенной подножкой, невозмутимо стоя под ливнем, слуга держал дверцу открытой.

Но между ней и порогом часовни образовалась широкая, непрерывно увеличивающаяся лужа. Марианна подобрала шлейф своего бесценного платья.

— Если госпожа княгиня позволит... — раздался сзади голос.

И прежде чем она смогла запротестовать, Маттео подхватил ее на руки, чтобы перенести через препятствие. Она вскрикнула и рванулась, пытаясь избавиться от отвратительного прикосновения цепких рук, плотно прижавшихся к ее бедрам и подмышке, но он держал ее слишком крепко.

— Пусть ваша милость остережется, — сказал он безразличным тоном. — Ваша милость может упасть в грязь.

Марианна вынуждена была позволить ему усадить себя на подушки кареты. Но те мгновения, когда она находилась у груди этого человека, вызвали у нее отвращение, и она не глядя адресовала ему сухое «благодарю». И даже вид маленького кардинала, упакованного в его красную мантию и доставленного в карету тем же способом, не смог разгладить недовольные складки на ее лбу.

— Завтра, — сказала она сквозь зубы, когда он уместился рядом, — я возвращаюсь домой.

— Уже? Не слишком ли... поспешно? Мне кажется, что знаки уважения, проявленные твоим супругом, заслуживают по меньшей мере... скажем, недельного пребывания здесь.

— Я чувствую себя отвратительно в этом доме.

— Куда ты, однако, пообещала возвращаться один раз в год! Полно, Марианна, неужели так трудно согласиться с тем, что я прошу? Мы были так долго разлучены! Я думал, что ты хочешь провести со мной, за неимением другого, эти несколько дней.

Словно две зеленые молнии метнулись из-под опущенных ресниц в сторону прелата.

— А вы останетесь?

— Естественно! Не думаешь же ты, что мне было приятно только на мгновения вновь обрести мою прежнюю маленькую Марианну, ту, что стремглав неслась навстречу мне под высокими деревьями Селтона.

Это неожиданное воспоминание немедленно вызвало слезу у молодой женщины.

— Я думала... вы давно забыли то время.

— Потому что я не говорил о нем? Это самые дорогие мои воспоминания. Я держу их взаперти, в самом потайном уголке моего старого сердца и время от времени слегка приоткрываю этот уголок... когда чувствую себя слишком угнетенным.

— Угнетенным? Не похоже, чтобы что-нибудь могло вас угнетать, крестный.

— Потому что я стараюсь не показывать этого?

Приходит старость, Марианна, а вместе с ней и усталость. Останься, дитя мое! Нам необходимо, и тебе и мне, побыть вместе, забыть, что существуют монахи, войны, интриги... главным образом, интриги! Согласись... в память о прошлом.

Тепло вновь обретенного доверия совершенно изменило атмосферу торжественного ужина, немного позже собравшего главных участников прошедшей церемонии в античном пиршественном зале виллы. Это было громадное, высокое, как собор, помещение с полом из черных мраморных плиток, с удивительными плафонами на потолке, где повторялся герб Сант'Анна: на песчаном поле сражающийся с золотой гадюкой единорог. К тому же этот герб позабавил Марианну, которая, сравнивая его со своим фамильным гербом, где красовались побеждающий леопарда лев д'Ассельна и сокол их родственников Монсальви, нашла, что это составляет своеобразный геральдический зверинец.

Стены зала, расписанные яркими фресками неизвестного художника, с очаровательной наивностью рассказывали легенду о единороге. Это была первая комната виллы, которая действительно понравилась Марианне. Исключая роскошно сервированный и украшенный стол, здесь было меньше золота, чем в других местах, и это создавало ощущение покоя и располагало к отдыху.

Сидя за длинным столом против кардинала, она отдавала честь яствам с такой непринужденностью, как если бы находилась в своем особняке на Лилльской улице. На старого маркиза дель Каррето, туговатого на ухо, не приходилось рассчитывать как на приятного собеседника. Зато граф Жерардеска был полон воодушевления и оживленно говорил без умолку. Во время смены блюд Марианна услышала от него о последних придворных сплетнях, об очень нежных отношениях великой герцогини Элизы с красавцем Ченами и ее бурной любви с Паганини, дьявольским скрипачом. Ему также совершенно точно известно, что сестра Наполеона рада будет причислить к своему двору новую княгиню Сант'Анна, но Марианна отклонила приглашение.

— Меня мало привлекает придворная жизнь, граф. Если бы представление ее императорскому высочеству мог сделать мой супруг, это было бы для меня величайшей радостью. Но при подобных обстоятельствах...

Старый синьор послал ей полный понимания взгляд.

— Вы совершили милосердный поступок, княгиня, выйдя замуж за моего несчастного кузена. Но вы бесконечно молоды и прекрасны, между тем как самоотверженность должна иметь предел. И среди дворянства этой страны не найдется никого, кто упрекнул бы вас за выход в свет или на прием в отсутствие вашего супруга, раз особое положение князя Коррадо, к несчастью, заставляет его жить затворником и скрываться.

— Благодарю вас за эти слова, но в данный момент это меня действительно не прельщает. Позже, может быть... а сейчас будьте так любезны и соблаговолите передать мое сожаление... и низайший поклон ее императорскому высочеству.

Машинально произнеся требуемые этикетом учтивые слова, Марианна вглядывалась в любезное лицо графа, пытаясь догадаться, что он в самом деле знает о своем кузене. Известно ли ему, что вынуждает Коррадо Сант'Анна к такому нечеловеческому существованию? Он упомянул об» особом положении «, хотя князь сам признался, что боится внушить ей ужас. Она собиралась задать более определенный вопрос, когда кардинал, без сомнения, разгадавший ход ее мыслей, сменил тему разговора, спросив у графа о недавних мерах, предпринятых против монастырей, и интригующая ее тема так больше и не затрагивалась до окончания ужина.

Когда поднялись из-за стола, оба свидетеля стали прощаться, ссылаясь на возраст, не позволяющий оставаться дольше. Один возвращался в свой дворец в Лукке, другой — на принадлежавшую ему в окрестностях виллу, но оба всеми средствами изысканной и старомодной учтивости выражали пылкое желание поскорее увидеть вновь» самую прекрасную из княгинь «.

— Вот и еще два мотылька опалили крылья! — с лукавой улыбкой проговорил Готье де Шазей. — Я хорошо знаю, что надо всегда учитывать восторженность итальянского характера, но тем не менее!.. Впрочем, это меня не удивляет. Но, — добавил он, внезапно перестав улыбаться, — я надеюсь, что на этом твоя красота прекратит свое губительное действие.

— Что вы хотите сказать?

— Что я предпочел бы, чтобы Коррадо не видел тебя.

Понимаешь, я хотел дать ему немного счастья. Я в отчаянии, причинив ему горе.

— Почему вы так думаете? В конце концов, вы же знали, что я вовсе не безобразна.

— Мне только сейчас пришло в голову, — признался прелат. — Видишь ли, Марианна... во время всей трапезы Коррадо не спускал с тебя глаз.

Она вздрогнула.

— Как? Но ведь... он не был здесь, это невозможно! — Затем, вспомнив обитый красным салом:

— Здесь нет зеркала.

— Нет, но некоторые детали плафонов на потолке сдвигаются, чтобы позволить наблюдать за тем, что происходит в этом зале... Старая система слежки, оказавшаяся довольно полезной во времена, когда Сант'Анна занимались политикой, и хорошо знакомая мне. Я видел там глаза, которые могли принадлежать только ему. Если этот несчастный влюбился в тебя...

— Вы сами видите, что мне лучше уехать.

— Нет, это будет похоже на бегство, и ты оскорбишь его. В конце концов, оставим ему это призрачное счастье!

И кто знает? Может быть, оно заставит его однажды в отсутствие посторонних не так скрываться от тебя.

Но для Марианны передышка кончилась, и снова появилось тягостное ощущение. Несмотря на высказанное кардиналом утешительное предположение, она испытывала нечто вроде гадливости при одной мысли, что человек с таким безысходно печальным голосом сможет любить ее. Напрягая память, она пыталась вспомнить условия заключенного соглашения, ибо это был только контракт, и нельзя, чтобы он стал чем-то большим!.. И тем не менее, что, если Готье де Шазей прав, если она принесет этому безликому человеку новую боль и скорбь?.. Она вспомнила запечатленный на ее пальцах поцелуй и содрогнулась.

Войдя в свою комнату, она нашла Агату вне себя. Необычная церемония, в которой она принимала участие, вместе со страхом перед дворцом Сант'Анна и наставлениями донны Лавинии о том, как ей отныне надлежит обращаться со своей хозяйкой, довели маленькую камеристку до полной прострации. Стоя рядом с невозмутимой донной Лавинией, она дрожала как осиновый лист и, увидев вошедшую хозяйку, склонилась в глубоком, до пола, реверансе. Внезапно ее охватила паника, а строгий взгляд экономки доконал ее.

Даже не подумав подняться. Агата разразилась рыданиями.

— О! — возмутилась донна Лавиния. — Да она сошла с ума!

— Нет, — мягко возразила Марианна, — она просто растерялась. Ее можно извинить, донна Лавиния, я ей ничего не объяснила, и с тех пор, как мы приехали, на нее обрушилось столько неожиданного. К тому же путешествие было очень утомительным.

Вдвоем им удалось поднять девушку, которая делала отчаянные попытки извиниться.

— Пусть гос... госпожа княгиня... простит меня! Я... не понимаю, что со мной случилось. Я... я...

— Ее милость права, — оборвала ее донна Лавиния, всовывая ей в руки платок, — вы потеряли всякий контроль над собой, девочка. Идите спать. Если госпожа позволит, я провожу вас к себе и дам успокаивающего... завтра все будет в порядке.

— Конечно, донна Лавиния, идите!

— Я сейчас же вернусь, чтобы помочь госпоже княгине раздеться.

В то время как она увлекла с собой залитую слезами Агату, Марианна подошла к большому венецианскому зеркалу, перед которым стоял низкий лакированный столик со множеством хрустальных флакончиков и массивных золотых туалетных принадлежностей. Она чувствовала себя бесконечно усталой, и единственным ее желанием было поскорее лечь. Большая золоченая кровать с отвернутым покрывалом и белоснежными простынями, ночничок под балдахин и взбитые подушки манили к отдыху.

Тяжелая диадема давила на лоб Марианне, и она ощутила приближение мигрени. Она с трудом отцепила украшение от удерживающих его булавок, не глядя положила на столик и распустила волосы. Платье с его плотной вышивкой и длинным шлейфом также стесняло ее, и, не ожидая

возвращения донны Лавинии, Марианна решила освободиться от него. Изогнув гибкий стан, еще не обнаруживавший скорое материнство, она отстегнула застёжку и позволила тяжелому одеянию упасть к ее ногам. Она перешагнула через него, подобрала и бросила на кресло, сняла юбку и чулки, затем, одетая только в прозрачную батистовую рубашку с валансьенскими кружевами, сладко потянулась со вздохом удовлетворения, но... вздох сменился криком ужаса. Перед ней в зеркале отразилось лицо мужчины, пожиравшего ее алчными глазами.

Она мгновенно обернулась, но увидела только зеркала у стен, не отражавшие ничего, кроме спокойного огня свечей. В комнате никого не было, тем не менее Марианна могла присягнуть, что Маттео Дамиани был тут, что он со скотским вожделием следил, как она раздевается. Однако теперь не было никого. Стояла полная тишина. Ни шороха, ни вдоха...

С подкосившимися ногами Марианна упала на стоявший перед туалетным столиком табурет и провела по лбу дрожащей рукой. Не было ли это галлюцинацией? Может быть, управляющий настолько взволновал ее, что уже начинает чудиться повсюду? Или это от усталости? Она уже не была уверена, что действительно видела его... Не могло ли болезненно напряженное сознание вызвать из небытия это лицо?

Когда донна Лавиния вернулась, она нашла ее распростертой на табурете, полуобнаженной, белой как полотно.

Она в отчаянии всплеснула руками.

— Ваша милость неблагоразумны! — упрекнула она. — Почему вы не подождали меня?.. Вы вся дрожите! Надеюсь, вы не больны?

— Я в полном изнеможении, донна Лавиния. Я хотела бы поскорее лечь и спать... спать. Не дадите ли вы мне немного того, что вы дали Агате? Я хочу быть уверенной в спокойной ночи.

— Это вполне естественно после такого дня.

Спустя несколько мгновений Марианна лежала в постели, а донна Лавиния подала ей теплую настойку, приятный аромат которой уже подействовал на нее благотворно. Она с признательностью выпила ее, желая наконец избавиться от своих навязчивых мыслей, ибо без посторонней помощи она не смогла бы, несмотря на усталость, уснуть, помня об этом увиденном или привидевшемся лице. Возможно, догадываясь о ее страхах, донна Лавиния подошла к одному из кресел.

— Я подожду здесь, пока госпожа княгиня не уснет, чтобы быть уверенной, что ее сон спокоен, — пообещала она.

Чувствуя себя значительно лучше, Марианна закрыла глаза и предоставила настойке делать свое дело. Вскоре она уже крепко спала.

Донна Лавиния неподвижно сидела в кресле. Она вынула четки из слоновой кости и, тихо перебирая их, молилась. Внезапно в ночи послышался стук лошадиных копыт, сначала легкий, затем все более и более громкий. Экономка бесшумно встала, подошла к окну и слегка отодвинула одну из занавесей. Вдали, в туманном мраке появилась белая фигура, пересекла лужайку и так же стремительно исчезла: несущаяся галопом лошадь с темным всадником.

Тогда с глубоким вздохом донна Лавиния отпустила занавес и вернулась на свое место у изголовья Марианны.

Ей не хотелось спать. Этой ночью, более чем когда-либо, она чувствовала, что ей надо одновременно молиться за ту, что спала здесь, и за того, кого она любила, как собственного ребенка, чтобы за невозможностью счастья небо хотя бы даровало им сладкое забвение покоя.

Глава III. БЕЗУМНАЯ НОЧЬ

Сияющее солнце, заливавшее комнату, и долгий спокойный отдых вернули Марианне всю ее жизнерадостность.

Ночная гроза все освежила в парке, а сорванные неистовым ветром ветки и листья были уже убраны садовниками виллы. Листва деревьев соперничала яркостью зелени с травой, и через распахнутое окно вливался свежий воздух, напоенный ароматом сена, жимолости, кипарисов и розмарина.

Как и засыпая, она увидела возле кровати улыбающуюся донну Лавинию, устанавливающую в большой вазе громадную охапку роз.

— Монсеньор выразил желание, чтобы первый взгляд госпожи княгини упал на самые прекрасные из цветов. И, — добавила она, — также на это.

» Этим» оказался сундук солидных размеров, стоявший открытым на ковре. Он был заполнен шкатулками из сандалового дерева и футлярами из черной кожи с гербами Сант'Анна, со следами времени, обычными для старинных вещей.

— Что это такое? — спросила Марианна.

— Драгоценности княгинь Сант'Анна, госпожа... Эти принадлежали донне Адриане, матери нашего князя... Эти... другим княгиням! Некоторые очень древние.

Действительно, чего тут только не было, начиная с очень красивых античных камней и кончая странными восточными драгоценностями, но большую часть составляли великолепные тяжелые украшения времен Возрождения, в которых громадные, не правильной формы жемчужины служили телами сирен или кентавров среди скопления камней всех цветов. Были тут тоже и более свежие украшения, вроде бриллиантовых ожерелий, чтобы окаймлять декольте, сверкающие серьги, браслеты и кольца из драгоценных камней. Некоторые камни были еще не оправлены. Когда Марианна все просмотрела, донна Лавиния протянула ей небольшую серебряную шкатулку, в которой на черном бархате покоились двенадцать необыкновенных изумрудов. Громадные, но примитивно ограненные, глубокой и вместе с тем прозрачной окраски, с ярким блеском, они, безусловно, были самыми прекрасными из всех, какие когда-либо видела Марианна. Даже подаренные Наполеоном не шли ни в какое сравнение с этими. И вдруг из уст экономки раздались слова императора:

— Монсеньор сказал, что они такого же цвета, как и глаза госпожи. Его дед, князь Себастьяно, привез их из Перу для своей жены. Но она не любила эти камни.

— Почему? — спросила Марианна, чисто по-женски любуясь игрой света в гранях изумрудов.

— Древние считали, что они являются символом покоя и любви. Донна Люсинда обожала любовь, но... ненавидела покой.

Так Марианна в первый раз услышала имя женщины, которая была до того влюблена в собственное изображение, что заставила закрыть зеркалами стены своей комнаты. Но у нее не оказалось времени продолжить расспросы. Сделав реверанс, донна Лавиния сообщила, что

ванна готова, что кардинал ждет ее к завтраку, и оставила ее в руках Агаты, прежде чем новая княгиня успела попросить ее остаться и ответить на некоторые вопросы. На лице старой женщины промелькнуло недовольное выражение, и взгляд ее омрачился, словно она упрекала себя за то, что произнесла это имя, и она поспешила удалиться. Она явно хотела избежать неминуемых расспросов.

Но когда Марианна встретила с крестным в библиотеке, где им сервировали завтрак, то после рассказа о переданных ей фамильных драгоценностях она задала вопрос, которого избежала донна Лавиния.

— Кем же все-таки была бабушка князя? Кроме того, что ее звали Люсиндой, я слышала только непонятные намеки и недомолвки. Вы знаете почему?

Не отвечая, кардинал залил свои макароны обильной порцией пахучего томатного соуса, добавил туда сыра и старательно перемешал. Затем он попробовал полученную смесь и наконец заявил:

— Нет. Я не знаю.

— Да полноте! Это же невозможно! Я уверена, что вы с давних пор знакомы с Сант'Анна. Иначе как бы вы могли быть посвященными в окружающую князя Коррадо тайну?

Вы не можете ничего не знать об этой Люсинде!.. Скажите просто, что не хотите говорить...

— Ты так сгораешь от любопытства, что немедленно произвела меня в лгуны, — рассмеялся кардинал. — Ну хорошо, дорогое дитя, знай же, что ни один князь Церкви не лжет... во всяком случае, не больше любого сельского кюре. Так что, вполне откровенно говоря, я знаю о ней только то, что она была венецианка из очень благородной семьи Соранцо и чрезвычайно красива.

— Поэтому и зеркала! Однако то, что она была очень красивой и чересчур восхищалась собой, не объясняет вызванный этой женщиной заговор молчания. Похоже даже, что исчез ее портрет.

— Должен сказать, что, судя по тому, что я смог узнать об этом, донна Люсинда пользовалась... гм... не особенно хорошей репутацией. Некоторые из тех, уже немногие, кто знал ее, утверждают, что она была безумна, другие — что она была колдуньей или, во всяком случае, в очень хороших отношениях с демонами. Такое недолюбливают здесь... как, впрочем, и везде!

Марианне показалось, что кардинал умышленно что-то недоговаривает. Несмотря на все уважение и доверие, которое она питала к нему, она не могла избавиться от странного ощущения: он не говорит ей правду... или по меньшей мере всю правду. Решив все-таки пробиться как можно дальше сквозь его оборону, она с невинным видом спросила, выбирая вишни из вазы с фруктами:

— А... где находится ее гробница? В часовне?

Кардинал закашлялся, словно поперхнулся, но этот кашель показался Марианне немного принужденным, и она спросила себя, не был ли он маскировкой внезапно покрасневших щек ее крестного. Тем не менее она с ласковой улыбкой протянула ему стакан воды.

— Выпейте! Это пройдет!

— Спасибо! Гробница... гм... ее вообще нет!

— Нет гробницы?

— Нет. Люсинда трагически погибла во время пожара.

От ее тела ничего не осталось... В часовне должно что-то быть, какая-то надпись... гм... упоминающая об этом. Не хочешь ли ты теперь пройти по твоему новому владению?

Погода замечательная, а парк так красив! Затем, есть конюшни, которые, безусловно, приведут тебя в восхищение.

Ты так любила лошадей, когда была ребенком! Ты же не знаешь, что здешние животные того же происхождения, что и знаменитые лошади из Императорского манежа в Вене?

Это липицаны. Эрцгерцог Карл, который в 1580 году завел в Липице знаменитый конный завод, привезя туда испанский молодняк, подарил тогдашнему Сант'Анна жеребца — производителя и двух кобыл. С тех пор князья этого дома занимаются улучшением породы...

Кардинал завелся. Бесполезно было пытаться остановить его, тем более вернуть его к теме, которую он, как и донна Лавиния, видимо, предпочитал избегать. Этому словоизвержению, мешающему Марианне вставить хоть словечко, удалось отвлечь ее мысли. И действительно, выйдя с ним на громадный двор конюшни, молодая женщина на время забыла о таинственной Люсинде, чтобы отдаться пылкому чувству, которое она всегда питала к лошадям. Кстати, она обнаружила, что Гракх-Ганнибал Пьюш, ее кучер, опередил ее и чувствовал себя здесь как рыба в воде. Хотя он совершенно не знал итальянского, парнишку прекрасно понимали благодаря выразительной мимике парижского гамена. Он уже стал другом всех конюхов и мальчишек, которые признали в нем брата по профессии.

— Никогда не видал таких красоток! Форменный рай тут, мамзель Марианна! — воскликнул он, заметив молодую женщину.

— Если ты хочешь, чтобы тебя и впредь сюда пускали, мой мальчик, — не то в шутку, не то всерьез заметил кардинал, — тебе надо привыкать говорить: госпожа княгиня, или ваша милость... если ты не отдашь предпочтения ее светлейшему высочеству?..

— Свет... надобно будет потерпеть со мной, мам... я хочу сказать: госпожа княгиня, — густо покраснев, поправился Гракх. — Я боюсь, что не сразу привыкну и буду путаться.

— Говори просто: сударыня, мой милый Гракх, и все будет в порядке. А теперь покажи мне животных.

Они были в самом деле великолепные, полные огня, с мощными шеями, тонкими сильными ногами, белоснежной, без единого пятнышка, масти. Было несколько черных как Эреб, но таких же прекрасных. Марианне не требовалось заставлять себя восхищаться. К тому же она обладала очень точным, оценивающим взглядом, так что не больше чем за час весь персонал конюшен был убежден, что новая княгиня более чем достойна носить это имя. Ее красота доделала остальное, и, когда она довольно поздно вечером возвратилась в дом, то, к большому удовлетворению кардинала, оставила за собой этот маленький мирок завоеванным.

— Ты представляешь себе, чем ты отныне стала для них? Подлинной хозяйкой, знающей и понимающей. Ты принесла им настоящее облегчение.

— Мне очень приятно, но большую часть времени им придется жить без меня. Вы хорошо понимаете, что я должна вернуться в Париж... только ради того, чтобы согласовать с императором мое новое положение... Вы еще не знаете, что такое его гнев.

— Могу представить... но после всего тебе ничто не страшно! Если ты останешься...

— Он вполне способен использовать своих жандармов, чтобы заполучить меня... подобно тому, как он выслал вас в Реймс, в лучшем случае, прибегнуть к помощи посредника!

Благодарю покорно. Я предпочитаю бегству открытый бой и при этих обстоятельствах лучше объяснюсь сама.

— Скажи просто, что ни за что в мире ты не хотела бы упустить возможность вновь увидеть его! — печально вздохнул кардинал. — Ты по-прежнему любишь его...

— А разве я когда-нибудь утверждала противное? — с некоторым высокомерием отпарировала Марианна. — Никогда не думала, что вы способны так ошибаться. Да, я, как и прежде, люблю его. Я сожалею об этом, может быть, так же, как и вы, хотя и по другим причинам, но я люблю его, и тут я бессильна.

— Я это прекрасно знал! Бессмысленно продолжать спор! Временами ты мне очень напоминаешь тетушку Эллис: так же нетерпелива и всегда рвешься в бой! И так же великодушна! Ничего! Я уверен, что ты вернешься сюда, а это самое главное.

Солнце садилось за потемневшую зелень парка, и Марианна со смутной тревогой следила за его исчезновением.

Вместе с сумерками все поместье обволакивалось необъяснимой грустью, словно вместе со светом его покидала и жизнь. Это было то, что завсегдатаи этих мест называли «una morbidezza» — изнеженность — и что происходило, может быть, из-за избытка красоты пейзажей и изменчивых красок неба.

Возвращаясь домой, Марианна, внезапно охваченная легким ознобом, укутала плечи муслиновым шарфом, подобранным в тон к простому белому платью, и, неторопливо шагая рядом с прелатом, окинула взглядом ту часть, где жил князь Коррадо.

Высокие окна были темными, может быть, из-за закрытых занавесей, и ни один луч света не проглядывал оттуда.

— Вы не считаете, — сказала она вдруг, — что я должна поблагодарить князя за драгоценности, которые он передал мне сегодня утром? Мне кажется, это простой долг вежливости.

— Нет. Это будет ошибкой. По мнению князя, они должны принадлежать тебе. Ты являешься их хранительницей... подобно тому, как король Франции является хранителем сокровищ короны. За отданное на хранение не благодарят.

— Однако изумруды...

— Без сомнения, подарок лично княгине Сант'Анна!

Тыставишь их в оправу, будешь носить и... передашь своим наследникам. Нет, бесполезно пытаться приблизиться к нему. Я уверен, что он этого не желает.

Если ты хочешь сделать ему приятное, носи драгоценности, которые он тебе дал. Это лучший способ показать, что они доставили тебе радость.

В этот вечер к обеду, поданному ей с кардиналом в огромной столовой, она приколола под декольте широкий золотой аграф с рубинами и жемчугом, хорошо гармонировавший с тяжелыми удлиненными серьгами. Но как она ни старалась во время всей трапезы незаметно поглядывать на потолок, она не заметила там ни малейших признаков жизни и... была удивлена, испытав при этом разочарование. Она чувствовала себя красивой в этот вечер и этой красотой хотела выразить молчаливую признательность своему невидимому супругу. Но ничего не произошло. Не было даже Маттео Дамиани, которого она не видела весь день, и вполне естественно, что она обратилась с вопросом к заглянувшей в комнату донне Лавинии:

— Скажите, пожалуйста, разве князь уехал?

— Нет, ваша милость. Почему вы спрашиваете?

— Да так, просто весь день не ощущалось его присутствия, и я даже не видела ни его секретаря, ни отца Амунди.

— Маттео поехал по делам к дальним арендаторам, а капеллан был с его сиятельством. Он выходит от него только в часовню и библиотеку. Должна ли я сказать Маттео, что вы желаете его видеть?

— Нет, конечно! — чуть быстрее, чем следовало, ответила Марианна. — Я просто спросила.

Она долго лежала в постели без сна, и прошли часы, прежде чем она сомкнула веки. Уже за полночь, когда она наконец начала засыпать, из парка донесся стук копыт, и она на мгновение напрягла слух. Но, подумав, что это, без сомнения, вернувшийся Маттео Дамиани, она не стала беспокоиться и, вновь закрыв глаза, погрузилась в сон.

Безмятежно проходили дни, похожие на первый. В обществе кардинала Марианна осмотрела имение, сделала несколько прогулок по окрестностям в одной из многочисленных карет, заполнявших сараи. Она посетила купальни в Лукке — какие-то странные античные развалины, — а также сады роскошной летней виллы великой герцогини Элизы в Марлин. Кардинал в простом черном костюме без всяких украшений не привлекал особого внимания, зато красота молодой женщины повсюду вызывала восхищение, а еще больше любопытство, ибо известие о свадьбе быстро разлетелось по округе. На узких дорогах и в деревнях крестьяне при встрече останавливались и низко кланялись, что заставляло улыбаться Готье де Шазея.

— Знаешь ли ты, что они недалеко от того, чтобы почитать тебя как святую?

— Святую? Меня? Что за выдумки?

— В этой местности широко распространена версия, что Коррадо Сант'Анна тяжело и неизлечимо болен. Поэтому всех поражает, что ты, такая молодая и красивая, посвятила себя этому несчастному. Когда станет известно о рождении ребенка, ты будешь близка к мученическому венцу.

— Как вы можете так шутить! — упрекнула Марианна, шокированная легкомысленностью кардинала.

— Дорогое дитя, если хочешь прожить жизнь, не заставляя ни себя, ни других особенно страдать, лучше всего стараться найти во всем юмористическую сторону. К тому же

необходимо было объяснить, почему они смотрят на тебя так. Вот я и сделал это!

Но большую часть времени Марианна проводила среди лошадей, несмотря на предостережение кардинала.

Оч считал, что место знатной дамы — подальше от конюшни, и еще он беспокоился о состоянии молодой женщины, видя, как она долгие часы проводит верхом, меняя лошадей одну за другой, чтобы полностью узнать их достоинства и недостатки. Марианна только посмеивалась над всеми его опасениями. Ее положение ни в чем ее не стесняло. Никакое недомогание не волновало ее, и она чувствовала себя чудесно при такой жизни на свежем воздухе. Она покорила Ринальдо, начальника конюшен, и тот следовал за ней повсюду, как послушная большая собака, когда, подхватив рукой шлейф амазонки (она не решалась во избежание пересудов надевать мужской костюм, который она предпочитала для верховой езды), она совершала длительные поездки по полям, время от времени меняя лошадей.

Возвращаясь после этих изнурительных поездок, она с жадностью съедала ужин, затем падала в постель и спала безмятежным детским сном до восхода солнца. Даже та странная грусть, что обволакивала виллу каждый вечер перед наступлением темноты, не затрагивала ее больше. Князь ничем не обнаруживал себя, даже чтобы сказать, как он рад проявляемому интересу к лошадям, а Маттео Дамиани, похоже, старался держаться на почтительном расстоянии. Он часто ездил по угодьям, и его почти не было видно. Когда он случайно встречался с Марианной, то низко кланялся, справлялся о ее здоровье и незаметно исчезал.

Так пробежала неделя, быстро и без происшествий, такая приятная, что молодая женщина не заметила, как она прошла, и в конце концов почувствовала, что ее не так уж влечет в Париж. Изнуряющая усталость путешествия, невыносимое нервное напряжение, страхи, опасения, — против всего этого восставала ее натура.

«В сущности, почему бы не остаться здесь еще на некоторое время? — подумала она. — Мне нечего делать в Париже, куда император не скоро, без сомнения, вернется».

Долгое свадебное путешествие Наполеона перестало ее раздражать. Она обрела душевное спокойствие и с такой полнотой наслаждалась прелестью своей новой резиденции, что всерьез стала подумывать, не остаться ли ей здесь на все лето и не вызвать ли сюда Жоливалю.

Но в конце недели появился завершивший свою таинственную миссию Бишет, и все пошло насадку. Проявивший себя таким ласковым и веселым компаньоном, кардинал надолго заперся с секретарем. Когда он появился, вид у него был очень озабоченный, и он сообщил Марианне, что вынужден покинуть ее.

— Неужели это так необходимо? — разочарованно спросила она. — И нельзя остаться еще хоть немного? Так приятно побыть вместе! Но если вы уезжаете, я прикажу упаковать мой багаж.

— Почему же? Я буду отсутствовать только несколько дней. Разве ты не можешь подождать меня здесь? Мне тоже доставляет большое удовольствие пребывание с тобой, Марианна. Почему бы не продлить его? После моего возвращения я смогу посвятить тебе еще неделю.

— А что я буду делать здесь без вас?

Кардинал рассмеялся.

— Но... то же самое, что ты делала со мной. Мы же не были все время вместе. И затем, я ведь не буду всегда здесь, когда ты станешь приезжать с ребенком каждый год.

Не кажется ли тебе, что следует привыкнуть управлять самой! По-моему, тебе здесь нравится.

— Это правда, однако...

— Так в чем же дело? Ты не можешь подождать меня несколько дней? Пять или шесть, не больше... Разве это много?

— Нет, — улыбнулась Марианна. — Я подожду вас.

Но когда вы снова уедете, я последую вашему примеру.

Добившись таким образом согласия, кардинал после полудня покинул виллу, сопровождаемый аббатом Бишетом, всегда озабоченным, всегда подавленным грузом бесчисленных тайн, действительных и вымышленных, придававших ему довольно забавный вид вечного заговорщика. Но едва карета проехала ворота имения, как Марианна пожалела, что согласилась остаться. Удручающее ощущение, охватившее ее в первый день, вновь вернулось, словно только присутствие кардинала защищало ее от него.

Обернувшись, она увидела позади себя Агату с глазами, полными слез. В ответ на ее удивленный взгляд девушка умоляющим жестом сложила руки.

— Неужели мы останемся и не уедем, как они?

— А почему бы нет? Разве вам тут плохо? Мне кажется, что донна Лавиния хорошо к вам относится?

— Это правда. Она сама доброта. Да не ее я боюсь.

— Чего же тогда?

Агата ответила уклончивым движением в сторону дома.

— Всего... этого дома, где так печально, когда приходит вечер, тишины, когда останавливаются фонтаны, откуда всегда как будто грозит какая-то опасность, монсьёра, которого никогда не видно, и также... управляющего!

Марианна нахмурила брови, недовольная тем, что ее горничная ощущала то же, что и она, но постаралась ответить беззаботным тоном, чтобы не усугублять беспокойство Агаты.

— Маттео? Что он вам сделал?

— Ничего... но мне кажется, что он увивается около меня. Он так смотрит на меня, когда мы встречаемся, и обязательно старается коснуться моего платья, проходя мимо!..

Он пугает меня, сударыня! Я так хотела бы уехать отсюда.

Факты были слишком незначительные, однако Агата так сильно побледнела, что Марианна, вспомнив свои собственные ощущения, решила рассеять ее тревогу. Она рассмеялась.

— Полноте, Агата, ничего ужасного не происходит.

По-моему, уже не в первый раз мужчина дает понять, что вы нравитесь ему? В Париже, мне кажется, вы не возражали против проявления чувств дворецкого Богарнэ, да и нашего Гракха?

— В Париже это совсем другое, — смущенно опустила глаза Агата. — Тут... все такое странное, не такое, как везде! И этот человек пугает меня! — настаивала она.

— Ну хорошо, скажите об этом Гракху, он присмотрит за вами и успокоит. Может быть, мне поговорить с донной Лавинией?

— Нет... она посчитает меня дурочкой!

— И будет права! Хорошенькая девушка должна сама за себя постоять. В любом случае успокойтесь, долго мы здесь не задержимся. Его преосвященство вернется через несколько дней, и после краткого пребывания мы уедем одновременно с ним.

Но тревога Агаты передалась ей, усилив ее собственное беспокойство. Ее волновала мысль о Маттео Дамиани, обхаживающем Агату, ибо это не могло представлять никакого интереса для девушки. Даже если его привилегированное положение при князе могло сделать завидной подобную партию для маленькой камеристки, даже если мужчина был физически крепок и казался моложе своих лет, ему наверняка уже перевалило за пятьдесят, тогда как Агате еще не было двадцати. Она решила достаточно сдержанно, но непоколебимо положить этому конец.

К вечеру, чувствуя, что она не сможет остаться одна в громадной столовой, Марианна приказала принести еду в ее комнату и попросила донну Лавинию составить ей компанию и помочь лечь спать, в то время как Агата под предлогом легкого недомогания пошла с Гракхом прогуляться по парку. Но едва Марианна подошла к интересующей ее теме, как экономка замкнулась в себе, как неосторожно задетая мимоза.

— Пусть ваша милость простит меня, — сказала она с заметным замешательством, — но я не могу взять на себя смелость сделать хоть малейшее замечание Маттео Дамиани.

— Почему же? Разве не вы доныне управляли всем в этом доме, как служителями, так и житейскими делами?

— Действительно... но Маттео занимает тут особое положение, которое запрещает мне всякое вмешательство в его жизнь. Кроме того, он не выносит никаких упреков, он — доверенное лицо его светлости, родителям которого, как и я, служил. Если я только посмею высказать свое мнение, он презрительно засмеется и грубо пошлет меня заниматься своими делами.

— Серьезно? — с коротким смешком заметила Марианна. — Надеюсь, мне нечего бояться подобного, каковы ни были бы привилегии этого человека?

— О! Госпожа княгиня!..

— Тогда найдите его! Посмотрим, кто из нас прав!

Агата состоит при мне, она со мной приехала из Франции, и я не желаю, чтобы ее жизнь становилась невыносимой.

Идите, донна Лавиния, и немедленно приведите ко мне господина управляющего.

Экономка сделала реверанс, исчезла, а через несколько минут вернулась одна. По ее словам, Маттео не удалось найти. Его не было ни у князя, ни в каком-либо другом месте. Возможно, он задержался в Лукке, куда он часто ездил, или где-нибудь на ферме...

Она говорила торопливо, стараясь придать убедительность своим словам, но чем больше она

приводила доводов, тем меньше Марианна верила. Что-то подсказывало ей, что Маттео находится поблизости, но не хочет прийти...

— Ну, хорошо, — сказала она наконец. — Оставим это сегодня, раз он такой неуловимый, а завтра утром займемся. Передайте ему, что я жду его сразу после завтрака здесь, в противном случае я вынуждена буду обратиться к князю... моему супругу!

Донна Лавиния ничего не ответила, но ее тревога, похоже, увеличилась. В то время как она, заметив Агату, расплела густые черные косы своей хозяйки и расчесывала волосы на ночь, Марианна чувствовала, как дрожат ее обычно такие уверенные руки. Но это не вызвало в ней участия.

Наоборот, чтобы немного проникнуть в окутывающую этого неприкосновенного управляющего тайну, она с некоторой жестокостью постаралась загнать донну Лавинию в угол, засыпав ее вопросами о семье Дамиани, его взаимоотношениях с родителями князя и о самих родителях. Донна Лавиния запинаясь, юлила, отвечала так уклончиво, что Марианна, так ничего и не узнав, отчаявшись, попросила экономку уйти. С видимым облегчением та не заставила просить себя дважды и покинула комнату с поспешностью потерявшего терпение человека.

Оставшись одна, Марианна в возбуждении несколько раз прошлась по комнате, затем, сбросив халат, задула свечи и легла в постель. С самого утра неожиданно воцарилась августовская жара, и вечер принес мало облегчения.

Несмотря на свежесть бьющих фонтанов, воздух в комнатах виллы за день стал душным и тяжелым. За позолоченными занавесками балдахина Марианна вскоре почувствовала, что обливается потом.

Вскочив с кровати, она раздвинула занавески и настезь распахнула окна, надеясь хоть немного умерить докучавшую жару. В тишине купающегося в волшебном свете луны сада слышалась только журчащая песня фонтанов. Над бесцветной травой простирались черные тени деревьев. Безмолвная равнина за парком и вся природа словно оцепенели в ночи под дыханием смерти.

Чувствуя удушье, с пересохшим горлом, Марианна хотела подойти к кровати выпить воды из стоявшего у изголовья графина, но тут же остановилась и вернулась к окну.

Вдали послышался лошадиный топот, совсем тихий, который постепенно приближался, становясь более четким и сильным. Из рощицы вылетела белая молния. Зоркие глаза Марианны сразу же узнали Ильдерима, самого прекрасного жеребца в заводе и к тому же самого неукротимого, чистокровного, белоснежного, невероятной красоты, но такого норовистого, что, несмотря на все ее искусство, она еще не решалась оседлать его. Носимый под сердцем ребенок запрещал ей подобное безумство.

Она различила темную фигуру всадника, но узнать его не смогла. Он выглядел высоким и мощным. Впрочем, с такого расстояния нельзя было рассмотреть детали. В одно мгновение лошадь и всадник пересекли лужайку и погрузились в гущу деревьев, где мерный стук копыт стал затихать и вскоре исчез. Но у Марианны было достаточно времени, чтобы прийти в восхищение от безукоризненной посадки всадника, черного призрака на ослепительной белизне, словно слитого воедино с благородным животным. Неукротимый Ильдерим признавал в нем своего хозяина.

И тут ее осенило, и пришедшая в голову мысль вызвала такое волнение, что, не в силах

дождаться утра, чтобы подтвердить ее, она бросилась к сонетке у изголовья кровати и стала так ее дергать, будто дело шло о жизни и смерти. Через несколько секунд донна Лавиния в кофте и чепчике с завязками была в комнате, заметно испуганная и, без сомнения, опасавшаяся худшего. Увидев Марианну спокойно стоящей, она с облегчением вздохнула.

— Видит Бог, как я испугалась! Я подумала, что госпожа княгиня заболела и что...

— Не волнуйтесь, донна Лавиния, со мной все в порядке. Поверьте, я глубоко огорчена, разбудив вас, но я хочу, чтобы вы ответили на один вопрос... чтобы вы ответили на него сейчас же... и без обиняков!

Шандал в руке экономки так закачался, что она вынуждена была поставить его на стол.

— Какой вопрос, госпожа?

Марианна указала на распахнутое окно, перед которым она стояла, затем устремила повелительный взгляд на лицо донны Лавинии, превратившееся при лунном свете в гипсовую маску.

— Вы прекрасно знаете, какой вопрос, иначе не побледнели бы так! Кто тот человек, которого я только что видела промчавшимся на лошади через лужайку?.. Под ним был Ильдерим, на спине которого я еще никогда никого не видела. Ну, отвечайте! Кто он?

— Госпожа... я...

Бедная женщина едва держалась на ногах, и ей пришлось опереться о спинку кресла, чтобы не упасть, но Марианна подошла к ней, положила руку на плечо и безжалостно повторила по слогам.

— Кто... это... такой?

— Э... князь Коррадо!

Глубоким вздохом облегчения Марианна освободила стесненную грудь. Она не была удивлена. С тех пор как она увидела неясную фигуру всадника, она ждала, что получит ответ, однако он пробудил в ней целый ряд новых вопросов. Но донна Лавиния, полностью обессиленная, вопреки всякому протоколу рухнула в кресло и, спрятав лицо в руках, залилась слезами.

Почувствовав угрызения совести, Марианна моментально опустилась перед ней на колени и стала утешать:

— Успокойтесь, донна Лавиния! Я не хотела огорчить вас своими расспросами. Но поймите, до какой степени может быть мучительной эта тайна, с первого момента окружившая меня!

— Я знаю... я хорошо понимаю... — бормотала Лавиния. — Конечно... я знала, что в какую — то из ночей вы увидите его и зададите этот вопрос, но я надеялась... один Бог знает на что...

— Возможно, что я не останусь здесь достаточно долго, чтобы заметить его?

— Может быть, но это было слишком по-детски, ибо рано или поздно... Видите ли, госпожа, почти каждую ночь он делает это. Он часами скачет на Ильдериме, ему одному позволяющему седлать себя. Это его самая большая радость... единственная, от которой он не может отказаться!

Рыдание прервало голос экономки. Марианна осторожно взяла ее руки в свои и прошептала:

— Не слишком ли он суров к самому себе, донна Лавиния? Этот человек не калека и не больной, иначе он не смог бы оседлать Ильдерима... В его силуэте я не заметила никаких признаков уродства. Мне показалось, что он высокого роста и, по-видимому, очень сильный. Тогда зачем так скрываться? Для чего обрекать себя на такое нечеловеческое заточение, к чему погребать себя заживо?

— Потому что иначе быть не может... Невозможно! Поверьте мне, княгиня, не из-за болезненной страсти к тайнам или оригинальничанья мое бедное дитя так отгородилось от мира, от всего мира! Только потому, что он не мог этого избежать.

— — Но в конце концов, в той фигуре, что я разглядела, не было ничего отталкивающего. Она выглядела нормальной... да, вполне нормальной.

— Может быть... все дело в лице!

— Это только отговорка. Мне уже приходилось видеть ужасных людей, обезображенных язвами и ранами, чей вид действительно трудно было выносить, однако это не мешало им вести нормальную жизнь среди других. Я видела людей, носящих что-то вроде маски, — добавила она, вспомнив Морвана и его шрамы.

— И Коррадо носит маску, когда ездит так. Ночь и тень от плаща и шляпы кажутся ему недостаточными, чтобы спрятаться. Но средь бела дня одной маски будет мало.

Поверьте мне, всем святым заклинаю вас, госпожа, не пытайтесь ни проникнуть в его тайну, ни встретиться с ним.

Он... он может умереть от стыда!

— От стыда?

Донна Лавиния с усилием встала и заставила подняться Марианну. Она перестала плакать, и лицо ее обрело обычное спокойствие. Похоже было, что этот разговор принес ей облегчение. Глядя Марианне прямо в глаза, она добавила глухим голосом:

— Видите ли, Коррадо несет бремя проклятия, некогда обрушившегося на этот богатый и могущественный дом, проклятия с лицом ангела. И только ребенок, которого вы подарите ему, поможет освободиться от него если не самому Коррадо, ибо от постигшего его несчастья нельзя избавиться, то но крайней мере имени Сант'Анна, и оно снова достойно заблестит. Спокойной ночи, ваша милость.

Попытайтесь забыть то, что вы видели.

На этот раз побежденная, Марианна больше не настаивала. Не сказав ни слова, она позволила донне Лавинии уйти. Она чувствовала себя бесконечно усталой, как если бы совершила длительное и мучительное усилие, и ее охватило уныние. Загадка Коррадо захватила ее полностью, неотступно и назойливо преследуя. Ее раздраженное любопытство, ее постоянная потребность во всем разбираться до конца могли толкнуть ее на любое безумство: например, спрятаться на пути призрачного всадника, броситься под копыта Ильдерима, чтобы заставить его остановиться, но что-то необъяснимое удерживало ее. Может быть, сказанные донной Лавинией слова: «Он может умереть от стыда», слова, полные той же печали, что и у голоса из зеркала.

Чтобы немного успокоиться и одновременно освежиться, она умыла лицо и руки, побрызгала все тело одеколоном и снова легла в постель без всякой надежды уснуть. Удручающая жара и неистовая сарабанда мыслей неумолимо отгоняли сон. Она напряженно прислушивалась к неясным шумам ночи, пытаясь уловить далекий стук копыт. Часы проходили, не принося ничего нового, и Марианна, полностью опустошенная, кончила тем, что погрузилась в своеобразное оцепенение, которое не было ни сном, ни явью.

Странные образы, как в сновидении, роились в ее мозгу, однако у нее не было ощущения, что она спит. Это были неопределенные туманные формы, сменявшиеся персонажами с потолка, внезапно спустившимися вниз и окружавшими ее кривляющимся, насмешливым кольцом, это были причудливые цветы, которые склонялись над ней и превращались в лица, это была стена ее комнаты, раскрывшаяся, чтобы пропустить голову... голову Маттео Дамиани.

С отчаянным криком Марианна вырвалась из оцепенения. Последнее впечатление было таким сильным, что оно рассеяло дремоту и вернуло ее к действительности, всю мокрую, с пересохшим горлом. Она села на кровати, откинула с лица влажные пряди волос и осмотрелась вокруг. Светало, и в комнату вливался зыбкий полусвет, в котором угадывались первые проблески зари. Где-то вдаль раздавалось хриплое кукареканье, тотчас подхваченное другими голосами. Из сада веяло прохладой, и Марианне в ее влажной постели и с прилипшей к телу рубашкой вдруг стало холодно. Она встала, чтобы переодеться в сухое и прогнать вызванный дурным сном страх, когда ее взгляд упал на место, где в ее кошмаре появилась голова Маттео, и она в изумлении вскрикнула: под позолоченной рамой зеркала на стене образовалась черная полоса... черная полоса, которую она никогда раньше не видела.

Бесшумно, как кошка, босиком, Марианна с бьющимся сердцем подошла к ней и ощутила дуновение воздуха. Под ее рукой панель легко отошла, открыв доступ к узенькой лестнице, спиралью спускавшейся в толще стены. Ей сразу все стало ясно. Итак, ей не пригрезилось! В своем полусне она действительно видела Маттео Дамиани, появившегося в этом отверстии, но с какой целью? Сколько раз уже осмеливался он приходить в ее комнату, когда она спала?.. И тут же она вспомнила увиденное в зеркале лицо вечером после свадьбы, когда она раздевалась. Уж тогда она не спала! Это он был там, и, вспомнив то выражение грубого вожделения, Марианна ощутила, как запылало ее лицо и от уязвленной стыдливости, и от ярости. Безумный гнев охватил ее. Итак, не довольствуясь недостойными ухаживаниями за Агатой, этот отверженный посмел проникнуть к ней, Марианне, супруге его хозяина, чтобы лицезреть ее интимные тайны! На что надеялся он, приходя, словно вор? На какое безрассудство мог бы он когда-нибудь пойти, если бы она не обнаружила этот потайной ход, второпях, очевидно, небрежно закрытый им?

— Я навсегда отобью ему охоту заниматься этим! — со злобой пригрозила молодая женщина.

Не теряя ни минуты, она надела первое попавшееся под руку платье, торопливо завязала ленты узких сандалий и достала из дорожного мешка один из подаренных Наполеоном пистолетов, которые на всякий случай захватила с собой из Парижа. Проверив заряд, она засунула оружие за пояс и зажгла свечу. Снаряженная таким образом, она решительно направилась к оставшемуся открытым отверстию и ступила на лестницу.

Пламя свечи затрепетало от сквозняка, но не погасло.

Осторожно, не производя ни малейшего шума, прикрывая свечу свободной рукой, она спускалась по стертым ступенькам. Лестница не была длинной, не больше одного этажа.

Выход с нее оказался позади дома, замаскированным в тени густой массы листвы. Сквозь ветви

Марианна вдруг увидела порозовевшую от света зари гладь воды перед павильоном. Она увидела также Маттео, исчезающего в гроте, который открывался в центре колоннады, и решила броситься за ним в погоню. Она торопливо задула свечу и положила под ветками, чтобы забрать на обратном пути.

Она не догадывалась, что собирается там делать управляющий, но не сомневалась в том, что он теперь попал в ловушку и не сможет убежать от нее. Грот был ей хорошо знаком, так как она посещала его с крестным. Место очень приятное во время жары. Пруд заходил внутрь его, образуя там небольшой бассейн посреди настоящего салона, потому что служившие стенами скалы были задрапированы шелком, а разбросанные вокруг бассейна с чисто восточной щедростью ковры и подушки манили к отдыху.

Она легко пробежала вдоль колоннады за управляющим. Перед тем как войти в грот, она на мгновение заколебалась и, прижавшись к скале, взяла в руку пистолет. Затем медленно — медленно она двинулась вперед, миновала вход и... возглас изумления сорвался с ее губ: мало того, что в гроте никого не оказалось, поднятая настенная драпировка открывала вход в тоннель, очевидно прорезавший холм, так как в конце его виднелся свет.

Ни секунды не колеблясь, только крепче сжав оружие, Марианна углубилась в тоннель, оказавшийся довольно широким, с песчаным полом, по которому было приятно идти. Возбуждение мало-помалу сменило в ней гнев, возбуждение, подобное тому, что она испытывала в Селтоне, когда загоняла лису, которая могла оказаться менее опасной сегодняшнего хищника, и приближение опасности зажигало Марианну. Кроме того, она не теряла надежды проникнуть хоть в одну из тайн Сант'Анна... Но, дойдя до конца тоннеля, она замерла в тени, став свидетельницей совсем уж невероятного зрелища.

Тоннель выходил на узкую поляну между высокими склонами, с двух сторон покрытую кустарником и густой лесной порослью. В глубине, у высокой, увитой зеленью каменной стены, возвышались мраморные истуканы, застывшими отчаянными жестами подчеркивавшие трагический вид строения, обожженные руины которого занимали центр поляны.

Это была всего лишь груда остатков почерневших колонн, обвалившихся камней, разбитых скульптур, поросшая ежевикой и черным плющом, издававшим терпкий запах.

Бушевавший здесь когда-то пожар должен был быть очень сильным, судя по оставленным на каменной стене длинным черным следам от пламени. Но над этими руинами, над этим опустошением, каким-то чудом сохранившаяся, блистая в безупречной чистоте белого мрамора, возвышалась и, казалось, царила статуя. И Марианна затаила дыхание, зачарованная тем, что она увидела.

Среди нагромождения обломков были кое-как сделаны ступени, и на последней из них, согнувшись, стоял на коленях Маттео Дамиани и обеими руками обнимал ноги статуи. Это была самая прекрасная и самая необыкновенная статуя из всех, что Марианне приходилось видеть. Она представляла в натуральную величину обнаженную женщину поистине дьявольской красоты, предел совершенства и чувственности. Стоя с откинутыми назад и слегка касающимися тела руками, со склоненной, словно под тяжестью волос, головой, женщина, с ее сомкнутыми глазами и полуоткрытыми губами, казалось, предлагала себя какому-то невидимому возлюбленному. Искусство скульптора передало с поразительной точностью малейшие детали женского тела, но естественность, с которой он изобразил на этом лице с удлинненными глазами, со сладострастно открытыми губами экстаз наслаждения, являлась чудом. И взволнованная этим слишком прекрасным образом желанья, Марианна подумала, что художник должен был страстно любить свою модель...

Солнце вставало. Золотой луч скользнул по склону холма и погладил статую. И тотчас холодный мрамор согрелся, затрепетал. Золотые блики забегали по отполированным зернам бесчувственного камня, может быть, более нежным, чем человеческая кожа, и Марианне показалось, что статуя оживает. И тогда она увидела нечто невероятное: Маттео выпрямился, стал на цоколь и обнял женщину. С неистовой страстью он целовал так естественно отдающиеся губы, словно хотел передать им свой жар, непрерывно бормоча слова любви вперемежку с бранью. Это напоминало странную литанию, в которой гнев смешивался с любовью и грубыми выражениями желания. В то же время его дрожащие руки ощупывали мраморное тело, в теплом свете утра, казалось, содрогавшееся под ласками.

В этой любовной сцене со статуей было что-то чудовищное, и, охваченная ужасом, Марианна отступила в тень тоннеля, забыв, что она пришла сюда, чтобы отчитать этого человека, наказать его. Беспольный теперь пистолет подрагивал в ее руке, и она вновь засунула его за пояс. Человек этот потерял рассудок, ибо не было другого объяснения такому безумному поведению. И тут Марианне стало по-настоящему страшно. Она была одна с сумасшедшим в таком глухом месте, о котором большинство обитателей виллы, может быть, и не знали. Даже пистолет показался ей жалкой защитой. Маттео, без сомнения, обладал грозной силой.

Обнаружив ее, он мог внезапно напасть, прежде чем она смогла бы защищаться. Или же тогда ей пришлось бы выстрелить, убить, но этого она не хотела.

Невольная смерть Иви Сен-Альбэн, причиной которой она стала, до сих пор лежала камнем на ее сердце.

Она слышала, как Маттео исступленно обещал своей бесчувственной возлюбленной вернуться этой ночью.

— Луна будет полной, дьяволица, и ты увидишь, что я ничего не забыл! — прорычал он.

Сердце Марианны заколотилось. Сейчас он уйдет, обнаружит ее... Не ожидая больше, она с быстротой преследуемого зайца пронеслась через тоннель, грот, балюстраду, нырнула в заросли и ступила на лестницу, но обернулась, чтобы взглянуть назад сквозь листву. Как раз вовремя. Маттео показался из грота, и Марианна спросила себя, уж не приснилось ли ей все это. Человек, которого она только что видела в эротическом экстазе, спокойно шагал по тропинке между колоннадой и водой, заложив руки за спину, с наслаждением подставляя свое суровое лицо легкому ветерку, шевелящему его седоватые волосы. Просто человек вышел на утреннюю прогулку, чтобы воспользоваться свежестью влажного от росы парка перед трудовым днем.

Марианна живо взобралась по лестнице, пролезла в открытую панель, но перед тем, как закрыть ее, постаралась разобраться в приводном механизме. Оказалось, что она и в самом деле приводилась в движение с обеих сторон: рукояткой — с лестницы и углублением в позолоченной лепке — из комнаты. Затем, поскольку приближался час, когда Агата приносила утренний чай, Марианна поспешила сбросить платье и сандалии и скользнуть в постель. Она ни за что не хотела, чтобы и так уже достаточно напуганная Агата узнала о ее ночной экспедиции.

Умостившись поудобнее среди подушек, она попыталась спокойно поразмыслить, хотя это было не так просто.

Последовательное открытие панели в стене сгоревшего здания, статуи и безумства Маттео могли расшатать и более крепкие нервы, чем у нее. И еще это необычное, таящее угрозу

свидание, обещанное мраморной возлюбленной. Что значили эти странные слова? Что именно он не забыл? Что он хочет делать ночью в тех развалинах и прежде всего, что это было за строение, над руинами которого царила статуя?

Вилла? Храм? Какому божеству поклонялись там когда-то и поклоняются сейчас? Какому безумному и мрачному ритуалу собирается посвятить Маттео грядущую ночь?

Все эти вопросы перекрещивались в мозгу Марианны, но ни малейший удовлетворительный ответ не находился.

Ей прежде всего пришло в голову снова подступить к донне Лавинии, но она вспомнила, что ее расспросы заставляли страдать бедную женщину, которая, без сомнения, еще не пришла в себя после прошедшей ночи. И затем, вполне возможно, что она не знала всего о странной богине, которой тайно поклонялся управляющий, и о его безумии. А знал ли сам князь, чем занимается по ночам его управляющий и секретарь? И если знал, согласился бы ответить Марианне на ее вопросы, удайся ей привлечь его внимание? Пожалуй, лучше будет расспросить самого Маттео, естественно, приняв необходимые предосторожности. Впрочем, разве она не приказала донне Лавинии прислать его к ней после завтрака?

— Что ж, посмотрим! — проговорила сквозь зубы молодая женщина.

Приняв решение, Марианна выпила принесенный Агатой горячий чай и перешла к туалету, чтобы одеться. На день, обещавший быть таким же жарким, как и вчерашний, она выбрала платье из бледно-желтого, вышитого белыми маргаритками жаконета и легкие туфли в тон. Одеться в светлый, веселый цвет казалось ей лучшим средством, чтобы побороть неприятное впечатление, оставленное прошедшей ночью. Затем, когда донна Лавиния доложила, что управляющий к ее услугам, она перешла в соседний с ее комнатой салон и распорядилась выпустить его.

Сидя за письменным столом, она следила за его приближением, напрасно стараясь подавить неприязнь, которую он ей внушал. Сцена в развалинах была еще слишком свежа в памяти, чтобы не вызывать отвращения, но если она хотела что-нибудь узнать, ей необходимо соблюдать полное спокойствие. К тому же он ничуть не казался взволнованным, находясь здесь, и если бы кто-нибудь увидел его стоящим перед молодой женщиной в почтительной позе, то присягнул бы, что это образчик преданного слуги, а не человек достаточно подлый, чтобы, как вор, проникать к этой самой женщине, когда сон оставлял ее беззащитной.

Для виду и чтобы унять дрожь в пальцах, Марианна взяла из стакана длинное гусиное перо и стала рассеянно играть им, но поскольку она хранила молчание, Маттео заговорил первым:

— Ваша милость изволили звать меня?

Она равнодушно посмотрела на него.

— Да, синьор Дамиани, я позвала вас. Вы — управляющий этим имением, следовательно, вам должна быть знакома каждая мелочь в нем?

— Я действительно считаю, что знаю здесь любой закуток, — ответил он с полуулыбкой.

— Тогда вы сможете кое-что разъяснить мне. Вчера после обеда было так жарко, что даже сад не помогал. Я нашла убежище и свежесть в гроте у павильона...

Она остановилась, но не сводила глаз с управляющего и отчетливо заметила, как слегка

сжались его узкие губы. С напускным равнодушием, но четко выговаривая каждое слово, она продолжала:

— Я увидела, что настенная драпировка в одном мелете сдвинута и из-за нее тянет сквозняком. За ней оказалось отверстие, которое она замаскировала. Не будь я любопытной — я не была бы женщиной, и я пошла по этому проходу, а выйдя из него, обнаружила остатки какой — то сгоревшей постройки.

Она сознательно не упомянула статую, но теперь — она была уверена в этом — Маттео побледнел под загаром.

С внезапно помрачневшими глазами он пробормотал:

— Я понял! Осмелюсь доложить вашей милости: князю будет неприятно узнать, что вы обнаружили маленький храм.

Это запретное для вас место, и госпоже лучше было бы...

— Я могу сама судить, что предпочтительней для меня, синьор Дамиани. Если я обращаюсь к вам, то, без сомнения, только потому, что не хочу обращаться с этим вопросом к моему супругу, тем более что он неприятен для него. Но вы... вы должны ответить мне.

— Почему это должен? — дерзко воскликнул управляющий, теряя власть над собой.

— Потому что я — княгиня Сант'Анна, хотите вы этого или нет, нравится вам это или нет!..

— Я не хотел сказать...

— Будьте хотя бы настолько учтивы, чтобы не прерывать меня. Запомните: когда я задаю вопрос — я жду на него ответ. И все мои слуги знают это, — добавила она, умышленно делая ударение на слове «слуги». — Вам остается привыкнуть к этому. К тому же я не вижу особых причин, которые могли бы помешать вам ответить. Если это место должно храниться в тайне, если оно вызывает у вашего хозяина мрачные воспоминания, почему вы не заделали проход?

— Монсеньор не давал такой приказ.

— А вы ничего и никогда не делаете без его приказа? — с иронией сказала она.

Он напрягся, но тут же овладел собой. Его ледяной взгляд впился в глаза молодой женщины.

— Хорошо! Я к услугам вашей милости.

Довольная победой, Марианна позволила себе роскошь улыбнуться ему.

— Благодарю вас. Итак, просто расскажите мне, чем был этот «маленький храм»... и особенно, кто была женщина, чья статуя, великолепная и изумительная, стоит среди руин. И не говорите, что это античная реликвия, ибо я вам не поверю.

— Зачем мне лгать? Это статуя донны Люсинды, госпожа, бабушки нашего князя.

— Не слишком ли ее внешний вид... нескромен для бабушки? У нас, во Франции, вряд ли встретишь подобное...

— Зато встретишь сестер императора! — воскликнул он. — Разве княгиня Боргезе не заставила

резец Кановы обессмертит в мраморе ее красоту? Донна Люсинда поступила в свое время так же. Вы не представляете себе, какова была ее красота! Нечто пугающее, невыносимое. И она с дьявольским искусством использовала ее. Я видел мужчин, ползавших у ее ног, терявших разум, сводивших ради нее счеты с жизнью... тогда даже, когда ей было далеко за сорок пять! Но она была во власти дьявола!

Словно прорвавший плотину поток, Маттео теперь говорил, говорил, будто не мог уже остановиться, и Марианна, на время забыв свою неприязнь к нему, слушала как зачарованная. Она только легко прошептала:

— Вы знали ее?

Он утвердительно кивнул, но слегка отвернулся, смущенный пристальным взглядом молодой женщины, затем добавил с гневом:

— Мне было восемнадцать лет, когда княгиня умерла... сгорела, живьем сгорела в этом храме, который она, одержимая безумием, велела воздвигнуть в свою честь. Она в нем принимала своих любовников, выбиравшихся почти всегда среди крестьян, горцев или моряков, потому что для нее главным было только любовное исступление.

— Но... почему среди простого народа?

С внезапной горячностью он повернулся к Марианне с опущенной головой, как готовый напасть бык, и она содрогнулась, ожидая вспышку адского пламени, которое — она догадывалась — должна была зажечь Люсинда.

— Потому что она могла после этого заставить их бесследно исчезнуть. Равных себе, тех, кто ей тоже нравился, она, конечно, оставляла в живых, уверенная в их покорности, в рабстве, в которое она их вовлекала и без которого они отказывались жить. Но сколько молодых людей исчезло, не оставив ни малейшего следа после того, как отдали в ночь любви весь жар этой ненасытной волчице?.. Никто... нет, никто не может представить себе, что это была за женщина. Она умела пробуждать худшие инстинкты, самые низменные страсти, и ей нравилось, когда смерть становилась завершением любви. Может быть, легенда и имеет свое основание...

— Легенда?

— Говорят, что ее неувядаемая красота была результатом заключенного с дьяволом договора. Как-то вечером, когда она с беспокойством разглядывала свое изображение, в одном из зеркал появился одетый в черное красивый малый и предложил в обмен на ее душу тридцать лет неувядаемой красоты, тридцать лет наслаждений и безграничной власти над мужчинами. Говорят, что она согласилась, но осталась в дураках, ибо тридцать лет еще не прошли, когда однажды утром слуги, войдя в ее комнату, обнаружили кишачий червями труп хозяйки.

Увидев, что Марианна вскочила с криком отвращения, он добавил с презрительной улыбкой:

— Это только легенда, госпожа! В действительности все было иначе, раз, как я уже вам говорил, донна Люсинда сгорела в охватившем храм пожаре... пожаре, который она зажгла своими собственными руками в ту ночь, когда обнаружила морщинку в углу рта. И вы, без сомнения, спросите меня, княгиня, почему она выбрала такую ужасную смерть?

На это я отвечаю: она не хотела, чтобы ее восхитительное тело, которым она так дорожила, медленно распадалось в земле, познало ужас тления. Она предпочла уничтожить его в огне!

Это была ужасная ночь! Пламя гудело, и его языки были видны так далеко, что повергнутые в трепет крестьяне утверждали, что это само адское пламя разверзлось перед ней... Я еще слышал ее предсмертный крик... захлебывающийся вой волчицы!.. Но я уверен, что она полностью не исчезла! Она еще живет!..

— Что вы хотите сказать? — воскликнула Марианна, пытаясь унять охвативший ее ужас.

Маттео взглянул на нее лихорадочно горящими глазами. Он криво улыбнулся, показав крепкие желтоватые зубы, и таинственным тоном, с какой-то колдовской силой продолжал:

— Что она всегда бродит по этому дому... в саду... в вашей комнате, где она разгуливает обнаженной, чтобы без помех сравнивать в зеркалах свою красоту с красотой статуи, которую она установила... Она навлекла проклятие на этот дом, и она заботится о нем, ибо в нем заключена ее месть. И вы не сможете ей воспрепятствовать!

Внезапно он сменил тон и осведомился с почти заискивающим видом:

— Не желает ли госпожа княгиня узнать еще что-нибудь?

Усилив воли Марианна разорвала навеянные управляющим колдовские чары. Она сильно покраснела под его дерзко ощупывающим ее, пронзительным взглядом и решила ответить ударом на удар. С надменной усмешкой она отпарировала:

— Да. Были ли вы тоже любовником этой женщины, раз она так любила простонародье?

Он даже не задумался и с наивным торжеством бросил:

— Конечно... да, госпожа, и поверьте, я никогда не смогу забыть часы, которыми я обязан ей!

Чувствуя, что она уже не в состоянии сдерживать возмущение, Марианна предпочла показать жестом, что больше не нуждается в нем. Но, оставшись одна, она буквально рухнула в кресло и долго сидела неподвижно, тщетно пытаясь усмирить охватившую ее панику. Вся прелесть этого имения, где еще недавно она наконец обрела покой и радость, казалась ей теперь испорченной, растоптанной, оскверненной памятью демонической женщины, до такой степени наложившей на него свой отпечаток. Вызвав в памяти темный силуэт всадника, пронесшегося этой ночью на Ильдериме, этот образ естественного благородства, представленный человеком и животным, она почувствовала, как ее охватывает сострадание, ибо у нее создалось впечатление, что между князем и тяготеющим над ним проклятием шла непрерывная, бесплодная борьба. И ей пришлось призвать на помощь весь свой здравый смысл, чтобы немедленно не потребовать свой багаж, карету и, не задерживаясь, уехать во Францию. Теперь ей всюду, даже в шуме фонтанов, чудилась угроза.

Но оставался еще кардинал, которого она обещала дожидаться, и странное обещание, данное Маттео тени Люсинды. Она хотела узнать, в чем заключается это обещание, и при необходимости вмешаться. Может быть, это поможет наконец изгнать демона, привязавшегося к дому Сант'Анна? Ее блуждающий взгляд случайно остановился на фамильном гербе, вышитом на спинке одного из кресел, и ей открылась его странная символика. Гадюка и единорог! Безмолвное, как смерть, ядовитое пресмыкающееся — и сияющее белизной сказочное создание... Необходимо завершить эту борьбу, прежде чем ее ребенок появится на свет, ибо она не хотела, чтобы он жил в мире Люсинды. Материнский инстинкт пробудился в ней, неистово отмечая малейшую тень над будущим, и ради этого необходимо, чтобы она, Марианна, покончила с демонами. Сегодня вечером она постарается распутать нити, еще связывающие Маттео с проклятой покойницей, даже если ради этого ей придется рискнуть

жизнью. После чего, чувствуя себя свободной от обязательств перед невидимым мужем, она поступит так, как ей подскажет совесть.

Но, когда ночь снова окутала виллу и парк, героические проекты Марианны потускнели перед самым обыкновенным страхом, подобного которому она еще никогда не испытывала, перед боязнью темноты, таящей неведомую опасность.

Одна мысль о возвращении на мрачную прогалину теперь, когда она знала, что увидит там дьявольскую статую, вызвала у нее озноб. Никогда еще ей не было так страшно, даже после побега Франсиса Кранмера, ибо тот был всего лишь человеком, тогда как Люсинда воплощала в себе невидимое и непостижимое потустороннее.

Она так боялась встретить управляющего, что большую часть дня провела у себя взаперти. Только после полудня, увидев его идущим к большой дороге, она отправилась на конюшню и там долго осматривала Ильдерима, словно хотела найти на прекрасном жеребце ключ к загадке его хозяина. Но на волнующий ее вопрос ответа не нашлось. Она больше не расспрашивала Ринальдо, удивленно следившего за долгим свиданием княгини с чистокровным красавцем, не желая привести в замешательство, безусловно, преданного своему хозяину слугу.

Вернувшись к себе, Марианна стала ждать наступления ночи, терзаясь нерешительностью. Раздраженное любопытство толкало ее вернуться туда, к развалинам кощунственного храма, но то, что Маттео рассказал ей о Люсинде, вызывало у нее непреодолимое отвращение, и она в равной мере боялась увидеть как бесстыдную статую, так и ее фанатичного служителя.

Она наскоро поужинала, подождала, пока женщины приготовят постель, но не легла. Ее роскошная комната и пышная кровать внушали ей теперь страх. У нее перед глазами все еще стояла статуя, и она не решалась взглянуть на зеркала из боязни увидеть там призрак дьявольской венецианки. Несмотря на неослабевавшую жару, она плотно закрыла окна и опустила занавеси, чувствуя детский страх, над которым она в глубине души иронизировала, но ничего не могла поделать. Разумеется, она не обошла вниманием подвижную панель и соорудила возле нее целую баррикаду из столов, стульев, затем нескольких металлических предметов вроде тяжелых шандалов, так что любая попытка открыть ее вызвала бы невероятный шум.

Перед тем как отпустить Агату и донну Лавинию, она попросила последнюю прислать к ней Гракха. Ей пришлось в голову устроить юного кучера на матрасе в узком коридорчике, соединявшем ее комнату с комнатой Агаты, но, ничего не зная о мучительных сомнениях хозяйки, Гракх отправился провести вечер к жившему на соседней ферме Ринальдо, с которым он подружился. Значит, придется одной бороться со страхом, тем страхом, который сто раз за день уговаривал ее позвонить и приказать закладывать карету. Воля ее оказалась сильнее его, но теперь предстояло провести ночь, как ей казалось, полную опасностей. Несколько часов, отделявших ее от восхода солнца, покажутся вечностью.

«Лучше всего было бы уснуть, уснуть крепким сном, — сказала она себе, — и избавиться от искушения вернуться к развалинам...»

Для этого она попросила донну Лавинию приготовить напиток, так благотворно подействовавший на нее в первую, ночь, но, вместо того чтобы выпить, она поставила его на столик у изголовья. А вдруг она заснет так крепко, что не услышит шума нагроможденных у панели предметов?., нет, даже если эта ночь станет кошмаром, надо ее выдержать полностью и с трезвой головой.

С тяжелым вздохом она положила около кровати оба пистолета, взяла книгу, легла и попыталась читать. Это был роман Шатобриана, очень трогательный, повествующий о любви двух юных индейцев Шактаса и, Аталы. До сих пор Марианна получала большое удовольствие от чтения этого романа, но сегодня ее мысли витали не на берегах Месшасебе, а около той прогалины, где должно было произойти одному Богу известно что. Вкрадчиво и коварно возвращаясь, прежнее любопытство мало-помалу овладевало ею. В конце концов Марианна отбросила книгу.

— Это невозможно! — громко воскликнула она. — Если так будет продолжаться, я сойду с ума.

И, протянув руку, она схватила сонетку от звонка в комнате Агаты и потянула несколько раз. Она решила попросить девушку провести с ней эту ночь. Вдвоем ей легче будет бороться как со страхом, так и с желанием выйти, да и постоянно испуганная Агата рада будет остаться возле хозяйки. Но и повторные звонки оказались безрезультатными.

Решив, что девушка, возможно, приняла микстуру донны Лавинии, Марианна встала, накинула батистовый пеньюар и, сунув ноги в домашние туфли, направилась к комнате Агаты. Она легонько постучала в дверь, из-под которой пробивался свет, и, не получив ответа, повернула ручку и открыла. Комната была пуста.

На столике у изголовья горела свеча, но в кровати никого не было, только покрывала свисали на пол, как если бы, вставая, маленькая камеристка потащила их за собой. Обеспокоенная Марианна подняла глаза к висевшему над кроватью колокольчику, сообщавшемуся шнуром с ее комнатой. У нее вырвался возмущенный возглас: обмотанный тряпкой колокольчик не мог издать ни единого звука. Ну, это уже слишком!

Мало того, что Агата ушла ночью, но у нее еще хватило наглости заглушить колокольчик. Впрочем, куда она могла пойти? На свидание с кем? Не с Гракхом, он у Ринальдо... вряд ли с кем-нибудь из слуг, ибо Агата ни с кем не водилась и, если не была со своей хозяйкой, старалась держаться около донны Лавинии, единственной, к кому она питала доверие в этом доме. Что касается...

Марианна уже направилась к себе, но остановилась, вернулась к кровати и стала задумчиво разглядывать странное положение покрывал. Они могли упасть так, если бы девушку стащили с кровати. Вставая, она не сделала бы такой беспорядок. Напротив, когда уносят неподвижное тело... У Марианны вдруг сжалось сердце. Ужасная мысль пришла ей в голову. Этот онемевший колокольчик, стянутые покрывала, еще горящая свеча... а также пустая чашка у изголовья с характерным запахом знакомой настойки, к которому примешивался другой, более тонкий! Агата ушла не по своей воле. Ее унесли! И Марианна боялась догадаться, кто это сделал.

Всю ее нерешительность как ветром сдуло, так же как и гнетущий страх, не отпускавший ее весь вечер. Она бегом вернулась в свою комнату, с лихорадочной быстротой разобрала закрывавшую панель баррикаду, плотно подпоясалась поверх пеньюара каким-то шарфом, взяла свечу и пистолеты — один за пояс, другой в руку — и направилась по той же дороге, что и утром. Но на этот раз она преодолела ее гораздо быстрее, возбужденная негодованием, заглушавшим инстинкт самосохранения и элементарную осторожность. Ей не пришлось тушить свечу в конце лестницы, ее задул ветер. Он сильно разгулялся с наступлением ночи, но за плотно закрытыми окнами она не ощущала этого. Стало также значительно прохладнее. С наслаждением вдыхая свежий воздух, она подумала, что вскоре может пойти дождь. Полная луна заливала все своим светом, но по небу стремительно неслись облака, временами закрывая серебряный диск. Томительная тишина исчезла. Весь парк шумел бесчисленной листвой, поскрипывая ветвями.

Марианна решительно углубилась в грот, пройдя его одним духом, но в тоннеле под холмом умерила шаг, чтобы не обнаружить себя. Там, в прогалине, показался красный свет. Из-за сквозняка в тоннеле было просто холодно, и, охваченная дрожью, Марианна плотно укутала грудь тонким батистом пеньюара. При приближении к выходу сердце у нее забило быстрее, но она уверенно сжала оружие в руке, припала к скале и осторожно выглянула наружу. Впечатление было такое, словно время изменило свой ход, и она внезапно оказалась не в наполеоновской эре, полной грохота, ярости, славы и бурлящей жизни, а в самом глубоком, самом мрачном средневековье.

У ног статуи, освещенной пламенем двухпудовых свечей из черного воска и двух сосудов, испускавших едкий дым и странный красный свет, на развалинах было устроено нечто вроде алтаря. На нем лежала обнаженная женщина, очевидно, без сознания, ибо она оставалась совершенно неподвижной, хотя и не была связана. На ее животе, на небольшой дощечке стояла ваза, напоминавшая церковную чашу. С изумлением и ужасом Марианна узнала Агату. Она затаила дыхание, настолько глубокая тишина царила здесь. Ей показалось, что малейший шорох может вызвать катастрофу.

Перед неподвижной девушкой стоял на коленях Маттео, но такой Маттео, которого Марианна едва узнала. На нем был широко открытый на груди длинный черный стихарь, расшитый странными знаками. Золотой обруч стягивал его пепельные волосы. Теперь это был не молчаливый управляющий князя, а жрец, готовящийся совершить обряд самого кощунственного и самого древнего культа, идущего из глубин веков. Он вдруг начал читать на латыни молитвы, содержание которых не оставило у Марианны ни малейшего сомнения в том, что он собирался делать.

«Черная месса!» — с ужасом подумала она, переводя взгляд с коленопреклоненного Маттео на статую, казавшуюся при подобном мрачном освещении залитой кровью. Когда-то в Селтоне, роясь на полках библиотеки, она нашла запыленную старинную книгу с описанием потрясшей ее омерзительной церемонии. Без сомнения, когда он закончит свою святотатственную молитву, Маттео принесет своей богине, занявшей тут место самого сатаны, избранную жертву. Это значит, что он овладеет ею, а затем окропит ее тело кровью только что зарезанного животного или даже человека, подтверждением чему являлся длинный нож с мрачно сверкавшим лезвием, лежавший у ног Люсинды. Если только он не зарежет несчастную Агату, что было вполне вероятно, ибо никаких других признаков жизни в прогалине не замечалось.

Сейчас Маттео, безусловно, находился в трансе. Произносимые им слова стали неразборчивыми и походили на какое-то отвратительное жужжание, вызвавшее у Марианны гадливость. Расширившимися от страха глазами она смотрела, как он отставляет в сторону вазу, покрывает поцелуями тело бессознательной девушки и хватает нож. У Марианны помутилось в глазах, но каким-то чудом она тут же овладела собой. Выйдя из укрытия, она сделала несколько шагов, подняла руку, хладнокровно прицелилась и нажала курок.

Оглушающе прогремел выстрел... Маттео вскочил, уронил нож и блуждающим взглядом огляделся вокруг себя.

Он не был ранен, так как Марианна целилась в статую, но он испустил ужасный вопль, заметив, что у Люсинды исчез подбородок. Обезумев, он бросился к ней, но ледяной голос Марианны заставил его остановиться.

— Стойте, Маттео, — сказала она, отбросив ставший бесполезным пистолет и доставая из — за пояса другой. — Я могла бы убить вас, но мне не хочется лишиться вашего хозяина такого

верного слуги. Тем не менее, если вы не послушаетесь, вторая пуля предназначена вам. И вы могли убедиться, что я всегда попадаю в цель. Я изуродовала вашу дьяволицу, следующая пуля найдет вас. Возьмите Агату и отнесите в ее комнату. Это приказ, повторять не буду! — И она угрожающе повела дулом пистолета в его сторону.

Но смысл сказанных ею слов, похоже, не дошел до него. С безумными глазами и перекошенным ртом он полз на четвереньках по развалинам, пытаясь встать. Острые камни и колючки кустарника оставляли его совершенно бесчувственным. Он действительно казался жертвой чудовищного транса, и, по мере того как он приближался, Марианне становилось все более жутко при мысли о том, что ей придется сделать, чтобы защититься от этого человека, силы которого, очевидно, удесятерились: стрелять в упор!

— Остановитесь! — крикнула она. — Назад... вы слышите?.. Назад!

Но он не слышал ее. Ему удалось встать, и он приближался с протянутыми руками, с пугающим взглядом лунатика. Марианна невольно отступила на шаг, другой... Она никак не могла решиться выстрелить. Словно какая-то сила, более могущественная, чем ее воля, парализовала ей руку.

Может быть, ее ошеломил ужас и сам Маттео, с конвульсивно подергивающимся лицом, черным одеянием и сбитыми до крови руками похожий на извергнутого преисподней демона. Марианна чувствовала, что силы покидают ее. Она еще отступила, пытаясь нащупать свободной рукой вход в тоннель, но, очевидно, она отклонилась в сторону, и сзади были только трава и листья. Может быть, ей удастся спрятаться в зарослях?.. Но вдруг нога ее за что-то зацепилась, и она упала. А Маттео был все ближе и ближе, он казался гигантом, нависшим над ней. При падении пистолет выпал из руки Марианны, и она поняла, что погибла.

Она хотела крикнуть, но крик замер в ее горле. Послышался подобный раскатам грома грохот, и с другой стороны прогалины, из зарослей, появилось фантастическое видение.

Большая белая лошадь, несущая черного всадника, который с поднятым хлыстом обрушился на Маттео и показался молодой женщине сказочным великаном. Его облик вызвал у нее крик ужаса. Прежде чем упасть в обморок, она успела заметить под шляпой плоское лицо, белесое и неподвижное, на котором черными дырами сверкали глаза, а ниже — что-то бесформенное, прятавшееся в складках просторного плаща. Это было оседлавшее Ильдерима привидение, возникший из мрака призрак, спешивший на помощь к ней... От ужаса застонав, она потеряла сознание.

Марианна так никогда и не узнала, сколько времени она провела в беспамятстве. Когда она открыла глаза с ощущением избавления от бесконечного кошмара, она увидела, что лежит на кровати в своей комнате, и ей, еще сонной, показалось, будто действительно все это приснилось. Снаружи доносился шум ветра, но больше ничего не было слышно. Конечно, это был только сон: комната Агаты, прогалина, борьба с безумным Маттео, ужасный всадник на Ильдериме, — и она почувствовала глубокое облегчение. Все это было настолько невероятным! Очевидно, ее мозг слишком возбудился, если смог представить столь отвратительную сцену!

В этот час Агата должна еще мирно спать в своей постели, не ведая о той роли, которую она сыграла в ночной фантазии ее хозяйки.

Чтобы окончательно прийти в себя, Марианна хотела встать и освежить лицо водой. Но, отбросив покрывало, она увидела, что лежит обнаженная среди разбросанных неведомой рукой ароматных цветов жасмина...

Значит, это был не сон, все оказалось явью: прогалина, черная месса, выстрел из пистолета, ярость Маттео и, наконец, вмешательство ужасного всадника...

Вспоминая это, она ощутила, как волосы встают дыбом у нее на голове, а по всему телу бегут мурашки... Неужели все же он принес ее сюда? Это не мог быть Маттео... Маттео хотел убить ее, и она еще успела увидеть, как он упал под ударом хлыста всадника... Тогда — это князь принес ее... раздел... уложил в кровать... осыпал пахучими цветами полностью отданное ему бесчувственное тело... может быть, и... нет, подобное невозможно?.. К тому же как он мог это сделать, если, по его словам, подтвержденным кардиналом, ни за что не хотел, чтобы его брак стал реальностью... Однако, отчаянно пытаясь пробиться сквозь окутавший ее сознание во время беспамятства туман, ей показалось, что она ощущала поцелуи и ласки...

Панический ужас сорвал Марианну с постели. Ей хотелось бежать, любой ценой бежать и немедленно покинуть этот дом, где ей грозило безумие, где отъезд крестного оставил ее беззащитной перед всеми опасностями жилища, населенного людьми, для которых тайны были хлебом насущным. Она хотела снова встретить чистое небо, солнце и мирные пейзажи Франции, может быть, менее романтичные, но гораздо более спокойные, тишину ее уютного особняка на Лилльской улице, веселые глаза Аркадиуса и даже — даже это ей казалось чудесным — неистовую ярость Наполеона, все, вплоть до угрозы со стороны Франсиса Кранмера, которая неизбежно нависнет над ней при возвращении домой! Да, лучше это, чем извращенная, чувственная атмосфера, в которой она задыхалась и против которой восставала ее жизнерадостная молодость!

Даже не подумав одеться, она снова побежала к Агате, с радостью убедилась, что девушка тоже возвращена в свою постель, и не стала даром терять времени. Кто ее принес, что случилось с Маттео — это сейчас не занимало молодую женщину.

С рожденной страхом силой она так энергично встряхнула девушку, что та пробудилась. Но, поскольку Агата, видимо, еще под действием снотворного, никак не могла прийти в себя и полными сна глазами таращилась на нее, Марианна схватила с туалетного столика кувшин с водой и выплеснула его содержимое в лицо Агате, которая вздрогнула, задохнулась... но в конце концов полностью проснулась.

— Наконец! — воскликнула Марианна. — Вставайте, Агата, и торопитесь! Надо упаковать багаж, разбудить Гракха, сказать ему, чтобы он сейчас же закладывал лошадей, срочно!

— Но... то... госпожа... — забормотала девушка, изумленная необычным способом пробуждения среди ночи и видом хозяйки, единственным одеянием которой были распушенные волосы, — госпожа, разве мы уезжаем?

— Сейчас же! Я хочу встретить восход солнца в пути!

Ну-ка, вставайте, да поживей!

Пока промокшая Агата выбиралась из постели, охваченная жаждой деятельности Марианна побежала в свою комнату, опорожнила сундуки и шкафы, вытащила вещи из небольшого чуланчика рядом с ванной и начала укладываться без всякого порядка. Когда несколько минут спустя появилась горничная, сухая и одетая, она нашла свою хозяйку среди невообразимого разора. При виде этого зрелища Агата на ходу подхватила пеньюар и накинула его на плечи Марианны, до сих пор не обратившей внимания на свою наготу.

— Госпожа простудится, — заметила она укоризненным тоном, но не решилась спросить о чем-нибудь.

— Спасибо. Теперь помоги мне привести все это в порядок... или нет, лучше пойдй разбуди Гракха, а затем... нет, я сама пойду!

— Об этом не может быть и речи! — возмутилась Агата. — Госпожа спокойно оденется, пока я пойду за Гракхом. Как можно идти в людскую босиком, в одном пеньюаре! Я скажу донне Лавинии, чтобы она пришла помочь.

Агата едва успела выйти, как, к изумлению Марианны, появилась экономка, тщательно одетая, словно она этой ночью и не ложилась в постель. Может быть, ее разбудил поднятый хозяйкой шум, но она не была удивлена, найдя молодую женщину среди саквояжей и разбросанных вещей.

Она сделала реверанс так же безупречно и спокойно, словно сейчас было восемь или десять часов утра.

— Ваша милость покидает нас? — спросила она только.

— Да, донна Лавиния! И я замечаю, что это вас не особенно удивляет.

Голубые глаза экономки с участием остановились на раскрасневшемся лице Марианны. Она печально улыбнулась.

— С тех пор как господин кардинал покинул нас, я боялась, что это произойдет... Оставшись здесь одна, госпожа не могла не пробудить темные силы, которые еще правят в этой обители. Она хотела слишком много знать... и ее красота из тех, что порождают драмы. Не во зло будь ей сказано, я счастлива, что госпожа уезжает. Так будет лучше для всех.

— Что вы хотите сказать? — спросила Марианна, нахмутив брови, ибо спокойствие Лавинии удивило ее.

Похоже, что экономка уже знала о событиях сегодняшней ночи.

— Что монсеньор, только что вернувшись, заперся у себя с отцом Амунди, которого он срочно потребовал... что Маттео Дамиани заперт в подвале... и что молния ударила за холмом у грота, ибо я сама видела там ослепительный свет и слышала грохот обвала. Для госпожи сейчас лучше будет уехать. Когда она вернется...

— Я не вернусь никогда! — сказала Марианна непримиримым тоном, который не произвел особого впечатления на донну Лавинию.

Она только улыбнулась.

— Придется! Разве госпожа не взяла на себя обязательства? Когда она вернется, к тому времени дела пойдут иначе. Я... я верю, что нечего будет больше бояться... Князь...

— Я видела его! — оборвала ее Марианна. — Он ужасен! Я подумала, что вижу призрак! Он так напугал меня... Это гипсовое лицо...

— Нет, — мягко поправила ее Лавиния, — простая маска, маска из белой кожи. Не надо таить зла против него.

Он более чем когда-либо заслуживает сожаления, ибо этой ночью он ужасно страдал... Я упакую чемоданы.

Чувствуя себя озадаченной, Марианна наблюдала, как она взад-вперед ходила по просторной комнате, складывая платья и белье, упаковывала в коробки обувь — и все это ловко укладывала в открытые сундуки и саквояжи. Когда она хотела положить туда же шкатулки с драгоценностями, Марианна вмешалась:

— Нет, не надо, я не хочу их увозить!

— Именно надо! Неужели вы хотите привести нашего хозяина в еще большее отчаяние? Он будет этим сильно оскорблен и подумает, что ваша милость считает его ответственным за все и сердится на него.

Она не сказала, за что именно! С обескураженным видом Марианна показала, что она согласна.

Она уже не знала, что и думать. Ей даже стало немного стыдно из-за охватившей ее паники, но она не могла найти в себе силы отменить свой приказ и остаться здесь еще на некоторое время. Нет, она должна уехать!

Находясь вне этого беспокойного обиталища, она сможет обо всем спокойно поразмыслить, поставить, как говорится, точки над *i*, но в данный момент оставаться здесь было бы неразумно. Она сможет избежать угрозы сойти с ума, только когда между ней и виллой Сант'Анна проляжет длинная лента дороги, которая позволит ей задуматься над событиями этой ночи, не опасаясь за свой разум. Ей просто необходимо удалиться от всадника на Ильдериме.

Когда она наконец была готова, багаж упакован и от входа донесся шум остановившейся кареты, она обратилась к донне Лавинии:

— Я обещала крестному дождаться его, однако уезжаю.

— Пусть это не тревожит вас, княгиня, я скажу ему... или, скорее, и князь, и я — мы расскажем ему все!

— Сообщите ему также, что я возвращаюсь в Париж, что я ему напишу сюда, поскольку я не знаю, куда он потом поедет. Скажите ему наконец, что я этого не хотела, и я знаю, что он желал мне только добра.

Когда она наконец села в карету, предрассветный туман окутывал парк, придавая ему удивительную нереальность.

Ночной ветер утих. Стало пасмурно, сыро. Погода явно менялась. В любую минуту мог пойти дождь, но Марианна, расположившись с Агатой в глубине кареты, чувствовала теперь себя в укрытии, защищенной от всех зловещих чар, подлинных или вымышленных, скрытых в прекрасном поместье. Она возвращалась домой, к тем, кого она любила.

Ничто больше не могло ей угрожать.

Щелкнул бич... карета тронулась под звяканье мундштуков и легкое поскрипывание рессор. Песок аллеи шуршал под колесами. Лошади пошли рысью. Марианна прижалась щекой к холодной коже обивки и закрыла глаза. Ее измученное сердце успокоилось, но она внезапно почувствовала смертельную усталость.

В то время как тяжелая берлина углубилась в утренний туман, чтобы начать длинную дорогу к

Парижу, она задумалась над нелепостью и жестокостью ее участи, обречшей ее на эти непрерывные скитания в поисках если не возможного счастья, то хотя бы тихого убежища. Она приехала сюда, бежав от недостойного и преступного мужа, она приехала матерью, не будучи супругой, чтобы ребенок, которого зачала в ней любовь императора, мог жить с высоко поднятой головой, и она, наконец, приехала с невысказанной надеждой навсегда отвести нависшую над ней и ее жизнью угрозу. Она возвращается богатой, наделенная княжеским титулом, знатным именем, с безупречной отныне честью, но в ее опустошенном сердце не было больше ни иллюзий, ни нежности. Она возвращается, но к чему? К жалким крохам любви, которые сможет предложить ей супруг Марии-Луизы, к темной угрозе мстительной ненависти Франсиса Кранмера, к грустному одиночеству, ибо ей в будущем надлежит строго соблюдать приличия, раз Язон не смог... или не захотел приехать. В конечном счете в конце дороги ее ожидало только старое жилище с портретом и верным другом, будущий ребенок и перспективы, которые она совершенно не могла себе представить.

Снова неизвестность.